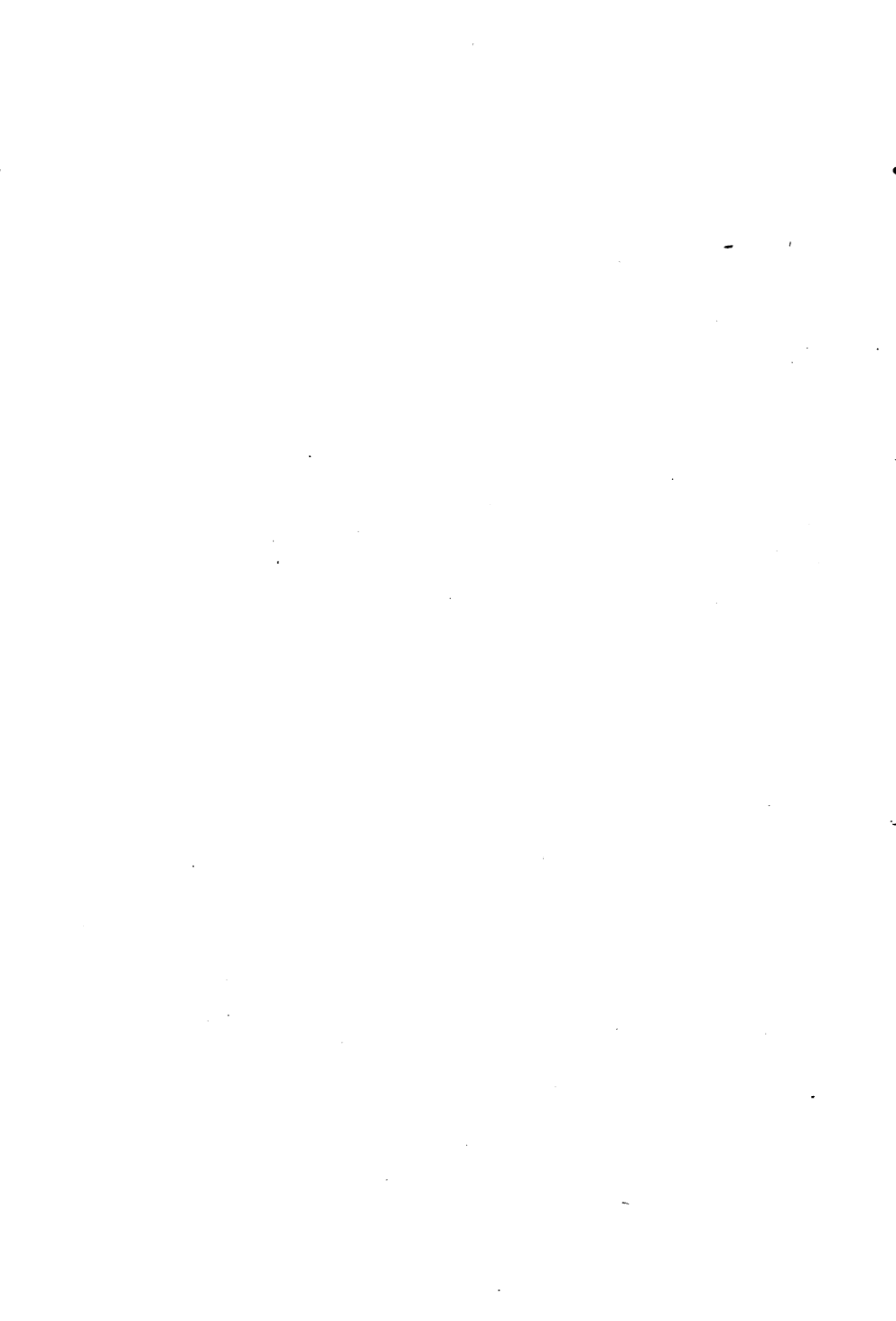

ΠΡΟΜΕΤΕΕΒΟ ΠΟΤΟΜСТВО

I-1
11-146.

Prometeewo potomstvo

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО

РОМАНЪ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗІИ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Д. Л. МОРДОВЦЕВА

Mordovtseva, D. L.
"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная площ., 2
1897

6137359X

Романъ этотъ первоначально печатался въ „Наблюдатель“ 1896 г.

~~XLO
18647~~

PG 3467

M8 P76

1897

MAIN

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

117 000

I

Въ ясную лунную ночь 2-го мая 1808 года, между разбросанными по склону горы саклями аула Соуксу, любимой резиденціи владѣтелей независимой Абхазіи, по извиистой горной тропѣ шли два путника. Судя по одѣянію, это были абхазцы. Но богатые бешметы и оружіе, сверкавшее при лунномъ свѣтѣ серебромъ и дорогими каменьями, изобличали въ нихъ особъ высокаго званія. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, судя по сѣдымъ длиннымъ усамъ; однако и стройный, гибкій станъ, и юношеская легкость походки показывали, что сѣдое дитя горъ и дивной южной природы еще незнакомо съ приступами ебидной старости. Другой былъ высокій, широкоплечій, съ перетянутой въ рюмочку таліей, молодой челоуѣкъ. Повади ихъ, въ почтительномъ отдаленіи, слѣдовали двѣ тѣни. То были ихъ нукеры.

Весенняя южная ночь дышала чудной красотой. Внизу, на гладкой поверхности моря, тянулась широкая серебристая полоса луннаго свѣта и упиралась въ самый берегъ, отъ котораго доносился легкій метрическій говоръ моря, строго-размѣренно набѣгавшаго на пологій берегъ и мелодично шуршавшаго его отполированными гальками. Отъ полуразрушенныхъ каменныхъ стѣнъ древняго монастыря, темнымъ остовомъ высившагося надъ Соуксу и

его сѣрыми саклями, и отъ этихъ саклей, и стѣ укрѣпленій спящаго аула, и отъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей и иглоподобныхъ кипарисовъ на кладбищѣ аула ложились черныя тѣни, точно ножемъ отрѣзанныя отъ освѣщенныхъ луною горъ, а среди нихъ, то тамъ, то здѣсь, теплились фосфорическимъ блескомъ свѣтящіяся червячки. Съ горъ по временамъ доносился однообразный, какъ бы плачущій, крикъ ночной птицы, да мѣрно журчала черная рѣчка Соуксу, скатываясь къ морю по ровному каменистому ложу.

— Я радъ, что Арсланъ, наконецъ, исправился,—заговорилъ старикъ, прерывая молчаніе.— Хвала Аллаху!

— Да, отецъ, много онъ причинилъ намъ горя своимъ неповиновеніемъ и злобой, — сказалъ въ свою очередь молодой спутникъ.

— Ну, мой милый Баталь, забудемъ старое: пусть оно покроется пепломъ забвенія... Теперь я спокойно могу управлять своимъ народомъ, не боясь нашествія не кубанцевъ, ни турокъ. Въ союзъ съ Россіей Абхазія не страшна и самъ падишахъ. Посмотри, какъ храбрые слуги Бѣлаго царя урѣзываютъ поля бешметовъ и въ Турціи, и у Персіи. Я еще помню, когда Крымъ былъ подъ властною пятою падишаха. А теперь Крымъ—баштанъ Бѣлаго царя. Изъ Крыма къ берегамъ нашей дорогой Абхазіи плывутъ корабль за кораблемъ, и уже на мачтахъ у нихъ не полумѣсяцъ треплется на полотнищахъ, а оттуда глядитъ наша горная птица — орелъ, да еще съ двумя годовами.

— Да, отецъ: одну отрубилъ, другая останется, — улыбнулся тотъ, кого старикъ назвалъ Баталомъ.

— Скоро, пожалуй, и Анану эта птица заклюетъ, —

продолжалъ старикъ.—Да и Поти, думаю, скоро прикроютъ урусы своею шапкой, а то, чего добраго, и нашъ кунакъ, Кучукъ-бей, самъ протянетъ руку за этой шапкой да за желтыми кругляками. Вотъ у падишаха и съ этой стороны будутъ отрѣзаны помы бешмета. А Персія? Развѣ съ Баба-хана, повелителя Ирана, урусы не снимаютъ съ ногъ чуваки? Какъ ни реви его левъ, а съ двухголовой птицей ему не справиться:—она высоко летаетъ и смѣло смотритъ на солнце. А у Бѣлаго царя, говорятъ, и солнце никогда не заходитъ.

— Какъ такъ, отецъ? — удивился Баталь.—Какъ не заходитъ солнце?

— Такъ и не заходитъ, мой милый Баталь: у Бѣлаго царя столько земли, что когда онъ въ Петербургѣ ночью ложится спать, то за Сибирью уже встаетъ солнце, тутъ одни вечерній намазъ творять, а тамъ, другіе—утренній.

— Значитъ, у урусовъ и теперь день?

— У однихъ день, а у другихъ ночь. Теперь одни урусы видятъ мѣсяцъ вотъ этотъ, а другіе—солнце.

— Аллахъ, Аллахъ! — съ удивленіемъ воскликнулъ Баталь.

— Вонъ и Наполеонъ ничего не могъ сдѣлать Бѣлому царю,—продолжалъ старикъ:—пришелъ, постоялъ у порога его сакли, а черезъ порогъ не посмѣлъ переступить,—двухголовая птица глаза бы ему выклевала.

Продолжая такимъ образомъ разговаривать, они подошли къ воротамъ укрѣпленія, при входѣ въ которыя стояло двое часовыхъ. При видѣ пришедшихъ, часовые отдали имъ честь и свободно пропустили ихъ въ ворота.

— Арсланъ-бей воротился? — спросилъ старикъ часового.

— Воротился, ваша свѣтлость, — былъ отвѣтъ.

Войдя въ ворота, пришедшіе повернули вправо по направленію къ длинному двухъярусному зданію, обнесенному галереями съ покатыми навѣсами. Колонны, поддерживавшія навѣсы, обвиты были дикимъ виноградомъ, на темныхъ листьяхъ котораго трепеталъ лунный свѣтъ. Въ окнахъ виднѣлись огни.

— Зачѣмъ Арсланъ ѣздилъ въ Сухумъ, отецъ? — спросилъ Баталь.

— Я посылалъ его за княземъ Бежаномъ.

— А развѣ онъ воротился изъ Мингреліи?

— Воротился, когда ты былъ въ Кодорѣ.

— А въ Поти когда ты поплешь къ Кучукъ-бею и кого?

— Арслана съ Бежаномъ. Но отчего у нихъ кони не разсѣдлавы?

Они подошли къ большому зданію и стали подниматься на галерею.

— Ни одного нукера не видать у дверей! — проворчалъ старикъ. — Куда они пропали? спать, что ли?

Онъ отворилъ дверь въ переднюю. Но въ этотъ моментъ изъ комнаты раздался выстрѣлъ, и Баталь, слѣдовавшій за отцомъ, со стономъ повалился на полъ.

— Злодѣи! кто здѣсь? — закричалъ старикъ, выхватывая изъ-за пояса кинжалъ и бросаясь впередъ.

Изъ комнаты послѣдовали четыре выстрѣла почти въ упоръ.

— Это я! — съ искаженнымъ лицомъ выступилъ впередъ худой, загорѣлый абхазецъ съ саблею наголю.

— Арсланъ! сынъ мой!—простоналъ старикъ, хватаясь за сердце.

— Да, это я—сынъ твой—только блудный сынъ! — съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчалъ злодѣй.—А вотъ тебѣ сыновній поцѣлуй!

И онъ саблею разсѣкъ черепъ старика-отца до самой переносицы.

— Алла! Алла!—въ предсмертной агоніи бормоталъ старикъ, поражаемый новыми сабельными ударами.

На шумъ и выстрѣлы изъ дальнихъ покоевъ прибѣжали двое юношей, стройныхъ какъ молодыя пальмочки, и остановились на порогѣ съ выраженіемъ ужаса на прелестныхъ лицахъ.

— Отецъ... братъ... о, Аллахъ!—бесвязно бормотали они.

— А! братцы-змѣеныши... любимчики! — со злою улыбкою посмотрѣлъ на нихъ отцеубійца. — Бей ихъ, Бежанъ! Докончимъ, друзья, и этихъ змѣенышей-мстителей...

— Пусть мстятъ на томъ свѣтѣ, — сказалъ тотъ, кого назвали Бежаномъ, и тутъ же закололъ обоихъ юношей.

— А теперъ айда! — сказалъ отцеубійца, вытирая окровавленную саблю о полы отцовскаго бешмета и торопливо вкладывая въ ножны.

И убійцы—ихъ было всего пять человѣкъ — быстро спустились съ галереи, сѣли на лошадей и спокойно выѣхали изъ воротъ укрѣпленія мимо часовыхъ, ничего не подозрѣвавшихъ и, по обязанности, отдавшихъ честь злодѣямъ.

Еще не замеръ топотъ ихъ лошадей въ отдаленіи,

какъ въ домѣ, въ которомъ совершены были четыре убійства, все поднялось на ноги въ страшномъ смятеніи: прислуга, вскочившая со сна, полураздѣтыя женщины, дѣти—все бѣжало къ мѣсту убійства.

— Аллахъ, Аллахъ!—что это!—гдѣ убійцы?—кто они?—вопили женщины.

— Арсланъ... братъ... Бежанъ Шервашидзе,—слабо простоналъ Баталь, въ которомъ еще оставались признаки жизни.

II.

Такъ погибъ отъ руки старшаго своего сына, Арсланъ-бея, престарѣлый Келешъ-бекъ, владѣтель независимой Абхазіи, происходившій изъ древняго и знаменитаго рода князей Шервашидзе.

Абхазія — это дщерь той дивной, мифической и исторической Колхиды, именемъ которой полна вся классическая древность. Это — жилище мифической богини Эось, откуда каждое утро выѣзжалъ на небо, на своей огненной колесницѣ, лучезарный Геліосъ. Тамъ, по свидѣтельству Гомера, обитала и плѣнительная, «свѣтлокудрая дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аята»; тамъ Беллерофонтъ состязался «съ равными по силѣ мужамъ амазонками»; тамъ, по словамъ Гевіода, въ его «Θεογονίῃ», «Θемида родила Океану богатую водоворотами рѣку Фазисъ» (Ρіον); тамъ хранились «лучевыя стрѣлы быстрого Геліоса въ золотыхъ покоехъ» и оттуда «божественный» Язонъ на своемъ быстроходномъ кораблѣ «Арго» привезъ «золотое руно», несмотря на всѣ козни Медеи. Тамъ — говоритъ Эсхиль въ своемъ «Прометей» — этого, прикованнаго къ горамъ Кавказа, бога «оплакивали воинственныя, неустрашимыя дѣвы Колхиды и Океаниды», пока Геркулесъ не поразилъ своею стрѣлой орла, Зевсова палача, терзавшаго печень бога, похитившаго для смертныхъ частицу небеснаго огня. Туда, по свидѣтель-

ству Геродота, заходилъ изъ Египта и Рамзесъ-Севострисъ со своими полчищами. За этотъ дивный уголокъ земного шара проливали кровь и финикіяне, и египтяне, греки и римляне, воины Митридата и генуэзскіе наемники. Теперь, въ то время, когда начинается наше повѣствованіе, этимъ благодатнымъ уголкомъ Колхиды владѣли потомки первобытныхъ, полумифическихъ колховъ — князья Шервашидзе, прямые, быть можетъ, потомки боговъ — «кознодѣя Айэта» и свѣтлокудрой сестры его, дѣвы Цирцеи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, потомкомъ кознодѣя Айэта былъ «кознодѣй» Арсланъ-бей, предательски погубившій своего отца, Келешъ-бека, и трехъ родныхъ братьевъ.

Арсланъ-бей представлялъ собою историческій, можно сказать, коллективный типъ истаго абхазца, и составлялъ гордость своей родины. Это былъ такой отчаянный головорѣзь, такой необыкновенный джигитъ и наѣздникъ, какіе рѣдко встрѣчаются даже въ самой Абхазіи, не говоря уже о другихъ горскихъ странахъ. По міросозерцанію абхазца — это былъ геній, о которомъ въ сосѣднихъ съ Абхазіею мѣстностяхъ слагались цѣлыя легенды. Рассказывали, что онъ былъ единственнымъ изъ смертныхъ, который одержалъ побѣду въ борьбѣ съ непобѣдимымъ «духомъ горъ». Духъ этотъ является въ видѣ ослѣпительной красоты дѣвушки, которая, — какъ ея прародительница Цирцея, — завлекаетъ въ свои сѣти мужчинъ и губить ихъ своими ласками, своею любовью; тѣхъ же, которыхъ она не можетъ побѣдить обаяніемъ своихъ прелестей, эта ненасытная красавица терзаетъ въ клочки. Но только съ Арсланъ-беемъ она ничего не въ состояніи была сдѣлать. Рассказывали, что Арсланъ-бей, возвра-

щаясь однажды съ охоты черезъ глухой, непроходимый лѣсъ, наткнулся на это прелестное, но опасное чудовище — на «духа горь». Это была очаровательная, золотокосая дѣвушка съ бирюзовыми глазами. Роскошная шелковистая коса окутывала ее всю, точно золотою буркой. При видѣ Арсланъ-бея, красавица движеніемъ рукъ откинула косы за плечи и явилась во всей своей чарующей наготѣ, прикрытой только... тѣнью отъ густолиственной чинары. Увидѣвъ эту поразительную красоту, Арсланъ-бей востылъ и онѣмѣлъ отъ изумленія и восторга. Красавица медленно приближалась къ нему, маня къ себѣ очаровательною улыбкою и выразительными жестами, которые опяняли безстрашнаго абхазца. Онъ не могъ сдвинуться съ мѣста и оторвать глазъ отъ поразительной красоты, какой онъ въ жиѣнь свою не видалъ, — даже не воображалъ о возможности такой красоты на землѣ. Подойдя къ нему, юная Цирцея молча и съ улыбкой поднесла къ его лицу свои маленькія ручки съ растопыренными розовыми пальчиками. Тутъ только опомнился Арсланъ-бей. Онъ понялъ, что красавица, показывая ему всѣ десять розовыхъ пальчиковъ, требовала десяти лѣтъ сожителства съ нею. Арсланъ-бей отрицательно покачалъ своей курчавой головой. Тогда красавица пригнула одинъ пальчикъ, предлагая девять лѣтъ сожителства. Арсланъ-бей снова выразилъ молчаливое отрицаніе. Красавица стала пригибать пальчикъ за пальчикомъ, умѣряя свои требованія; но, по мѣрѣ отрицаній со стороны Арсланъ-бея, очаровательное личико ея становилось все болѣе злобѣющимъ. Арсланъ-бей понялъ, что она сейчасъ растерзаетъ его, — и предупредилъ ея нападеніе. Онъ моментально схватилъ небольшую прядь ея шелковистыхъ волосъ, далъ шпоры

своему коню и исчезъ съ быстротою молніи, унося съ собою волосы «духа горь», какъ талисманъ своей жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства, можно сказать, даже съ самаго младенчества Арсланъ-бей привыкъ обращаться съ оружіемъ. Едва онъ началъ ходить, какъ выпросилъ у мужа своей кормилицы кинжалъ, и съ тѣхъ поръ это оружіе стало единственной любимой его игрушкой. Едва мало-мальски окрѣпли его младенческія ножки, какъ онъ, уже крѣпко держался на сѣдлѣ и, вцѣпившись, словно флещъ, своими маленькими ручками въ гриву коня, бѣшено скакалъ по аулу, возбуждая удивленіе взрослыхъ абхазцевъ. Воспитываясь, по обычаю всѣхъ абхазскихъ княжескихъ родовъ, не при дворѣ отца, въ резиденціи Келешъ-бека, а въ горномъ аулѣ своей кормилицы, онъ вмѣстѣ съ ея мужемъ и старшими сыновьями, еще въ дѣтствѣ исколесилъ всѣ горы и равнины Абхазіи, съ дѣтства научился перешивать черезъ бурныя рѣки своей родины—черезъ Кодоръ, Бзыбъ, Интуръ, Ріонъ—и бороться съ яростными волнами Чернаго моря. Тутшугъ, мужъ его кормилицы, воспиталъ въ молодомъ принцѣ истиннаго героя по понятіямъ абхазцевъ—отчаяннаго разбойника и, нечего грѣха таить, геніальнаго вора. Юный принцъ, вмѣстѣ съ своими молочными братьями, такими же головорѣзами, скоро началъ дѣлать ночные и дневные набѣги на Гурію и Мингрелію, пригонялъ оттуда табуны лошадей, стада буйволовъ, нерѣдко привозилъ взятыхъ въ плѣнъ гурійскихъ дѣвушекъ и дѣтей,—и всю эту богатую военную добычу щедро раздавать своимъ кунамъ по аулу, а тѣ съ благодарностью принимали лошадей и буйволовъ, а красивыхъ дѣвушекъ продавали въ турецкіе гаремы, иногда за огромныя цѣны.

Не удивительно, что абхазцы боготворили молодого принца и видѣли въ немъ гордость своей дикой страны. Окончивъ такимъ блистательнымъ образомъ свое—можно сказать—абхазско-университетское образованіе, Арсланъ-бей долженъ былъ возвратиться ко двору своего отца, въ аулъ Соуксу. Съ громкимъ плачемъ провожала кормилица своего обожаемаго вскормленника. Весь аулъ Чичи, въ которомъ воспитывался Арсланъ-бей, вышелъ на проводы молодого принца, и всѣмъ казалось, что ихъ гордость, ихъ слава, ихъ ясное солнышко навсегда покидаетъ ихъ. Проводы сопровождались залпами изъ ружей и печальною, словно похоронною, музыкой. Юныя красавицы аула, дѣвочки двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, поголовно влюбленные въ молодого героя, тайно утирали предательскія слезы. Но больше всѣхъ плакала прелестная Дида, молочная сестра Арсланъ-бея и его сверстница, съ которой когда-то одновременно они сосали грудь: онъ—своей кормилицы, она—своей матери. У Диды глаза распухли отъ слезъ. Она знала, что ей больше ужъ не ходить въ ту горную пещеру, увитую дикимъ виноградомъ, куда она съ одиннадцати лѣтъ ходила на свиданье съ Арсланъ-беемъ почти каждую ночь, если только онъ не предпринималъ ночныхъ поѣздокъ въ Гурію или въ Имеретію. Одиннадцати лѣтъ она узнала, что любить его не какъ молочнаго брата, а какъ... она сама не знала, какъ... Но онъ былъ ей дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни: Поцѣлуи ея родныхъ братьевъ были для нея то же, что поцѣлуй матери и дѣвочекъ-сверстницъ; но объятія, поцѣлуи и ласки Арсланъ-бея палили ее зноемъ и она горѣла отъ нихъ, какъ на сладкомъ огнѣ, дрожала, какъ отъ лихорадочнаго озноба. Мало того, она ревновала его мордовцевъ, прометьево потомство.

во всѣмъ дѣвочкамъ аула:—она блѣдѣла и страдала, когда онъ глядѣлъ или заговаривалъ съ которою нибудь изъ нихъ. Пламенный темпераментъ юга такъ рано разбудилъ женщину въ этой дѣвочкѣ, что уже въ двѣнадцать лѣтъ, узнавъ отъ матери, что въ раю Магомета, на томъ свѣтѣ, правовѣрнымъ мужчинамъ будутъ прислуживать и улаживать ихъ чувственность прелестныя гуріи,—она терзалась мыслью, что и ея Арсланъ-бей будетъ въ раю окруженъ гуріями и будетъ отдавать имъ свои ласки.

Теперь, когда Арсланъ-бей долженъ былъ уѣхать ко двору своего отца, Дида обезумѣла отъ горя. Ночью, наканунѣ его отъѣзда, когда они въ послѣдній разъ сошлись въ своей горной пещерѣ, Дида, ласкаясь къ своему возлюбленному, какъ тигренокъ, до того предавалась отчаянію, такъ безумно проявляла свои чувства—и неудержимую, жгучую страстность, и ужасъ разлуки,—что Арсланъ-бей сталъ опасаться за ея рассудокъ и за ея жизнь. Когда, поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ, онъ, измученный взаимными ласками и потрясенный страданіями любимой дѣвочки и жалостью къ ней, выходилъ изъ пещеры, Дида, обвивъ его шею своими гибкими руками и неудержимо рыдая, безумно шептала:—«ты мой, ты мой! возьми меня съ собою, возьми меня въ рабыни»!.. Такъ онъ донесъ ее на рукахъ до самаго аула; но, спуская съ рукъ на землю, онъ услышалъ ея рѣшительный шопотъ:—«Я прибѣгу къ тебѣ въ Соуксу... Жди меня... Безъ тебя я умру»!

Утромъ, въ часъ разлуки, Дида держала себя мужественно; только припухшіе прекрасные глаза ея изобличали, что дѣвочка много плакала. И не удивительно:—

отъѣзжавшій молодой принцъ былъ ея молочный братъ, а объ немъ неутѣшно плакала и ея мать, плакать почти весь аулъ. Арсланъ-бей выѣхалъ изъ аула Чичи въ сопровожденіи блестящей свиты изъ дворянъ и конвою изъ нукеровъ. Шумный и пестрый кортежъ молодого принца увеличили почти всѣ обитатели аула, способные носить оружіе. Въ Соуксу Келешъ-бейъ принялъ своего сына съ подобающею торжественностью и задалъ блестящій пиръ, на которомъ собрались всѣ родственники бека, почти всѣ князья и дворяне Абхазіи, и всѣ кунаки молодого принца изъ аула Чичи, который, чрезъ воссигтаніе у себя Арсланъ-бея, считался породнившимся съ владѣтельнымъ домомъ Абхазіи. Пиръ продолжался три дня, и для этого торжества сложили свои головы чуть ли не цѣлыя стада барановъ, куръ, каплуновъ, индѣекъ и дикихъ ковъ. Дикая музыка неумолкаемо гремѣла, пищала, визжала и завывала съ утра до вечера. Но торжественные дни скоро миновали. Послѣ окончанія національнаго образованія въ горахъ—образованія чисторазбойничьяго, — молодому наслѣднику владѣтельнаго дома Абхазіи надлежало дать и гражданское, такъ сказать, государственное образованіе. Арсланъ-бея засадили за грамоту, просто — за турецкую и арабскую азбуку. Началось скучное время. Новая наука не такъ легко давалась юному джигиту, какъ наука набѣговъ, разбойничества, воровства и убійствъ. Буквы въ турецкой и арабской азбукахъ казались ему какими-то безобразными чудовищами, которыхъ онъ не умѣлъ отличить одно отъ другого и которыя, казалось, прыгали передъ его глазами и издѣвались надъ нимъ, — такъ что онъ со злобой «выкалывалъ имъ глаза» своимъ

кинжаломъ. Надо было покупать новыя абуки; а Арсланъ-бей обходился съ ними, — какъ и со старыми: — безжалостно казнил ихъ, разрубалъ пашкой, стрѣлялъ въ нихъ изъ пистолета.

Отець сначала снисходилъ къ дикимъ вспышкамъ своего первенца, прощалъ ему разстрѣляныя абуки, потомъ сталъ сердиться, отбиралъ у него оружіе, наконецъ — наказывалъ. Но все это только ожесточало необузданнаго юнаго дикаря. Онъ грубо обращался со своимъ наставникомъ, старымъ муллою; но тотъ все терпѣлъ. Однако и его терпѣнію наступилъ конецъ. Желая убѣдиться, знакомы ли его юному воспитаннику всѣ буквы арабскаго алфавита, мулла развернулъ передъ нимъ коранъ, и сталъ экзаменовать своего непослушнаго ученика. Арсланъ-бей путалъ буквы, показывалъ не тѣ, какія у него спрашивалъ учитель, и, наконецъ, взбѣшенный своею непонятливостью, — наплевалъ на коранъ. Мулла пришелъ въ ужасъ и пожаловался Келешъ-беку. Терпѣніе послѣдняго истощилось, и онъ посадилъ буйнаго сына подъ стражу въ крѣпостной башнѣ.

Но на утро ни Арсланъ-бея, ни приставленнаго къ нему часового не оказалось въ башнѣ. Исчезли изъ конюшни и два лучшихъ скакуна. Юный бѣглець очутился въ аулѣ своей кормилицы, и Дида едва снова не сошла съ ума отъ радости. Взбѣшенный Келешъ-бекъ разослалъ гонцовъ во всѣ концы Абхазіи для поимки непокорнаго сына, но тотъ какъ въ воду канулъ. Обожаемый всѣмъ населеніемъ страны за свои наѣздническіе подвиги, за свою щедрость, идолъ Абхазіи и ея будущая гордость, Арсланъ-бей вездѣ находилъ радушный пріемъ и укрытельство. Каждый абхазецъ считалъ за счастье видѣть

у себя дорогого и именитого гостя; а выдати своего гостя, — и притомъ такого гостя, какъ Арсланъ-бей, — да это было бы больше чѣмъ преступленіемъ, — это было бы величайшимъ святотатствомъ! Много лѣтъ такимъ образомъ пропадалъ Арсланъ-бей. Онъ собралъ около себя небольшую партію самыхъ отчаянныхъ молодыхъ абхазскихъ князей и джигитовъ, и со всею необузданностью страсти дрался держимъ набѣгамъ на пограничныя области Гуріи, Мингреліи и Имеретіи. Онъ появлялся и въ турецкихъ владѣніяхъ за Ріономъ и за Поти, в-среди кубанскихъ горцевъ, и около Анапы. Нерѣдко онъ набиралъ партіи смѣльчаковъ среди черкесовъ, подъ самымъ Эльборусомъ; вихремъ налеталъ на казацкія станицы за Кубанью, неоднократно врывался въ Кисловодскъ, въ Пятигорскъ, — и всегда возвращался съ богатой добычей, которую почти цѣликомъ всегда отдавалъ своимъ союзникамъ. Часто въ этихъ набѣгахъ его сопровождала юная Дида — лихая наѣздница, и никто, кромѣ ея отца Тутшуга и братьевъ, не догадывался, что подъ красивымъ одѣяніемъ молоденькаго джигита, обвѣшаннаго дорогимъ оружіемъ, скрывается нѣжное тѣло молоденькой и прелестной дѣвушки.

Весной 1806 года Арсланъ-бей сдѣлалъ нападеніе на Кисловодскъ, вмѣстѣ съ карачаевцами, и едва не похитилъ царевну Дареджану, прелестную дочь послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II, катавшуюся въ окрестностяхъ Кисловодска съ своею пріятельницей, коною принцессою Геоухеръ, дочерью владѣтеля Карабага, Ибрагимъ-хана, — и только быстрота карабахскихъ коней спасла хорошенькихъ наѣздницъ отъ рукъ отчаяннаго абхазца.

Такъ продолжались смѣлыя походы Арсланъ-бея до начала 1808 года. Въ это время до него достигла

вѣсть, что Келешъ-бекъ лишилъ его наслѣдства, а преемникомъ по себѣ и будущимъ владѣтелемъ Абхазіи назначилъ второго своего сына, Сеферъ Али-бея. Узнавъ объ этомъ, Арсланъ-бей рѣшилъ погубить и отца, и ставшаго ему на дорогѣ брата. Съ этою цѣлью онъ притворно принесть отцу повинную—явился къ нему въ Соуксу со всѣми знаками раскаявшагося преступника: по обычаю горцевъ, онъ пришелъ на дворъ своего отца съ висѣвшею на шеѣ саблею. Это означало, что виновный отдаетъ повинную голову на казнь,—пусть собственная родительская сабля рубить преступную голову.

Келешъ-бекъ простилъ блуднаго сына... Мы уже видѣли, что изъ этого вышло.

III.

Вѣсть о трагической смерти Келешъ-бека и двухъ его младшихъ сыновей быстро облетѣла всю Абхазію. Партія князей и дворянъ, раздѣлявшая политическія симпатіи стараго бека относительно сближенія съ Россією, была глубоко потрясена этою печальною вѣстью и возмущена гнуснымъ злодѣяніемъ отцеубійцы и братоубійцы. Но болѣе молодые элементы этой, тогда еще вполнѣ азіатской и дикой страны, большинство абхазской молодежи, — отчаянные джигиты и наѣздники, для которыхъ набѣги и разбой были родною стихіей, — эти охотнѣе склонялись на сторону Арсланъ-бея, подѣ начальствомъ котораго въ послѣдніе годы ими совершено было немало возмутительныхъ злодѣяній, понимаемыхъ ими, какъ блистательные военные подвиги. Люди съ болѣе здравыми понятіями, узнавъ о смерти Келешъ-бека, слѣшили въ Соуксу, чтобы почтить память погибшаго владыки Абхазіи, выразить свое соболѣзнованіе его семейству и негодованіе — виновнику общаго горя, который, по совершеніи преступленія, поспѣшилъ съ своими приверженцами въ Сухумъ-Кале и заперся въ тамошней крѣпости, проклиная свою неудачу.

А неудача его состояла въ слѣдующемъ. Зная, что онъ лишенъ своимъ строгимъ отцомъ наслѣдства въ пользу Сеферъ-Али-бея, онъ хотѣлъ разомъ покончить и съ

отцемъ, и съ братомъ-наслѣдникомъ, чтобъ самому завладѣть престоломъ Абхазіи. Но оказалось, что, въ моментъ прибытія его съ своими соучастниками въ Соуксу для совершенія двойного убійства, Сеферъ-Али-бей не оказалось въ Соуксу. Въ этотъ самый вечеръ, на вѣсколько часовъ до пріѣзда Арсланъ-бей въ Соуксу, Сеферъ-Али-бей уѣхалъ съ своею женой въ Мингрелію. Дѣло въ томъ, что онъ былъ женатъ на мингрельской княжнѣ, на родной сестрѣ бывшаго владѣтеля Мингреліи, Григорія Дадіана, и притомъ такъ, что главную тайну романа, кончившагося бракомъ, не зналъ въ Абхазіи никто, даже самъ Арсланъ-бей. Тайна эта была извѣстна только двумъ лицамъ: Григорію Дадіану и его женѣ, княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ. Тайна эта состояла въ слѣдующемъ. Сеферъ-Али-бей, часто бывая въ Мингреліи у князей Дадіановъ, еще юношей влюбился въ сестру князя Григорія, въ большеглазую рѣзвуху, княжну Тамару. Дѣвочка, какъ большинство южныхъ женщинъ, которымъ знойное солнце юга прививаетъ и знойный темпераментъ, пламенно съ своей стороны полюбила красиваго абхазца, и ни за кого не хотѣла выходить замужъ. Никто сначала не зналъ причины ея упорства, но кормилица княжны, души въ ней не чаявшая, разгадала ея тайну: оказалось, что Тамара думаетъ только о Сеферъ-Али-бей. Узналъ объ этомъ и князь Григорій, узнала и княгиня Нина. Но какъ быть? Бракъ Тамары и Сеферъ-бей — немислимъ: Тамара—христіанка, а Сеферъ-бей мусульманинъ. Но всемогущая любовь побѣдила требованія религіи. Сеферъ-Али-бей тайно принялъ крещеніе и былъ нареченъ Георгіемъ, княземъ Шервашидзе—это историческая фамилія владѣтельнаго дома Абхазіи. Именно въ вечеръ, предшество-

вавший убійству Келешъ-бека, Сеферъ-Али-бей и Тамара уѣхали изъ Соуксу къ княгинѣ Нинѣ, владѣтельницѣ Мингрели, на праздникъ ея рожденія. Это-то случайное обстоятельство и спасло Сеферъ-бея отъ руки братоубійцы. Къ нему въ ту же ночь отпращены были гонцы съ печальною вѣстью объ ужасномъ событіи въ Соуксу, и Сеферъ-бей съ Тамарою немедленно возвратились съ дороги. Когда они прибыли въ Соуксу, то встрѣчены были въ аулѣ такимъ ужасающимъ воемъ, такими дикими воплями и ревомъ причитаній всѣхъ обитателей аула, что, казалось, наступило свѣтопреставленіе. Но это было только обычное, традиціонное выраженіе общественной скорби. Женщины рвали на себѣ волосы, царапали лица ногтями до крови; мужчины били себя по лицу, ударяли кинжалами въ грудь. Народъ, для котораго убійство—«простое тѣлодвиженіе», которому смерть кажется только лишеніемъ возможности владѣть кинжаломъ; этотъ народъ проявлялъ неудержимое обрядовое оплакиванье покойниковъ. Это было естественный взрывъ южнаго пламеннаго темперамента, ни въ чемъ не знающаго мѣры.

Этотъ неистовый вопль и эти ужасныя картины дикаго самобичеванія встрѣтили Сеферъ-бея и Тамару у крыльца и въ самомъ дворцѣ. Тѣла убитыхъ уже выставлены были въ приѣмномъ покоѣ. Они покоились на возвышеніяхъ, покрытыхъ желтымъ сукномъ—цвѣтъ глубокаго траура. Келешъ-бекъ лежалъ на переднемъ возвышеніи. Лобъ его перевязанъ былъ бѣлой чадрой съ вышитыми золотомъ изреченіями изъ корана. Эта повязка представляла подобіе чалмы и до половины скрывала ужасный разрубъ черепа и лба, произведенный саблею Арсланъ-бея. На меньшихъ возвышеніяхъ, справа и слѣва,

какъ бы прижимаясь къ отцу, помоглись два {молоденькихъ, милостивыхъ мальчика—младшіе сыновья Келешъ-бека. Вопли и стenanія встрѣтили Сеферъ-бея и Тамару при входѣ въ покой, гдѣ лежали близкіе имъ покойники. Здѣсь ожидала ихъ еще болѣе трогательная, душу раздиравшая, картина. Дочери Келешъ-бека, молоденькія княжны, а также невѣстки, жены младшихъ братьевъ Сеферъ-бея: Хассанъ-бея, Баталь-бея и Тааръ-бея, облеченныя въ трауръ — непремѣнно желтый—съ распущенными косами, обрѣзывали съ воплемъ пряди своихъ роскошныхъ волосъ и, словно черными цвѣтами, покрывали ими тѣла отца, братьевъ, свекра и юныхъ деверьевъ.

Въ этотъ моментъ, со двора донеслись еще болѣе дикія завыванія. Оказалось, что это явились изъ своихъ ауловъ кормилицы трехъ жертвъ Арсланъ-бея. Кормилица въ Абхазіи—лицо почти священное. Посредствомъ своихъ кормилицъ, абхазскіе князья не только поддерживали тѣсную связь съ народомъ, но при помощи кормилицъ приобретали и власть, и силу въ странѣ. Каждое новорожденное дитя—мальчика и дѣвочку—тотчасъ же сдаютъ на руки кормилицѣ изъ какого нибудь аула, и тогда не только семья кормилицы, ея родные, но и обитатели всего аула считаются какъ бы породнившимися съ княземъ, и дѣлаются его вѣрнѣйшими слугами и союзниками:—идутъ съ нимъ на войну, поддерживаютъ его въ распряхъ съ другими князьями и вообще готовы умереть за него. Мало того. Отдавая своихъ дѣтей на воспитаніе не только абхазцамъ, но также черкесамъ, джигетамъ, убыхамъ и другимъ горнымъ народамъ, фамилія Келешъ-бека-Шервашиде находила крѣпкую поддержку у всѣхъ этихъ народовъ, которые во время войнъ Абхазіи съ сосѣдями

высклали подъ знамена владѣльцевъ изъ дома князей Шерванидеа отборнѣйшія и храбрѣйшія дружины. Теперь, когда вѣсть о гибели Келешъ-бека и его двухъ младшихъ сыновей облетѣла Абхацію, кормилицы убитыхъ князей явились, каждая съ своимъ родомъ и цѣлымъ ауломъ, — оплакивать жертвы злодѣйства. Онѣ-то и издавали теперь на дворѣ страшные вопли, стоны и проклятія убійцѣ. Первою ввели подъ руки въ траурный ношой необыкновенно дряхлую, страшную старуху, которая вместо того рвала сѣдыя космы своихъ все еще густыхъ волосъ, и когтями царапала залитое кровью лицо. Она уже не могла вопить и причитать, потому что отъ плача и проклятій совершенно потеряла голосъ, и только хриплые звуки вылежали изъ ея обезсиленной груди. Это была, оставшаяся еще въ живыхъ, почти столѣтняя кормилица самого Келешъ-бека. Всѣ разступились, давая ей дорогу къ мертвецу. Подведенная къ нему, она, увидавъ на лбу князя страшный знакъ отъ разруба саблею, подняла къ небу руки, прохрипѣла какое то страшное проклятіе убійцѣ, и припала, какъ пласть, къ мертвому тѣлу своего владѣтельнаго вскормленника.

За нею вошли двѣ другія кормилицы, и также съ воплемъ прилипли къ тѣламъ юныхъ князей. Снова нечеловѣческій крикъ донесся со двора. Среди воплей и гула голосовъ можно было различить только: — «Баталь-бей! Баталь-бей!» — Это явилась съ своимъ родомъ и ауломъ его кормилица, до которой дошелъ слухъ, что и ея вскормленникъ убитъ. Но Баталь-бей не былъ убитъ; онъ былъ только тяжело раненъ, и теперь лежалъ въ особой комнатѣ, и за нимъ заботливо ухаживала его молоденькая жена и нѣсколько рабынь.

— Что же не видать остальных сыновей бека Хассанъ-бека и Таяръ-бека? — спрашивали находившіеся на галереѣ посѣтители. — Неужели и они бѣжали съ убійцей.

— Нѣтъ, — отвѣчала одинъ изъ нукеровъ покойнаго бека: — Хассанъ-бей и Таяръ-бей — добрые сыновья; а ихъ теперь нѣтъ въ Соуску; они у князя Манучара Шервашидзе, въ его старомъ замкѣ; они на дняхъ отправились къ нему на охоту.

— Но вотъ и они, — сказала другой нукеръ, указывая на трехъ всадниковъ, вѣхавшихъ на дворъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ джигитовъ.

Это были, дѣйствительно, князь Манучаръ Шервашидзе и два сына Келешъ-бека, Хассанъ-бей и Таяръ-бей, слѣзшіе къ убитому отцу и братьямъ. Князь Манучаръ сразу замѣтилъ, что всѣ бывшіе во дворѣ бека смотрѣли на него съ нескрываемою неприязнью. Онъ не могъ не знать причины этой неприязни: вѣдь родной братъ его, князь Вежанъ Шервашидзе, участвовалъ въ злодѣйскомъ умерщвленіи Келешъ-бека и двухъ его сыновей. Поэтому онъ какъ бы самъ чувствовалъ себя причастнымъ къ преступленію и уже дорогой обдумалъ, какъ поступить въ этихъ критическихъ для Абхазіи обстоятельствахъ и чѣмъ помочь Сеферъ-бею, съ которымъ онъ лично былъ и въ дружбѣ, и въ свойствѣ, потому что женатъ былъ на дочери владѣтельницы Мингрелии, Нины Георгіевны, свѣтлѣйшей княгини Дадіанъ. Поэтому, тотчасъ при входѣ въ траурный покой вмѣстѣ съ Хассанъ-беемъ и Таяръ-беемъ, князь Манучаръ публично выразилъ глубокую скорбь о страшномъ ударѣ, поразившемъ владѣтельный домъ его родины, и глубочайшее негодованіе гнусному виновнику общаго несчастія. Затѣмъ онъ тотчасъ же по-

просилъ Сеферъ-бея пойти въ отдѣльную комнату, чтобъ немедленно переговорить о томъ, что имъ слѣдуетъ предпринять.

— Ты что намеренъ дѣлать, бѣдный Сеферъ?—спросилъ онъ, когда они остались вдвоемъ.

— Я и самъ не знаю, милый Манучаръ; я совсѣмъ потерялъ голову,—отвѣчалъ убитый горемъ Сеферъ-бей, еще не успѣвшій прийти въ себя послѣ всего случившагося.

— Помни, убійца не будетъ медлить,—сказалъ Манучаръ:—участь твоего отца ожидаетъ и тебя, и все твое семейство.

— Знаю... Что же мнѣ дѣлать?

— Я слышалъ, что покойный отецъ твой—да будетъ священна его память!—назначилъ тебя, помимо Арсланъ-бей, наслѣдникомъ и владѣтельнымъ княземъ Абхазіи.

— Да, меня.

— Гдѣ же духовное завѣщаніе?

— Оно здѣсь, въ этомъ столѣ,—отвѣчалъ Сеферъ-бей, указывая на ящикъ массивнаго стола съ инкрустаціями—на ящикъ съ секретнымъ отдѣленіемъ.

— Хорошо... Надо тотчасъ же прочитать публично и показать собравшимся здѣсь князьямъ и всѣмъ абхазцамъ это завѣщаніе. Я прочитаю его самъ на галереѣ, а потомъ мулла прочтетъ въ мечети. Но этого мало. Арсланъ-бей уже сносился тайно съ владѣтелемъ Поти, съ Кучукъ-беємъ,—мнѣ эту тайну продали. Арсланъ-бей заручится помощью Кучукъ-бея и турокъ,—и тогда мы всѣ погибли съ нашею бѣдною Абхазіей.

— Что же намъ дѣлать? какъ спастись?—безсильно проговорилъ Сеферъ-бей.

— Одно спасеніе—Россія.

— Мнѣ и отецъ объ этомъ говорили...

Ихъ совѣщанію не суждено было окончиться: надъ злополучнымъ домою властителя Абхазіи разразилось новое несчастье.

IV.

Въ комнату, гдѣ находились Сеферъ-Али-бей и князь Манучаръ Шервашидзе, съ глухимъ стономъ вошла старая Кана. Это была почетная нянька и домо-правительница Келешъ-бека, которая завѣдывала хозяйствомъ бека послѣ смерти его жены. Старая Кана была строгая блюстительница обычаевъ своей страны, и ея обрядовымъ распоряженіемъ повиновался даже покойный Келешъ-бекъ. Старуха, охая, стоная и ломая руки, вошла въ комнату съ саблею, повѣшенною на шею.

— О, господинь!—стонала она:—возьми саблю... руби мою старую голову... О-о!

— Что съ тобой, Кана?—изумился и испугался Сеферъ-бей.

— О, о! руби мою недостойную голову, руби!—стонала старуха.

— Да что случилось? говори толкомъ!—подошелъ къ ней князь Манучаръ.

— О, я потеряла мою преклятую голову... Когда господина моего и его двухъ мальчиковъ не стало—о! всели ихъ, Аллахъ, въ рай пророка,—когда ихъ не стало, я потеряла голову... да будетъ она проклята!

— Ну, и что же?—нетерпѣливо остановилъ ее Сеферъ-бей.

— Я забыла, господинъ, опоясать домъ... О, горе, горе!
 — Какъ опоясать домъ? зачѣмъ?—удивился Манучаръ.
 — О, господинъ!—ты вѣрно выросъ въ чужой странѣ...
 не знаешь, что домъ надо было опоясать...

— Чѣмъ опоясать, для чего?

— Тесьмой полковой опоясать, господинъ,—это всегда надо дѣлать, чтобы ангелъ смерти не унесъ кого либо еще въ подземное царство.

Это повѣрье, дѣйствительно, существовало и по настоящее время существуетъ въ Абхазіи. Если кто умираетъ въ домѣ, то этотъ домъ тотчасъ же опоясываютъ полковой тесьмой, чтобъ ангелъ смерти, вошедшій въ домъ, не похитилъ еще кого либо.

— Что жь,—спросилъ встревоженный Сеферъ-бей:—развѣ еще кто нибудь умеръ?

— Хуже, господинъ, О-о!—снова завопила старуха.

— Убить?—допрашивалъ Сеферъ-бей.

— Хуже, господинъ, о! хуже... Твоя любимая сестра Роста-ханумъ, наше сокровище, роза Абхазіи, жемчужна Востока,—наша Роста-ханумъ утонула.

— Утонула!—воскликнули разомъ и Сеферъ-бей и князь Манучаръ.—Гдѣ? какъ?

— Она услышала о смерти отца въ замкѣ Илори, у Этха-ханумъ, и, какъ безумная, поскакала сюда съ двумя нукерами... О, Аллахъ, Аллахъ!.. Ея лошадь выбилась изъ силъ... Въ горахъ пошелъ сильный дождь; вода въ Соуксу страшно поднялась и ревѣла, какъ бѣшеная. Ханумъ погнала лошадь въ рѣку... О!—лошадь споткнулась, вода унесла Роста-ханумъ... О-о, я виновата... руби мнѣ голову—вотъ сабля. Я не опоясала домъ моего господина.

— Но она была внѣ дома—Роста-ханумъ,—вмѣшался было Манучаръ.

— Все равно... Ангель смерти не видѣлъ опояски, и унесъ наше сокровище, нашу бѣлую лилію... О, моя проклятая голова!

Сеферъ-бей заплакалъ горькими слезами. Онъ такъ любилъ эту сестру, эту «бѣлую лилію».

— Что же—нашли ея тѣло?—какъ-то тихо и какъ будто робко спросилъ Манучаръ.

— Нашли, господинъ, сейчасъ принесли... къ отцу принесли.

— А скоро отыскали тѣло?

— Скоро... но души уже не нашли въ ней... душа утонула. Надо душеньку ее вызвать теперь изъ воды. Я пойду звать ее, а потомъ рубите мнѣ голову.

Сеферъ-бей немного пришелъ въ себя и глубоко вздохнулъ, точно на груди у него лежала громадная тяжесть.

— Пойду взгляну на нее. О, моя чистая лилія!—горько качалъ онъ головой.—За отцомъ и братьями ушла—оставила насъ...

Они вошли въ траурный покой, все еще оглашаемый плачемъ и стономъ. На возвышеніи, на которомъ покоилось тѣло Келешъ-бека, до половины усыпаннаго женскими локонами, рядомъ съ отцомъ, лежала молоденькая дѣвушка поразительной красоты. Влѣдное личико ея казалось задумчивымъ и серьезнымъ не по возрасту:—это уже смерть наложила на ея почти дѣтское личико никѣмъ неразрѣшимую думу. Она лежала у лѣваго бока Келешъ-бека, какъ бы прижимаясь по-дѣтски къ отцу. Черныя пряди ея роскошныхъ волосъ, какъ и одѣяніе, были мокры. На правомъ вискѣ, у самыхъ волосъ, вид-

МОРДОВЦЕВЪ. ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО.

нѣлася небольшая, какъ бы отъ прорѣза, ранка. Это она, при паденіи въ рѣку, ударилась вискомъ объ острый подводный камень,—и въ этомъ ударѣ была ея смерть.

— Милое—невинное дитя!—шепталь чуть слышно Сеферъ-бей, наклоняясь и цѣлуя сестру въ холодный мраморный лобъ, точно выточенный рѣзцомъ геніальнаго скульптора.—Ангель свѣтлый!—беззвучно шептали его пересохшія губы:—помолись доброму Богу, чистое дитя, и Онъ услышитъ твою невинную молитву, хоть ты и не христіанка... Помолись за отца и братьевъ... О, моя лилія! голубица чистая!..

Между тѣмъ, старая Кана, съ саблею на шеѣ, плача и причитая, вышла на дворъ, чтобы идти къ рѣкѣ,—доставать со дна ея душу утонувшей молоденькой принцессы. Она, какъ и всѣ абхазцы, была глубоко убѣждена, что души утопленниковъ остаются въ водѣ, пока ихъ оттуда не вызовутъ и не завяжутъ въ бурдюкъ. А безъ души нельзя хоронить тѣло—душа будетъ скитаться на томъ свѣтѣ, ища и оплакивая свое тѣло, свое вѣчное жилище, даже подъ землей. Найденную такимъ образомъ душу выпускаютъ въ могилу и засыпаютъ землею вмѣстѣ съ тѣломъ. Когда старая Кана, появившись на дворѣ, объявила, что надо идти искать въ рѣкѣ душу Ростанумъ, вся находившаяся около дома Келешъ-бека толпа, предводительствуемая старухой, повалила къ рѣкѣ. Въ рукахъ Каны былъ небольшой бурдючокъ изъ шкуры молоденькаго козленка и длинный, въ нѣсколько сажень, шелковый шнуръ. За нею слѣдовали музыканты съ зурнами, бубнами, свирѣлями и другими инструментами. Но главный контингентъ толпы составляли женщины и дѣти, для которыхъ обрядность, шумъ и движеніе такъ неотра-

вимо заманчивы. Скоро толпа достигла берега рѣки, которая все еще продолжала бушевать, хотя и менѣ чѣмъ бушевала и бурлила за часъ до этого, раздутая водами горнаго, быстро пронесшагося, весенняго ливня.

— Въ какомъ мѣстѣ нашли тѣло Роста-ханумъ?—спросила Кана нукеровъ, сопровождавшихъ ее изъ замка Илори и потомъ вытащившихъ изъ воды ея бездыханное тѣло.

— На этомъ самомъ мѣстѣ, бабушка Кана, — отвѣчалъ одинъ изъ нукеровъ:—вонъ противъ того камня.

— Ну, такъ здѣсь и надо перетягивать шнуръ, — сказала старуха.—О, мое солнышко ясное, моя роза, не расцвѣтшая и завядшая!—снова заплакала Кана.

Она подвязала бурдючокъ къ серединѣ шнурка, но такъ, что отверстіе кожанаго мѣшочка было открыто, чтобъ туда могла свободно войти душа утопленницы.

— Теперь перетягивайте черезъ рѣку,—сказала старуха, передавая шнуръ и бурдючокъ нукерамъ.

Одинъ изъ нихъ взялся за конецъ шнура, другой же взялъ бурдючокъ и весь остальной шнуръ, и прямо полѣвъ въ рѣчку. Вода такъ бушевала и теченіе ея было такъ стремительно, что нукеръ съ трудомъ держался на ногахъ, перебираясь на ту сторону предательской рѣчки, хоть вода поднималась только по грудь.

— Не урони въ воду бурдючокъ! — предостерегала Кана.—О, Аллахъ, Аллахъ!

Шнуръ, наконецъ, перетянуть черезъ рѣчку, но такъ невысоко отъ воды, что отверстіе бурдючка почти касалось ея поверхности.

— Начинайте!—обратилась Кана къ музыкантамъ и ко всей толпѣ. — Аллахъ акберъ! Аллахъ керимъ!..

Началась дикая, неистовая музыка, на которую спо-

собень только Востокъ. Звуки зурны, свирѣлей и бубновъ заглушались такими ужасными завываніями толпы, особенно голосами женщинъ, что, казалось, на толпу напали дикіе звѣри или разбойники и терзали, и душили ее. При этомъ глаза всѣхъ жадно и съ какою-то боязнью обращены были на висѣвшій надъ водою бурдючокъ, тихо колыхавшійся отъ вѣтра. Но бурдючокъ все оставался сплюснутымъ, плоскимъ, — душа утопленницы не входила въ него. Адская музыка и завыванья еще усилились.

— Ля-илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль-Аллахъ! — молитвенно твердила старая Кана, прижимая руки къ груди. — Приди, приди на зовъ нашъ, невинная душенька чистой голубицы! приди въ домъ свой.

— Но, можетъ, ея душенку унесло дальше, еще ниже? — замѣтила одна старая женщина.

— А что если она уплыла въ море? — замѣтила другая.

— Ну, она и изъ моря приплыветъ, если услышитъ насъ, — отвѣчала хромой музыкантъ, потерявшій ногу на скачкахъ съ препятствіями.

Но бурдючокъ все оставался сплюснутымъ.

— Ля-илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ! — продолжала твердить старая Кана, тихо покачиваясь. — Я ли не любила тебя, я ли не берегла тебя пуще своего глазу?... А вотъ не уберегла... О, пропади моя голова океанная!

— Смотрите, смотрите! — испуганно закричала одна дѣвочка. — Входить душа, входитъ!

— Да, да! раздувается бурдючокъ... она услышала насъ!

— О, Аллахъ! — радостно прошептала Кана.

Усилившійся вѣтерокъ, дѣйствительно, сталъ все болѣе и болѣе надувать качавшійся надъ водою бурдюкъ и, наконецъ, почти наполнилъ его воздухомъ.

— Вошла, вошла!—какъ безумная, воскликнула старуха-няня и бросилась въ воду, забывъ всякую опасность.

Но старыя ноги не осилили стремительности горной рѣки. Вода свалила съ ногъ старушку.

— Утонетъ, утонетъ!—испуганно закричали въ толпѣ.— Спасите ее!

Нѣсколько мужчинъ бросились въ воду,—и старушка была подхвачена подъ руки.

— О, пустите меня къ ней!—билась она въ рукахъ, державшихъ ее.—Она меня одной слушалась... Я возьму ея душевнѣчку—я завяжу ее талисманной тесемкой, а то она опять улетитъ.

И она тянулась къ бурдюку, поддерживаемая сильными руками. Съ трудомъ дотащили ее до середины рѣки.

— О, моя ханумъ, мое золото, жемчужина моей души!—бормотала Кана, тщательно завязывая бурдючокъ, чтобъ изъ него не вытѣснить воздухъ—душу своей любимицы—и осторожно снимая его со шнура.

Съ прижатымъ къ груди бурдюкомъ старуху вывели на берегъ. Душа утопленицы была поймана.

V.

Послѣ торжественныхъ похоронъ отца, братьевъ и сестры, съ строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ традиціонныхъ обрядностей до вытряхиванья изъ бурдюка въ могилу юной души Роста-ханумъ, извлеченной со дна рѣки,—Сеферъ-Али-бей тотчасъ же написалъ императору Александру Павловичу и графу Гудовичу, тогдашнему главнокомандующему на Кавказѣ, прося принять его со всею странною въ подданство Россіи, съ обѣщаніемъ принятія православной вѣры всѣми князьями Абхазіи и всѣмъ ея народомъ, который просилъ Бѣлаго царя изъавить Абхазію отъ турецкаго владычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сеферъ-бей сообщалъ, что онъ давно перешелъ въ православіе, но только тайно, боясь огорчить своего престарѣлаго отца, строгаго мусульманина.

Съ своей стороны, Арсланъ-бей, укрывшись съ своими единомышленниками въ крѣпости Сухумъ-Кале, защищенной сильною артиллеріей, не сидѣлъ сложа руки. Чрезъ приверженцевъ своихъ онъ зналъ все, что дѣлалось въ Соуксу. Онъ зналъ, что Сеферъ-бей отправилъ своихъ гонцовъ съ бумагами въ Тифлисъ, и вѣрно догадывался о содержаніи этихъ бумагъ.

— Арсланъ имѣетъ хорошіе глаза и уши его далеко слышать; слышать даже, какъ въ Тифлисѣ куютъ желѣза для Абхазіи и какъ въ саду Сефера-бабы, въ Со-

уксу, трава растеть,—говорилъ о себѣ Арсланъ-бей другу своему Бежану, князю Шервашидзе. — Сеферъ-баба зоветъ птицу, чтобъ она клевала луну.

— Какую птицу?—спросилъ князь Бежанъ.

— А двухголоваго орла—птицу-урода...

— Понимаю, понимаю! — засмѣялся Бежанъ:— это, чтобъ русскій орелъ о двухъ головахъ заклевалъ полумѣсяцъ падишаха... Ну, еще ни одна птица до луны не долетала, будь она хоть о десяти головахъ.

— А Сефера-бабу все таки заклюеть, какъ заклевала въ Имеретіи царя Соломона, а въ Грузіи переклевала и перетаскала въ свое гнѣздо всѣхъ царей,— мрачно замѣтилъ Арсланъ-бей.

— Только нашей Абхазіи ей не заклевать!—сказалъ Бежанъ.—Да?

— Да, — согласился Арсланъ-бей: — мы ее за луну спрячемъ.

Этотъ разговоръ Арсланъ-бея съ княземъ Бежаномъ кончился тѣмъ, что въ сухумской гавани снаряжена была фелюка, и князь Бежанъ съ нѣсколькими приверженцами Арсланъ-бея отправился на ней въ Поти, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Бежанъ долженъ былъ заключить союзъ съ владѣтелемъ Поти, Кучукъ-беемъ, который долженъ былъ подать помощь Арсланъ-бею въ томъ случаѣ, если Сеферъ-бей съ своими абхазцами, вспомошествоваемый русскими войсками, рѣшится добывать Сухумъ. Арсланъ-бей справедливо разсуждалъ, что если почему либо русскіе не придутъ или не поспѣютъ скоро прійти на помощь Сеферъ-бею, то во всякомъ случаѣ помощь ему дадутъ мингрельцы, потому что владѣтельница княгиня Мингреліи, княгиня Нина Георгіевна Дадіанъ, непремѣн-

но захочетъ подать руку помощи женѣ Сеферъ-бея, Тамарѣ, какъ своей родственницѣ. Однимъ словомъ, Арсланъ-бей отдавалъ себя и Абхазію подъ защиту полумѣсяца противъ притязаній Мингреліи, а еще больше—двуглаваго орла.

А двуглавый орелъ, дѣйствительно, уже расправлялъ свои крылья, хотя и невидимо для полумѣсяца. Вслѣдствіе письма Сеферъ-бея и представленій графа Гудовича, императоръ Александръ далъ обѣщаніе принять Абхазію подъ свое покровительство, но предупреждалъ, что Сеферъ-бей долженъ хранить все это, до благопріятнаго времени, въ совершенной тайнѣ. Осторожность эта вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время Россія, озабоченная войною съ неугомоннымъ Наполеономъ, находила невыгоднымъ дразнить еще Турцію и вела съ нею переговоры о мирѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, императоръ тотчасъ же повелѣлъ графу Гудовичу оказать Сеферъ-бею содѣйствіе и помощь къ изгнанію изъ Абхазіи головорѣза Арсланъ-бея.

Получивъ эти повелѣнія изъ Петербурга, графъ Гудовичъ призвалъ правую руку всѣхъ намѣстниковъ Кавказа,—своего правителя дѣлъ, ловкаго казуиста Могилевскаго, «кавказскаго Талейрана», какъ его называли.

— Много будетъ намъ хлопотъ съ этой Абхазіей, — сказалъ Гудовичъ, стукнувъ пальцемъ по бумагѣ.—Ужъ на что имеретинны, сравнительно, смирный народъ, кромѣ, конечно, ихъ князей—этихъ кинжальщиковъ Абашидзе да Церетели, да еще ихъ соломеннаго царька Соломоношки,—но и то Имеретія много у насъ крови испортила. А Абхазія—да это все равно, что крапивы накласть себѣ за пазуху.

— Но, ваше сіятельство,—улыбнулся Могилевскій сухой улыбкой:—весной щи изъ крапивы —объядене.

— Такъ-то такъ,—улыбнулся и Гудовичъ,—да какъ изъ Абхазіи щи сварить? Трудно, хоть теперь и весна.

— Сваримъ, ваше сіятельство: крапива ужасно любить свое собственное сѣмя... Такъ мы у крапивы, въ обезпеченіе, возьмемъ малую толику ея сѣмячекъ.

— Какъ такъ?—недоумѣвалъ Гудовичъ:—вѣдь у насъ «крапивнымъ сѣменемъ» называютъ чиновниковъ.

— И меня въ томъ числѣ, — улыбнулся Могилевскій. — Чтобъ абхазская крапива не обжигала намъ ни рукъ, ни ногъ, мы возьмемъ у Сеферъ-бея его сыновей въ амананы... Вотъ вамъ, ваше сіятельство, и щи изъ крапивы... Я хорошо изучилъ этихъ азіатовъ.

— Отлично, я согласенъ,—сказалъ Гудовичъ.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ мы потребуемъ отъ Сеферъ-бея «просительныхъ пунктовъ», по которымъ онъ обязуется поступить съ своею страной въ вѣчное и потомственное владѣніе Россіи.

— Отлично: такъ и будемъ дѣйствовать, — одобрилъ графъ Гудовичъ предложеніе Могилевскаго.—А чтобъ Арсланъ-бей не успѣлъ натворить тамъ бѣдъ, вы приготовьте теперь же предписаніе генераль-маіору Рикгофу—вступить съ войскомъ въ Абхазію на помощь Сеферъ-бею, и предложеніе—правительницѣ Мингреліи, княгинѣ Нинѣ Дадіанъ, чтобъ ея милиція немедленно же была отправлена туда для изгнанія изъ Сухума Арсланъ-бея. А еще бы лучше—поймать этого разбойника.

— Поймать его, ваше сіятельство, трудно будетъ,—замѣтилъ Могилевскій. — Если мы его даже прижмемъ на всѣхъ пунктахъ Абхазіи, если, выгнавъ изъ Сухума,

отрѣжемъ ему отступленіе и на югъ, и на сѣверъ, то есть—и за рѣку Ріонъ, въ Турцію, и за рѣку Бзыбъ, тоже въ Турцію, къ Анапѣ, — то у него еще останется отпертою дверь, которую мы запереть не въ силахъ. Эта дверь — все Черное море, кавказскій берегъ котораго — наша ахиллесова пята. Другое дѣло, еслибъ мы укрѣпились на этомъ берегу. Но какъ? А до тѣхъ поръ, пока у насъ въ рукахъ не будетъ ключа къ этому морю, нашихъ горскихъ красавицъ будутъ постоянно продавать за море, чтобъ наполнять ими гаремы нашей и самого падишаха. Надо добыть этотъ ключъ, ваше сіятельство.

— Отлично! Я догадываюсь, о какомъ ключѣ вы говорите.

— Да, ваше сіятельство,—знаю, но только объ этомъ ключѣ приходится говорить шопотомъ.

— Что-жь? мы шопотомъ и переговоримъ съ тѣмъ, у кого теперь этотъ ключъ въ карманѣ.

— Съ Кучукъ-беемъ?

— Да... Я объ этомъ давно думалъ. Пока Поти и устья Ріона въ рукахъ у турокъ, мы безсильны упрочить нашу власть не только въ Абхазіи, но и въ Мингреліи и даже въ Имеретіи. Турки всегда будутъ грозить этимъ странамъ. Пока заперты устья Ріона ключемъ Кучукъ-бея, мы не можемъ доставлять въ Ріонъ изъ Крыма ни продовольствія, ни вспомогательнаго войска, ни боевыхъ припасовъ: — все это нужно добывать изъ-за хребта. Но вѣдь черезъ хребетъ только орлы безопасно летаютъ, а на наши обозы и на отряды, какъ на воробьевъ, постоянно налетаютъ хищные коршуны, то изъ-за Кубани, то изъ Чечни. Меня всегда озабочивала также и судьба бѣдныхъ горскихъ дѣвушекъ:—вѣдь ихъ,

дѣтьми и подростками, хватаютъ по ауламъ эти торговцы человѣческимъ тѣломъ, женской красотой, — и бѣдныя дѣвочки, словно бѣленькіе ягнята, голенькими выставляются на показъ на невольничьихъ рынкахъ Батума, Трапезонта, Синопа и Константинополя.

— Для этого, ваше сіятельство, нужно переговорить общепонятнымъ языкомъ, — замѣтилъ Могилевскій.

— Какимъ это?

— «Золотымъ»-сь.

— Отлично!.. Я самъ объ этомъ думалъ.

— А теперь надо бы и «поговорить».

— Отлично! У меня и «золотой словарь» уже готовъ, — вотъ смотрите. — И графъ сдернулъ съ небольшого стола, стоявшаго у стѣны, легкое покрывало изъ зеленой тафты.

— Какая прелесть! — воскликнулъ Могилевскій.

На столѣ искрились золотомъ и драгоценными камнями великолѣпныя сабли, кинжалы, пистолеты. Тутъ же лежали золотыя и серебряныя медали.

— Вотъ этой саблѣ цѣна — 1,500 рублей, — сказалъ графъ, — а эти двѣ — по сту рублей; одинъ этотъ кинжалъ съ камнями — въ 750 рублей.

— Да у дикаря глаза разбѣгутся при видѣ такихъ сокровищъ — замѣтилъ Могилевскій. — За такое оружіе Кучукъ-бей и отца родного продастъ. А кому же эти медали?

— Ему и его приближеннымъ.

— Но на кого, ваше сіятельство, думаете возложить порученіе переговорить съ Кучукъ-беємъ?

— Мой выборъ остановился пока на нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ, преданныхъ Россіи. Я полагаю, что

въ этомъ дѣлѣ будетъ полезенъ Вахтангъ Гуріели, двоюродный братъ Кучука, а также подполковникъ князь Эрстовъ и князь Манучаръ Шервашидзе.

— Князь Манучаръ, какъ я слышалъ, очень друженъ съ Сеферъ-беемъ,—замѣтилъ Могилевскій.

— Кто ихъ разберетъ, этихъ азіатовъ! Вѣдь братъ же этого Манучара, Бежанъ, участвовалъ въ убійствѣ Келешъ-бека и его сыновей. Все это у нихъ зависитъ отъ минуты, отъ темперамента:—сейчасъ они обнимаются, цѣлуются, а черезъ минуту кинжалъ въ сердце, — и все это изъ-за пустяковъ. Вотъ хоть бы этотъ Арсланъ-бей:—мальчишку засадили за грамоту, а ему хочется барановъ воровать у какого нибудь сосѣда; его не пускаютъ, велятъ показать, примѣрно, въ коранѣ *азз* или *буки*. Безграмотный дикаренокъ не умѣетъ отличить *аза* отъ *глаголя* или отъ *буки* — и плюетъ на коранъ... Отсюда вся жизнь прахомъ, а тамъ — и отца, и братьевъ уколошилъ—такъ, здорово живешь.

— Да, удивительный народъ! — замѣтилъ Могилевскій. — Мнѣ объ этомъ же Арсланъ-бей рассказывали... Можетъ быть, это и анекдотъ, но очень характерный. Ёсть онъ какъ-то гороховую похлебку. Съѣлъ почти всю, но замѣтилъ въ жижицѣ еще одну горошину, не выловленную ложкой, и старается ее выловить. Горошина все ускользаетъ изъ ложки, а у него ужъ и глаза горятъ отъ злости на эту непокорную горошину. «А!—говоритъ—подлая, не поддаешься, такъ вотъ же тебѣ!»—Выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ—и бацъ въ миску.

Гудовичъ разсмѣялся. — Да, это похоже на него.

— И на всякаго абхазца,—добавилъ Могилевскій. — У нихъ и женщины такія же отчаянныя. У этого Ар-

сланъ-бея есть молочная сестра, дочь его кормилицы, по имени Диды. Такъ эта дѣвчонка дѣлала съ нимъ всѣ набѣги на наши станицы на Кубани, на Кисловодскъ, — и теперь, говорятъ, пробралась къ нему въ Сухумъ и находится при немъ въ видѣ пажа.

— Да, мнѣ говорили объ ней; и прехорошенькій, говорятъ, чертенокъ.

Между тѣмъ, та, о которой говорили, вела въ это время очень удачную интригу противъ нихъ же, собственно не противъ Гудовича и Могилевскаго, а противъ русскихъ вообще. Любимая дочь Кучукъ-бея, Эсма, которой онъ ни въ чемъ не могъ отказать, воспитываясь у своей кормилицы въ аулѣ Чичи, — въ томъ самомъ аулѣ, гдѣ воспитывался и Арсланъ-бей, — съ дѣтства подружилась съ этой самой Дидой и теперь питала къ ней самую горячую привязанность, постоянно слыша объ отчаянныхъ похищеніяхъ Диды въ сообществѣ съ Арсланъ-беемъ и видя въ ней идеаль горской женщины, настоящую героиню Кавказа, легендарную Тамару, о которой всѣ горскія дѣвушки слышали рассказы съ самой колыбели. Зная это, Арсланъ-бей и рѣшилъ употребить въ свою пользу страстную любовь къ Дидѣ любимой дочери Кучукъ-бея. Для этого, отправляя въ Поти фелюку съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе для склоненія на свою сторону Кучукъ-бея, онъ послалъ туда вмѣстѣ съ нимъ и отца Диды, лукаваго Тутшуга съ его красавицей дочкой.

— Одна дѣвка своими глазами цѣлый аулъ сожжетъ, а двѣ дѣвки и Стамбуль возьмутъ, — говорилъ лукавый абхазецъ, прощаясь съ Арсланъ-беемъ и подмигивая на Диду.

— Ну, достаточно, чтобъ хорошенькая Эсма уронила двѣ слезинки съ своихъ пушистыхъ рѣсницъ, чтобъ Кучукъ-бей полѣвъ шайтану на рога, — засмѣялся Бежанъ.

— Правда, правда, — засмѣяся и Тутшугъ, — вотъ хоть бы я: на медвѣдя кожу одинъ-на-одинъ съ кинжаломъ, а съ своей бабой не справлюсь... Страшнѣе медвѣдя.

— А Дида тоже страшная? — съ улыбкою спросилъ Арсланъ-бей.

— Какъ для кого; а Кучукъ-бей, я увѣренъ, заплашетъ подъ двѣ зурны.

Какъ они разсчитывали, такъ и случилось. Приплывъ въ Поты, князь Бежанъ тотчасъ же началъ переговоры съ Кучукъ-беемъ. Но владѣлецъ Поты сначала и слушать не хотѣлъ, боясь раздражить русскихъ. Однако, Дида и Эсма дѣлали свое дѣло. Эсма ходила точно околдованная, слушая рассказы Диды о ея джигитскихъ подвигахъ—о походахъ въ Мингрелію, о нападеніи на Кисловодскъ, когда они чуть не захватили въ плѣнъ царевну Дареджану, дочь Соломона, царя Имеретіи и красавицу Геоухеръ дочку Ибрагимъ-хана карабахскаго. Потомъ балованная Эсма чаще и чаще стала ластиться къ отцу, точно кошечка; теребила его пушистую бороду... А потомъ... черезъ нѣсколько недѣль, изъ потійской гавани отходила турецкая эскадра съ вспомогательнымъ войскомъ для Арсланъ-бея; на капитанскомъ кораблѣ, на ютѣ, стоялъ Кучукъ-бей, а съ пристани плутовки Эсма и Дида посылали ему воздушные поцѣлуи...

Когда же мингрельское войско, посланное княгиню Нинюю, по предложенію графа Гудовича, для изгнанія

Арсланъ-бея изъ Сухума, появилось у стѣнъ этой крѣ-
пости, тамъ уже сидѣлъ Кучукъ-бей съ сильнымъ ту-
рецкимъ гарнизономъ... Двѣ дѣвчонки перехитрили графа
Гудовича и Могилевского.

VI.

Графъ Гудовичъ недолго, однако, оставался во власти. Онъ чувствовалъ, что старость подкашиваетъ его энергію. Всѣ его планы относительно Кучукъ-бея и его «ключа» — ключа въ Черное море — рухнули отъ подѣлуевъ двухъ дѣвчонокъ, и усталый умъ отказывался работать, какъ работалъ прежде. А развѣ онъ былъ такимъ, когда, вопотившись изъ Европы, гдѣ онъ успѣлъ поставить себя въ курсъ всѣхъ познаній военнаго дѣла, дерзалъ считать себя вторымъ Наполеономъ?

— О, старость, старость! — шепталъ онъ, сидя надъ сочиненіемъ всеподданнѣйшаго прошенія объ отставкѣ. — Какъ тать ночной, ты мало по малу, годъ за годомъ, воруетъ у человѣка все, что дала ему когда-то весна жизни; воруетъ исподволь, незамѣтно, словно издѣваясь; отбираешь всѣ свои дары — сначала живость, блескъ глазъ, ясность зрѣнія, цвѣтъ лица, цвѣтъ волосъ, — вырываетъ изъ умудренной опытомъ головы волосокъ за волоскомъ, воруетъ зубъ за зубомъ, — уносишь куда-то энергію, находчивость, смѣлость, умъ... Какое наглое издѣвательство!

Онъ не замѣтилъ, какъ крупная слеза скатилась съ рѣсницы, и только тогда увидѣлъ эту слезу, когда она капнула на его всеподданнѣйшее прошеніе и растеклась по бумагѣ, слившись съ чернилами.

— И прошеніе испортилъ, — съ досадою сказалъ онъ, — о, проклятая старость!

Онъ потянулся въ сторону и взялъ со стола какую-то бумагу.

— Всемиловѣйшій рескриптъ, — бормоталъ онъ про себя, какъ обыкновенно, не замѣчая, дѣлаютъ это всѣ старые люди, — всемиловѣйшій, — горько качалъ онъ сѣдой головой, и сталъ читать въ слухъ: «Съ крайнимъ прискорбіемъ видя изъ полученнаго прошенія вашего, что здоровье ваше побуждаетъ васъ оставить службу, мнѣ чувствительно весьма лишиться такого фельдмаршала, какъ вы»...

— Гмъ! «такого фельдмаршала»!.. То-то — поздно... А дай мнѣ фельдмаршалство въ тридцать, въ сорокъ лѣтъ, — не то бы было... А то на! — дадутъ человѣку съѣсть всѣ зубы, потерять всѣ волосы, свѣтлую голову превратить въ какой-то расколотый горшокъ, — и тогда дадутъ и власть въ руки, и великое дѣло... Эхъ!

Онъ продолжалъ читать: — «Знаю, что проведенная на службѣ отечеству жизнь ваша, въ преклонности лѣтъ, требуетъ отдохновенія, и что разстроенное отъ понесенныхъ вами трудовъ здоровье ваше ничѣмъ инымъ поправлено быть не можетъ, какъ спокойствіемъ; но за всѣмъ тѣмъ побуждаюсь просить отложить желаніе ваше до того времени, когда генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ ознакомится съ тамошнимъ краемъ и узнаетъ всѣ ваши распоряженія по арміи, дабы потомъ, руководствуясь планами вашими, могъ онъ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ вашимъ, стремящимся всегда ко благу общему».

— Да, — ворчалъ старикъ, — я ужъ обжегъ пальцы на этихъ каштанахъ, таская ихъ для Тормасова, — изрядно мордовцевъ. прометеево потомство.

обжегъ... Да и ротъ себѣ, и языкъ попечетъ еще Тормасовъ, когда будетъ кушать эти горяченькіе каштаны— попечетъ... Одинъ премудрый имеретинскій Соломонъ чего мнѣ стоилъ! А тутъ Арсланъ-бей да Кучукъ-бей, да еще эти дѣвчонки... хитры, какъ чертенята, а смотрятъ невинными ангелами... одурили таки стараго Кучука... О, старость, старость!

Онъ въ разсѣянности сталъ колотить пальцами по бумагѣ.

— Придется подождать съ прошеніемъ, благо моя старая слеза его испортила... Да такъ и въ рескриптѣ сказано: «Когда же г. Тормасовъ достигнетъ сей цѣли (ну! достигнетъ ли?), въ то время я предоставляю вамъ увѣдомить о томъ меня, и желаніе ваше, хотя съ прискорбіемъ, но будетъ мною исполнено».

— «Съ прискорбіемъ»... гмъ!.. — съ золотцемъ, съ золотцемъ пилюлька... Подожду—нечего дѣлать...

Онъ свернулъ рескриптъ и задумался.

— О, старость, старость!—глухо проговорилъ кто-то надъ нимъ.

Старикъ поднялся.—«А! это ты, попка»,—улыбнулся онъ:—«и ты меня дразнишь?»

— Попочка кушать хочетъ, — проговорилъ попугай, качаясь въ кольцѣ.

— Врешь, попка: давно ли тебѣ Тормасовъ сѣмени подсыпалъ?—сказалъ Гудовичъ.

— О, старость, старость!—снова заболталъ попугай.

Тормасовъ, между тѣмъ, уже дѣйствовалъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ вообще и съ ближайшими планами графа Гудовича въ частности, онъ тоже пришелъ къ убѣжденію, что прежде всего надо достать «ключъ»

къ Черному морю, а ужъ тогда легко будетъ справиться и съ Арсланъ-беємъ. Что же касается Сеферъ-бея, то, сколько онъ могъ узнать о немъ, — это была птица не высокаго полета, и онъ, самъ того не совнавая, поднесетъ Абхазію Россіи, какъ яичницу на сковородкѣ.

— Надо прежде всего съ этимъ осинымъ гнѣздомъ покончить, — сказалъ онъ Гудовичу: — будетъ Поти у насъ въ карманѣ, тогда и Черное море наше.

И онъ отправилъ генераль-майора князя Орбеліани къ Кучукъ-бею съ подарками. Кучукъ, отстоявъ Сухумъ-Кале отъ мингрельскихъ войскъ и оставивъ тамъ своего друга, Арсланъ-бея, воротился въ Поти, въ полной увѣренности, что безъ русскихъ Сеферъ-бей ничего не можетъ сдѣлать Арслану. Кучукъ-бей очень любезно принялъ князя Орбеліани, а еще любезнѣе — привезенные имъ подарки, уже видѣнные нами у Гудовича, и рассыпался въ увѣреніяхъ о своей привязанности къ Россіи. Такъ какъ Гудовичъ и Тормасовъ знали, какою страстною любовью Кучукъ-бей привязанъ къ своей дочери и какое громадное вліяніе оказываетъ на отца его хорошенькая Эсма, то князь Орбеліани, чтобы задобрить въ пользу Россіи эту юную дипломатку, привезъ и ей въ подарокъ предестное ожерелье и богатую миньятюрную діадему. Эсма, по совѣту отца, сама явилась благодарить князя за подарокъ и, тоже по внушенію отца, пригласила его сама къ обѣду. Обѣдъ былъ сервированъ по европейски — съ ножами, вилками и салфетками. Такъ какъ и за обѣдомъ рѣчь могла коснуться щекотливыхъ политическихъ вопросовъ, то хитрый Кучукъ-бей никого не пригласилъ къ столу, ни изъ своей свиты, ни изъ знатныхъ лицъ Поти, и столъ накрытъ былъ только на четыре персоны,

хотя за столъ сѣло только трое — гость, хозяинъ и его дочь. Дѣло въ томъ, что Кучукъ-бей былъ вдовецъ, и потому, по мѣстному обычаю, тамъ, гдѣ за столомъ прежде, при жизни, сидѣла покойная хозяйка,—теперь, въ воспоминаніе о ней, ставился ея приборъ, и всѣ блюда подносились прежде къ этому прибору. Эсма клала на тарелку покойной матери отъ cadaго кушанья и наливала въ ея стаканъ вина. Орбелиани любовался оригинальною красотою дѣвушки. Ея маленькое личико было матовой бѣлизны, не смотря на дѣйствія лучей южнаго солнца; округлыя тонкія брови, прямой носикъ, огромные черные глаза съ пушистыми рѣсницами; стройность и гибкость членовъ, при талии, которая, по мѣстному выраженію, «проходила сквозь золотое кольцо»,—все поражало въ ней оригинальною, нѣсколько дикой красотой, особенно же огненнаго цвѣта волосы.

Орбелиани спросилъ ее—весело ли живетъ въ Поти, не скучаетъ ли она въ такомъ маленькомъ городѣ, есть ли у нея подружки? За нее отвѣчалъ отецъ.

— Она теперь немножко скучаетъ по своей пріятельницѣ, которая уѣхала въ Сухумъ,—сказалъ онъ.

— Въ Тифлисѣ вы бы не скучала,—заговорилъ Орбелиани: — тамъ такое обширное общество, столько развлеченій.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, — тихо сказала Эсма: — я катаюсь въ горахъ, ѣзжу съ отцомъ на охоту, плаваемъ по морю, иногда ѣдимъ въ Батумъ, въ Трапезонтъ.

— О, это далеко не то, что Тифлисъ, — улыбнулся Орбелиани.—А еще лучше—Петербургъ: вы были бы приняты ко двору императора; вы посѣщали бы придворные балы, оперу, театръ, концерты; въ эрмитажѣ и въ ака-

деиіи художествъ вы бы видѣли столько произведеній искусства.

Дѣвушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, а отецъ улыбался, любуясь ею.

— Это такъ много, что я и не припомню всего, — сказала она съ милой наивностью.

— Вы бы все скоро узнали, — въ свою очередь любуясь ею, сказалъ князь.

— Но тамъ, говорятъ, лѣтомъ ночей не бываетъ.

— Нѣтъ, бываютъ ночи, но только свѣтлыя, палевыя.

— А какъ же мнѣ говорили, что тамъ какое-то ледяное море, а лѣтомъ, ночью, солнце никакъ не можетъ скрыться въ морѣ, а все ходитъ, все ходитъ кругомъ, какъ потерянное, — и отъ этого люди съ ума сходятъ.

Орбеліани весело разсмѣялся.

— Это вамъ, вѣроятно, говорили о Ледовитомъ океанѣ, туда, къ полюсу, гдѣ, дѣйствительно, лѣтомъ нѣсколько мѣсяцевъ не заходитъ солнце; но это такъ далеко отъ Петербурга.

— А все же страшно, — наивно замѣтила Эсма.

Вначалѣ востѣнчивая, теперь, видя добродушное лицо гостя, съ любовью смотрѣвшаго на нее, какъ на ребенка, она стала смѣлѣй и разговорчивѣй.

— Вотъ я тебя и отвезу въ Петербургъ, туда, гдѣ солнце ходитъ, какъ потерянное, — шутилъ Кучукъ-бей, любуясь своимъ сокровищемъ и довольный тѣмъ, что она такъ очаровала собой русскаго гостя.

— Нѣтъ, отецъ, ты лучше повези меня въ Стамбуль, — ты же обѣщаль это и мнѣ, и Дидѣ, — капризно заговорила она.

— Подожди, повезу, — улыбнулся отецъ.

— Тамъ такія мечети, дворцы, каравансарай, Босфоръ, Золотой Рогъ, самъ падишахъ! восторженно говорила дѣвушка.

— И въ Петербургѣ дворцы, храмы, красавица-Нева, острова, сады какіе, Петергофъ, Павловскъ. Куда вамъ Стамбуль!—старался поразить свою собесѣдницу русскій гость.

— Но тамъ такіе снѣга, такіе морозы, такая зима!

— А у васъ здѣсь развѣ не вѣчные снѣга на горахъ, не вѣчные морозы, не вѣчная зима?

— Но то на горахъ только, а здѣсь, въ Поти, въ Сухумѣ—почти вѣчная весна.

— Но вы не знаете, ханумъ, какъ хороши зимы въ Петербургѣ, какъ тамъ весело живется по зимамъ. Вы любите танцовать?—спросилъ вдругъ Орбеліани.

— О, да! мы съ Дидой въ аулѣ Чичи всегда были побѣдительницами въ танцахъ, — восторженно сказала Эсма.— Я такъ люблю танцы.

— Но въ Стамбулѣ не танцуютъ; зато въ Петербургѣ всю зиму танцуютъ—то въ дворянскомъ собраніи, то на балахъ у знатныхъ вельможъ, то на придворныхъ балахъ, гдѣ танцуетъ самъ государь императоръ... Вотъ гдѣ вы показали бы свое искусство!

— Самъ Бѣлый царь танцуетъ передъ своими подданными, передъ рабами?—недовѣрчиво говорила восточная дѣвушка.

— Да,—такъ принято во всей Европѣ, у всѣхъ государей; обыкновенно государи и государыни сами и открываютъ танцы,—говорилъ Орбеліани, стараясь прельстить дикарку преимуществами цивилизованной жизни, зная, какимъ вліяніемъ эта юная дикарочка пользуется

у отца. — Нынѣшнюю зиму нашъ великій повелитель, императоръ Александръ Павловичъ, милостиво танцовать съ моею сестрой. Эта честь могла бы выпасть и на вашу долю, еслибъ вы съ вашимъ почтеннымъ родителемъ явились въ Петербургъ и были представлены къ высочайшему двору.

Ловкій Орбеліани, съ проникательностью восточнаго человѣка, видѣлъ, какъ у Кучукъ-бея разгорались глаза, когда онъ, при разказѣ русскаго гостя, вообразилъ себя во дворцѣ Бѣлаго царя и съ нимъ рядомъ—танцующею—свою ненаглядную Эсма-ханумъ; и потому еще болѣе старался задѣть: съ одной стороны—любопытство и воображеніе молодой дѣвушки, съ другой—честолюбіе ея отца.

— А падишахъ не танцуетъ?—спросила Эсма отца.

— Нѣтъ, дитя, падишахъ не танцуетъ.

— Притомъ же турецкія женщины и дѣвушки живутъ точно въ тюрьмѣ: ихъ никто не видитъ,—продолжалъ соблазнять ловкій посолъ Тормасова.—А театры?

— Да, я слышала о театрахъ: тамъ хитро представляютъ то, чего не было, — и спорять нарочно, и показываютъ видъ, что убиваютъ, а убитый потомъ встаетъ...

Орбеліани невольно разсмѣялся наивности восточной дикарки.

— Несовсѣмъ такъ, ханумъ, — сказала онъ, весело глядя на милую дикарку, — въ театрѣ вы и не подумаете, что все видѣнное не правда, что это нарочно... Вы расщаетесь не разъ—такъ оно хорошо!

— Зачѣмъ же плакать, когда хорошо? — изумилась Эсма.

Что на это могъ отвѣтить Орбеліани? Какъ растолко-

вать дикарѣй, что такое театръ, какое его значеніе, почему можно расплакаться отъ «хорошаго»?

— Когда хорошо представляютъ на театрѣ, — сказалъ онъ, — то отъ этого «хорошаго» можно расплакаться сладкими слезами, — понимаете вы это?

— Понимаю... Когда я долго, послѣ аула Чичи, не видала Диды, а потомъ, когда она пріѣхала сюда изъ Сухума вмѣстѣ съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе, чтобъ просить у отца помощи Арсланъ-бею, — то когда я увидѣла Диду, такъ отъ радости расплакалась, — пояснила она.

При упоминаніи Арсланъ-бея, Орбеліани и Кучукъ-бей невольно переглянулись.

— А вы знаете Арсланъ-бея, ханумъ? — спросилъ Орбеліани.

— А какъ же! мы воспитывались съ нимъ въ одномъ аулѣ—въ Чичи. Ахъ, какой онъ былъ ужъ тогда дели-башъ, еще мальчишкой.

Орбеліани молчалъ. Ему опять хотѣлось втянуть Эсму въ разговоръ о Петербургѣ. И онъ возобновилъ прежнюю атаку.

— Такъ хотите въ Петербургъ, ханумъ?—спросилъ онъ.

— Хочу... Мнѣ бы хотѣлось...—Она нерѣшительно замолчала.

— Потанцовать съ самимъ Бѣлымъ царемъ?—улыбнулся Кучукъ-бей.

— Да, отецъ, — смущенно сказала Эсма-ханумъ.

VII.

Мечтамъ молоденькой дочери Кучукъ-бея, однако, не суждено было осуществиться. Она не попала въ Петербургъ и не танцевала съ Бѣлымъ царемъ. Напротивъ,—она снова стала всей душой стремиться въ Стамбуль.

И въ этомъ случаѣ ея волею овладѣла отчаянная Дида, молочная сестра Арсланъ-бея. Этотъ делибашъ въ женскихъ пальварахъ и съ роскошной косой, эта истая праправнучка колхидской Медеи, подъ вліяніемъ своего молочнаго брата, мечтала о союзѣ съ Турціей. А эта перспектива была очаровательна. Еслибъ Кучукъ-бей отдался подъ покровительство Россіи, тогда онъ пересталъ бы быть неограниченнымъ владыкой лучшаго уголка Колхиды. Самое большое, что ожидало бы его тогда,—сдѣлаться русскимъ генераломъ, подчиненнымъ Торماسову и разнымъ чиновникамъ. Другое дѣло—союзъ съ Турціей: турки открывали ему широкія ворота—грабить Гурію и Мингрелію, а то и Имеретію. Такъ дѣлали его отцы, дѣды и прадѣды. Другихъ идеаловъ у него не было.

Послѣ отъѣзда князя Орбеліани изъ Поти въ полной увѣренности, что хорошенькая дочка Кучукъ-бея, изъ желанія блистать въ Петербургѣ, выцѣлуется у отца согласіе на подчиненіе Россіи, въ Поти пріѣхалъ самъ Арсланъ-бей вмѣстѣ съ своимъ молочнымъ отцомъ Тут-

шугомъ и его делибашемъ-дочкой, Дидой. Онъ провѣдалъ о посольствѣ Орбеліани и постарался вывѣдать тайныя цѣли этого посольства, о которомъ, впрочемъ, догадывался. Но ему нечего было вывѣдывать: Эсма-ханумъ все вывела на чистую воду своей болтовней.

— Знаешь, Дида, — встрѣтила она свою пріятельницу:—мы поѣдемъ въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ!—изумилась Дида:—зачѣмъ? Ты съ ума сошла!

— Нѣтъ, Дида! — тамъ, говорятъ, такъ хорошо... театръ... Бѣлый царь...

И она выложила все, что узнала отъ князя Орбеліани. Все это было передано Арсланъ-бею Дидой. Понятно, что Арсланъ-бей былъ пораженъ: потеряй онъ помощь Кучукъ-бея и не будь увѣренъ въ дѣятельномъ покровительствѣ турокъ,—онъ погибъ.

Арсланъ-бей прямо приступилъ къ дѣлу.

— Паша!—сказалъ онъ владѣтелю Поты:—ты идешь прямо къ гибели и тащишь за собою въ пропасть и Абхазію. Посмотри, что случилось съ Имеретіей? Ея царь Соломонъ, выгнанный изъ своего дворца и изъ своей столицы, бродить теперь по горамъ и болотамъ своего царства, оспаривая у кабановъ и дикихъ ковъ ночлегъ для себя и для своего семейства: вѣдь ему негдѣ и голову приклонить. Дворецъ его превращенъ въ казармы и въ конюшню для казацкихъ лошадей. А Мингрелія и Гурія? Въ кого привратились владѣльцы этихъ странъ? Имъ ли принадлежать ихъ города? — Нѣтъ—тамъ правятъ всѣмъ гарнизонные начальники. Зачѣмъ эти гарнизоны?—А это—говорятъ—для безопасности владѣтелей; это—почетныя тюрьмы. Повѣрь, паша,—они и къ тебѣ,

въ Поти, поставятъ гарнизонъ—«почетную стражу»!— Для чего? — «Охранять особу Кучукъ-бей». — Вотъ ужъ къ моему братцу-бабѣ, къ Сеферъ-бею, приставили почетный караулъ, а старшаго сына его, княжича Дмитрія, отправляютъ въ Петербургъ аманатомъ. А развѣ падишахъ беретъ у насъ аманатовъ? Повѣрь, паша, у тебя *они* возьмутъ и твое сокровище, свѣтъ очей твоихъ...

— Кого?—встрепенулся Кучукъ-бей.

— Твою жемчужину, рову садовъ Колхиды, звѣзду Востока—твою Эсма-ханумъ!

— Какъ? зачѣмъ?—вскричалъ паша, блѣднѣя.

— Показать театры, дворцы, а потомъ засадить въ тюрьму, которую *они* называютъ Смольнымъ институтомъ... Я это знаю отъ вѣрныхъ людей... Тамъ уже зачала не одна грузинка... Недостаетъ только, чтобъ тамъ завяла прекраснѣйшая изъ всѣхъ ровъ Абхазіи... Недаромъ такъ прельщала ее этотъ перебѣжчикъ—Орбеліани, собака, потянувшаяся за чужимъ кускомъ, когда подъ носомъ есть свой, гораздо лучшій.

— Этому не бывать, клянусь бородой пророка!—вскричалъ Кучукъ-бей, хватаясь за рукоятку кинжала.

— Погляди на море,—продолжалъ Арсланъ-бей, протягивая руку по направленію къ блѣднѣвшимъ вдаль парусамъ (они сидѣли на террасѣ дворца, обращенной къ морю)—оно теперь наше... Слышишь крикъ чаекъ, что вольно носятся надъ водою, ища себѣ добычи?—Это мы, сыны горъ, такіе же вольные, какъ птицы небесныя... Этотъ воздухъ, это море, эти горы, это небо—все это наше!.. *Они*, какъ воры, пробираются къ намъ; ихъ корабли, какъ шакалы, ночью подкрадываются къ нашимъ берегамъ изъ Крыма... Какое имъ дѣло до насъ?..

Мы не дѣземъ къ нимъ въ Петербургъ, а они къ намъ дѣзуть,—зачѣмъ? — Намъ Аллахъ далъ эту землю, это море,—а они хотятъ отнять у насъ...

— Никогда!—глухо проговорилъ Кучукъ-бей.—Если насъ мало, а ихъ много, то за насъ — самъ падишахъ, тѣнь Аллаха на землѣ... Эта тѣнь прикроетъ насъ—и Колхиду, и Абхазію.

— Но мы должны дѣйствовать: пока нѣтъ пастуховъ, волки перерѣжутъ все стадо,—сказалъ Арсланъ-бей.

— Аллахъ керимъ! — мы и будемъ дѣйствовать,—Трапезондъ не далеко.

— А кто есть тамъ у тебя?—спросилъ Арсланъ-бей.

— Самъ сераскиръ, Шерифъ-паша. Онъ до самой Мекки готовъ идти, если скажутъ, что онъ хоть однимъ глазкомъ можетъ увидать жемчужину Колхиды,—съ гордостью сказалъ Кучукъ-бей.

— Это прекрасную Эсма-ханумъ?

— Да,—дита моей души, лучшую кровь моего сердца.

— А развѣ Шерифъ-паша уже видѣлъ ее?

— Видѣлъ, когда она еще не носила покрывала стыдливости.

— И ты отдашь ее сераскиру?

— Не знаю... Не знаю, можно ли вырѣзать кусокъ изъ своего сердца и остаться живымъ.

— Пообѣдай—помани льва овечкой.

— Попробую.

Арсланъ-бей задумался. Дѣло шло о его спасеніи, о его живни. Его головы искали не только русскіе и мингрельцы, которые не забыли его разбойничьихъ нападений на ихъ аулы и стада и ожидали таковыхъ же въ послѣдствіи,—но и въ Абхазіи многіе зарились на его го-

лову. Владѣтельница Мингреліи, княгиня Нина Дадіанъ, и сынъ ея Леванъ всегда будутъ держать сторону Сеферъ-бея, какъ мужа Тамары изъ рода тѣхъ же Дадіановъ. У Арсланъ-бея, слѣдовательно, была надежда на одного Кучукъ-бея. Но что они вдвоемъ могутъ сдѣлать противъ трехъ союзныхъ силъ — русской, мингрельской и абхазской? Да и гурійцы, особенно ихъ владѣтельный князь, Мамія, давно принявшій христіанство,—тоже могутъ присоединиться къ русскимъ. Какъ быть? Одно спасеніе—турки:—значить, все тотъ же Шерифъ-паша.

Но это имя, прежде ничего не говорившее Арсланъ-бею, кромѣ того, что это былъ могущественный трапезондскій сераскиръ,—теперь стало ему ненавистнымъ— всего двѣ-три секунды назадъ. Какъ! Шерифъ-паша, этотъ сѣдой старикъ, у котораго такой богатый гаремъ— гаремъ, для котораго не одну красавицу-черкешенку доставлялъ своими набѣгами онъ, Арсланъ-бей, — этотъ Маеусайль видѣлъ Эсма-ханумъ и мечтаетъ взять ее къ себѣ въ жены!.. Будь онъ проклятъ!.. Потерять Эсма-ханумъ? Никогда! — лучше потерять Абхазію, чѣмъ эту золотокосую гурію! Еще въ аудѣ Чичи, гдѣ она воспитывалась и гдѣ выросъ самъ Арсланъ-бей, онъ заглядывался на эту золотокосую дѣвочку съ огромными, какъ окна въ рай, глазами, пріятельницу его молочной сестры Диды. Дида любила его со всею пылкостью пламеннаго южнаго темперамента съ десяти-одиннадцати лѣтъ. Она выросла, и съ нею выросла ея бурная страсть къ нему. Она ни на минуту не покидала его — ни дома, ни въ опасныхъ набѣгахъ. Она и теперь съ нимъ неразлучна, какъ тѣнь. Она черезъ Эсма-ханумъ пріобрѣла для него союзъ и помощь Кучукъ-бея. Все она... Но глаза Эсма-

ханумъ—эти окна въ рай, эта золотая головка... Нѣтъ!— пусть пропадаетъ Дида, пусть пропадаетъ Абхазія, весь мiръ,—только онъ никому не уступитъ золотой головки, никому не позволитъ даже заглядывать въ рай черезъ эти окна!

Такъ пусть Кучукъ-бей зоветъ на помощь Шерифа-пашу, пусть сулитъ этому жирному вапрю свою невинную овечку съ золотымъ руномъ на чудной головкѣ! — Онъ, Арсланъ-бей, знаетъ то, что знаетъ и чего никто не знаетъ...

— Однако, паша, намъ медлить нельзя,—сказалъ онъ, какъ бы очнувшись.—Мои кунаки сообщили мнѣ изъ Редуть-Кале, что эта собака, которая цѣла здѣсь соловьемъ, думая соблазнить Эсма-ханумъ Петербургомъ и его театрами, готовится уже къ осадѣ Поти, чтобы отнять у тебя назадъ тѣ драгоценныя сабли и кинжалы, которые подарены тебѣ,—добавилъ онъ ехидно.

— А это тебѣ тоже кунаки сообщили? — нѣсколько задорно спросилъ Кучукъ-бей.

— Кунаки... Однако, паша, намъ съ тобой ссориться невыгодно,—спокойно сказалъ Арсланъ-бей.

— Правда, князь... И орлы ссорятся изъ-за добычи; но когда къ ихъ гнѣзду подбирается охотникъ за орлятами, то они несутъ свои когти и клювы на общаго врага.

— Сама мудрость говорить твоими устами, — согласился Арсланъ, — когда же ты думаешь поманить Шерифа-пашу своей овечкой?

— Немедленно же пошлю гонцовъ.

— А я своихъ, хоть у меня и нѣтъ лакомой овечки, — двусмысленно улыбнулся Арсланъ. «Посылай, — думалъ

онъ между тѣмъ: — а я знаю, что знаю... Никому не дамъ заглянуть черезъ тѣ окна въ рай!»...

Въ это время, та, о которой съ такой страстностью думалъ Арсланъ-бей, сидѣла на берегу моря вмѣстѣ съ Дидой и внимательно слушала, что ей говорила послѣдняя. Глаза ея задумчиво слѣдили за полетомъ чайекъ, носившихся надъ гладкою поверхностью моря, и въ нихъ то вспыхивалъ, то погасалъ какой-то затаенный огонекъ. Дида говорила почти исключительно объ Арсланъ-бей и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но почему теперь слова пріятельницы иногда рѣзали ей сердце, возбуждая недоброе чувство къ той, которую она такъ любила. Эсмаханумъ давно не видѣла Арсланъ-бея. Она помнила его такимъ, какимъ знала еще въ аулѣ Чичи. Онъ тогда нравился ей; но нравился, какъ можетъ нравиться дѣвочкѣ ловкій, отважный и всѣми любимый юноша. Рассказы о немъ Диды не волновали ея, — и она только представляла его себѣ героемъ, какимъ казался ей Автандилъ въ «Барсовой шкурѣ» поэта Руставели. Притомъ, послѣ Чичи, она ни разу не видѣла его вмѣстѣ съ Дидой. Онъ казался ей даже какимъ-то миеомъ, лицомъ изъ восточной сказки, — лицомъ, котораго нельзя встрѣтить въ дѣйствительной жизни. И вдругъ теперь она увидѣла его, и притомъ — вмѣстѣ съ Дидой!.. При встрѣчѣ съ нимъ она замѣтила, съ какимъ, не то изумленіемъ, не то страхомъ, не то восхищеніемъ, глянулъ онъ въ ея большіе, тоже какъ бы изумленные, глаза. Такъ вотъ онъ, сказочный Арсланъ-бей: — это самъ Автандилъ... Она не могла отвести отъ него испуганныхъ глазъ, а онъ все глядѣлъ на нее. Какъ!.. — неужели этотъ герой, это сказочное лицо принадлежитъ Дидѣ?.. Да, она тоже героиня,

она раздѣляла всѣ его походы. А сама она, Эсма-ханумъ, — что она такое? — ничтожество, избалованная отцомъ дѣвчонка! На нее Арсланъ-бей и вниманія не долженъ обращать. Вдругъ она почувствовала, какъ что то застилаетъ ей глаза, и сердце щемить, щемить... Она уже не различаетъ чаекъ, которыя кружились надъ водою у берега и жалобно кричали. Она уже не видала ни гладкой поверхности моря, ни бирюзоваго неба.

— Эсма, ты плачешь? — изумилась и испугалась Дида: — о чемъ, милая?

Эсма закрыла лицо руками и еще пуще расплакалась. Слезы такъ и капали изъ подъ ея тонкихъ, длинныхъ пальцевъ.

VIII.

Черезъ день послѣ описаннаго нами разговора Арсланъ-бея съ Кучукъ-беемъ относительно союза съ трапезондскимъ сераскиромъ Шерифомъ-пашою, когда рѣшено было подѣйствовать на женолюбиваго пашу посредствомъ прелестей дочери Кучукъ-бея, молоденькой Эсма-ханумъ, — именно въ началѣ августа 1809 года, — два линейныхъ казака, Буркинъ и Пластунъ, возвращаясь съ ближайшаго сѣнокоса въ Редуть-Кале, встрѣтили на дорогѣ коннаго абхазца, ѣхавшаго, повидимому, тоже по направлению къ этой крѣпости.

— Эй, кунакъ! — крикнулъ ему Буркинъ: — куда держишь путь?

— Въ Редуть-Кале, кунакъ, — смѣло отвѣчалъ абхазецъ.

— Вотъ те на! — засмѣялся Пластунъ: — захотѣла Маланья прямо въ алтарь.

Абхазецъ смотрѣлъ вопросительно.

— А ты рази не знаешь, кунакъ, что у насъ въ алтарь ни бабъ, ни собакъ не пуцаютъ, а только кошекъ, чтобы мышей ловили. А крѣпость наша для васъ, лупоглазыхъ, то же, что алтарь святой, — пояснилъ Буркинъ.

— Такъ я буду кошкой, — лукаво улыбулся абхазецъ.

— Ахъ, ты, песья голова! какой смѣлый! — засмѣялся Пластунъ.

— А на кошекъ у насъ есть собаки,—добавилъ Буркинъ.—Да ты толкомъ говори, кунакъ:—ты и вправду норовишь въ Редуть?

— Да, кунакъ,—серьезно отвѣчалъ абхазецъ:—я къ самому князю Орбеліани.

— Вотъ какъ! откуда?

— Изъ Поти, кунакъ.

— Отъ кого? али самъ отъ себя?

— Отъ Арсланъ-бея съ письмомъ и живымъ словомъ.

— Вотъ какъ! а покажь письмо.

— Письмо покажу самому князю—съ рукъ на руки, съ глазу на глазъ.

Казакки переглянулись. Отъѣхавъ немного въ сторону, они стали шептаться.—«Може, лавутчикъ... подосланъ вынюхать все»...—«Ну, мы завяжемъ ему глаза, чтобы ни синь-пороху не видалъ»...—«Ладно... къ самому, вишь ты, князю... нельзя не пущать».

Посовѣтовавшись, они обратились къ абхазцу, который спокойно ждалъ, пока они переговаряютъ между собой.

— Вотъ что, кунакъ, песья твоя голова, — сказала Пластунъ:—крѣпость близехонько, а по нашимъ звичаямъ мы должны буркалы твои завязать.

— Бурки?—удивился абхазецъ, чѣмъ вызвалъ дружный смѣхъ линейцевъ.

— Буркалы! это, сказать бы, глядѣлки, — продолжалъ смѣяться Пластунъ.

— Глаза,—пояснилъ Буркинъ:—мы тебѣ завяжемъ глаза, чтобы ты ни синь-пороху не видалъ ни около крѣпости, ни въ самой крѣпости.

— Вяжи, кунакъ,—подчинился абхазецъ.

— Ладно! давай башлыкъ.

Абхазецъ снялъ съ себя башлыкъ и подалъ Буркину. Тотъ накиннулъ ему на голову, плотно прикрылъ глаза, оставивъ свободнымъ только ротъ для дыханія и кончикъ носа, и туго обмоталъ лопасти башлыка вокругъ головы абхазца.

— Ну, теперь, братъ, ни синь-пороху не увидишь... Ходи смѣло, Маланья, прямо въ святой алтарь.

Всѣ трое двинулись къ крѣпости. У воротъ ихъ встрѣтили солдатики, возившіе тачками землю къ одному изъ редутовъ.

— Эй, братцы, кубанцы въ жмурки играютъ, — смѣялись солдатики.

— Али красную дѣвицу везете, что со стыда закрылась?

— Съ бородой, братцы, дѣвка.

Кубанцы не отвѣчали на шутки товарищей и молча въѣхали въ крѣпость. Навстрѣчу имъ попался офицеръ.

— Кого привели, братцы? — спросилъ онъ.

— Не сказывается, ваше благородіе: — къ самому князю, говорить, съ письмомъ отъ Арсланъ-бея изъ Поти.

Офицеръ пошелъ доложить князю и тотчасъ воротился.

— Идите къ его сіятельству, — сказалъ онъ: — проводите его — пусть идетъ съ завязанными глазами.

Абхазца ввели въ кабинетъ князя Орбеліани, выходящій окнами на море. Генераль стоялъ, опершись рукою на письменный столъ, заваленный бумагами. Рука его касалась тутъ же лежавшаго пистолета.

— Гдѣ вы его взяли? — спросилъ онъ вытянувшихъ въ струнку казаковъ.

— За вовлѣскомъ, ваше сіятельство, недалече отъ крѣпости, — былъ отвѣтъ.

— Спасибо, ребята, за осторожность... Развяжите ему башлыкъ и можете идти.

Казаки, сдѣлавъ по формѣ оборотъ налѣво кругомъ, вышли, молодцовато стуча сапогами со звономъ. Абхазецъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Ты кто?—спросилъ Орбеліани.

— Я—Тутшугъ, изъ горнаго аула Чичи, воспитатель его свѣтлости Арсланъ бей, — смѣло отвѣчалъ абхазецъ своею гортанною рѣчью.

— Воспитатель Арсланъ-бей?—переспросилъ князь.

— Воспитатель:—моя жена кормила его... Его свѣтлость Арсланъ-бей—нашъ воспитанникъ, вскормленникъ всего рода изъ аула Чичи.

Орбеліани знали, какое важное значеніе въ Абхазіи придавалось тому семейству, въ которомъ выкармливались юные принцы и князья, и даже всему роду. За то и вскормленникъ считался патрономъ цѣлаго рода, и за него родъ готовъ былъ и въ огонь, и въ воду. — «Клянусь именемъ вскормленника нашего»—такого-то:—это величайшая клятва для абхазца.

— Гдѣ же теперь Арсланъ-бей?—спросилъ Орбеліани.

— Въ Поти, въ гостяхъ у Кучукъ-бея.

— Зачѣмъ же онъ прислалъ тебя ко мнѣ?

— Съ письмомъ и живымъ словомъ.

— Гдѣ же письмо?

Абхазецъ — это былъ Тутшугъ, отецъ Диды — распоролъ кончикомъ кинжала часть подкладки у бешмета и вынулъ оттуда вчетверо сложенный лоскутокъ бумаги.

— Вотъ письмо, — сказала Тутшугъ, подавая посланіе.

Орбеліани развернулъ лоскутокъ.

«Арсланъ-бей абхазскій генералу князю Орбеліани съ

миромъ. Вѣрь, князь, каждому слову, которое передадутъ въ уши твои уста Тутшуга, моего воспитателя», — прочесть про себя Орбеліани.

Но онъ не зналъ почерка Арсланъ-бея.

— Это онъ самъ писалъ?—спросилъ князь.

— Самъ, своею правою рукой.

Орбеліани хлопнулъ въ ладоши. На его зовъ въ кабинетъ вступилъ бравый ординарецъ изъ грузинъ.

— Попроси ко мнѣ немедленно Сеферъ-Али-бея, — сказалъ князь.

Черезъ минуту явился номинальный владѣтель Абхазіи. При видѣ Тутшуга, лицо его выразило глубокое наумленіе. Но абхазецъ, въ знакъ почтительнаго привѣтствія, приложилъ руку къ сердцу и ко лбу.

— Вы знаете, князь, этого человѣка?—спросилъ Орбеліани.

— Я-ли не знаю воспитателя отцеубійцы и братоубійцы!—съ гордымъ презрѣніемъ воскликнулъ Сеферъ-бей.—Только шакалъ могъ воспитать шакала.

— Онъ явился ко мнѣ посломъ отъ вашего брата, — замѣтилъ Орбеліани.

— Отцеубійца—не братъ мнѣ!—сказалъ горячо владѣтель Абхазіи.—Что нужно отъ насъ этому нечестивцу, проклятому Богу и людьми?

— Вотъ онъ пишетъ мнѣ, — сказалъ Орбеліани, подавая Сеферъ-бею клочокъ бумаги, привезенный Тутшугомъ.—Его-ли это рука, князь?

Сеферъ-бей съ гадливостью взглянулъ на бумагу.

— Его, злодѣя... Это писано кровью моего отца и моихъ братьевъ, — сказалъ онъ, возвращая бумагу.—И вы, князь, думаете вѣрить тому, что кровавые уста одного

перенесуть къ вамъ въ уши изъ кровавыхъ устъ другого шакала?

— Я не знаю еще, что онъ мнѣ скажетъ, — отвѣчалъ Орбеліани. — Но во всякомъ случаѣ, вапа свѣтлость, будьте увѣрены, что все, что мнѣ сообщитъ посланецъ Арсланъ-бея, я не замедлю довести до вашего свѣдѣнія. Извините, что обезпокоилъ васъ и огорчилъ, пригласивъ удостовѣрить подлинность руки Арсланъ-бея.

И Орбеліани поклонился, давая понять Сеферъ-бею, что онъ можетъ удалиться. Сеферъ-бей поклонился также и вышелъ, не удостоивъ взглядомъ Тутшуга.

— Что же Арсланъ бей приказалъ тебѣ сообщить мнѣ? — спросилъ Орбеліани.

— Его свѣтлость, мой воспитанникъ и повелитель, Арсланъ-бей абхазскій, повелѣлъ мнѣ передать вашему сіятельству съ глазу на глазъ и изъ устъ моихъ въ ваши уши его слова: — Арсланъ-бей, желая загладить свои проступки противъ Россіи, предлагаетъ вамъ свою помощь — взять Поти.

— Поти! — удивился Орбеліани. — Какимъ это образомъ?

— Арсланъ-бей находится теперь въ Поти, въ гостяхъ у Кучукъ-бея, — продолжалъ Тутшугъ. — Надѣленный по волѣ Аллаха мудростью царя Соломона...

— Ужъ не имеретинскаго-ли? — улынулся Орбеліани.

— Нѣтъ, Соломона, царя іудейскаго. Надѣленный его мудростью и мужествомъ барса, Арсланъ-бей, видя коварство Кучукъ-бея, положилъ въ сердцѣ своемъ обличить его коварство и приготовить ему гибель. Онъ узналъ, что Кучукъ-бей, въ закоренѣлости своей дышитъ адомъ противъ Россіи, приглашаетъ Шерифа-пашу, сераскира тра-

незондскаго, идти къ Потѣ съ войскомъ, чтобы потомъ, соединившись вмѣстѣ съ нимъ и съ имеретинскимъ Соломономъ, выгнать русскихъ не только изъ Редуть-Кале, но и изъ Гуріи, Мингрелии и Имеретіи...

— И Абхазію отдать Арсланъ-бѣю?—съ улыбкой недовѣрія спросилъ Орбеліани.

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Тутшугъ.— Арсланъ-бей отдаетъ себя на вашу милость и на милость могущественнаго Бѣлаго царя.

— Что же онъ самъ не явился съ повинной?—спросилъ Орбеліани.

— Онъ еще хочетъ носить свою голову на плечахъ.

— Но въ Россіи есть пословица:—повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Арсланъ-бей боится Сибири: — онъ такъ любитъ свое солнце и свои горы.

— И онъ поможетъ мнѣ взять Потю? — послѣ нѣкотораго раздумья, спросилъ Орбеліани.

— Да... Это его повинная... Мы укажемъ вамъ слабая мѣста крѣпости Кучукъ-бея.

— А сколько въ ней гарнизону?

— Всего четыреста человѣкъ.

— А орудій крѣпостныхъ?

— Тридцать пять.

Князь Орбеліани сильно сомнѣвался въ искренности Арсланъ-бея. Нужны были какія нибудь очень сильныя причины, чтобы этотъ безчеловѣчный честолюбецъ отказался отъ всего своего прошлаго и, что равносильно, живо похоронилъ бы себя. Не такого закала былъ этотъ человѣкъ.—это было олицетвореніе восточнаго деспотизма. Ему ничего не значило пролить рѣвки крови, перешагнуть

черезъ трупы отца, братьевъ, чтобы только съѣсть выше другихъ. Родство, дружба, любовь, честь—все у него на острий его кинжала. Убить, обмануть самымъ постыднымъ образомъ, нагло лгать въ глаза—это добродѣтель деспота. А такимъ и былъ Арсланъ-бей. Для чего же онъ убивалъ звѣрски отца, братьевъ? Не для того же, чтобы потомъ добровольно отказаться отъ этихъ «трофеевъ»?

«Да, это новое коварство, — думалъ Орбеліани. — Но что подъ нимъ скрывается?»

— Нѣтъ, я не вѣрю ни тебѣ, ни Арсланъ-бею, — сказалъ онъ наконецъ, глядя упорно въ глаза Тутшугу.

Абхазецъ колебался. Чтобы ему повѣрили, надо было открыть истинную причину ничѣмъ необъяснимаго поворота въ дѣйствіяхъ Арсланъ-бея. Но какъ открыть ее? Посылая его въ Редутъ-Кале съ этимъ предательскимъ порученіемъ, Арсланъ-бей разрѣшалъ ему только въ самомъ крайнемъ случаѣ открыть Орбеліани тайну своего господина. Но насталь-ли этотъ крайній случай? Долженъ-ли Тутшугъ показать «подкладку бешмета»?

— Я не вѣрю вамъ, — новторилъ Орбеліани.

Глава абхазца сверкнули. Онъ видѣлъ, что придется показать «подкладку бешмета». А посылая его къ Орбеліани, Арсланъ-бей сказалъ: — «уломаешь уруса, не показывая ему подкладки бешмета, — будешь для меня больше отца; а не уломаешь, не показавъ подкладки бешмета, будешь мнѣ только младшимъ братомъ»... Приходилось отказаться отъ чести быть у своего повелителя выше отца... Тутшугъ рѣшился.

— Такъ знай же, князь, — сказалъ онъ наконецъ: — я не показалъ тебѣ то, что особенно глубоко спрятано въ Арсланъ-бей... Я не показалъ тебѣ изнанку его

сердца, — оттого ты и не вѣришь ни ему, ни мнѣ... Въ сердцѣ Арсланъ-бея неизлѣчимая рана. Рану эту способна залѣчить только дочь Кучукъ-бея, прекрасная Эсмаханумъ. А между тѣмъ Кучукъ-бей хочетъ отдать свою дочь въ жены старому Шерифу-пашѣ, сераскиру трапезондскому, и только на этомъ условіи Шерифъ-паша придетъ съ войскомъ, чтобы защитить отъ русскихъ Поти и взять съ собою прекрасную Эсмаханумъ. А мой господинъ Арсланъ-бей говорить: — «я за Эсмаханумъ отдамъ русскимъ Сухумъ, всю Абхазію, — за Эсмаханумъ отдамъ свою душу и весь рай пророка». — Вотъ, князь, теперь я выложилъ передъ тобою сердце моего господина: — оно трепещетъ у него на остріѣ кинжала. Спаси же моего господина. Съ Эсмаханумъ онъ уйдетъ въ горы; «тамъ — говорить онъ — въ бѣдной саклѣ мы найдемъ рай пророка».

Князь Орбеліани убѣдился теперь, что Арсланъ-бей былъ искрененъ. Онъ зналъ, какъ пламенны страсти у восточнаго человѣка. Въ порывѣ страсти, для обладанія тѣмъ, на что обрушится эта страсть, дитя Востока не задумается пожертвовать престоломъ, славой, живнью. Что ему жизнь? — Одинъ взмахъ кинжала — и нѣтъ жизни! Убилъ же онъ отца и братьевъ изъ-за честолюбія. А эта страсть — сильнѣе честолюбія.

IX.

Взвѣсивая со всѣхъ сторонъ неожиданное предложеніе Арсланъ-бея, князь Орбеліани вспомнилъ ту, которая зажгла въ необузданномъ сердцѣ отчаяннаго головорѣза такую пылкую страсть. Онъ самъ видѣлъ ее. Онъ говорилъ съ нею о Россіи, о Петербургѣ, о его увеселеніяхъ, — и юная дикарка обворожила его самого. Ему даже стало жаль, что такое прелестное существо можетъ достаться деспоту-варвару и кончить свою жизнь гдѣ нибудь въ горахъ, среди дикихъ скалъ и непроходимыхъ дебрей Абхазіи, когда этотъ прелестный цвѣтокъ могъ бы вполне распуснуться въ иной, болѣе нѣжной атмосферѣ, въ царственной обстановкѣ, которой вполне достойно было это очаровательное дитя Востока.

Но былъ-ли онъ правъ, жалѣя въ душѣ крошку Эсма-ханумъ? Это было такое чистое, невинное дитя природы, какъ нѣжная азалія ея родныхъ горъ, которой не коснулось еще заразительное, нечистое дыханіе большого города. Онъ рисовалъ передъ нею соблазнительныя картины столичныхъ увеселеній, театры, концерты, придворныя балы. Но развѣ послѣдніе, — думалъ онъ, — не убійство для всего невиннаго, чистаго, не оскверненіе всего святаго и непорочнаго? — Танцы... это нечистое привокосновеніе всякихъ грязныхъ рукъ, — хотя онѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, — къ чистому, какъ горный снѣгъ, существу...

Это нескромное созерцаніе видимаго и воображаемаго... Нѣтъ, это—убійство невинности, и убійцы тутъ—всѣ, каждый, кто имѣетъ право пригласить на вальсъ юное, непорочное существо... Это значитъ — разомъ принадлежать всѣмъ и каждому. Нѣжная азалія, которую ласкало только солнце да обвѣвалъ своимъ дыханіемъ тихій горный вѣтерокъ, окажется вдругъ сорванной, захватанной, всѣми обнюханной — фи! какая гадость... Бѣдный цвѣточекъ!

Такъ думалъ князь Орбеліани, представляя себѣ прелестную Эсма-ханумъ въ Петербургѣ.

Но тутъ? Заключенная въ гаремѣ стараго, безобразнаго, истаскавшагося Шерифъ-паши, оторванная отъ всего міра, всѣхъ явленій и радостей жизни; предоставленная деспотическому произволу грубаго сластолюбца, раба этого деспота, преслѣдуемая интригами, завистью и злобою другихъ обитательницъ гарема; третируемая злобнымъ евнухомъ, какъ вещь, какъ объектъ минутной прихоти господина— что тутъ должно вынести прелестное юное созданіе?—А въ горахъ у Арсланъ-бея, въ бѣдной саклѣ, среди непроходимыхъ дебрей, въ вѣчномъ одиночествѣ?

— Извините, князь, я, кажется, не во-время.

Орбеліани вдрогнулъ и обернулся. Онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на море, думая о судьбѣ Эсма-ханумъ. Въ кабинетъ входилъ Сеферъ-Али-бей.

— Извините, я, кажется, прервалъ ваши размышленія?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, князь,—я думалъ о предстоящемъ намъ походѣ,—разомъ пришелъ въ себя Орбеліани.—Готова ли къ выступленію ваша милиція?

— Совершенно готова. Мы сейчасъ—князь Дадіанъ,

князь Мамія Гуріели и я—вѣдили на сборные пункты нашихъ войскъ, и наши всѣ въ образцовомъ порядкѣ.

— А какъ смотрятъ гуріельцы? надежны ли они?

— Вполнѣ надежны: они ненавидятъ турокъ.

— Да, это правда,—сказалъ Орбеліани,—только князь ихъ Мамія далеко не постояненъ. Еще недавно онъ сно-
сился съ «царемъ безъ царства».

— Это съ Соломономъ имеретинскимъ?—спросилъ Сеферъ-бей.

— Да, они, царь Соломонъ и князь Мамія Гуріели думали при помощи войскъ ахалцхскаго паши отвоевать отъ насъ Имеретію, а Гурію предоставить протекторату султана. Но это у нихъ не выгорѣло,—и князь Мамія думаетъ теперь загладить свое коварство.

— Когда же мы выступаемъ, князь?—спросилъ Сеферъ-бей.

— Завтра, 12-го августа. Я выступаю съ шестью ротами бѣлевскаго полка, одною ротой 9-го егерскаго и полсотнею казаковъ при пяти орудіяхъ.

— Да наши три милиціи.

— Да, но не забывайте, что вамъ придется имѣть дѣло съ войскомъ Шерифа-паши, пока Поти будетъ обложена мною.

На другой день, дѣйствительно, состоялось выступленіе. Спереди слѣдовали казаки, которые открыли походъ боевою пѣсней. Знакомый намъ Пластунъ оказался голосистымъ запѣвалой. Свѣсивъ на бекрень свою шапку, онъ зятянулъ фальцетомъ:

По горамъ было, горамъ,
По турецкимъ скаламъ

Орудейный громъ летить,
Весь турецкій край дрожить.

Пластуна поддержали товарищи, и эхо горъ повторило послѣднія слова хвастливой пѣсни:

Вынимаютъ мечъ булатный,
Вѣжить прямо на заваль:—
Загремѣли ружья, шашки —
Бьемъ мы турокъ наповаль.

Слушая казацкую пѣсню мѣстнаго происхожденія, старые пѣхотинцы снисходительно улыбались.

— Это что за пѣсня!—новенькая... А послушали бы они нашихъ суворовскихъ пѣсенъ,—говорилъ низенькій солдатикъ съ лицомъ чернѣе голенища и съ бѣленькимъ крестикомъ на груди.

— Это про Лопухина да про прущкѣго короля?—спросилъ молодой малый съ лицомъ «хоть рѣпу сажай».

— Да хуть бы и про Лопухина.

— Что жъ,—мы и эту пѣвали,—заговорили многіе голоса.—Споемъ ее—покажемъ казакамъ, какъ пѣть. Заводи-ка, Кудряшовъ.

Кудряшовъ выступилъ нѣсколько впередъ и, обернувшись своимъ рябымъ лицомъ къ товарищамъ, запѣлъ:

Какъ не пылъ въ полѣ пылить,—
Не дубровушка шумить,
Прусакъ съ арміей валить.

Это была длинная, любимая тогда солдатская пѣсня—похвальба побѣдами надъ «пруцкимъ королемъ». Пѣсня говоритъ, какъ прусаки «начали палить—только дымъ съ сажей валить». Дальше такая картина: «Намъ не видно ничего, только видно на прикрасть, на зеленомъ на лугу:—стоитъ армія въ кругу. Лопухинъ ѣдитъ въ

полку, курить трубку табаку. Онъ не для того курить, чтобы пьяному не быть—для того табакъ курить, чтобы смѣло поступить подъ лютого подъ врага—подъ лютого подъ врага—подъ прущаго короля». И вотъ они подступили. Герой Лопухинъ, продолжая курить трубку, и «таки рѣчи говорить:—«начинайте-ка, ребята, вы со праваго крыла, со лѣваго тесака».—Наши начали палить—только сажница валить»...

Въ пѣснѣ и въ голосахъ пѣвцовъ слышался такой подмывающій задоръ, что всѣ ею заинтересовались, и князь Орбеліани подѣхалъ ближе къ пѣсенникамъ вмѣстѣ съ Сеферъ-беємъ. Солдатики, ободряемые улыбкою военачальника, продолжали еще съ большимъ воодушевленіемъ:—«Они билися-рубилися четырнадцать часовъ; на пятнадцатомъ часу стали тѣла разбирать:—находили во тѣлахъ полковничковъ до пяти,—полковничковъ до пяти, генераловъ десяти. А еще того подалѣ заставали душу въ тѣлѣ—заставали душу въ тѣлѣ:—Лопухинъ лежитъ убитъ—Лопухинъ лежитъ убитъ, таки рѣчи говорить:—«Охъ, вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги! вы по-дайте-ка, ребята, листъ бумаги гербовой—листъ бумаги гербовой—чернильницу со перомъ. Напишу я такую вѣрность государынѣ самой:—князь Румянцевъ генераль много силы истерялъ; воръ Потемкинъ генераль въ своемъ полку не бывалъ—въ своемъ полку не бывалъ, всея силу растерялъ: кое пропиль-промоталъ, кое въ карты проигралъ; которая на горѣ—стоитъ по груди въ кровѣ, а котора подъ горой—заметало всю землей. А Суворовъ генераль свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ—короля во полонъ бралъ»...

— Ну, досталось же бѣднымъ генераламъ!—засмѣял-

ся Орбеліани:—а особенно Потемкину: онъ и «воръ,» и «пропиль-прогуляль» свою армию, а остальныхъ «въ карты проигралъ»...

— Неужели это правда, князь?—изумился Сеферъ-бей.

— Конечно, вздоръ... Это видно, что его не любили солдаты, которыхъ онъ не щадилъ. Зато предъ Суворовымъ они благоговѣли, да и было за что:—это былъ великій военный геній... А этотъ герой Лопухинъ:—умирая, онъ пишетъ письмо или донесеніе, да еще на «гербовой бумагѣ».

Надвигался вечеръ. Солнце, огромнымъ багровымъ шаромъ погрузившись въ море, отбросило отъ себя въ багряное небо снопъ яркихъ лучей, золотистымъ отблескомъ которыхъ продолжали еще горѣть вершины горъ. По небу съ разныхъ сторонъ неслись запоздавшіе орлы и вороны, направляя свой полетъ въ горы на ночлегъ. Хотя переходъ отъ Редуть-Кале былъ сдѣланъ небольшой, однако, въ виду приближающейся ночи, князь Орбеліани распорядился остановить свой отрядъ, чтобы утромъ со свѣжими силами подступить къ Поти. Едва колонны остановились, какъ казаки одного изъ передовыхъ разъѣздовъ привели къ Орбеліани какого-то подозрительнаго абхазца, принявъ его за лазутчика. Оказалось, что это былъ Тутшугъ, подсланный Арсланъ-беемъ. На поданномъ имъ клочкѣ бумаги рукою послѣдняго было написано:—«Посылаю проводника. Его указанія приведутъ васъ къ благополучію».

— Ночуй тутъ, князь,—сказалъ Тутшугъ,—а завтра утромъ я поведу тебя въ обходъ и покажу удобную переправу чрезъ Ріонъ.

Однако, неполнѣ довѣряя посланцу, князь Орбеліани

приказалъ на ночь усилить сторожевую дѣль и осторожно наблюдать за Тутшугомъ. Но подозрѣнія Орбеліани не оправдались. Утромъ, по его указаніямъ, часть абхазскихъ и мингрельскихъ войскъ, подъ начальствомъ Сеферъ бея и князя Дадіана, а также три роты бѣлевцевъ, прикрываясь лѣсомъ, съ трехъ сторонъ окружавшимъ Потю, благополучно переправились на лѣвый берегъ Ріона и заняли позицію въ трехъ верстахъ отъ крѣпости. На мѣстѣ переправы находился прочный и помѣстительный паромъ-плотъ. Его-то именно и имѣлъ въ виду опытный въ военномъ дѣлѣ Тутшугъ, воспитавшій такое чадо, какъ Арсланъ-бей, потому что безъ парома нельзя было переправить на другой берегъ рѣки орудія и снаряды. Этимъ паромомъ и воспользовался Орбеліани. Помѣстивъ на немъ пушки, лошадей и зарядные ящики, онъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся внизъ по Ріону и, подъ защитою лѣса, высадился почти у самаго форштадта Потю. На правомъ берегу онъ оставилъ одно орудіе, которое, въ случаѣ надобности, могло обстрѣливать форштадтъ съ сѣвера и съ сѣверо-востока. Не утомленные короткимъ переходомъ, солдатики быстро соорудили молодецкую батарею.

— Въ единъ ментъ, по суворовски,—говорилъ, закуривая носогрѣйку, тотъ старый морщинистый солдатикъ съ «георгіемъ» на груди, что ходилъ, хотя и не «подъ проклятого прущого короля», а «подъ Аршавъ-городъ» съ Суворовымъ, подъ веселую пѣсенку:

Ахъ, начто было огородъ городить.
Ахъ, начто было капусту садить!..

— Ну, и чижала жъ наша «теща»,—говорилъ рябой

Кудряшовъ, загѣвала, перевязывая вспотѣвшія за работой опорки.

— Чижала «тещенька» — точно, да дѣло свое знаетъ, — замѣтилъ другой солдатъ, вытирая травой банникъ.

«Тещею» они называли пушку, которая должна была съ воздвигнутой сейчасъ батареи обстрѣливать форштадтъ. Эту батарею возводилъ и командовалъ ею инженеръ-подпоручикъ Фрейманъ, бѣлокурый молодой человекъ, на котораго князь Орбеліани возлагалъ большія надежды. И онъ не ошибся. Едва его единственное орудіе открыло огонь по форштадту, какъ меткіе выстрѣлы тотчасъ же дали о себѣ знать.

— Заговорила наша «теща», — смѣялись солдатики, наблюдая со стороны, какъ удачно ложились ядра въ намѣченные пункты. — А здорово плюется старушка!

— Ну, ну, братцы, живѣе кормите старуху черной кашей! — кричали артиллеристамъ свободные отъ дѣла пѣхотинцы. — Сыпь, сыпь ей въ хайло — все проглотить теща.

— Да каленый арбузикъ ей въ зубы!

— А! не любишь, тешшинька, каленаго арбузика! — говорилъ рябой Кудряшовъ, когда изъ жерла пушки съ дымомъ вылетѣло ядро. — Выплюнула ядрышко.

— И далеко же плюетъ старуха! — Ай да тешшинька! — Мотри, мотри, братцы, — што надѣлала тамъ! — бѣгутъ!

— Въ единъ ментъ, по суворовски, — бормоталъ ходившій «подъ Аршавъ-городъ» старый Сукачовъ, не выпуская изъ рта носогрѣйки.

Дѣйствительно, турки, засѣвшіе за окопами Форштадта, не выдержали меткаго огня батареи Фреймана и въ разсыпную бросились укрываться въ ближайшихъ къ стѣнамъ крѣпости строеніяхъ.

— Въ догонку! въ догонку имъ!

Х.

Поти, однако, не такъ легко было взять, какъ казалось издали. Сколько ни работала энергическая «теща», поддерживаемая четырьмя другими орудіями со вновь возведенныхъ батарей, ея грозные крики не могли заставить замолчать турецкихъ «шавокъ», какъ называли наши солдатики крѣпостныя орудія, отвѣчавшія намъ со стѣнъ Поты. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ были подбиты нашими выстрѣлами, особенно же выстрѣлами со стороны «тещи», но... и Фрейманъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы... Горластая «теща» замолчала...

— Кормить нечѣмъ тешпу—отошала, бѣдная,—печаловались солдатики:—нечѣмъ ей плеваться и пужать турецкихъ шавокъ.

Дѣйствительно, къ октябрю у насъ всѣ боевыя припасы вышли, а взять было негдѣ. Пороху еще было достаточно, но ядеръ совсѣмъ почти не было.

— Я знаю, какъ помочь горю, князь,—сказалъ однажды Леванъ Дадіанъ:—у насъ будутъ ядра.

— Откуда же мы ихъ возьмемъ?—удивился Орбелиани.

— У насъ, въ Мингреліи, по крѣпостцамъ, много негодныхъ мѣдныхъ пушекъ, изъ которыхъ ужъ нельзя стрѣлять:—мы ихъ перельемъ въ ядра. Мало того—у насъ по церквямъ, въ старыхъ ризницахъ, хранятся безъ вся-

каго употребленія разбитые церковные колокола. Я напишу матери—и она тотчасъ же доставитъ намъ цѣлый обозъ мѣди.

— Прекрасная идея!—обрадовался Орбеліани.—Пишите тотчасъ же многоуважаемой княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней правительница Мингреліи сама явилась подъ стѣнами Поти съ цѣлымъ обозомъ старыхъ мѣдныхъ пушекъ и колоколовъ, и съ массою рабочихъ мингрельцевъ. Наскоро устроили горны и формы для литья ядеръ, и работа закипѣла. Княгиня Нина лично наблюдала за литейнымъ дѣломъ, а равно своимъ присутствіемъ ободряла рабочихъ при возведеніи новыхъ батарей. Солдаты были поражены ея геройской неустрашимостью и благоговѣли передъ нею.

— Ну,—говорилъ старый Сукачовъ,—много я свѣту видѣлъ, но такого дива еще не видывалъ. На что польки отчаянный народъ—немало я ихъ знавалъ, какъ мы подъ Аршавъ-городъ ходили,—а чтобы на батареяхъ видѣть юбки—такого и при Суворовѣ не бывывало.

Особенно приводило солдатъ и въ смущеніе, и въ умиленіе то, что ядра лили изъ церковныхъ колоколовъ.

— Мѣдь-то не простая, а святая... Святые и ядра будутъ—все едино, что ладонь росной.

— Ужь такое ядро не минеть цѣли,—нѣтъ, шалишь!

— А особливо, какъ святымъ-то ядромъ да тешпу зарядимъ,—держись!

Появленіе княгини Нины на батареяхъ было замѣчено съ крѣпости, и оттуда началась усиленная пальба по тѣмъ именно батареямъ, на которыхъ по временамъ появлялась и дразнила турокъ бѣлая чадра мужественной

правительницы Мингрелии. Поэтому князь Орбеліани всегда предостерегалъ ее, указывая на опасность, но княгиня продолжала дѣйствовать по прежнему, зная, что своимъ присутствіемъ она поддерживаетъ мужество не только въ своихъ подданныхъ, но и въ солдатахъ. Однажды, когда вновь устроенныя батареи начали дѣйствовать новыми мѣдными ядрами, и на главной батарее, съ которой стрѣляла «теща», находились князь Орбеліани, княгиня Нина съ сыномъ Леваномъ и Сеферъ-беемъ,—на крѣпостной стѣнѣ Поти, около одной амбразуры, появилась женская фигура.

— Посмотрите, княгиня, турки начинаютъ подражать вамъ,—съ улыбкою сказалъ Орбеліани.—Видите—на стѣнѣ женщина, и молоденькая (онъ смотрѣлъ въ зрительную трубу, которую передалъ потомъ княгинѣ).—Она видимо бравируетъ:—въ одной рукѣ держитъ турецкое знамя съ полумѣсяцемъ, а другая рука грозитъ намъ кинжаломъ.

— Я узнаю эту женщину,—мрачно сказалъ Сеферъ-бей, тоже наблюдавшій въ подзорную трубу.—Это молочная сестра злодѣя Арсланъ-бея.

Солдаты также замѣтили Диду на стѣнѣ крѣпости.

— Вотъ бы ссадить отсюда турчаночку! Тешпенька, голубушка... ссади ее!

Въ это время на батарею прибылъ князь Маміа, владѣтель Гуріи. Онъ былъ видимо озабоченъ.

— Что новаго, любезный князь?—спросилъ Орбеліани.

— Арсланъ-бей былъ правъ,—сказалъ Маміа торопливо:—турки уже топчутъ мои земли копытами своихъ коней... Шерифъ-паша идетъ отъ Батума на помощь Поти за своею невѣстою—за Эсма-ханумъ. Сейчасъ прибыли мои развѣдчики и говорятъ, что съ сераскиромъ

слѣдуетъ болѣе десяти тысячъ войска—одни берегомъ моря, другіе на судахъ... Я не позволю имъ топтать мою кукурузу и мои виноградники.

— И я иду съ вами спасать Гурію,—сказалъ Орбеліани.

Вскорѣ отъ развѣдчиковъ узнали, что Шерифъ-паша, прслѣдовавъ береговою полосой Гуріи, остановился въ двадцати верстахъ отъ Поти. Обманувшись въ надеждѣ на помощь со стороны гуріельцевъ, которыхъ, по увѣреніямъ Соломона II, бѣглаго царя Имеретіи, онъ считалъ сторонниками Турціи, и предвидя возможность нападенія на войско со стороны русскихъ,—сераскиръ боялся слѣдовать къ Поти, а счелъ болѣе благоразумнымъ укрѣпиться подъ защитою двухъ рѣчекъ—Молтаквы и Григолеты. Между этими рѣками онъ остановился лагеремъ, имѣя первую съ правой стороны, а послѣнюю—съ лѣвой. Тылъ его прикрывали лѣсистыя и болотистыя, совѣмъ непроходимыя мѣста, а отъ моря турки защитились нѣсколькими редутами и окопами. Позиція, повидимому, была неприступная. Но счастье на этотъ разъ измѣнило старому претенденту на руку молоденькой Эсма-ханумъ.

— Я нападу на него со стороны Григолеты, откуда онъ менѣе всего ожидаетъ нападенія,—сказалъ князь Маміа: мои гурійцы отлично знаютъ всѣ броды на рѣчкѣ.

— А я поведу атаку отъ рѣчки Молтаквы и съ фронта,—рѣшилъ Орбеліани.

Онъ тотчасъ же, не снимая осады Поти, послалъ впередъ, къ Молтаквѣ, Сеферъ-бея и князя Левана Дадіана съ частью ихъ милицій, придавъ имъ въ помощь двѣ роты кабардинскаго мушкетерскаго полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ родственника своего, майора

князя Орбелиани, который съ своимъ отрядомъ стоялъ всего въ шести верстахъ отъ Молтаквы. Шерифъ-паша былъ ошеломленъ, увидавъ почти въ тылу у себя гурійцевъ. Князь Мамія Гуріели съ такою стремительностью повелъ въ атаку свою милицію, что турки растерялись. Не выдержавъ этого натиска, они было бросились въ сторону Молтаквы, но тамъ ихъ встрѣтилъ картечью майоръ Орбелиани съ своими кабардинцами. Картечь вырвала изъ рядовъ ошеломленнаго непріятеля десятки жертвъ, и, отступая къ морю по трупамъ своихъ товарищей, турки не замѣтили, какъ лихіе джигиты абхазскіе и мингрельскіе, съ Сеферъ-беемъ и Леваномъ Дадіаномъ во главѣ, вплавъ перелетѣли черезъ Молтакву и стали крошить саблями направо и налево. Поражаемые съ двухъ сторонъ, турки спѣшили укрыться въ укрѣпленныхъ редутахъ и завалахъ. Но ихъ и тамъ ждала смерть. Пока абхазцы, мингрельцы и гурійцы, подкрѣпляемые кабардинцами, поражали и преслѣдовали бѣгущихъ, генераль князь Орбелиани успѣлъ переправить пѣхоту и артиллерию черезъ Молтакву на лодкахъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ наткнулся на сильно укрѣпленную позицію. Ему предстояло одно—штурмовать редуты и окопы.

— Ваше благородіе, обратился старій «Сукачъ» къ своему ротному:—прикажите по суворовски.

— Какъ по суворовски, старина?—спросилъ офицеръ.

— Безъ киверовъ и безъ ранцевъ—оно способнѣе и драться, и гнать бусурмана.

Старій «Сукачъ» пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ ротѣ, и ротный отлично зналъ это.

— Хорошо, старина,—сказалъ онъ:—я только доложу объ этомъ князю.

Вскорѣ, возвращаясь бѣгомъ отъ Орбеліани, который распоряжался около орудій, офицеръ кричалъ издали, махая саблей:—Кивера и ранцы долой!

Кивера и ранцы полетѣли на землю. Скоро грохнуло первое орудіе. Послышалась команда:—«на штурмъ»!

— За мной, ребяташки! не выдайте старика!—крикнулъ Сукачовъ, бросаясь впередъ съ ружьемъ на перевѣсъ.

— Ура, ура!—подхватила старика вся рота, за ней другая и третья, и вся пѣхота стремительно ринулась впередъ.

И въ окопахъ, и во фланговомъ укрѣпленіи турки защищались отчаянно. Они знали хорошо русскую «штыковую работу»; но безвыходность положенія остервенила ихъ. Они спотыкались на трупы павшихъ товарищей и мужественно отстаивали свою жизнь. За первыми рядами валились вторые, за вторыми третьи. А штыки все продолжали работать. Одинъ громадный турокъ, пробитый штыкомъ Кудряшова насквозь, не падалъ, а продолжалъ махать кривою саблей у самого лица противника.

— Вынь штыкъ!—вынь штыкъ, а то голову снесетъ!—кричалъ старый суворовецъ.

Кудряшовъ рванулъ штыкъ назадъ, и громадный турокъ опрокинулся навзничъ.

Скоро пали два главныхъ турецкихъ знамени, и войско Шерифа-паши обратилось въ бѣгство. Всѣ стремились къ морю, къ своимъ судамъ, оглашая воздухъ то именемъ Аллаха, то страшными проклятіями. Шерифъ-паша бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Но и море не спасло несчастныхъ. Первые счастливыцы, которые успѣли добѣжать до берега, тотчасъ же бросились въ лодки, наполнивъ ихъ во мгновеніе ока, и тотчасъ же отплывали къ

судамъ, стоявшимъ неподалеку. Опоздавшіе бросались въ море и старались вплавь догнать уплывшія лодки. Но тамъ ихъ встрѣчала смерть отъ руки своихъ же братьевъ. Боясь, чтобъ товарищи, хватающіеся за весла и за борты, не потонули лодокъ, сидѣвшіе въ этихъ лодкахъ безжалостно рубили имъ руки, били саблями и веслами по головамъ,—и несчастные съ воплями, стонами и проклятіями исчезали подъ водой, окрашивая ее своею кровью.

Полторы тысячи турецкихъ труповъ покрывали поле битвы. А сколько несчастныхъ потонуло въ морѣ, сколько погибло въ засасывающихъ трясилахъ гурійскихъ болотъ! Побѣдителю досталось двадцать турецкихъ знаменъ и весь обширный лагерь грознаго сераскира. Такъ дорого обошлась старику попытка получить руку золотокошой Эсма-ханумъ съ огромными чудными глазами—«окнами въ рай», по выраженію влюбленнаго въ нее Арсланъ-бея..

ХІ.

Что же дѣлала въ это время Эсма-ханумъ, изъ-за которой пролито было столько крови?

Въ своей невинности она ничего этого не знала и не подозрѣвала. Она оставалась въ осажденной крѣпости. Смутно тянулись дни за днями, не принося никакого утѣшенія. Каждый день съ утра до ночи она слышала только грохотъ пушекъ за стѣнами крѣпости и такіе же отвѣты на этотъ грохотъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Лицо ея отца съ каждымъ днемъ становилось все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Каждый день въ крѣпости хоронили когонибудь изъ ея защитниковъ, а иной день по десяти и болѣе труповъ и раненыхъ сносили со стѣнъ укрѣпленій, и ряды защитниковъ ея родного города убывали съ каждымъ днемъ. Лѣто давно миновало, и наступила осень съ ея дождями и туманами. Прежде дѣвушка любила кататься по морю на разукрашенномъ и расцвѣченномъ катерѣ ея отца, или скакать верхомъ по живописнымъ окрестностямъ Поти; а теперь и это все кончено:— всѣ они заперты въ стѣнахъ крѣпости, какъ въ тюрьмѣ. Прежде она была бы счастлива присутствіемъ своей пріятельницы Диды, но теперь, послѣ ихъ разговора на берегу моря, теперь... Дида была колючимъ терніемъ въ ея сердцѣ.

Въ душѣ ея, однако, глубоко таилось одно утѣше-

ніе—это присутствіе въ крѣпости Арсланъ-бея. Чѣмъ больше она думала о немъ, чѣмъ чаще встрѣчалась съ нимъ, тѣмъ болѣе заполнялъ ея юную душу образъ этого молодого героя Абхазіи, который, послѣ восторженныхъ разсказовъ о немъ ничего не подозрѣвавшей Диды, выросалъ въ душѣ ея до чего-то недосягаемаго. Быть близко къ этому недосягаемому божеству, заслужить его вниманіе, а потомъ... потомъ... Да отъ одной мысли объ этомъ у хорошенькой турчанки голова кружилась, сердце замирало въ мучительно-сладостной истомѣ...

Отъ зоркой и опытной Диды—она была старше своей пріятельницы лѣтъ на пять — не могло скрыться это новое душевное настроеніе юной дочери Кучукъ-бея. Она видѣла происшедшую въ ней перемѣну; но сначала ничѣмъ не могла объяснить ее.—«Старше становится—перестала быть дѣвочкой», — думалось ей:—«она сама еще не знаетъ, что въ ней проснулась женщина... Только повдно какъ-то... Ей ужъ четырнадцать лѣтъ, а я въ десять лѣтъ была женщиной... Помню ту нашу пещеру... помню, какъ я по ночамъ ждала его тамъ... помню даже прикосновеніе его рукъ... я вся дрожала... Это было въ полнолуніе... «Тебѣ, Дида, сегодня ужъ десять лѣтъ», — сказалъ онъ и взялъ мою руку... Тутъ я въ первый разъ почувствовала что-то такое, чего прежде не чувствовала, когда онъ даже цѣловалъ меня... а тутъ только руку взялъ... Душа Эсма-ханумъ просить того же, но сама она не знаетъ этого»...

Нѣтъ, Эсма-ханумъ теперь узнала это. Прежде, когда она знала Арсланъ-бея только по слухамъ, она просто восторгалась имъ, какъ восторгалась героемъ Автандиломъ въ «Барсовой шкурѣ». У нея и тогда сердце жа-

ждало чего-то. Но теперь она поняла источник и предмет этой жажды. Теперь каждый взгляд, брошенный на нее Арсланъ-беємъ, зажигалъ кровь во всемъ ея тѣлѣ. Теперь она понимала эти взгляды, и трепетала не то отъ страха, не то отъ счастья... Да, отъ счастья, только отъ счастья. Ей страшно было, что вотъ онъ подойдетъ къ ней, возьметъ ее и унесетъ... Страшно, а въ то же время какъ хотѣлось этого!

И это скоро случилось. Однажды, наблюдая за стрѣльбой орудій по русской батарее, Арсланъ-бей былъ раненъ осколкомъ камня, отбитымъ отъ крѣпостной стѣны мѣднымъ ядромъ «тещи». Ударъ былъ хотя и не смертельный, но настолько сильный, что Арсланъ-бей потерялъ сознание. Его тотчасъ же перенесли въ домъ Кучукъ-бея и уложили въ постель. Дида, при видѣ его, хотя и поблѣднѣла и запаталась, готовая упасть въ обморокъ, но тотчасъ же мужественно побѣдила свою слабость и стала ухаживать за раненымъ. Зато Эсма-ханумъ, увидѣвъ, что несутъ Арсланъ-бея, страшно вскрикнула и потеряла сознание, хотя вскорѣ и приведена была въ чувство. Дида всю ночь потомъ не отходила отъ постели своего раненаго молочнаго брата, а къ утру ее смѣнила Эсма-ханумъ. Арсланъ-бей спалъ, когда дѣвушка усѣлась около его постели съ приготовленнымъ ей старою рабынею-лѣкаркой успокоительнымъ и ободряющимъ питьемъ. Долго, съ глубокой нѣжностью, смотрѣла она на спящее, нѣсколько поблѣднѣвшее отъ потери крови, лицо молодого абхаза. На этомъ энергичномъ лицѣ теперь разлита была какая-то мягкость, что-то въ родѣ тихой задумчивости. Глядя на него, Эсма-ханумъ не хотѣла вѣрить, чтобы этотъ безконечно дорогой ей чело-

вѣкъ убилъ своего отца и братьевъ... «Нѣтъ, — ихъ убилъ Бежанъ Шервашидзе»... При этомъ дѣвушка нагнулась и нѣжно прильнула губами къ свѣсившейся рукѣ спящаго... Вѣки Арсланъ-бея дрогнули... Онъ открылъ глаза, которые сверкнули безумной радостью... «Эсма — дѣва рая!» — Онъ приподнялся, обвилъ руками станъ дѣвушки — и она уже трепетала въ его объятіяхъ. «О, моя жизнь!.. Душа души моей! Эсма моя, Эсма!»

Все это случилось такъ неожиданно, что дѣвушка, казалось, потеряла сознаніе. Она, не помня себя, вся отдалась безумному порыву, и только все крѣпче и крѣпче прижималась къ чему-то безконечно ей дорогому. Но въ то же время ей казалось, что она умретъ со стыда, если глянетъ ему въ глаза. Она задыхалась. Но все это продолжалось нѣсколько мгновеній — блеснуло и исчезло, какъ молнія. Эсма-ханумъ очнулась, услышавъ какія-то, какъ будто непонятныя ей, слова.

Я увезу тебя къ себѣ, въ Абхазію, въ горы! — я спрячу тебя въ своемъ сердцѣ. Я не позволю отдать тебя ему, въ его гаремъ!

Тутъ только она начала что-то понимать, — и ей стало страшно.

— Меня отдать! Кому? — съ испугомъ спросила она.

— Развѣ ты не знаешь, дитя мое, что отецъ твой обѣщаль отдать тебя Шерифу-пашѣ? — тихимъ, но страстнымъ шопотомъ спросилъ Арсланъ-бей.

— Шерифу-пашѣ! О, Аллахъ, Аллахъ! — съ ужасомъ прошептала дѣвушка.

— Да, дитя мое, — поэтому сераксиръ и идетъ съ войскомъ къ Поті... Онъ скоро придетъ — я знаю отъ лазутчиковъ.

Эсма-ханумъ въ отчаяніи заломила руки.

— Но я не отдамъ тебя никому, дитя души моей!— шепталъ Арсланъ-бей.—Я похищу тебя—ты со мною бѣжишь въ Сухумъ, въ Абхазію... Ты будешь моей женой, моей владычицей—владычицей Абхазіи... Я надѣну золотой царскій вѣнецъ на твою золотую головку, посажу тебя на тронъ,—и будешь ты царицей Абхазіи, моей царицей!

— А Дида?—робко спросила дѣвушка и чувствовала, что краска заливала ей щеки.

— Дида—моя молочная сестра, моя рабыня, а ты одна будешь царицей въ моемъ дворцѣ.

Эсма-ханумъ молчала. Она была слишкомъ потрясена въ теченіе нѣсколькихъ минутъ—потрясена и счастьемъ, которое, какъ молнія, обожгло ея душу, и страшнымъ извѣстіемъ, что ее хотятъ отдать, какъ вещь, какъ овцу, ненавистному сераскиру.

— Я увезу тебя,—продолжалъ Арсланъ-бей:—ты моя невѣста, а у насъ, въ Абхазіи, освящено обычаемъ похищать невѣсть... Я похищу тебя.

Рѣшеніе быстро созрѣло въ молоденькой, пылкой головкѣ. Дитя знойнаго юга, она думала не головой, а сердцемъ, и велѣнія сердца у нея быстро передавались золотоволосой головкѣ. При одномъ упоминаніи о Шерифъ-пашѣ и его гаремѣ, сердце ея сжималось ужасомъ, болью и отвращеніемъ. А слова Арсланъ-бея—«моя царица, дѣва рая, дѣва души мой»—эти слова заставляли таять ея сердце. Бросить отца? Но онъ самъ бросалъ ее, отдавая въ неволю сераскиру. Матери у нея нѣтъ. Мать не захотѣла бы разбить ея сердце. А отецъ?—онъ даже ничего не сказалъ ей; онъ тайно замыслилъ

продать ее. Скорѣе въ Петербургъ, чѣмъ въ трапезондскій гаремъ!

— Но какъ же мы уйдемъ изъ крѣпости, когда кругомъ русскіе и мингрельцы?—робко спросила она.

— Объ этомъ не безпокойся, дитя мое,—отвѣчала Арсланъ-бей.—Я уже заранѣе все подготовилъ... Прости меня, чистая жемчужина,—я давно рѣшилъ похитить тебя силою. Но ты теперь сама согласна—да?—Говори!—Пусть сверкають твои перламутровые зубки!..Играй твоимъ гелескомъ на струнахъ моей души!

Въ это время послышались орудіянные выстрѣлы.

— Слышишь, дитя мое?—сказала Арсланъ-бей.—Если Шерифъ-паша не успѣетъ скоро явиться къ Поти, все равно русскіе возьмутъ крѣпость, и ты будешь плѣнницей или какого нибудь русскаго казака, или Шерифа-паша, если онъ явится раньше.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—съ испугомъ проговорила дѣвушка.—Но какъ мы выдемъ отсюда?

— Слушай,—торопливо проговорилъ Арсланъ-бей.—Пока никто не пришелъ, я все расскажу тебѣ. Изъ крѣпости есть тайный ходъ. Объ этомъ только знаетъ твой отецъ да я. Въ задней стѣнѣ мечети, влѣво отъ минарета, есть тайная дверь, которая отворяется, если нажать одинъ мѣдный гвоздь у самаго пола. Дверь ведетъ въ подземный корридоръ, что выходитъ прямо къ морю, и выходъ изъ корридора заваленъ большимъ камнемъ, который легко сдвигается въ сторону тоже особой пружиной. Камень этотъ закрывается густымъ кустомъ боярышника. Я уже посылалъ моего вѣрнаго Тутпуга въ Сухумъ къ князю Бежану, чтобъ онъ ночью завтра,

около полуночи, съ лодкою и гребцами явился у стѣны
Поти въ условленномъ мѣстѣ. Лодка эта и приметъ насъ.

Эсма-ханумъ замѣтно дрожала, слушая сообщеніе Ар-
слана-бея.

— А Дида съ нами поѣдетъ?—спросила она послѣ
нѣкотораго раздумья.

— Да, она воротится въ свой аулъ.

— Но ты такъ слабъ... твоя рана не зажила еще.

— Нѣтъ, дитя,—я сегодня же встану.

Въ это время послышались чьи-то шаги. Они замол-
чали. Въ комнату тихо вошелъ Кучукъ-бей. Онъ былъ
взволнованъ.

— Аллахъ-керимъ!—сказалъ онъ.

— Аллахъ-акберъ!—отвѣчалъ Арсланъ-бей.

— Какъ твое здоровье?—спросилъ пришедшій.

— Я сегодня же встану... Пророкъ прислалъ ко мнѣ
гурію изъ рая, и она исцѣлила меня,—сказалъ Арсланъ
съ улыбкой.

Эсма-ханумъ вспыхнула. Отецъ нагнулся и нѣжно
погладилъ ея золотистые волосы.

— Я получилъ невѣроятныя вѣсти, — сказалъ онъ,
чрезвычайно озабоченный.—Князь Орбеліани даетъ мнѣ
знать черезъ гонца, будто войско Шерифа-паши, кото-
рое шло къ намъ на помощь, разбито и уничтожено между
Молтаквой и Григолети. Но это вздоръ! русскіе хотятъ
обмануть меня, чтобъ я сдалъ крѣпость. Этому не бы-
вать! У меня еще очень много снарядовъ, и я дождусь
помощи Шерифъ-паши...Сераксиръ не такой человѣкъ,
чтобъ отказаться отъ того, что его ждетъ здѣсь.

Онъ взглянулъ украдкой на дочь, которая при его
последнихъ словахъ сильно поблѣднѣла.

— Ты, я вижу, очень устала, моя золотая козочка, — сказалъ онъ жасково, снова глядя головку дочери. — Поди къ себѣ — отдохни. А мы съ княземъ поговоримъ о дѣлѣ. Онъ смотритъ молодцомъ, и сегодня же отблагодарить урусовъ за ударъ.

Эсма-ханумъ, взглянувъ украдкой на Арсланъ-бей, молча удалилась.

— Такъ Орбеліани извѣщаетъ, что разбилъ войско сераскира? — спросилъ Арсланъ, приподнимаясь на постели. — Можно ли этому вѣрить? Девяти или десяти тысячное войско!

— И я не вѣрю, — въ раздумѣ сказалъ Кучукъ-бей. — Между тѣмъ этотъ казакъ въ юбкѣ, эта княгиня Дадіанъ, строятъ что-то похожее на земляную башню противъ крѣпости. Вѣроятно, хочетъ обстрѣливать внутренность цитадели... Проклятая баба! Не будь ея колоколовъ, собакамъ-урусамъ нечѣмъ было бы стрѣлять, — хоть булыжникомъ заряжай орудія. А теперь я вижу, что она готовить и штурмовыя лѣстницы... Вездѣ эта баба! Ужъ не полѣветъ ли сама на штурмъ?

— Я жду своего вѣрнаго Тутшуга, — сказалъ Арсланъ-бей. — Онъ вмѣстѣ проползетъ въ крѣпость и принесетъ намъ вѣрныя вѣсти о сераскирѣ.

Въ это время вошла Дада, и разговоръ прекратился.

Тутшугъ явился въ ту же ночь и тайно сообщилъ своему воспитаннику объ окончательномъ пораженіи сераскира. Глаза Арсланъ-бея сверкнули злобною радостью.

— Ты эту вѣсть спрячь пока въ глубинѣ своего сердца, — сказалъ онъ. — Кучукъ-бею скажемъ, что русскіе отбиты на всѣхъ пунктахъ, и сераскиръ идетъ къ Поти.

А между тѣмъ готовься къ отплытію въ Сухумъ. Князь Бежанъ, — ты самъ знаешь, — завтра около полуночи будетъ ждать насъ на берегу.

— А золотая головка? — спросилъ таинственно Тутшугъ.

— Золотая головка съ нами: — она знаетъ... Она боится сераскира, какъ ласточка боится коршуна; а ко мнѣ льнетъ, какъ виноградная лоза къ тычинкѣ.

ХІІ.

Прошло нѣсколько дней. Въ ясное ноябрьское утро, отъ русскаго лагеря, стоявшаго уже третій мѣсяць подъ стѣнами Поти, отдѣлилась небольшая группа всадниковъ и направилась къ главнымъ крѣпостнымъ воротамъ, увѣнчаннымъ башнею съ амбраурами, изъ-за которыхъ выглядывали темныя жерла орудій. Впереди группы можно было узнать Сеферъ-Али-бея по его богатому пунцовому одѣянію и маленькой черной папахѣ съ брилліантовой звѣздой, которая горѣла на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

Недалеко отъ воротъ, по знаку Сеферъ-бея, трубачъ подалъ сигналъ. Съ крѣпости отвѣчали рѣзкимъ звукомъ рожка, и крѣпостныя ворота отворились съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей. Группа всадниковъ вступила подъ ворота, которыя и закрылись снова съ прежнимъ грохотомъ и лязгомъ. Сеферъ-бея, соскочившаго съ сѣдла, почтительно встрѣтилъ адъютантъ Кучукъ-бея и провелъ прямо въ покои коменданта. На лицѣ Кучукъ-бея замѣтно было глубокое уныніе.

— Миръ и благословеніе Предвѣчнаго да почиетъ надъ домомъ твоимъ!—сказалъ владѣтель Абхазіи, подходя къ Кучукъ-бею.—Князь невдоровъ?

— О! великое горе обрушилось на мою одинокую голову и на домъ мой,—отвѣчалъ Кучукъ-бей. — Нѣтъ у

меня больше дочери: исчезла отъ меня радость очей моихъ.

— Какъ! прекрасная Эсма-ханумъ?—съ теплымъ сочувствіемъ спросилъ Сеферъ-бей.

— Да, волкъ похитилъ мою золоторунную овечку... проклятый Арсланъ-бей, котораго я приютилъ у себя.

Сеферъ-бей былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— О, чего же другого можно было ожидать отъ проклятаго отцеубійцы и втораго Каина!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Сеферъ-бей. — Но какъ онъ могъ это сдѣлать, когда крѣпость была въ осадѣ?

— Онъ зналъ тайный ходъ отсюда къ морю... Я ему, какъ союзнику, довѣрилъ эту тайну,—и онъ похитилъ мое сокровище.

— Давно это случилось?

— Нѣсколько дней тому назадъ... Этотъ злодѣй усыпилъ мою бдительность: — онъ ложно сообщилъ мнѣ, будто русскіе были разбиты сераскиромъ, тогда какъ Шерифъ-паша уже потерпѣлъ пораженіе у Молтаквы... Въ ту же ночь онъ и похитилъ жемчужину моего сердца, всю усладу моей одинокой старости... Ночью часовые видѣли, какъ отъ берега отплывала лодка, направляясь къ сѣверу, но не обратили на это вниманія. Теперь для меня нѣтъ счастья на землѣ, нѣтъ славы... Что мнѣ слава безъ моего солнца? На что я стану охранять Потю? Для кого? Зачѣмъ я буду лишать жизни храбрыхъ воиновъ моего гарнизона?

И убитый горемъ старикъ заплакалъ. Сеферъ-бей гладѣлъ на него съ глубокой жалостью.

— Берите мою крѣпость... владѣйте ею... Тутъ у меня ничего не останется, кромѣ могилы моей жены,—

горестно продолжалъ старый турокъ.—Еслибъ еще остались здѣсь на землѣ слѣды маленькихъ ножекъ моей Эсмы,—я бы не отдалъ Потти... Но нѣтъ больше слѣдовъ этихъ крошечныхъ ножекъ — морскимъ вѣтромъ замело ихъ... Мнѣ остается одно—съ поворомъ явиться у воротъ Стамбула и ждать заслуженной награды отъ моего падишаха—тонкаго, крѣпкаго шурка, который врѣзался бы въ мою шею и лишилъ бы мою бѣдную голову способности думать, страдать, вспоминать и все вспоминать... Гдѣ она теперь, моя малютка? вспоминаетъ ли обо мнѣ? Охъ, берите, берите мою крѣпость,—на что она мнѣ?

— Но мы возьмемъ ее на почетныхъ условіяхъ, — кротно замѣтилъ Сеферъ бей.—Вы храбро ее защищали—мы уважаемъ достойнаго противника. Вы и вашъ гарнизонъ выйдете съ почетомъ—съ оружіемъ въ рукахъ: мы оставляемъ при васъ ваше оружіе. Пусть падишахъ знаетъ, что мы съ почтеніемъ преклоняемся передъ врагомъ, который только по волѣ Предвѣчнаго долженъ былъ уступить силѣ.

— Благодарю, — сказала Кучукъ-бей какъ-то безучастно:—и съ оружіемъ, и безъ оружія—все равно!

— Нѣтъ! въ древности, у нашихъ предковъ, мать, провожая сына на войну и передавая ему копье и щитъ, говорила:—«или со щитомъ, или на щитѣ». Это значило: «возвращайся ко мнѣ или побѣдителемъ—со щитомъ, или честно павшимъ въ бою—на своемъ щитѣ». Защитники Потти возвратятся къ своему падишаху со щитомъ,—говорилъ Сеферъ-бей въ утѣшеніе убитому горемъ старику.

— Это условія князя Орбеліани?—спросилъ Кучукъ-бей.

— Да, и мои,—отвѣчалъ Сеферъ-бей.

— Но я ставлю еще одно условіе, не предусмотрѣнное ни тобою, бей Абхазіи, ни княземъ Орбеліани, — съ грустною улыбкой проговорилъ Кучукъ-бей.

— Какое же? Мы согласимся на него, если оно не противно нашей воинской чести.

— О, нисколько! Я прошу дозволить мнѣ взять съ собою, кромѣ моего личнаго оружія, оставшіяся платьяца моей бѣдной дѣвочки, всѣ ея вещицы, игрушки, куклы...

— О! князь, ты и меня заставишь плакать! — воскликнулъ Сеферъ-бей, обнимая плачущаго старика. — Проклятіе отцеубійцѣ и Каяну, стократное проклятіе! Вѣрь, благородный князь, я постараюсь возвратить тебѣ похищенную дочь — я найду ея похителя хоть на днѣ морскомъ. Мои счета еще не сведены съ нимъ.

На это Кучукъ-бей могъ отвѣчать только: — «о, моя голубка чистая!»

— Вы куда намѣрены отправить отсюда гарнизонъ Поти? — спросилъ Сеферъ-бей послѣ небольшого молчанія. — Въ какую крѣпость? — въ Анапу или въ Трапезондъ?

— Я думаю — въ Трапезондъ, къ сераскиру, — отвѣчалъ какъ-то разсѣянно Кучукъ-бей: — къ сераскиру... Онъ шель ко мнѣ — не дошелъ, такъ теперь я пойду къ нему... Я звалъ къ себѣ гору — гора не шла ко мнѣ, а пошла — и споткнулась на дорогѣ... Такъ теперь я пойду къ горѣ, которая родила мышъ, — добавилъ онъ, горько улыбувшись. — Только у меня нѣтъ судовъ, на которыхъ я могъ бы отплыть отсюда съ моимъ несчастнымъ гарнизономъ, почти половину котораго унесли ваши мѣдныя ядра, благодаря княгинѣ Дадіанъ: — мои храбрые товарищи покоятся въ землѣ, и у меня осталось въ живыхъ всего 272 человекъ.

— Вы отплывете отсюда на мингрельскихъ судахъ, — сказала Сеферъ-бей. — Мы уже объ этомъ говорили въ совѣтѣ, и княгиня Дадіанъ можетъ предоставить въ ваше распоряженіе десять помѣстительныхъ морскихъ лодокъ и одинъ баркасъ, но съ тѣмъ, чтобы, по минованіи надобности, вы возвратили ихъ въ Поти.

— Конечно, конечно... Ницему дають костыль въ руки, и онъ возвратитъ его...

На слѣдующій день, утромъ 15-го ноября 1809 года, тяжелыя желѣзныя ворота Поти съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей медленно отворились, и Кучукъ-бей, со всѣмъ своимъ небольшимъ гарнизономъ и знаменами, выступилъ изъ своей крѣпости. Рядомъ съ нимъ вышелъ его старшій адъютантъ, неся на серебряномъ блюдѣ массивные золотые ключи отъ уступаемой Россіи, одной изъ перво-классныхъ крѣпостей Блистательной Порты. Покорившійся русскому оружію гарнизонъ выстроился у стѣны своей крѣпости.

Въ то же время, отъ русскаго и союзнаго лагеря отдѣлилась блестящая группа всадниковъ. Это были—генералъ-майоръ князь Орбеліани, Сеферъ-Али-бей, княгиня Нина Георгіевна Дадіанъ, сынъ ея, князь Леванъ Дадіанъ, князь Маміа Гуріели, майоръ князь Орбеліани и нѣсколько офицеровъ и князей абхазскихъ, мингрельскихъ и гурійскихъ. За ними, съ распущенными знаменами, слѣдовали—часть русской пѣхоты и часть милиціи абхазской, мингрельской и гурійской.

Едва побѣдители приблизились къ побѣжденнымъ, какъ тѣ, по мановенію Кучукъ-бея, опустили, въ знакъ покорности, и знамена свои, и ружья:—побѣжденное оружіе преклонялось предъ побѣдоноснымъ.

Тогда Кучукъ-бей, взявъ блюдо и крѣпостные ключи изъ рукъ своего адъютанта, приблизился къ князю Орбеліани.

— Всемогущему Богу угодно было даровать побѣду храброму русскому воинству и его союзникамъ,—со слезами въ голосѣ проговорилъ комендантъ Потти: — и эти доселѣ дѣвственные ключи никогда не знавшей пораженія крѣпости я, по волѣ Аллаха, передаю счастливому побѣдителю:—это ключи отъ Чернаго моря!

Потомъ, быстро оборотившись къ крѣпости, онъ воскликнулъ съ горечью:

— Прощай, моя радость! прощай, колыбель утраченной мною дочери!—И старикъ заплакалъ.

Тогда князь Орбеліани, передавъ ключи своему адъютанту, обратился съ слѣдующими словами къ Кучукъ-бею и къ гарнизону крѣпости:

— Доблестный комендантъ города Потти и его храбрые сподвижники! Вы честно исполнили свой долгъ передъ вашимъ повелителемъ и отечествомъ. Въ теченіе всей осады крѣпости, вы ни на минуту не покидали оружія, и я оставляю его вамъ неприкосновеннымъ:—продолжайте носить его съ честью. Я отпускаю васъ въ ваше отечество.

По знаку Кучукъ-бея, раздалась глухая дробь турецкаго барабана, и гарнизонъ Потти, словно подъ унылый походный маршъ, стройно двинулся къ морскому берегу,—къ ожидавшимъ его лодкамъ.

— И въ самомъ дѣлѣ будто кого хоронять, — тихо замѣтилъ Кудряшовъ.—Легко ли имъ!

— Да, хоть на кого доведись, — согласился старый суворовецъ, смахивая слезу съ рѣсницы.—Эхъ, служба!..

Въ это время, по командѣ князя Орбеліани и начальниковъ отдѣльныхъ частей, прозвучали сигнальныя трубы и заиграла музыка.

— Пѣсенники впередъ! — послышалась новая команда.

Пѣсенники выступили.

— Какую прикажете, ваше сіятельство? — спросилъ адъютантъ.

— «Громъ побѣды»! — отвѣчалъ Орбеліани.

Забилъ барабанъ, завыли трубы, зазвенѣли литавры, и пѣсенники грянули:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ!.

Колонны одна за другой, съ развѣвающимися въ воздухѣ знаменами, двинулись въ широко раскрытыя ворота крѣпости, которая и поглотила своихъ новыхъ хозяевъ.

ХІІІ.

Сегодня только, 24-го ноября, Тормасовъ воротился въ Тифлисъ. Онъ ѣвдиль осматривать пограничныя съ Персіей крѣпости. О взятіи Цоти до него еще не дошли вѣсти, такъ какъ не знали, куда, за быстротою его перѣздовъ и за частою перемѣною маршрута, посылать ему депеши.

Онъ только что переодѣлся и вошелъ въ свой кабинетъ.

— О, старость, старость! — кто то окликнулъ его у окна.

— А, это ты, попка,—подошелъ онъ къ клѣткѣ, по которой, цѣпляясь клювомъ за перекладины, вонился попугай.—Здравствуй, старый дружище!

— О, старость, старость!—повторяла глупая птица.

— Что ты врешь, попка дуракъ! — улыбнулся генераль. — Я вовсе не старъ. Это Гудовичъ научилъ тебя твердить: «о, старость, старость!» А я совсѣмъ бодръ: видишь, попка дуракъ?

— Царь Соломонъ дуракъ!—вдругъ выпалилъ попка.

— Это правда,—засмѣялся генераль: — тебя, вѣрно, Могилевскій научилъ ругаться? А, легкокъ на поминѣ! — сказаль онъ, увидавъ Могилевскаго, который въ это время входилъ въ кабинетъ съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ.—Что это за поднось?

— Ключи, ваше высокопревосходительство, — почтительно улынулся правитель дѣлъ главнокомандующаго.

— Какіе ключи? отъ чего?

— Отъ Чернаго моря и... и отъ Константинополя.

Тормасовъ отъ удивленія не зналъ, что подумать.

— Отъ Чернаго моря? отъ Константинополя?

— Отъ Константинополя... впоследствии; а теперь только отъ Чернаго моря: крѣпость Потти взята. Вотъ-съ и донесенія.

— Слава богу, наконецъ-то!—И Тормасовъ перекрестился.

— Ха-ха-ха ха! — засмѣялся попугай и захлопалъ крыльями.

Могилевскій погрозилъ ему пальцемъ.

— Побѣда блестящая, ваше высокопревосходительство!—продолжалъ онъ.—И, главное дѣло, обошлось безъ штурма... Въ донесеніяхъ князя Орбеліани есть интересныя подробности. Въ дѣло замѣшанъ и романъ, и прелестная золотая головка, и похищеніе сабинянки—виновать: прелестной турчанки, какъ сообщаютъ мнѣ въ частномъ письмѣ. Что утѣшительно: въ крѣпости найдено тридцать пять орудій и множество снарядовъ... Кучукъ-бей былъ человѣкъ запасливый.

— А что самъ онъ?—спросилъ Тормасовъ.

— Его отпустили съ остатками гарнизона.

— Ну, объ этомъ послѣ; а теперь надо тотчасъ же посылать курьера къ государю императору съ радостной вѣстью.

— Я ужъ заготовилъ проектъ, ваше высокопревосходительство. — И Могилевскій положилъ на столъ бумаги

рядомъ съ подносомъ, на которомъ блестяли массивные золотые ключи.

— Солодныя ключи!—проговорилъ Тормасовъ, любуясь ими.—Должно быть, изъ стариннаго золота.

— Золото Колхиды-съ,—улыбнулся Могилевскій:—изъ шерстки того золоторуннаго барашка, на которомъ Фриксъ и Гелла улепетывали отъ своей второй мамыши.

— Какой барашекъ?—не сообразилъ сразу генераль.

— А по исторіи-съ: «золотое руно», «походъ аргонавтовъ», Язонъ, Медея-съ...

— А! понимаю... Точно, точно... теперь Колхида—наша... Язонъ, что похитилъ Медею...

— И теперь, ваше высокопревосходительство, тоже похитили Медею.

— Это кого же?

— Дочку Кучукъ-бея, хорошенькую Эсма-ханумъ, а похитилъ ее новый Язонъ—Арсланъ-бей.

Тормасовъ не слушалъ. Онъ пробѣгалъ проектъ донесенія государю и проектъ прокламаціи, изготовленные Могилевскимъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ наконецъ генераль, просмотрѣвъ бумаги:—вы похитили мою мысль—точно подслушали меня... Вотъ это мѣсто особенно хорошо въ прокламаціи: «Такимъ образомъ, сія крѣпость, важнѣйшая по своему мѣстоположенію и укрѣпленіямъ, связующая безпрепятственное сообщеніе Мингреліи съ Тавридою и пресѣкающая всѣ пути туркамъ въ томъ краю увлекать въ плѣнъ утѣсенный ими мингрельскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру, и обращаться въ богопротивномъ плѣннопродавствѣ, повергла себя въ вѣчное подданство всероссійской имперіи». Отлично, весьма выразительно!

— Я очень радъ, — скромно отвѣчалъ «хитрый Талейранъ».

— А какова княгиня Нина Дадіанъ! — сказалъ Тормасовъ: — настоящая героиня.

— Да, если вѣрить древнимъ историкамъ, такъ Колхиды и нынѣшняя Мингрелія были царствомъ амазонокъ. Онѣ были прародительницами и княгини Нины, которая вѣдитъ верхомъ лучше любого кавалериста, я самъ это видѣлъ, — сказалъ Могилевскій. — А именно такъ и описываютъ амазонокъ древніе историки. Лизій, жившій за 400 лѣтъ до Христа, говоритъ, что амазонки — первыя, конечно — были дочери бога войны, Марса, и жили на берегахъ Фазиса-Ріона; что онѣ были единственныя изъ всѣхъ окружавшихъ ихъ народовъ, которыя носили желѣзное оружіе и первыя стали вѣдитъ верхомъ. При помощи лошадей — говоритъ Лизій — амазонки брали въ плѣнъ убѣгавшихъ отъ нихъ противниковъ, которые еще не знали верховой вѣды. По своему мужеству — амазонки скорѣе считались мужчинами... Такова и княгиня Нина.

— Да, объ ней надо особо донести государю, — сказалъ Тормасовъ. — Но теперь надо ковать желѣзо, пока горячо: остынетъ — ничего не выкуешь. Теперь влючь къ Черному морю въ нашихъ рукахъ; однако — не весь берегъ нашъ. Сухумъ — вотъ наше бѣльмо. Пока тамъ сидитъ Арсланъ-бей — Абхазія далеко не наша. Надо, во что бы то ни стало, взять Сухумъ. А его взять можно только съ моря. Покуда Шерифъ-паша, послѣ заданной ему встрѣчки, не очухался и у него нѣтъ войска, — надо торопиться. Пока что въ Петербургѣ, а я снесусь съ Крымомъ. Тамъ у насъ сильный флотъ. Я вытребую оттуда небольшую эскадру, и мы разгромимъ Сухумъ съ моря.

Съ суши его трудно взять—у него сильный гарнизонъ—я говорю объ Арсланъ-бей, да и во всей Абхазіи у него больше сторонниковъ, чѣмъ у Сеферъ-бея. На сушѣ, подѣ стѣнами Сухума, намъ трудно будетъ бороться и съ гарнизономъ, и съ озлобленнымъ населеніемъ. Абхазцы—это самое строптивое племя:—я его знаю. Они гораздо неподатливѣе, чѣмъ чеченцы, дагестанцы, акушинцы или казикумухи. Это сплошь головорѣвы. Надо дѣйствовать, пока въ Константинополѣ будутъ переваривать потерю Поти да собирать войско для Арслана. А этотъ мальчикъ уже давно, я увѣренъ, послалъ слезницу султану. Докажемъ имъ, что Сухумъ ближе къ Крыму, чѣмъ къ Босфору.

Тормасовъ говорилъ съ жаромъ, торопливо. Удачное пріобрѣтеніе Поти воодушевляло его, раздражало завоевательные аппетиты. Онъ уже чувствовалъ себя героемъ. Едва взявъ въ руки бразды правленія, онъ уже отхватилъ отъ султанскаго пирога добрую краюху. У царя Соломона весь пашлыкъ отнялъ.

— Такъ, пожалуйста, немедленно заготовьте всѣ нужныя бумаги, — говорилъ Тормасовъ, отпуская Могилевскаго. — Надо поскорѣе ковать желѣзо.

Но желѣзо ковалось довольно медленно. Пока шла переписка съ Петербургомъ, Сухумъ успѣли снабдить новыми орудіями, и крѣпость оказалась совершенно неприступною съ суши. Но съ моря?—Объ этомъ Арсланъ-бей не подумалъ, весь поглощенный своею безумною страстью къ Эсма-ханумъ и тайною войной съ ревнивою Дадой, которая возненавидѣла свою счастливую соперницу.

Такъ шли дѣла до 9-го іюля 1810 года. Эсма-ханумъ, живя послѣдніе годы у отца въ Поти, очень пристрасти-

гась къ морю, и любимымъ ея времяпровожденіемъ было — кататься на военномъ катерѣ или въ парусной лодкѣ. Этимъ она развлекалась и въ Сухумѣ, иногда въ обществѣ самого Арсланъ-бея и Дады, а иногда вдвоемъ съ Дадой, на изящномъ парусномъ каякѣ.

9-го іюля былъ ясный, нѣсколько вѣтряный день, вполне благоприятный для катанья. Дада, пользуясь этимъ, предложила ничего не подозревавшей Эсма-ханумъ покататься. Та съ радостью согласилась. Послѣ ранняго завтрака, дѣвушки вышли изъ крѣпости и, пройдя къ рейду, гдѣ находилась ихъ купальня съ прикованнымъ тамъ же на цѣпи каякомъ, взяли у сторожа влючъ, отомкнули каякъ, сѣли въ него и отплыли сначала на веслахъ, — потому что обѣ умѣли хорошо грести, — а потомъ, выбрашисъ изъ рейда, подняли косой парусъ, на котромъ ярко сверкалъ, подъ лучами солнца, вышитый золотою битью полумѣсяцъ. Парусомъ и рулемъ и Дада и Эсма-ханумъ заправляли попеременно.

— Знаешь, ханумъ, куда мы поѣдемъ въ гости? — смѣясь, сказала Дада.

— Куда? въ Поти за моими куклами? — тоже смѣялась Эсма.

— Нѣтъ, въ Трапезондъ, къ твоему отцу и къ Шерифу-пашѣ.

— О, нѣтъ, Дада! лучше ужъ въ Стамбуль, къ самому падишаху.

— Въ Стамбуль, такъ въ Стамбуль, — проговорила Дада какъ-то машинально.

Въ душѣ у нея происходила страшная драма. Она давно задумала влодѣяніе и давно привела бы его въ исполненіе. Но какъ? — чѣмъ выгородить себя отъ подо-

зрѣнія? — что придумать?.. Море должно помочь ей въ злодѣяніи и оно же должно укрыть ея тайну... «Уто-нула—упала... но она хорошо плаваетъ... А я чего смотрѣла?—Отчего я не спасла ея, но вытащила изъ воды?.. Вѣдь не могла же она камнемъ пойти ко дну... Это онъ непременно скажетъ... Что я ему отвѣчу?..»

Берегъ все болѣе и болѣе удалялся изъ глазъ. Чайки кричали все зловѣщѣй и зловѣщѣй. У Эсма-ханумъ, между тѣмъ, отъ радостнаго волненія разгорѣлись щечки и большіе дѣтскіе глаза блистали возбужденіемъ. Она была необыкновенно хороша. Дада это видѣла, и ревность, и зависть къ чужой красотѣ душили ее.

«Знаю»,—кипѣло, между тѣмъ, въ этой помраченной ревностью душѣ: — «она разомъ пошла ко дну... Я не успѣла схватить ее... Ее ударило мачтой въ голову... вѣтеръ рвалъ парусъ... мы вынимали мачту—ее рвануло съ парусомъ—и мачтой убило ханумъ... Ханумъ свалилась за бортъ и, какъ ключъ, пошла ко дну... Я хотѣла за ней броситься—утопиться... Такъ скажу ему — ее мачтой убило... Онъ повѣритъ... а не повѣритъ—убьетъ меня. Пусть убьетъ—все лучше—только бъ ея не было...»

— Смотри, смотри, Дада! — вдругъ закричала Эсма-ханумъ, указывая впередъ:—корабли!

На горизонтѣ, къ сѣверо-западу, дѣйствительно вырисовывались остовы громадныхъ кораблей, которые шли подъ парусами по направленію къ Сухуму.

— Это урусы,—сказала Дада, вглядываясь:—это русскіе корабли. Намъ надо бѣжать, пока они насъ не увидѣли... Иди скорѣй къ рулю, а я возьму парусъ... Скорѣй, скорѣй!

Эсма-ханумъ поднялась и торопливо пошла къ рулю.

Но едва она поровнялась съ Дадой, какъ та изво всёхъ силъ толкнула ее за бортъ каяка. Каякъ чуть не опрокинулся и отпрянулъ въ сторону. Эсма-ханумъ, не вскрикнувъ даже, исчезла подъ водой. Дада блѣдная, какъ полотно, стиснувъ зубы, подняла багоръ и ждала, когда ея жертва покажется изъ воды.

Въ этотъ моментъ на поверхности моря, на сажень или менѣе отъ каяка, показалась золотистая головка юной дочери Кучукъ-бея.

— Дада! Дада!—захлебываясь, закричала она.

Злодѣйка, замахнувшись багромъ, хотѣла ударить имъ утопающую, но багоръ не досталъ до головы Эсма-ханумъ и отъ усиленнаго взмаха вырвался изъ рукъ злодѣйки.

— Дада! Дада!—молила утопающая.

— А!—злорадно засмѣялась злодѣйка:—плыви теперь къ отцу или въ Стамбуль... а скорѣе—къ шайтану.

И, торопливо наладивъ парусъ и руль, стрѣлою по-неслась въ Сухумъ-Кале.

XIV.

Въ то время, когда Эсма-ханумъ и Дада плыли на своемъ хорошенькомъ каикѣ въ открытое море, навстрѣчу имъ, дѣйствительно, показалась русская эскадра, которая шла изъ Севастополя для блокады Сухумъ-Кале. Эскадрю командовалъ капитанъ-лейтенантъ Додтъ.

Въ этотъ день, 9-го іюля на разсвѣтѣ, они замѣтили на горизонтѣ неизвѣстный корабль, и заподозривъ въ немъ или турецкій крейсеръ, или пиратскій бригъ съ контрабандою, а то и еще хуже: съ живымъ товаромъ— съ русскими и горскими плѣнниками, предназначенными для гаремовъ нашей и самого султана,—пустились за нимъ въ погоню. Корабль, дѣйствительно, оказался турецкимъ крейсеромъ, который, замѣтивъ погоню, подъ всѣми парусами понесся по направленію къ Трапезонду. Но онъ не могъ спастись отъ быстроходныхъ русскихъ кораблей и былъ настигнутъ. Нѣсколько ядеръ, пущенныхъ ему въ догонку, изъ которыхъ одно пробило обшивку крейсера у самой ватеръ-линіи, принудили его сдаться военноплѣннымъ. Капитанъ крейсера и небольшой экипажъ были арестованы, а у капитана отобраны всѣ бумаги. Между ними обратили на себя вниманіе два пакета, изъ которыхъ въ одномъ была копія султанскаго фирмана къ трапезондскому сераскиру, Шерифу-пашѣ, а въ другомъ—письмо Шерифа-паши къ коменданту крѣ-

пости Анапы, куда, какъ оказалось, и направлялся крейсера изъ трапезондскаго санджака. Капитанъ Додтъ тотчасъ же попросилъ мичмана, князя Яшвиля, хорошо говорившаго по-турецки, перевести эти бумаги на русскій языкъ.

— Ну что, князь, перевели?—спросилъ Додтъ, когда мичманъ вышелъ изъ каюты, гдѣ онъ занимался переводомъ бумагъ.

— Есть,—отвѣчалъ онъ языкомъ моряка:—документы, капитанъ, важные и прекуръезные.

— А ну, давайте,—протянулъ было за бумагами руку капитанъ.

— Нѣтъ, капитанъ,—сказалъ Яшвиль:—вы не разберете—я очень торопился и написалъ дьявольски неразборчиво. Позвольте, я ихъ самъ вамъ прочитаю.

— Хорошо,—согласился Додтъ, отходя къ борту.

— Вотъ султанскій фирманъ трапезондск. му сераскиру,—сказалъ Яшвиль.—Онъ гласитъ: «По полученіи сего нашего повелѣнія, имѣешь ты вѣдать, что, подвинутые гѣвомъ, мы намѣрены послать, при помощи Аллаха и милости нашего святаго пророка, моремъ и сухимъ путемъ войска противъ враговъ нашего закона—московскихъ гауровъ, и вынуть ихъ жилы».

— Вынуть жилы?—удивился Додтъ,—это еще что?

— Да, капитанъ, буквально такъ выражено,—сказалъ Яшвиль:—«вынуть жилы»...

— Посмотримъ!—улыбнулся Додтъ:—а еще что вынуть?

— Только жилы, капитанъ,—улыбнулся и Яшвиль:—«и выручить завладѣнные ими земли наши. Нынѣ хотя Кучукъ-бей принужденъ былъ покориться московскимъ

войскамъ чрезъ большія драки, но сила ихъ въ тѣхъ мѣстахъ не болѣе нашихъ силъ, и они надѣются на помощь грузинскаго и мингрельскаго народа, который извѣстно, что прежде сего былъ къ нашему высочайшему двору покоренъ и какъ подданный былъ, а русскіе изъ многихъ своихъ ухищреній привели ихъ подъ свое покровительство и считаютъ Грузію, Имеретію и Мингрелію своими. Посему, для вырученія турецкихъ земель, въ Абхазіи и Гуріи находящихся, долженъ ты идти съ разъяреннымъ сердцемъ»...

— Батюшки, какъ страшно!—засмѣялся Додтъ:—съ разъяреннымъ сердцемъ!

— И съ пѣной у рта,—пошутилъ Яшвилъ.

— Да? съ пѣною у рта?—спросилъ Додтъ.

— Нѣтъ, капитанъ, я шучу,—отвѣчалъ Яшвилъ,—а разъяренное сердце есть въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, а дальше что?

— Дальше пишетъ:—«и вытѣснить ихъ. Въ такомъ случаѣ народъ грузинскій, и имеретинскій, и мингрельскій, и гурійскій, и абхазскій, по прежнему, будетъ намъ покоренъ, а русскимъ непріятель; въ противномъ же случаѣ будетъ наказанъ. Ты же, сераскиръ и капучи-баши, по полученіи сего нашего фирмана, имѣешь писать письма къ первостатейнымъ особамъ въ Абхазіи и послать людей, чтобъ они отъ русскихъ отказались и были бы намъ по прежнему покорны».

— Очень грозно и самоувѣренно,—сказалъ Додтъ, пожимая плечами:—только еще что бабушка скажетъ?.. Все?

— Да, капитанъ, здѣсь все, а вотъ еще что пишетъ Шерифъ-паша коменданту Анапы:—«Противъ враговъ

нашей религіи, московскихъ гяуровъ, моремъ и сушею предназначено принять походъ, а потому сановники высокой державы въ настоящемъ священномъ году со всѣхъ сторонъ, засучивъ рукава возможности».

— Что! что?—остановилъ Додтъ:—«засучивъ рукава возможности»?

— Да, капитанъ, именно такъ: «засучивъ рукава возможности»...

— И подобравъ фалды невозможности!—хохоталъ Додтъ.—Ну, утѣшилъ... Что жъ еще сановники должны засучить?

— Только рукава, капитанъ... А дальше пишетъ:—«засучивъ рукава возможности, съ громадною арміею двинуться противъ названныхъ гяуровъ, съ цѣлю истребленія и уничтоженія ихъ, и отторженія крѣпостей, владѣній и земель мусульманскихъ, покоренныхъ ими. Теперь, во вниманіе къ тому, что жители Грузіи, Имеретіи, Мингрелии, Гуріи и Абхазіи съ незапамятныхъ временъ считались зависящими отъ высокой державы шехинъ-шаха, т. е. султана, почти въ качествѣ его подданныхъ, и во вниманіе къ тому, что тѣ гяуры насмѣхаются надъ эмирами, завладѣли ихъ владѣніями и причинили униженіе ихъ фамиліямъ,—въ настоящее радостное время, по высочайшему повелѣнію шехинъ-шаха, отовсюду предпринимается движеніе противъ тѣхъ гяуровъ:—на Тифлисъ пойдетъ эрверумскій вали и сераскиръ восточной части, счастливѣйшій Эминъ-паша; черезъ Ахалцыхъ идетъ начальникъ чалдырскій, счастливѣйшій Мамедъ-паша, со значительною арміею; отъ моря мы, сераскиръ побережья Чернаго моря, управляющій прибрежными санджаками Чернаго моря вплоть до Анапы и

далѣе, со множествомъ приготовленій и походныхъ потребностей и большою арміею, выступимъ изъ Трапезонда и, по милости Аллаха и его пророка, въ близкое время прибудемъ къ Абхазіи и оттуда двинемся на истребленіе русскихъ гауровъ въ Поти и во всей Абхазіи и очищеніе отъ нихъ всего побережья Чернаго моря».

— Ого! широко задумано, — покачалъ головою Додтъ. — Да лгутъ они! Турки вѣдь всесвѣтныя лгунишки.

— Человѣкъ, кажись, въ морѣ потопаетъ, — раздался вдругъ голосъ съ вахты.

Додтъ схватился за зрительную трубу. Всѣ на кораблѣ засуетились, бросились къ бортамъ, иные полѣзли по снастямъ.

— Въ какомъ направленіи? — закричалъ Додтъ.

— На зюдь-вѣсть, вашескородіе! — вонъ тамъ.

— Вижу, вижу! — закричалъ помощникъ капитана, глядя въ зрительную трубу.

— Шлюпку! — скомандовалъ Додтъ: — живою рукой!

— Есть, — послѣдовалъ отвѣтъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Живѣй, живѣй!

— Есть, есть!

— И какъ онъ очутился въ открытомъ морѣ? — удивились офицеры.

Шлюпка уже неслась, какъ стрѣла. Она казалась птицей съ гигантскими крыльями, съ которыхъ сыпались въ море брильянты. Въ шлюпкѣ находился и князь Яшвиль, правившій рулемъ.

— Ломай весла, соколики! — нервно говорилъ онъ матросамъ. — Я вижу теперь... это женщина, почти ребенокъ. Она руку поднимаетъ... Налягъ, братцы, налягъ!

Матросы опрокидывались почти навзничь, забирая веслами бирюзовую влагу.

— Еще разъ,—еще разъ, братцы,—а то пойдетъ ко дну... Она обезсилѣла.

Шлюпка у цѣли. Яшвиль дѣлаетъ искусное движеніе рудемъ, весла матросовъ какъ бы упираются въ воду, и шлюпка почти моментально останавливается въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ утопающей, которая вотъ-вотъ готова скрыться подъ водой. Но Яшвиль перевѣшивается за бортъ и быстро подхватываетъ утопающую подъ-мышки. Еще одно усиліе—и Эсма спасена. Но тутъ силы оставили ее, она лишилась чувствъ, упавъ на руки своего спасителя.

— Бѣдная дѣвочка,—жалобно проговорилъ онъ.—Въ бурку, въ бурку кутайте ее—она оконченѣла.

Ее точась же всю, почти бездыханную, окутали теплой буркой, изъ которой выглядывало только ея мертвенно блѣдное личико съ закрытыми глазами.

— Багоръ, ребята, захвати,—сказалъ одинъ изъ матросовъ.—Ее вишь, багоръ-то и спасъ—она за багоръ держалась, а то бѣ давно пошла ко дну.

Яшвиль, между тѣмъ, хлопоталъ около утопленницы. Онъ осторожно приподнял ея головку, еще осторожниѣе разжалъ ей ротъ, и изъ висѣвшей у него черезъ плечо фляжки влилъ въ него нѣсколько капель рому. Эсма перхнула и открыла свои большіе прелестные глаза, полные ужаса.

— Не бойтесь, ханумъ,—нѣжно сказалъ Яшвиль:—вы спасены.—Онъ говорилъ по-турецки.

По одеждѣ, по богатымъ украшеніямъ и по нѣжной, благородной красотѣ личика онъ догадался, что это не

простая турчанка, а дѣвушка изъ знатнаго рода, и потому назвалъ ее «ханумъ» — нѣчто въ родѣ барышни, княжны.

Но Эма снова закрыла глаза. Тогда Яшвилъ вновь влилъ ей въ ротъ нѣсколько капель рому. Это подѣйствовало на нѣжный, непривычный организмъ. На мертвенно-блѣдномъ личикѣ стала выступать краска, длинныя шелковистыя рѣсницы дрогнули, и дѣвушка снова открыла глаза, но теперь болѣе осмысленно. Всѣ матросы глядѣли на нее съ видимымъ участіемъ.

— Маленько почувствовалась, бѣдная, — слышался шопотъ. Яшвилъ снова заговорилъ съ ней.

— Выпейте, ханумъ, еще нѣсколько капель. Это лѣкарство — оно согрѣетъ васъ, — вы не простудитесь.

Эма безмолвно повиновалась, хотя и на этотъ разъ закашлялась, потомъ приподнялась немного, плотно кутаясь въ бурку.

— Кто вы, ханумъ? скажите мнѣ, — снова заговорилъ Яшвилъ, видя, что дѣвушка смотритъ уже сознательно.

— Я дочь Кучукъ-бея, — тихо сказала она, и заплакала.

Яшвилъ былъ пораженъ. Какъ могла дочь такого турецкаго сановника попасть въ открытое море, далеко отъ Поти и даже Сухума!

— Но какъ вы очутились здѣсь, въ морѣ? — спросилъ онъ.

— Я каталась съ Дадой, — былъ отвѣтъ; но при этомъ Эма вся затряслась.

— Съ Дадой? Кто жь эта Дада?

— Молочная сестра Арсланъ-бея... мы катались...

— Арсланъ-бей! — съ изумленіемъ воскликнулъ Яш-

виль.—Но вѣдь онъ въ Сухумѣ... А гдѣ же вашъ батюшка?

— Я не знаю... онъ въ Поти...

Отвѣты ея казались странными, не имѣвшими, по видимому, смысла. Она не знаетъ, гдѣ ея отецъ, когда извѣстно, что съ прошлаго года Поти находится въ русскомъ владѣніи, а Арсланъ-бей укрѣпился въ Сухумъ-Кале. Развѣ и Кучукъ-бей въ Сухумѣ? Но Яшвиль не рѣшился спрашивать ее далѣе, потому что это походило бы на допросъ военнопленнаго. Невинную ни въ чемъ дѣвушку они спасли отъ смерти, и она не подлежитъ допросу.

— Куда же васъ доставить, ханумъ?— снова рѣшился спросить Яшвиль:—къ батюшкѣ?

— Нѣтъ... въ Сухумъ,— былъ слабый отвѣтъ, поставившій вопрошавшаго въ еще большее недоумѣніе.

«Не къ отцу, а въ Сухумъ»,— разсуждалъ онъ въ умѣ:—«значить, Кучукъ-бея нѣтъ въ Сухумѣ».

— Хорошо, ханумъ, мы васъ сегодня же отвеземъ въ Сухумъ, только вы должны прежде обсохнуть и оправиться у насъ на кораблѣ. У насъ же тамъ и докторъ есть. За весла, молодцы! Назадъ!—скомандовалъ онъ.

— Есть!— былъ дружный отвѣтъ. И шлюпка понеслась къ кораблю.

XV.

— Какую прелесть мы добыли, господа!— кричалъ Яшвиль, когда шлюпка приблизилась къ передовому кораблю эскадры, на палубѣ котораго, у борта, стояли офицеры, заинтересованные неожиданнымъ приключеніемъ.

— Кого спасли?—спросилъ Додтъ.

— Русалочку, капитанъ, царицу русалокъ съ золотой косой... Красота—не земная.

— Да кто она?—любопытствовали съ борта.

— Говорить—дочь Кучукъ-бея... Каталась по морю,— а какъ очутилась она въ морѣ, съ однимъ багромъ, хотъ убейте—не понимаю... А божественно хороша.

Шлюпка пристала, наконецъ, къ площадкѣ онущенаго съ фрегата трапа. Эсма-ханумъ, съ удивленіемъ и боязнью, глядѣла своими расширенными глазами на бортъ корабля, откуда смотрѣло на нее столько любопытныхъ глазъ. Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ глотковъ рому, она настолько окрѣпла, что могла стоять на ногахъ. Но длинная бурка мѣшала ей двигаться, а взбираться по отвѣсному трапу она положительно не могла.

— Спустить люльку!—скомандовалъ капитанъ.

«Люлькой» называется родъ стула, который спускается по блоку съ борта, какъ это практикуется каменщиками и штукатурами во время окраски наружныхъ стѣнъ вы-

сокихъ домовъ. Люлька была спущена къ самой шлюпкѣ и Яшвилъ, бережно усадивъ въ нее свою «русалочку», все еще закутанную въ бурку, сѣлъ рядомъ съ нею и осторожно сталъ придерживать ее одною рукой.

— У васъ можетъ голова закружиться, ханумъ, и я позволю себѣ придерживать васъ, — говоритъ молодой мичманъ съ такою деликатною вѣжливостью, точно онъ приглашалъ барышню на мазурку. — Готово, подымай!

И «люлька» плавно стала подниматься вверхъ. На палубѣ дочь Кучукъ-бея была встрѣчена съ самою утонченною почтительностью, чему не мало способствовала красота дѣвушки, всѣхъ поразившая типичной оригинальностью. Капитанъ-лейтенантъ Додтъ и офицеры его корабля сдѣлали глубокой поклонъ, едва Эсма вступила на палубу. Старичокъ-докторъ, беззубый и плѣшивый «Песъ Песовичъ», какъ его въ шутку называли офицеры, — потому что за отсутствіемъ зубовъ, онъ самъ произносилъ свое имя и отчество — Петръ Петровичъ — какъ Песъ Песовичъ, — почтительно протянулъ къ хорошенькой пациенткѣ руку, чтобы пощупать ея пульсъ, и нашелъ, что «у малютки маленькій фебрисъ» и что ей тотчасъ же слѣдуетъ переимѣнить мокрую одежду на все сухое.

— Все мокрое надо съ малютки снять и немедленно просушить на солнцѣ, или еще скорѣе, — въ поварской, — заключилъ онъ свою рѣчь.

— Но гдѣ же мы найдемъ для нея женское бѣлье и все остальное? — озабоченно спросилъ капитанъ.

— Пустяки! — возразилъ докторъ: — на малютку можно надѣть вашу чистую ночную сорочку и халатъ: этого будетъ достаточно, пока не просохнетъ ея костюмъ.

Капитанъ бросился въ свою каюту, чтобъ лично приготовить очаровательной гостьѣ и бѣлье, и постель.

— Но у насъ нѣтъ горничной, которая раздѣла бы и одѣла хорошенькую «малютку», — вполголоса пошутить одинъ офицеръ.

— Тебѣ самому, какъ я вижу, хотѣлось бы быть этой горничной, — ехидно и тоже вполголоса замѣтилъ князь Яшвилъ.

— Да, не отказался бы.

Въ это время, изъ каюты выбѣжалъ капитанъ.

— Все гогово, — торопливо сказалъ онъ. — Будьте столь добры, князь, — обратился онъ къ Яшвилю: — объясните нашей милой гостьѣ, что она должна сдѣлать. Пусть немедленно сниметъ съ себя все мокрое... Пусть не боится — никто въ мою каюту не ввойдетъ... Я и окна завѣсилъ плотно шторками... А потомъ пусть все мокрое выброситъ изъ каюты для просушки.

— Вы давали малюткѣ рому, князь? — спросилъ докторъ, взглянувъ на фляжку въ рукахъ Яшвила.

— Давалъ, докторъ.

— Optime! Aqua vitae — лучший помощникъ Эскулапу на морѣ и на сушѣ. А когда малютка переодѣнется, тогда и я дамъ ей своего снадобья.

Яшвилъ объяснилъ Эсмѣ, что она должна дѣлать.

— Мы всё умоляемъ васъ, ханумъ, сдѣлать все, что предписываетъ почтенный докторъ, — говорилъ онъ. — Если вы заболѣете, это будетъ лежать на нашей совѣсти. Вашъ почтенный батюшка и ваши соотечественники будутъ тогда вправѣ осудить насъ: — скажутъ, что русскіе офицеры не позаботились о беззащитной дѣвушкѣ, которую постигло несчастіе. Это ляжетъ пятномъ на нашу

совѣсть. А какъ только ваше платье просохнетъ и вы одѣнетесь, я обявуюсь честнымъ словомъ русскаго офицера сегодня же отвезти васъ въ Сухумъ, или куда вы прикажете. Идите же въ каюту — не медлите ни минуты, и возьмите эту фляжку съ лѣкарствомъ: — выпейте еще нѣсколько капель этого лѣкарства и имъ же натрите себя хорошенько, до-суха, всю тѣло, особенно же ноги.

Видя, что всё такъ ласковы съ нею, что глаза окружающихъ ее офицеровъ смотрятъ на нее съ такою участливою нѣжностью, Эсма-ханумъ снова расплакалась и послушно ушла въ каюту.

— Какое прелестное созданіе! — сдержанно проговорилъ Додтъ.

— А что за глаза! Глаза ангела!

— Но какъ малютка попала въ море? — спросилъ докторъ.

— Ничего не понимаю, — отвѣчалъ Яшвиль. — Я узналъ отъ нея только то, что она каталась съ какою-то молочною сестрою Арсланъ-бея, а какъ очутилась въ морѣ — не знаю! Могла по неосторожности вывалиться изъ лодки; но почему та, другая, не вытащила ее, а бросила утопать?

— Развѣ онѣ увидѣли насъ, испугались, и поторопились спастись, а эта выпала изъ лодки? — сдѣлалъ предположеніе Додтъ.

— Можетъ быть, и такъ, — согласились офицеры.

Пока все это происходило, паруса, по приказанію Додта, были убраны на всей эскадрѣ, и она опшвартовалась въ виду Сухума. Сѣрыя стѣны крѣпости, ея башни и бойницы, плоскія кровли домовъ, высокіе минареты и темные иглообразные кипарисы отчетливо вырисовывались

на фонѣ высившихся за городомъ гигантскихъ горъ Кавказскаго хребта. На рейдѣ виднѣлись мачты турецкихъ судовъ, но большихъ военныхъ кораблей не было замѣтно.

Пользуясь остановкой эскадры, нѣкоторые офицеры съ другихъ кораблей пріѣхали на лейтенантскій фрегатъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Имъ объяснили.

— Такъ она хороша, какъ гурія пророка?—спросилъ молоденькій гардемаринъ Боря Перелешинъ, общій любимецъ всей эскадры.— Это хорошее предзнаменованіе — такой очаровательный воинскій трофей. Хотъ бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее... Счастливицъ этотъ Яшвиля!—на рукахъ держалъ такую цыпку.

— А вонъ смотрите, господа, она что-то выбросила изъ каюты.

— Какая ручка! Я успѣлъ замѣтить ея ручку.

Эта Эсма-ханумъ выбросила свое мокрое одѣяніе. Князь Яшвиль и докторъ взяли его, чтобъ отдать просушить. Всѣ бросились смотрѣть на костюмъ хорошенькой турчанки.

— А! и штанишки, и рубашечка! — болталъ Боря Перелешинъ:—дайте перецѣловать.

— Пошелъ ты, мальчишка! — огрызнулся на него Яшвиль.

— Нижнія одежды невинной дѣвушки — святыня, — наставительно проговорилъ старый докторъ, унося мокрый костюмъ «малютки».

Додтъ, между тѣмъ, приказалъ прислугѣ сервировать въ каютъ-компаниі роскошное угощеніе съ шампанскимъ. Всѣ были возбуждены и такъ торжественно настроены, точно въ самомъ дѣлѣ одержали блистательную побѣду. И не удивительно:—на военномъ фрегатѣ, готовящемся

блокировать турецкую крепость, женщина — да еще такое прелестное созданіе!

Яшвилъ и докторъ суетились въ поварской, развѣшивая у огня мокрыя принадлежности костюма юной турчанки, которыя очень быстро просыхали: — бурка, косматая и мягкая, всосала въ себя почти всю влагу. Скоро костюмъ былъ готовъ. Эсма-ханумъ, между тѣмъ, одѣтая въ ночную, тонкаго голландскаго полотна, сорочку Додта и въ его шолковый съ иголочки халатъ, вся раскраснѣвшаяся отъ нѣсколькихъ глотковъ рому, который она принимала за лѣкарство, приподнявъ осторожно уголокъ шторки, съ любопытствомъ поглядывала украдкой на палубу, на группу офицеровъ, оживленно и весело разговаривавшихъ объ удивительномъ «найденншѣ», котораго подарило имъ Черное море. Ужасныя минуты, которыя пережила Эсма въ морѣ, точно задержались какою-то дымкой. Онѣ казались ей сномъ, бредомъ, чѣмъ-то невѣроятнымъ. Неужели Дада хотѣла ее утопить? — Да, она толкнула ее съ каяка въ море и хотѣла убить багромъ. Она давно ревнуетъ ее къ Арсланъ-бею, хотя въ послѣднее время тщательно скрывала свои чувства и усиленно, по старому, ласкалась къ Эсмѣ, оказывая прежнюю нѣжность. И вотъ чѣмъ все это кончилось!.. Какъ-то онѣ теперь встрѣтятся? Что скажетъ вѣроломная подруга въ свое оправданіе? Какъ приметъ это Арсланъ-бей? А скрыть этого нельзя...

«Какіе они всѣ добрые, — мысленно говорила себѣ «малютка», украдкой поглядывая на офицеровъ. — Съ ними не страшно, а только стыдно... Какъ я одѣта!»

И краска стыда заливала ея нѣжныя щечки. Но во всемъ тѣлѣ она чувствовала благосостояніе и пріятную

теплоту, хотя голова ея какъ будто немножко кружилась. Ужасныхъ минутъ, проведенныхъ въ морѣ, точно не существовало. Не будь она хорошимъ пловцомъ и не имѣй подъ рукою багра, который ее нѣсколько поддерживалъ, она давно была бы на днѣ моря. А теперь скоро увидитъ Арслана. Какое счастье!.. Ромъ нѣсколько туманилъ ея юную головку. Она даже ѣсть захотѣла.

Но вотъ старенькій евнухъ — докторъ представлялся ей старенькимъ евнухомъ батумскаго паши, пріѣзжавшимъ зачѣмъ-то въ Поты, — несутъ что-то на огромномъ подносѣ. Да, это ея одежда. Какъ тщательно сложены и ея бѣлая съ золотомъ чадра, и ея красныя чевяки, и зеленыя шальварцы... Она снова покраснѣла.

И старенькій евнухъ и тотъ красивый «грузинъ», что вытащилъ ее изъ воды, — оба идутъ къ ея каютѣ. Кто-то постучалъ въ дверь.

— Не тревожьтесь, ханумъ, — услышала она ласковый голосъ «грузина»: — это докторъ несутъ вамъ ваше одѣяніе. Впустите его къ себѣ.

Дверь отворилась, и докторъ вошелъ въ каюту.

— Вотъ вамъ, дитя мое, ваши одежды — онѣ хорошо высохли, — заговорилъ онъ по-русски, стараясь придать и своимъ словамъ, и голосу такое выраженіе, какъ будто бы онъ говорилъ съ ребенкомъ. — Переодѣньтесь, малютка. А что ваша головка? — Докторъ дотронулся, точно до раскаленнаго желѣза, до головы дѣвушки. — Головка ничего — натуральная теплота... фебрисъ покинулъ васъ... Якши, якши! — говорилъ онъ; улыбаясь беззубымъ ртомъ: — орtime, совсѣмъ якши!

И Эсма не могла не улыбнуться, глядя на добродуш-

ную фізіономію старенькаго «евнуха»:— «ну, совсѣмъ батумскій евнухъ!» Ей даже не стыдно было съ нимъ. — «Точно наша старая ключница».

Докторъ любовно расшаркался и вышелъ.

XVI.

Столъ въ каютъ-компани былъ сервированъ на славу. Хрусталь и серебро такъ и сверкали. Изъ большой вазы со льдомъ выглядывали засмоленные головки бутылокъ. Додтъ самъ осмотрѣлъ все и вышелъ на палубу.

— Ну, что наша милая гостья?—спросилъ онъ князя Яшвиля.

— Думаю, капитанъ, что она уже переодѣлась.

— Такъ пойдѣте приглашать ее въ каютъ-компанию.

Они постучались въ дверь капитанской каюты.— Это я, ханумъ,—сказала Яшвиль:— можно войти?— Дверь отворилась, и они оба вошли въ каюту. Эсма стояла съ опущенной на лицо прозрачной чадрой.

— Позвольте вамъ представиться, ханумъ:— князь Яшвиль,—сказала молодой мичманъ, почтительно кланяясь.—Капитанъ-лейтенантъ Додтъ, начальникъ русской эскадры,—продолжалъ онъ, церемонно представляя юной турчанкѣ своего начальника.

Додтъ тоже молча поклонился.

— Позвольте просить васъ, ханумъ, въ наше общество—предложить вамъ русское гостепрѣимство,—продолжалъ Яшвиль.—Вы—наша почетная гостья... Капитанъ просить васъ принять его скромное угощенье—просить пожаловать въ каютъ-компанию.

Эсма-ханумъ безмолвно слушала, въ волненіи теребя

края чадры. Казалось, она ничего не понимала, хотя Яшвилъ говорилъ на чистомъ турецкомъ языкѣ—на языкѣ ея родины.

— У васъ не принято, ханумъ, появляться дѣвушкамъ въ обществѣ незнакомыхъ мужчинъ, — началъ снова Яшвилъ.— Но вы теперь—на русскомъ кораблѣ, въ Россіи, и мы почтительно просимъ васъ уважить на этотъ разъ наши обычаи. Вы этимъ окажете намъ большую честь и доставите величайшее удовольствіе. У насъ, въ Россіи, женщина пользуется большимъ уваженіемъ: она—царица общества. Будьте же, ханумъ, нашею царицею хоть на одинъ часъ!

Молодой мичманъ вошелъ въ роль и говорилъ съ неподдѣльнымъ жаромъ. Юной турчанкѣ все еще казалось, что она продолжаетъ видѣть сонъ:—коварная Дада, паденіе въ страшную пучину, ужасъ смерти среди безбрежнаго моря, сковывавшій ея члены холодъ морской воды, жалобно кричащія надъ ея головою чайки, словно провожавшія ее въ холодную могилу похоронною пѣснью, голубое безжалостное небо надъ нею,—и потомъ благодѣтельныя руки вотъ этого добраго, ласковаго господина, выхватывающія ее изъ объятій смерти,—этотъ ласковый голосъ, этотъ нѣжный взглядъ... Сонъ, сонъ, сонъ,—но теперь такой радостный, такой волшебный, какіе она слышала въ дѣтствѣ, въ аулѣ Чичи, въ сказкахъ кормилицы. Это — духи моря, которые спасли ее, чтобъ возвратить Арслану... Они къ нему ведутъ ее—она должна имъ повиноваться въ ихъ сказочномъ царствѣ.

И когда Додтъ, видя, что она молчитъ, подошелъ къ ней и просунулъ ея маленькую ручку подъ свой правый локоть, чтобъ церемоніально вести ее къ столу, она маши-

нально послѣдовала за нимъ въ сопровожденіи молодого мичмана, ея спасителя. На палубѣ, передъ каютъ-компаніей, ее встрѣтили всѣ офицеры эскадры и, образовавъ шпалеры, встрѣчали и провожали ее поклонами до самой каютъ-компаніи. Развѣ видѣла она что-либо подобное раньше, у себя на родинѣ?—Да, это сонъ изъ волшебной сказки, событіе въ волшебномъ царствѣ...

Такъ они вошли въ каютъ-компанію, и Додтъ посадилъ свою прелестную гостью на почетное мѣсто, во главѣ богато сервированнаго стола. Недоставало только букета передъ ея приборомъ. Но гдѣ взять цвѣтовъ въ открытомъ морѣ? Скоро всѣ офицеры заняли свои мѣста, а Додтъ и князь Яшвилъ помѣстились: одинъ—съ правой, другой съ лѣвой стороны своей хорошенькой гостью, и слушатели начали разносить кушанья.

— Ханумъ будетъ такъ любезна, что подниметъ чадру, чтобы кушать, — вѣжливо обратился Яшвилъ къ своей сосѣдкѣ, которая сидѣла точно очарованная; да ей и казалось все это чарами. Она, дѣйствительно, откинула чадру, и присутствовавшимъ показалось, что на нихъ глянуло солнышко:—такъ прелестно было ея личико съ глазами ангела.

Вначалѣ всѣ сохраняли молчаніе, но всѣ видѣли, что очаровательная «малютка», проголодавшаяся порядкомъ, кушала исправно. Это прежде всѣхъ замѣтилъ докторъ, наблюдавшій за нею, какъ за своей паціенткой.

«У «малютки» хорошій аппетитъ,—подумалъ онъ.— Значитъ — она здорова: homo id est, quomodo ille est, или, можетъ быть, я совралъ: homo talis est, quo modo est».

— Простите, очаровательная ханумъ, — уже смѣлѣе

заговорилъ молодой мичманъ:—вы наша почетная гостья, и мы еще не знаемъ вашего имени: скажите, какъ васъ зовутъ?

— Эсма... Эсма-ханумъ,—тихо отвѣчала она.

— Какое прелестное имя и какой восхитительный голосокъ! — не выдержалъ Боря Перелешинъ съ пирожкомъ въ рукѣ, моментально застывшей въ воздухѣ.

Эсма взглянула на юнаго гардемарина и улыбнулась:—до того наивнымъ показался ей его возгласъ и его восторженное лицо.

— Что за прелесть! — Что за восхитительное существо! — слышался уже болѣе смѣлый шопотъ среди офицеровъ.

— Но спросите, голубчикъ князь, какъ она очутилась въ морѣ?—обратился Додтъ къ Яшвилю.—И почему она не съ отцомъ, а, повидимому, въ Сухумѣ?

— Я стѣсняюсь, капитанъ.

— Почему-же?—удивился Додтъ.

— Это будетъ что-то въ родѣ допроса, какъ будто шпионство съ моей стороны; а, впрочемъ, я спрошу только, какъ она очутилась въ морѣ и почему не спасла ея какая-то Тата, что ли. — И Яшвиль заговорилъ объ этомъ.

— Мы съ Дадой катались вдвоемъ на нашемъ маленькомъ каякѣ,—несмѣло заговорила Эсма.—Потомъ мы увидѣли вдали ваши корабли... и очень испугались... Дада велѣла мнѣ перейти къ рулю, чтобъ повернуть каякъ назадъ, къ Сухуму. Я проходила мимо Дады и... упала въ море... она меня столкнула...

— Стокнула?—спросилъ Яшвиль:—нечаянно?

— Нѣтъ... нарочно столкнула...

— Ахъ, гадина!—вырвалось у молодого мичмана.—
А багоръ?

— Она багромъ хотѣла ударить меня по головѣ и уронила багоръ.

— Боже, какое злодѣяніе! За что же это она, злодѣйка?

— За Арсланъ-бея... за то, что... Арсланъ-бей... добръ ко мнѣ... любите меня...

— А, понимаю! изъ ревности... Вообразите, господа,— обратился Яшвиль къ товарищамъ:—эту бѣдную дѣвочку хотѣла утопить изъ ревности молочная сестра Арсланъ-бея и столкнула ее въ море, а сама уплыла на каякъ въ Сухумъ.

— Ахъ, растреклятая! и эдакую-то цыпочку!—снова не удержался Боря Перелешинъ. — О, только бы намъ взять Сухумъ, я самъ ту вѣдьму собачьимъ хвостомъ удавлю, ежа ей засуну... — Но тутъ онъ спохватился и зажалъ себѣ ротъ рукою.

— Такъ вы, дорогая Эсма-ханумъ, живете въ Сухумъ-Кале?—снова спросилъ Яшвиль.

— Да, въ Сухумъ-Кале.

— И батюшка вашъ тамъ?

— Нѣтъ, отецъ въ Трапезондѣ.

— Ну, господа!—громко сказалъ Яшвиль:—я больше допрашивать не могу—это будетъ уже шпионство, свинство по отношенію къ этому очаровательному созданію. Знаю только теперь, что она живетъ въ Сухумѣ, а отецъ ея, Кучукъ-бей, въ Трапезондѣ. Догадываюсь, что Арсланъ-бей любитъ ее или она его жена...

— Не можетъ быть!—снова прорвался Боря Переле-

шинъ:—эдакая-то цыпочка и тотъ чортъ. Чортъ съ младенцемъ!

Въ это время начали разносить шампанское. Додтъ, взявъ свой бокалъ и поднявшись съ мѣста, громко сказалъ:

— Господа, провозглашаю тостъ за здоровье нашей милой гостыи, нашего очаровательнаго найденыша, который своимъ присутствіемъ осчастливилъ на краткій мигъ нашу эскадру: — пусть съ этой минуты она считается нашей дочерью — «дочерью эскадры». Здоровье благородной Эсма-ханумъ, «дочери эскадры».

— Ура!—грязнулъ общій возгласъ, и громче всѣхъ выкрикнулъ Боря Перелешинъ: — ура божественной цыпочкѣ!

Князь Яшвилъ объяснилъ своей сосѣдкѣ значеніе тоста и возгласовъ. Эсма еще болѣе раскраснѣлась и взяла свой бокалъ. Всѣ стали подходить къ ней. Но она не рѣшалась пить. Къ ней подошелъ докторъ.

— Выкушайте, дорогая малютка,—сказалъ онъ отеческимъ тономъ:—это оживитъ ваши жизненные силы—*vis vitalis*.

Яшвилъ перевелъ ей слова доктора, и она послушно отпила изъ своего бокала. Подошелъ и Боря Перелешинъ со своимъ бокаломъ. Юное лицо его свѣтилось восторгомъ, глаза блестя. Онъ чокнулся съ Эмой, которая не могла не улыбнуться при видѣ глупо-восторженнаго лица юноши.

— Ахъ, теперь бы заорать: «горько» и расцѣловать губки, щечки, и ножки,—сказалъ онъ, чокаясь съ княземъ Яшвилемъ и называя его «крестнымъ отцомъ цыпочки».

— Полно тебѣ, сумасшедшій мальчишка! — остановилъ его послѣднйй.

Какъ только встали изъ-за стола, Эсма начала просить Яшвиля, чтобъ онъ отвезъ ее въ Сухумъ.

— Я далъ вамъ, дорогая ханумъ, честное слово доставить васъ, куда прикажете, и долженъ исполнить его, хотя съ величайшимъ сожалѣнiемъ, — сказалъ Яшвиль. — Вы, какъ солнышко, освѣтили нашъ фрегатъ, и теперь это солнышко покидаетъ насъ. Да будетъ воля Аллаха!

И онъ просилъ Додта тотчасъ же приготовить самую лучшую шлюпку фрегата — капитанскую. Всѣ стали протестовать, упрашивать, чтобъ хоть часокъ еще осталась гестья; но Яшвиль настоялъ на своемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, шлюпка-катеръ отчалила отъ фрегата. На рулѣ сидѣлъ Яшвиль, а Эсма помѣстилась на скамейкѣ рядомъ съ докторомъ. Предательскйй и спасительный багоръ тоже взяли съ собой. Отъѣвжающимъ офицеры махали платками, посылая вслѣдъ «дочери эскадры» самыя лучшяя пожеланяя. Эсма дружески кивала головой и весело улыбалась. Катеръ летѣлъ, какъ птица, подъ стройные вмахи двѣнадцати весель. Вотъ скоро и рейдъ Сухума. Минуя стоявшяя на рейдѣ турецкяя фелюги и кочермы, катеръ ловко причалилъ къ берегу и сбросилъ сходни. Эсма птичкой выпорхнула на берегъ, а за нею Яшвиль и докторъ. Ихъ окружили любопытные сухумцы и турки. Навстрѣчу имъ изъ воротъ крѣпости торопливо вышелъ Арсланъ-бей со свитой. Эсма бросилась къ нему, а онъ поднялъ ее, какъ маленькаго ребенка, и, не помня того, что они не одни, сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— Вотъ мой спаситель, — вырвавшись изъ его объятйй,

указала она на князя Яшвиля: — а вотъ онъ, этотъ добрый старичокъ, лѣчилъ меня.

Арсланъ-бей протянулъ было руки, чтобъ обнять и молодого мичмана; но тотъ отступилъ назадъ.

— Берегите это милое дитя, укройте ее отъ нашихъ ядеръ и бомбъ, — сказала онъ, указывая на Эсму: — мы сейчасъ же станемъ блокировать вашу крѣпость.

— Да, берегите малютку, — пробормоталъ и докторъ: — она слишкомъ была потрясена.

— Прощайте, ханумъ! да пошлетъ вамъ Аллахъ благополучіе и счастье! — растроганнымъ голосомъ сказалъ Яшвиль. — Я никогда васъ не забуду!

Въ это время послышались крики въ толпѣ: — «Женщина, женщина упала со стѣны!»

— Дада моя! Дада! дочь моя! — раздался отчаянный вопль мужчины.

Арсланъ-бей узналъ этотъ голосъ: — то былъ отецъ Дады, старый Тутшугъ. Арсланъ-бей и Эсма-ханумъ торопливо приблизились къ Тутшугу, судорожно ломавшему руки надъ распростертымъ на землѣ тѣломъ. То была Дада. Увидавъ съ крѣпостной стѣны, что ея соперница и жертва ея злодѣянія спасена, она вонвила въ свое ревнивое сердце кинжалъ по самую рукоятку и грохнулась съ крѣпостной стѣны.

— О, Дада! ты не избѣгла гнѣва Аллаха, — тихо сказала Эсма-ханумъ, съ ужасомъ глядя на трупъ своего врага.

XVII.

Лишь только князь Яшвилъ и докторъ возвратились на фрегатъ, какъ эскадра, выстроившись въ боевую линію, двинулась къ Сухуму. Въ три часа пополудни открытъ былъ огонь по всей линіи. Не смотря на то, что крѣпость отвѣчала эскадрѣ шестьюдесятью орудіями, огонь русскихъ дѣйствовалъ такъ убійственно, что стѣны крѣпости, казалось, дрожали и таяли. Орудійный дымъ, правда, мѣшалъ русскимъ видѣть, что творилось на стѣнахъ крѣпости, но въ рѣдкія мгновенія, когда дымъ относилъ вѣтромъ, въ зрительныя трубы можно было разсмотрѣть, что стѣны Сухума, дѣйствительно, таяли: это разрушались и обсыпались одна амбразура за другою, и большая часть крѣпостныхъ орудій съ подбитыми лафетами или умолкали совсѣмъ, или посылали свои ядра къ небу, задернутому облаками дыма, какъ бы взывая къ Аллаху о помощи, или же бросали ихъ такъ неудачно, что они ложились въ самомъ рейдѣ и топили свои собственные суда и кочермы. Отъ зданій крѣпости уже поднимались къ небу огненные языки и, при наступавшихъ сумеркахъ, освѣщали и горы, и море багровымъ заревомъ. Что-то стихійное слышалось въ неумолкаемомъ грохотѣ, въ трескѣ и завываніи пожарной бури.

— Какая иллюминація въ честь божественной цы-

почки!—восторженно говорил юный гардемаринъ Перелешинъ.

— Гдѣ-то она теперь, бѣдненькая малютка?—сокрушался докторъ.—Еще простудятъ ее!

Все слабѣе и слабѣе отвѣчали съ крѣпости, и тѣмъ дружнѣе дѣйствовали орудія русской эскадры. Додтѣ отдавалъ приказанія ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, иногда же посылалъ въ рупоръ нервное слово команды то на тотъ, то на другой корабль, и все орудія флотилии, словно стройный оркестръ, раздражались адскою музыкой. Во мрагѣ ночи, освѣщаемой заревомъ пожара, съ рейда неслись по временамъ дикіе крики и проклятія, заглушаемые ревомъ орудій: то были крики и проклятія погибавшихъ вмѣстѣ съ своими судами турокъ. Тревожимыя постоянной пальбой, морскія чайки съ жалобнымъ крикомъ метались въ ночномъ воздухѣ или летѣли на свѣтъ пожарнаго зарева и погибали въ огнѣ. Всю ночь не умолкала канонада, и, когда вмѣстѣ съ заревомъ пожара стало загораться зарево восхода, крѣпость казалась мертвою: ни одно орудіе не подавало голоса со стѣнъ крѣпости и на стѣнахъ не видно было ни одного защитника.

— Совершишася!—сказалъ докторъ, глядя на побѣжденный городъ, и набожно перекрестился.—А что-то бѣдная малютка?

Когда окончательно умолкла канонада, слышенъ былъ только трескъ догоравшихъ и разрушавшихся домовъ, да нестройный гулъ голосовъ и выкрики команды на эскадрѣ. Это происходила посадка на мелкія судна десанта, который долженъ былъ занять оставленную непріателемъ крѣпость. Солнце уже выглянуло изъ-за горъ, когда двѣ роты 4-го морского полка, высадившись на берегъ, съ

распущеннымъ знаменемъ и съ музыкой вступали въ осиротѣвшую крѣпость. Вездѣ видны были слѣды разрушенія: на стѣнахъ—опрокинутыя и поврежденныя орудія, которыхъ оказалось ровно шестьдесятъ; полуразрушенные и догоравшіе дома; мертвыя тѣла, которыхъ не успѣли ни убрать, ни похоронить. На паперти мечети лежало мертвое тѣло молодой прекрасной женщины. Это была Дада, брошенная, съ кинжаломъ въ груди, на общее поруганіе, и, съ уходомъ Арсланъ-бея вмѣстѣ съ турецкимъ гарнизономъ, валявшаяся теперь, какъ никому не нужная падаля. Князь Яшвилъ и докторъ замѣтили ее.

— Вотъ она, печальная жертва ревности,—покачалъ головою «Песъ Песовичъ»:—во истину, homo hominі lirus.

— А вѣдь она тоже была красавица,—замѣтилъ Яшвилъ.

— Охъ ужъ эта красота!—вздыхнулъ докторъ:—много она зла творить во всей вселенной.

— За то «Песъ Песовичъ» никому не причинилъ зла своею красотой,—ехидно шепнулъ повѣса Перелешинъ своему другу, гардемарину Нахимову.

— А вы, Петръ Петровичъ, были когданибудь влюблены?—спросилъ Нахимовъ.

— Homo, hominis filius sum, юноша,—отвѣчалъ старикъ и вздохнулъ.—Однако, надо бы похоронить эту бѣдняжку, хоть она и намѣревалась погубить нашу малютку. Гдѣ-то теперь Эсма?

— Въ горахъ, конечно,—отвѣчалъ Яшвилъ.—Въ самомъ дѣлѣ, надо напомнить капитану, чтобъ онъ приказалъ убрать тѣла. Пойдемте, господа.

Они прошли въ ту часть Сухума, которая упиралась

въ горы и которой не коснулась блокада. Тамъ, за мечетью, на площади, ихъ поразило странное зрѣлище. На толстомъ чинаровомъ брусѣ, въ три обхвата не менѣе, лежалъ навзничъ, привязанный къ брусу по рукамъ и ногамъ, и притомъ совсѣмъ голый, какой-то молодой абхазецъ. Около него стоялъ старикъ. Но что болѣе всего поразило пришедшихъ, это то, что лежащаго лизали собаки—лизали ему грудь, лицо, животъ и ноги, въ то время когда онъ скрежеталъ бессильно зубами и плевался. Увидавъ незнакомцевъ, и притомъ русскихъ офицеровъ, старикъ поклонился имъ, прикладывая руку ко лбу и къ груди.

— Что такое, старичокъ? — спросилъ его князь Яшвилъ.

Старикъ оказался тугъ на ухо, и пришлось повторить вопросъ.

— Этотъ человекъ, господинъ, оказался измѣнникомъ, и господинъ нашъ, Арсланъ-бей, приказалъ вчера подвергнуть его прежде публичному поруганію черезъ собаку, пока не покроетъ его собою тѣнь отъ минарета, а потомъ отвязать и привести къ бею для казни. А какъ Арсланъ-бей и его воины оставили городъ еще ночью, а тѣнь отъ минарета уже покрыла половину тѣла измѣнника, то я жду, пока не покроетъ его всего Аллахъ своею тѣнью, и тогда развяжу его.

Пока старикъ говорилъ, Перелешинъ и Нахимовъ отогнали собакъ отъ несчастнаго.

— Да онъ весь облить кислымъ молокомъ, кажется, — замѣтилъ Нахимовъ.

— Это такой обычай у абхазцевъ и у персіянъ, — сказалъ Яшвилъ:— виновному обмазываютъ лицо и бороду кислымъ молокомъ, сажаютъ на осла или на лошадь,

лицомъ къ хвосту, и водять по городу: это считается публичнымъ поруганіемъ. А высшее поруганіе—это раздѣвають виновнаго, вотъ какъ этого, доната, обливають все тѣло кислымъ молокомъ, привязываютъ къ брусу или тяжелой доскѣ и предоставляютъ собакамъ лизать его.

— Фу, какая мерзость!—воскликнулъ Перелешинъ:—отвяжи его, старикъ, скорѣй! Аллахъ уже покрылъ его.

Старикъ продолжалъ смотрѣть на несчастнаго, и едва тѣнь отъ минарета немного передвинулась къ югу, такъ что правая рука привязаннаго и правое плечо его стали выходить изъ тѣни,—какъ онъ торопливо сталъ развязывать ремни, которыми стянуты были руки и ноги осужденнаго.

— Чѣмъ же провинился этотъ несчастный передъ Арсланъ-беємъ?—спросилъ Яшвиль.

— Да онъ, господинъ, тайно далъ знать, вчера вечеромъ, старшему брату Арсланъ-бея, Сеферъ-Али-бею, что уруссы бомбардируютъ Сухумъ-Кале и, вѣроятно, скоро возьмутъ его,—отвѣчалъ старикъ.

— О! такъ онъ нашъ союзникъ, этотъ несчастный!—весело воскликнулъ Боря Перелешинъ.—Его не казнить надо, а наградить.

— Правда, юноша, правда,—подтвердилъ докторъ.—*Sepheri-beji amicus - noster amicus!* А какъ онъ тебѣ приходится, старина?

Старикъ молчалъ, не понимая по-русски. Князь Яшвиль повторилъ вопросъ доктора.

— Онъ мнѣ сынъ, господинъ—отвѣчалъ старикъ.

— Такъ вы оба—наши друзья и союзники,—сказалъ Яшвиль, хлопая по плечу старика, который торопливо

развязывалъ затекшія посинѣвшею кровью руки и ноги несчастнаго сына.

Съ помощью отца, несчастный съ трудомъ приподнялся и сѣлъ на брусѣ. Стать на ноги онъ еще не могъ.

— Что жь ты его раньше не развязывалъ, старичокъ, когда Арсланъ-бей давно уже нѣтъ въ Сухумѣ?—спросилъ Яшвилъ.

— А по закону, господинъ, по корану: мулла говорить, что пока тѣнь Аллаха отъ минарета не покроетъ собою осужденнаго, до тѣхъ поръ его нельзя отвязывать, а то Аллахъ убьетъ его солнечною стрѣлой.

Въ это время слышались звуки рожковъ, призывавшіе команду къ сбору. Князь Яшвилъ и оба гардемарина поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, а докторъ остался около сидѣвшаго на брусѣ голаго абхаза, чтобъ подать ему помощь, какая понадобится. Обѣ роты морского полка, занявшія Сухумъ, выстраивались, между тѣмъ, на главной площади Сухума. Какъ только онѣ выстроились, въ городъ со стороны Кодора, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, громыхая слѣдовавшими за отрядомъ двумя орудіями, вступила рота бѣлевскаго полка. Впереди ѣхали князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей, а около его стремени, на небольшомъ бѣломъ конѣ, ѣхалъ прелестный мальчикъ семи или восьми лѣтъ, въ богатомъ красномъ бешметѣ и въ бѣлоснѣжной папахѣ, вооруженный по всѣмъ правиламъ горскихъ военныхъ обычаевъ. Это былъ старшій сынчикъ Сеферъ-бея, Димитрій, будущій владѣтель Абхазіи, а пока—наслѣдникъ своего отца. Рядомъ съ мальчикомъ, не спуская съ него грустнаго любящаго взгляда, ѣхала молодая женщина въ богатомъ горскомъ одѣяніи. Это была княгиня Тамара, мать прелестнаго мальчика и

жена Сеферъ-бея, урожденная княжна Дадіанъ. Тутъ же слѣдовала небольшая свита изъ наиболѣе знатныхъ князей Абхазіи.

Когда вступили на площадь, гдѣ расположены были герои вчерашней блокады Сухума, — двѣ роты морского полка со своими командирами и знаменемъ, — вновь прибывшіе князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей со свитою, а за ними рота бѣлевцевъ съ двумя орудіями и сотнею абхазцевъ-пѣхотинцевъ, и съ полусотнею нашихъ линейныхъ казаковъ, — то въ ту же минуту, по отданіи вновь прибывшимъ воинской чести по статуту, послѣдніе сошли съ коней, и князь Орбеліани, приказавъ поставить посерединѣ круга, образованнаго войсками, два большихъ турецкихъ барабана одинъ на другой, положилъ на верхъ ихъ высочайшую грамоту и знаки инвеституры, присланные изъ Петербурга, а равно ленту и знаки ордена Анны 1-й степени. Въ то же время, отъ свиты князя отдѣлился въ полномъ облаченіи старенькій священникъ, съ крестомъ и Евангеліемъ, и положилъ эти священные предметы на высочайшую грамоту и на орденскую ленту.

Тогда, по знаку князя Орбеліани, Сеферъ бей приблизился къ импровизированному аналою изъ двухъ барабановъ и поднялъ правую руку съ перстнымъ сложениемъ.

— Я, Сеферъ-Али-бей, владѣтельный князь Абхазіи, во святомъ крещеніи Георгій, князь Шервашидзе, предъ всемогущимъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ обещаюсь и клянусь, и т. д., — старческимъ дребезжающимъ голосомъ возглашалъ священникъ, а за нимъ, гортаннымъ речитативомъ, повторялъ слова присяги Сефей-бей.

— Во свидѣтельство чего цѣлую крестъ и слова Спа-

сителя моего,—заключил присягавшій, и поцѣловалъ распятіе и раскрытую страницу Евангелія.

Въ это время князь Орбеліани, подойдя къ аналою и снявъ съ него крестъ и Евангеліе, передалъ ихъ священнику, а самъ, развернувъ высочайшую грамоту, громко прочиталъ ее и вручилъ Сеферъ-бею, который благоговѣнно приложился къ собственноручной подписи государя Александра Павловича.

— Поздравляю васъ, ваша свѣтлость, князь Георгій Келешевичъ, съ монаршею милостію,—торжественно произнесъ князь Орбеліани и возложилъ на новаго подданнаго Россіи орденскую ленту Анны 1-й степени.—Съ сего момента вы—не Сеферъ-Али-бей, а свѣтлѣйшій князь Георгій Шервашидзе.—И они поцѣловались.

Въ ту же минуту, изъ обоихъ орудій бѣлевскаго полка, въ знакъ торжества, сдѣланы были выстрѣлы, и имъ отвѣчали такими же салютами съ эскадры, стоявшей на рейдѣ.

— А наша «тешпа» позабористѣй ихнихъ водяныхъ пушчонокъ,—самодовольно замѣтилъ молодой запѣвала, Кудряшовъ.

— Знамо дѣло,—улыбнулся старый «Сукачъ»:—наша говорить по суворовски, что твой протодьяконъ.

Князь Орбеліани подошелъ къ маленькому Дмитрію, который расширенными зрачками смотрѣлъ на невиданную церемонію, и ласково взялъ его за руку.

— Теперь, мой милый мальчикъ,—сказалъ князь,—подойди, поздравь папу съ монаршей милостію, и простись съ нимъ.

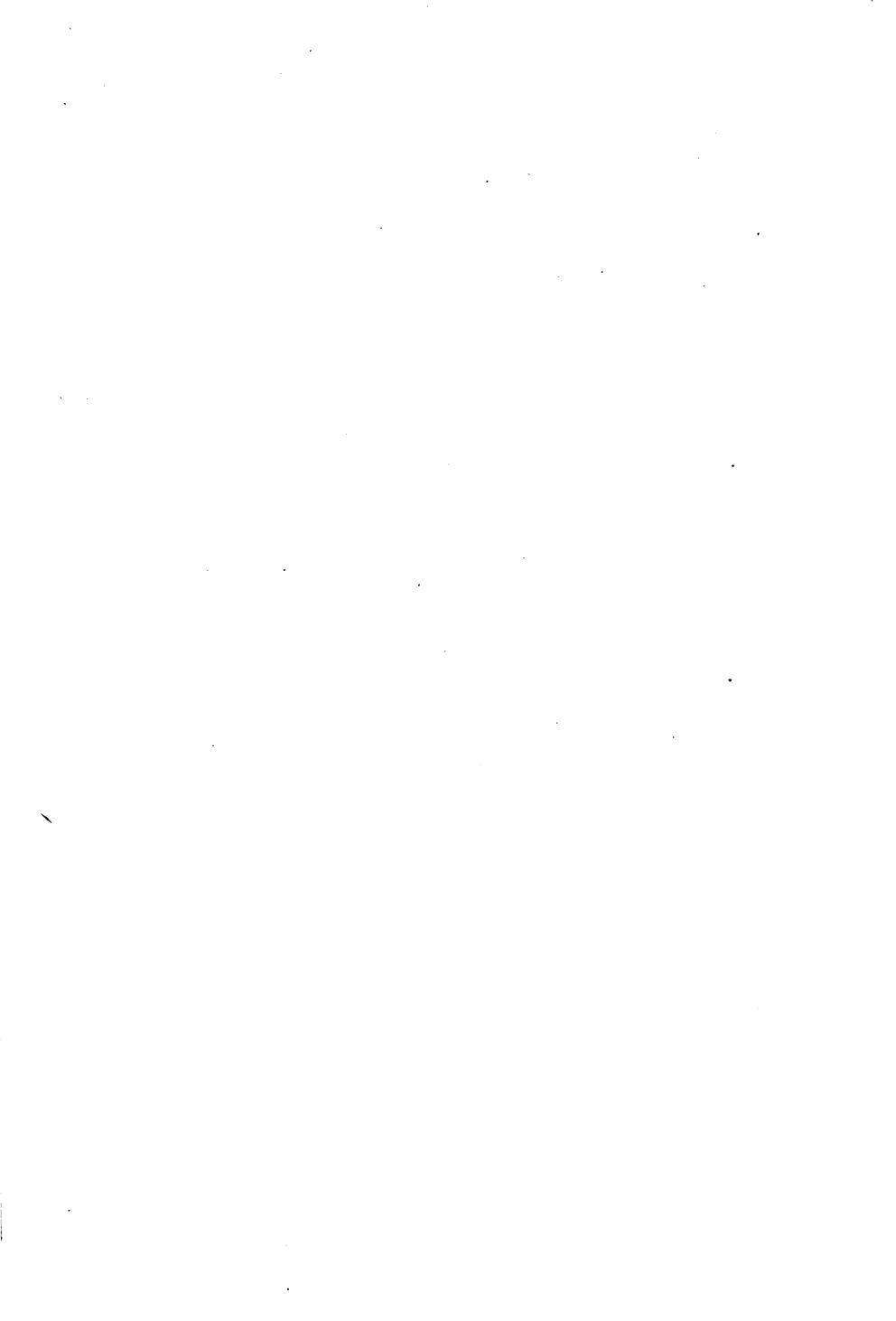
Дмитрій подошелъ къ отцу. Тотъ нѣжно его обнялъ, долго цѣловалъ, три раза перекрестилъ и подвелъ къ мормордовцевъ. прометеево потомство.

тери. Княгиня Тамара страстно обхватила мальчика и съ воплемъ стала цѣловать его. Съ трудомъ князю Орбеліани удалось вырвать сына изъ объятій обезумѣвшей отъ горя матери.

Его тотчасъ же увели, чтобъ отправить въ Петербургъ въ качествѣ аманата—въ залогъ вѣрности Россіи его отца и всей Абхазіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Прошло одиннадцать лѣтъ съ того дня, когда маленькаго княжича Абхазин, Дмитрія Шервашидзе, вырвали изъ объятій матери, княгини Тамары, и увезли въ Петербургъ.

Во второй половинѣ мая 1821 года, надъ Петербургомъ и его окрестностями стояла превосходная погода. Въ садахъ и на дачахъ зелень только что вошла въ полную силу и, еще не запыленная, ласкала взоръ своею весеннею красотою и свѣжестью. Въ обширномъ павловскомъ паркѣ неумолчно перекликались кукушки. Въ зеленой листвѣ столѣтнихъ деревьевъ задорно высвистывали иволги, сверкая на солнцѣ золотомъ своего оперенія. Изъ глухихъ уголковъ парка и изъ темныхъ зарослей доносились соловьиныя трели и робкія потрескиванья коростеля, для котораго майская трава сѣвера была еще слишкомъ мала, чтобъ позволить ему безопасно наслаждаться праздникомъ весны. Солнце уже начинало опускаться за вершины гигантскихъ елей, когда въ крыльцу одной красивой дачи два солидныхъ конюха и маленькій грумъ подвели трехъ осѣдланныхъ коней—одного подъ дамскимъ сѣдломъ. Вслѣдъ затѣмъ, на крыльцо вышли: молоденькая амазонка, почти дѣвочка, со свѣтлыми, пепельнаго отлива, локонами; а за нею—юный офицеръ съ лицомъ красиваго южнаго типа. Молча посадивъ свою молоденькую даму

на сѣдло, офицеръ также молчаливо вскочилъ на своего коня.

— Дмитрій Георгіевичъ, привезите мнѣ ландышей! — раздался съ террасы дачи серебристый голосокъ дѣвочки лѣтъ двѣнадцати, которая махала платкомъ вслѣдъ отъѣзжавшимъ.

— Привезу, милая Катя, если только ландыши распустятся, — отвѣчалъ офицеръ нѣсколько гортаннымъ голосомъ, ласково оборачиваясь къ дѣвочкѣ.

— Ну, фіалокъ, незабудокъ! — продолжалъ звенѣть серебристый голосокъ.

Амазонка и офицеръ свернули въ боковую широкую аллею и пустили лошадей въ галопъ. Маленькій грумъ слѣдовалъ за ними, искусно управляя своимъ скакуномъ. Нѣсколько времени всадники скакали молча. Казалось, что ни тотъ, ни другая не рѣшались начать разговоръ, хотя по выраженію ихъ лицъ видно было, что слова просились на уста, но что-то мѣшало имъ сорваться съ языка. На лицѣ офицера видна была грустная или тревожная дума, что подмѣтила его спутница, украдкой взглядывавшая на него, но, по свойственной женщинамъ, даже очень юнымъ дѣвочкамъ, скрытности или неискренности, никакъ не рѣшалась сказать то, чего ей хотѣлось.

— Я сейчасъ въ умѣ спрашивала кукушку, сколько мнѣ осталось жить, и она накуковала мнѣ всего пять лѣтъ, — заговорила, наконецъ, юная притворщица. — А у васъ въ Абхазіи есть кукушки? — спросила она совѣмъ не то, о чемъ думала.

— Есть, княжна, — отвѣчалъ офицеръ, думая о чемъ-то другомъ.

Юная лицемѣрка хорошо видѣла это; она замѣтила, —

какъ только тотъ, кого дѣвочка назвала Димитріемъ Георгіевичемъ, пріѣхалъ къ нимъ сегодня на дачу, — что онъ таитъ въ душѣ какую-то тревожную мысль, что его мучитъ какая-то тайна, — и это еще болѣе разжигало ея женское любопытство. Но женское же лукавство стояло на стражѣ, и юная лицемѣрка тервалась неизвѣстностью. Душу ея грызъ прямой вопросъ; но Боже сохрани идти къ нему прямою дорогой! Нѣтъ, надо колесить проселками, начать съ кукушекъ и кончить иволгами.

— И иволги есть въ Абхазіи, князь? — снова спросила она, терзаясь любопытствомъ, въ основаніи котораго таилось нѣчто очень жгучее.

— Есть и иволги, княжна, — былъ отвѣтъ, какой-то глухой, будто сердитый.

Это невозможно! Юная лицемѣрка готова разрыдаться... «Кукушки... иволги... Боже мой! — а онъ молчитъ, онъ о чемъ-то думаетъ... Не обо мнѣ... онъ и не глядитъ на меня»... Но какъ заговорить прямо? Уронить женское достоинство, дѣвичью стыдливость! Нѣтъ, лучше лицемѣріе...

— Что съ вами сегодня, князь? — со смѣхомъ спросила лицемѣрка, готовая плакать навзрыдь. — Васъ, вѣроятно, опять пожурилъ за лѣность Василій Андреевичъ Жуковскій?

Офицеръ съ грустнымъ укоромъ взглянулъ на нее. — «И она еще можетъ смѣяться! Онъ всѣ такіа — эти женщины»...

— Нѣтъ, княжна, — сказалъ онъ почти рѣзко: — меня не журилъ Жуковскій; но я скоро долженъ оставить Петербургъ — и навсегда.

Дѣвушка покачнулася на сѣдлѣ, точно ее ударили

хлыстомъ. Да, ее ударили хлыстомъ... прямо по сердцу. Розы на ея нѣжныхъ щечкахъ блѣднѣли, блѣднѣли, и она стала блѣже полотна.

— Какъ?—глухо спросила она. Но и тутъ женское лицемѣріе шепнуло ей:—«не выдай себя»!

— Вы знаете, княжна, что въ февралѣ скончался мой батюшка, — сказалъ онъ, приостанавливая галопъ своего взмыленного коня. — Абхазія осталась безъ правителя. Правда, страню управляетъ матушка, княгиня Тамара. Но что можетъ сдѣлать слабая женщина съ такимъ необузданнымъ народомъ, какъ абхазцы? Притомъ же нашу бѣдную осиротѣлую Абхазію раздирають смуты. Еще при жизни батюшки, братъ его, а мой дядя, Арсланъ-бей, этотъ гнусный отцеубійца—я вамъ говорилъ о немъ— мусульманинъ по вѣрѣ, заклятый врагъ покойнаго отца моего, при помощи турокъ привлекъ на свою сторону самые дикіе и воинственные элементы Абхазіи. Кроме того, поддерживаютъ внутреннюю смуту бѣдной страны еще трое моихъ дядей, о которыхъ я тоже не разъ говорилъ вамъ и вашей матушкѣ, — Хассанъ-бей, Баталь-бей и Тааръ-бей—опять таки мусульмане и враги абхазцевъ-христіанъ. А у матушки моей еще на рукахъ двое малолѣтнихъ сыновей, моихъ братьевъ.

Онъ приостановился, какъ бы отыскивая главную нить своего разсказа. Спутница его молчала, вполне овладѣвъ своимъ волненіемъ.

— Да, — прервалъ молчаніе ея спутникъ, — живя здѣсь съ самаго дѣтства, я смутно зналъ, что дѣлалось въ Абхазіи во время управленія страню моего отца. Я здѣсь учился, развлекался, а въ послѣднее время думалъ было даже...

Какъ бы испугавшись своихъ словъ, онъ прервалъ себя. Дѣвушка пытливо глянула на него, но ничего не сказала. Она женскимъ чутьемъ догадывалась, что то, чего онъ не сказалъ теперь, будетъ высказано раньше или позже. На то она женщина, чтобъ знать это.

— Видите ли, княжна,— снова началъ онъ,— я даже почти ничего не зналъ, что происходило въ Абхазіи послѣ смерти моего отца, хотя минуло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ его кончины. Но вчера призывалъ меня къ себѣ Ермоловъ и обстоятельно посвятилъ въ дѣла моей родины. Вѣдь онъ правитъ всѣмъ Кавказомъ и каждый почти день получаетъ оттуда донесенія. Такъ вотъ что, княжна, я узналъ отъ него. Отецъ мой скончался, 7-го февраля въ Сухумъ-Кале, гдѣ находится русскій гарнизонъ подъ командою майора Могилянскаго. И представьте себѣ—едва разнеслась вѣсть о смерти правителя Абхазіи, какъ на другой же день толпы абхазцевъ, сторонниковъ дяди Хассанъ-бея и его подвластныхъ, окружили крѣпость и напали на русскую команду, которая послана была въ сосѣдній лѣсъ за дровами, такъ что на выручку ихъ пришлось выслать роту пѣхоты съ орудіемъ. Завязалась перестрѣлка. Правда, передъ мѣткимъ огнемъ русскихъ и передъ картечью абхазцы не устояли и разсѣялись, но все же и со стороны русскихъ оказались убитые и раненые.

Дѣвушка слушала теперь разсѣянно. Голубые глаза ея, казалось, говорили:— «Что мнѣ за дѣло до Абхазіи, до этихъ убитыхъ и раненыхъ? На Кавказѣ это случается каждый день. Но отчего онъ о себѣ не говоритъ:— зачѣмъ ему туда ѣхать, когда вдѣсь онъ, кажется... Ахъ, вѣтъ! онъ еще не сказалъ *этого*... но скажетъ, скажетъ!—

иначе не начиналъ бы объ этой противной Абхазіи, хоть онъ и говоритъ, что тамъ дивная, величественная природа, горы, упирающіяся въ небо, безбрежное бирюзовое море—не такая безцвѣтная лужа, какъ около Кронштадта и Петергофа».

И она терпѣливо должна была слушать, задумчиво глядя гриву своей лошади.

— Вотъ я теперь русскій подданный, офицеръ русской службы, — продолжалъ ея спутникъ, — Абхазія тоже считается русскою провинціею, а я — валогъ ея вѣрности нашему императору, я — аманатъ Абхазіи. Но Абхазія, несмотря на это, считаетъ себя свободною страной и скорѣе льнетъ къ мусульманской Турціи, чѣмъ къ православной Россіи. Да и въ самомъ дѣлѣ такъ: русскіе владѣютъ теперь въ Абхазіи только Сухумомъ, гдѣ стоитъ ихъ гарнизонъ. Сухумъ — это тотъ же островъ св. Елены, на которомъ Наполеонъ нашелъ свою тюрьму: хоть эта крѣпость и на сушѣ, но доступъ къ ней для Россіи свободенъ только съ моря, изъ Крыма, на корабляхъ. Кругомъ же, на сушѣ, одни враги Россіи, что они и доказали на другой же день послѣ смерти моего отца, напавъ на русскую команду. Но и моремъ добраться до Сухума нелегко: Черное море необыкновенно бурно; штормы свирѣпствуютъ на немъ всю зиму, всю осень и всю весну. Понятно, что мои милые соотечественники никого не боятся, не знаютъ надъ собой никакой узды. Жизнь ихъ — война, грабежъ. Главный доходъ ихъ — отъ продажи въ Турцію плѣнныхъ въ рабство, особенно же дѣвушекъ... А красота горскихъ дѣвушекъ такъ высоко цѣнится во всемъ свѣтѣ.

Спутница его, повидимому, не раздѣляла этого мнѣнія, и чуть замѣтно брезгливо улынулась.

— Значить, теперь Абхазіей управляетъ не шатап ваша, а Хассанъ-бей?—спросила она, чтобъ только прекратить похвалу горскимъ красавицамъ, такъ какъ всякая женщина оскорбляется, если въ ея присутствіи восхваляютъ красоту другой женщины, а не ея самой.

— Къ сожалѣнію, почти такъ, — согласился молодой абхазецъ. — Когда въ стычкѣ 8-го февраля русскіе захватили въ плѣнъ нѣсколько абхазцевъ, то дядя Хассанъ на другой же день явился въ крѣпость требовать ихъ освобожденія, говоря, что они подвластны ему, а не моей шатап. Еще то хорошо, что шатап и мои братишки имѣютъ защиту въ моемъ кузенѣ, въ князѣ Леванѣ Дадіанѣ, который владѣетъ Мингреліей. Вѣдь я вамъ говорилъ, кажется, что моя шатап изъ Мингреліи, изъ дома владѣтельныхъ князей Дадіановъ и приходится теткой князю Левану. Но cousin Леванъ, — какъ мнѣ сообщилъ вчера Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, — не безкорыстный нашъ защитникъ. Ермоловъ говоритъ, что князь Леванъ двинулъ свои войска въ Абхазію будто-бы для защиты шатап и моихъ братишекъ отъ дяди Хассана, а на самомъ дѣлѣ ему хочется оттягать у насъ клочокъ нашей Абхазіи, который нѣкогда былъ подъ властью правителей Мингреліи. Но это ему не удалось, и дядя Хассанъ самъ попался въ ловушку. Его перехитрилъ Могилянскій, комендантъ Сухума. Когда дядя явился въ Сухумъ съ небольшою свитой изъ цебельдинскихъ князей, чтобы требовать выдачи плѣнныхъ абхазцевъ, захваченныхъ въ стычкѣ 8-го февраля, Могилянскій приказалъ арестовать его. Это произошло въ домѣ Могилянскаго. Князь це-

бельдинскіе находились на галереѣ, и когда увидали оттуда въ окна, что ихъ вождя, дядю Хассана, вяжутъ, какъ простаго разбойника, то бросились было защищать его. Произошла кровопролитная свалка. Двухъ князей солдаты закололи штыками, какъ кабановъ, а остальныхъ связали и посадили на гауптвахту. Дядю же Хассана, тоже связаннаго, перевели тотчасъ на русскій корабль, который стоялъ въ сухумскомъ рейдѣ.

— Вотъ вамъ и поэтическая Абхазія, родина Медеи, царство «золотого руна», — съ грустной улыбкой сказала дѣвушка: — кровь, кровь и кровь. А у насъ — посмотрите — просто рай! — И она указала на открывшуюся передъ ними даль, на живописныя группы деревьевъ, поволоченныя лучами заходящаго солнца, и на тихія воды Славянки. — Не присядемъ ли мы здѣсь на скамейкѣ? Надо дать передохнуть и милымъ лошадамъ: — видите, какъ мы ихъ взмылили. Здѣсь же такъ хорошо... Полюбуйтесь въ послѣдній разъ нашей сѣверной природой... — Голосъ ея дрогнулъ, на глазахъ показались предательскія слезы; но женская гордость и привитое съ дѣтства свѣтское лицемѣріе одержали верхъ надъ чувствомъ.

— Съ удовольствіемъ, — сказалъ ей спутникъ и, быстро соскочивъ съ лошади, осторожно снялъ съ сѣдла дѣвуху. Руки его дрожали.

— Петруша, выводи хорошенько лошадей, — сказала княжна, передавая поводья груму. — Съ этого мѣста Жуковский любовался Славянкой, когда сочинялъ свое поэтическое посланіе къ этой милой рѣчкѣ, — добавила она, обративъ къ спутнику свое нѣсколько усталое личико.

II.

Молодые путешественники, о которых сейчас шла речь, были: онъ — юный свѣтлѣйшій князь Дмитрій Георгиевичъ Шервашидзе, котораго, 10-го іюля 1810 года, мы видѣли въ Сухумъ-Кале, когда отецъ его, Сеферъ-Али-бей, подъ именемъ князя Георгія Шервашидзе, присягалъ на подданство Россіи, и котораго, тогда еще крошку, взяли рыдающаго изъ объятій тоже рыдавшей матери, княгини Тамары, и, въ качествѣ аманата за Абхазію, увезли въ Петербургъ, гдѣ онъ и воспитывался до настоящаго времени, сначала въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ подъ руководствомъ знаменитаго поэта и воспитателя царскихъ дѣтей, Василя Андреевича Жуковскаго; она — юная княжна Варенька Гагарина. Но о ней пока сказать нечего.

— Не правда ли, какъ симпатична наша сѣверная природа? — говорила она, придерживая шлейфъ амазонки и садясь на скамью.

— Да, я привыкъ къ ней, сжился съ нею, — задумчиво отвѣчалъ молодой абхазецъ: — вѣдь болѣе десяти лѣтъ я живу подъ вашимъ небомъ.

— И вы рады покинуть его для вашего неба? — задорно спросила княжна, сдѣлавъ удареніе на словѣ «вашего».

— Нѣтъ, княжна, — тихо отвѣчалъ ей собесѣдникъ съ

грустью въ голосѣ:—напротивъ, я покидаю его съ сожалѣніемъ... Я покидаю здѣсь то...—Онъ замылся:—то, что мнѣ дорого,—почти шопотомъ закончилъ онъ.

— Василія Андреевича, конечно? — слушавила юная плутовка.

— Да... но вы не знаете... я не смѣю...

Плутовка испугалась. Она страстно желала, чтобъ онъ «смѣлъ», чтобъ онъ досказалъ; сердце ея сладко и больно замирало отъ предвкупаемаго счастья—о! она давно все угадала, давно знала!—и замирало также отъ страха, что вотъ-тотъ онъ скажетъ то, чего она страстно желала... Но женское лицемѣріе осидило:—она отдалила эту страшную и блаженную минуту... Ожиданіе этой минуты — это и есть блаженство женщины. Вотъ-вотъ схватить и унести — унести въ рай... Ахъ, какъ страшно! — И юная лицемѣрка извернулась.

— Но вы не досказали о Ермоловѣ и вашей Абхазіи— о дядѣ Хассанъ-беѣ,—увильнула она.

— Да, правда—виновать... Дядю Хассана скоро перевезли съ корабля въ крѣпость Редуть-Кале, а оттуда, въ концѣ марта, подъ конвоемъ отправили сначала въ Кутаисъ, а потомъ въ Гори.

— А другой вашъ дядя, тотъ страшный отцеубійца— что онъ?

— Арсланъ-бей? О немъ-то Ермоловъ особенно беспокоится... Это ужасный человѣкъ. Теперь, услыхавъ объ арестѣ и высылкѣ въ Гори брата своего Хассана, онъ снова явился въ Абхазію, — а до сихъ поръ скрывался въ Турціи, — и сталъ разглашать вездѣ, что онъ получилъ отъ султана фирманъ на владѣніе всею Абхазіей и даже Сухумомъ, что фирманъ этотъ подписанъ

будто бы даже русскимъ посланникомъ въ Константинополь. Ну, понятно, что къ нему теперь стекаются всѣ отчаянныя головы изъ Цебельды и Абхазіи. Матушка, конечно, въ отчаяніи...

— А гдѣ теперь ваша мама? въ Абхазіи? — перебила его княжна.

— Да, въ Сухумѣ:—вѣдь тамъ только и можно спрятаться отъ нашихъ разбойниковъ... Но каковъ негодяй—извините, княжна, — мой дядюшка Арсланъ! На дняхъ онъ является подъ Сухумъ съ войскомъ и шлетъ пословъ къ коменданту крѣпости. Комендантъ высылаетъ къ нимъ переводчика. Послы говорятъ, что Арсланъ-бей, милостію Аллаха и волею падишаха, повелитель Абхазіи, требуетъ, чтобы русскіе вывели свои войска изъ Сухума, что Сухумъ принадлежитъ ему, Арсланъ-бею, а не русскимъ гаурамъ, и что Абхазія всегда была подвластна Турціи, а не Россіи. Тогда комендантъ велѣлъ объявить дерзкимъ посламъ, что если они или кто другой вновь явятся съ подобнымъ предложеніемъ, то они встрѣчены будутъ выстрѣлами, и пусть скажутъ Арсланъ-бею, чтобы онъ и его единомышленники ожидали скорой гибели со своими семействами.

— Бѣдная страна! — какъ бы про себя замѣтила княжна.

— Она перестанетъ быть бѣдной! — горячо возразилъ молодой абхазецъ.

— Но какимъ образомъ?

— Я усмирю ее, я снесу голову отцеубійцѣ! Ермоловъ мнѣ сказалъ, что государю императору благоугодно назначить меня повелителемъ Абхазіи:—я законный наследникъ моего отца... Я божіею милостію! — гордо воскликнулъ онъ.

Княжна снова поблѣднѣла, хотя послѣднія слова молодого абхазца заставили забиться безумной радостью ея сердце... Божіею милостію повелитель страны... А она?— что она для него? — Если онъ не любитъ ея? если она ошиблась? «Горскія дѣвушки такъ прекрасны»,— говорилъ онъ.

— Завтра мнѣ назначена аудіенція у государя,— продолжалъ молодой абхазецъ, не замѣчая волненія дѣвушки. — Императоръ самъ объявитъ мнѣ высочайшую волю... и тогда... тогда я долженъ буду покинуть это сѣверное небо—небо моей второй родины...—Голосъ его оборвался.

Взглянувъ на свою спутницу, онъ увидѣлъ, что по ея щекамъ текли слезы.

— Княжна... Варвара Павловна, что съ вами?— испуганно воскликнулъ онъ, не сообразивъ, въ чѣмъ дѣло.

Дѣвушка закрыла лицо руками и совсѣмъ разрыдалась.

— Боже мой... Варвара Павловна... Господи! да что жъ это такое?—бормоталъ растерявшійся повелитель Абхазіи.

А слезы текли пуще и пуще. У женщинъ на все слезы: горе—слезы, радость—слезы, «избытокъ счастья—слезъ избытокъ»... Обидѣли ее — плачетъ, сама переобидѣла—рыдаетъ! А сказать прямо—все таки не скажетъ...

— Господи, да что же это? обидѣлъ я васъ?.. Скажите ради Бога, что съ вами?—растерянно повторялъ неопытный князь.—Скажите, что съ вами?

— Ахъ, развѣ вы не видите? — вырвалось изъ-подъ платка.

— Что же, Господи!

А она все таки не хочет сказать и пуще плачет— плачетъ отъ обиды, что тотъ не догадывается. Догадайся, глупый мужчина!

Нѣтъ, онъ не догадается. Онъ только, со свойственной глупымъ мужчинамъ прямою и съ порывомъ жадности къ этому рыдающему ребенку, сидитъ отнять руки отъ ея хорошенькаго личика.

— Варя... Варенька... ангелъ мой!—шепчетъ дикарь, забывая всякія приличія, и привлекаетъ къ себѣ дѣвушку.—Варя, божество! — Губы его сливаются съ ея губами....

Все забыто! Абхазія, Арсланъ-бей, Сухумъ, сѣверное небо, Тихая Славянка—ничего больше нѣтъ: ни неба, ни земли, ни времени, ни пространства. Одиѣ только мягкія, влажныя губы... И эти губы не отрываются отъ его губъ... нѣтъ, онѣ льнутъ къ нимъ все жарче и жарче...

— Грумъ увидитъ, — прошептала она наконецъ, отрываясь отъ него. Голова у нея кружилась, сердце замирало.

Маленькій грумъ, вываживая замысленныхъ коней, дѣйствительно, показался изъ-за поворота боковой аллеи.

— Такъ ты будешь моя? будешь моею царицей и царицей Абхазіи?—шептала ослѣпленный страстью молодой абхазецъ.—Я все отдамъ тебѣ—мое голубое небо, мое бирюзовое море, мои горы... Вся природа моей родины — дремучіе лѣса, бурныя рѣки, горныя ручьи и тремучіе каскады—все это твое, твое, мое божество!

Дѣвушка молчала, блаженно улыбаясь сквозь непросохшія еще слезы и тихонько пожимая руку своего возлюб-

ленного... Совѣсть ея была спокойна—она «сама ничего не сказала», она до конца держала свое женское сердце и лицо подъ панцыремъ и забраломъ приличія, хотя губы контрабандой выскользнули изъ-подъ этого забрала, но все же—«ничего не сказали». А ужъ онъ сразу перешелъ съ ней на «ты». Что жъ! И сама она давно въ душѣ своей говорила ему «ты», «мой Митя», «мой очаровательный дикарь», «мой божественный азіать»... Все это она давно шептала въ своей хорошенькой спальнѣ, на молитвѣ, въ своей дѣвичьей постели... Она уже съ годъ почти любить его—послѣ того чуднаго бала у Раевскихъ, гдѣ она видѣла Пушкина и Гнѣдича... Въ тотъ вечеръ она сама не знала, что съ ней дѣлалось. Она это почувствовала, когда носилась съ нимъ въ вальсѣ. Что такое произошло, какъ произошло, она и тогда не понимала, но произошло что-то такое, что охватило ее всю, и она уже, кромѣ этого «азіата» съ пламеннымъ взоромъ, ничего и никого не видѣла; даже забыла о присутствіи Пушкина. Послѣ этого вечера, для нея перестать существовать весь міръ: вся вселенная, жизнь, счастье, земля и небо—все сосредоточилось въ немъ...

Но сегодня, когда онъ сказалъ ей, что навсегда покидаетъ Петербургъ, она думала, что упадетъ въ обморокъ, и, только ухватившись за гриву лошади, удержалась на сѣдлѣ. А теперь — теперь для нея открылись врата рая... Какъ она любитъ теперь эту невѣдомую страну, гдѣ онъ родился, гдѣ рѣзвился маленькимъ, хорошенькимъ ребенкомъ. Но еще за нѣсколько минутъ она ненавидѣла эту далекую Абхазію: она тайно, въ душѣ, ревновала его и къ его роднымъ горамъ, и къ голубому небу, и къ бирюзовому морю съ летающими

надъ его поверхностью чайками, и къ горнымъ ручьямъ и каскадамъ, о чемъ онъ часто рассказывалъ у нихъ. Особенно ненавистны ей были горскія дѣвушки, черкешенки... Но—она даже содрогнулась—онъ могъ и ухвать, не открывъ ей своего сердца, не объяснившись съ нею... Вѣдь мужчины—такіе всѣ недогадливые, робкіе... Они не боятся пуля, не боятся смерти, а дѣвушки—боятся! Вѣдь не могла же она сама признаться ему? А развѣ онъ самъ не видѣлъ? Развѣ не сотни разъ она признавалась ему глазами, голосомъ, румянцемъ на щекахъ! Развѣ она не говорила ему всѣмъ этимъ: «возьми меня, я давно вся твоя!» Но теперь онъ догадался... Нѣтъ, и тутъ, глупый, не догадался. Ему только стало жаль ее, когда она заплакала, и онъ сталъ утѣшать ее, какъ утѣшалъ бы сестру, Катю, какъ утѣшаютъ всякаго ребенка... Онъ невольно поцѣловалъ ее... «А я, нахалка, такъ и впиалась въ его губы... Нѣтъ, нѣтъ! лучше быть нахалкой, лишь бы не потерять своего счастья. А будь я щепетилкой, недотрогой — онъ бы бѣжалъ отъ моей pruderie»...

— Варя, божество мое, — шепталъ надъ нею гор-
танный голосъ, который казался ей райскою мелодіей.

Вдругъ послышался лошадиный топотъ, и изъ-за поворота боковой аллеи показался всадникъ.

— Голицынь, — прошептала дѣвушка, досадливо сдвигая брови и отодвигаясь къ краю скамейки.

— Вотъ они гдѣ, отшельники! — весело говорилъ при-
бывшій, соскакивая съ лошади и вручая ее тоже гру-
му: — Петрушка, будь цайнькой — выводи и моего мо-
лодца.

— Я васъ искалъ по всему парку, — говорилъ онъ

дальше, подходя къ скамейкѣ:—чуть не загналъ свою лошадь... почти до Москвы доскакалъ... А они вонъ гдѣ— на берегу скромной Славянки... Можно присѣсть, Варвара Павловна?

— Садитесь,—быль лицемѣрно-любовный отвѣтъ.

— А васъ, князь, позвольте поздравить.

— Съ чѣмъ?—спросилъ неохотно Шервашидзе.

— Я слышалъ, что васъ посылають на Кавказъ— правителемъ Абхазіи.

— Да... Я законный наслѣдникъ моей страны,— гордо отвѣчалъ абхазецъ.

— И вы скоро уѣзжаете?

— Не знаю... Какъ будетъ угодно государю императору.

— Какъ я радъ за васъ—повелитель цѣлаго народа! въ своемъ родѣ государь...

«Да, за себя радъ, болванъ, — подумалъ про себя Шервашидзе:—думаешь безъ меня ухаживать за моей невѣстой. Ты давно зарышся на нее».

— Вы, вѣроятно, заѣзжали къ намъ на дачу, князь?—спросила дѣвушка Голицына, замѣтивъ, что разговоръ ея поклонниковъ становится нѣсколько натянутымъ, хотя прежде, по тактикѣ женскаго кокетства, она съ умысломъ возбуждала ихъ соперничество, думая этимъ скорѣе подвинуть на любовное объясненіе своего застѣнчиваго «азіата»; но такъ какъ теперь ея женская хитрость увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ и очаровательный «азіатъ» объяснился въ любви, то ей уже не было никакой цѣли обострять отношенія между отвергнутымъ ею поклонникомъ, княземъ Голицынымъ, и его счастливымъ соперникомъ.

— Да, Варвара Павловна, на вашей дачѣ я узналъ, что вы уѣхали кататься и что князь Дмитрій Георгіевичъ обѣщаль милой Катишь привезти ландышей и незабудокъ, — отвѣчалъ Голицынъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдѣмте искать ландышей и незабудокъ, — сказала княжна: — надо же что нибудь привезти Катишь.

— Съ удовольствіемъ, — отозвался Голицынъ.

«Ахъ, какъ некстати онъ пріѣхаль!» — думала про себя княжна Варя, отправляясь на поиски ландышей.

— Вотъ чортъ принесъ! — бормоталъ про себя молодой абхазецъ, стараясь уяснить себѣ — цѣловала ли и она его, или только онъ ее цѣловалъ?

III.

Только ночью, проводивъ гостей и оставшись наединѣ сама съ собою въ своемъ уютномъ уголку, въ который уже проникалъ розоватый свѣтъ ранняго весенняго утра, княжна Варя могла свободно отдаться своимъ мыслямъ и обсудить то, что произошло нѣсколько часовъ тому назадъ. А произошло нѣчто роковое въ ея жизни. Прежде, думая о красивомъ абхазцѣ, она только чувствовала, что любить его, что только его образъ наполняетъ всю ея душу, только его голосъ звучитъ для нея дивною мелодіей; но что будетъ дальше, что можетъ выйти изъ ея любви,—она объ этомъ не загадывала. Она желала только одного—чтобъ онъ ее любилъ. И онъ любилъ ее — она это знала. Видѣть его постоянно, глядѣть на него, слушать его—это было, казалось, единственной цѣлью ея жизни. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ей хотѣлось большаго. Ей хотѣлось, чтобъ онъ самъ сказалъ, что любить ее. Но это-то было и самое желательное и самое страшное. А вдругъ онъ скажетъ! — и у нея отъ этого ожиданія руки холодѣли. Но онъ не говорилъ — и она терзалась.

Теперь онъ сказалъ — и ее всю охватило безумное счастье. Когда онъ цѣловалъ ее, у нея голова закружилась и, чтобы не упасть, она прильнула своими губами къ его губамъ. Она сама цѣловала его!.. И теперь она чувствовала, какъ обезумѣвшее сердце гнало

всю кровь къ ея щекамъ—отъ стыда или отъ счастья—она не могла въ этомъ разобраться. Но дальше? Онъ сказалъ, что увезетъ ее въ свою Абхазію. А какъ же иначе? Тогда она должна будетъ покинуть все, къ чему съ дѣтства привыкла, что любила—все, все, все... И этотъ розоватый свѣтъ утра, что глядитъ въ эти именно окна, и это небо, и Катю, и брата, и маму, и папу,—все, все оторвать отъ себя!

А эта далекая, невѣдомая Абхазія? Еще когда она, княжна Варя, была незнакома съ княземъ Шервашидзе, она слышала объ этой странѣ удивительные, поэтическіе и страшные рассказы отъ одного французскаго путешественника, бывшаго въ ихъ домѣ,—и тогда же заинтересовалась этой страной и ея обитателями. Monsieur Жудра называлъ ихъ «сынами Прометея». Когда Прометей похитилъ у Юпитера небесный огонь, разгнѣванный царь боговъ приказалъ Вулкану приковать похитителя къ скаламъ Абхазіи, гдѣ каждый день орелъ Юпитера терзалъ своимъ клювомъ печень и сердце несчастнаго бога. Страшные стоны его разносились по всѣмъ горамъ Кавказа. И теперь эти стоны слышатся въ воѣ вѣтра и въ рокотѣ горныхъ ручьевъ и каскадовъ. Стоны Прометея слышали жалостливыя дѣвы Океаниды, и каждую ночь приходили утѣшать страдальца и по возможности облегчать его муки.

Княжна, лежа въ постели съ открытыми глазами, вспомнила весь мигъ о Прометей. Одна изъ nereидъ, Фетида, узнавъ отъ оракула, что если она родитъ сына, то онъ будетъ сильнѣе своего отца, страстно желала имѣть сына отъ самого Юпитера. Это предсказаніе оракула случайно подслушалъ Прометей, и когда былъ прикованъ къ скаламъ Абхазіи, то послѣ тридцатилѣтнихъ страданій

отъ орла, онъ, наконецъ, не вынесъ своихъ мукъ и обратился къ своему мучителю — Юпитеру. Онъ обѣщаль открыть царю боговъ величайшую тайну, не зная которой Юпитеръ можетъ погибнуть также, какъ негибъ его отецъ, отецъ всѣхъ боговъ, Сатурнъ, отъ руки сына, — и за открытіе этой тайны Юпитеру просилъ освободить его отъ оковъ и отъ терзаній орла. Юпитеръ обѣщаль исполнить его просьбу, и тогда Прометей сообщилъ ему, чтобъ онъ не сходилъ съ Фетидой, — а иначе она родитъ ему такого сына, который будетъ сильнѣе отца и низвергнетъ его съ трона, какъ то сдѣлалъ самъ Юпитеръ съ своимъ отцомъ Сатурномъ. Тогда Юпитеръ велѣлъ Геркулесу убить орла и освободить Прометея.

Она вспомнила и рассказъ Жудра объ аргонавтахъ. Долго они плыли по морю, а все не видать земли. Наконецъ, разъ утромъ, на горизонтѣ показались бѣловатыя облака. Но, приближаясь къ нимъ все болѣе и болѣе, аргонавты увидѣли, что это не облака, а покрытыя снѣгомъ высочайшія горы. То былъ Кавказъ — то были горы Абхазіи. Вдругъ они услышали необыкновенный шумъ, словно отъ бурнаго вѣтра, и когда подняли головы, то увидѣли, что высоко въ небѣ летѣлъ необычайной величины орелъ. Крылья его были громаднѣе парусовъ корабля аргонавтовъ, и отъ взмаховъ этихъ крыльевъ все больше и больше крѣпчалъ вѣтеръ и надувалъ паруса «Аргоса». То былъ орелъ Юпитера, который съ Олимпа летѣлъ на Кавказъ, чтобъ терзать тамъ печень и сердце Прометея. Когда орелъ исчезъ, аргонавты услышали страшные стоны, которые неслись съ берега Понта. То орелъ терзалъ Прометея. Весь день раздавались стоны, отъ которыхъ, казалось, стонали и море, и воздухъ, и дале-

кія горы Абхазіи. Къ вечеру аргонавты услышали снова необычайный шумъ въ воздухѣ и увидѣли, что это кровожадный орелъ Юпитера возвращался на Олимпъ. Стоны, раздававшіеся весь день въ горахъ, прекратились.

— Ахъ, какъ страшно! — невольно вздрогнула дѣвушка. — Это, значить, Океаниды приходили къ Прометею облегчать его страданія... Такъ вотъ отъ этого Прометея и Океаниды произошли абхазцы... Такъ говорилъ м-еиг Жудра... Оттого онъ и называлъ абхазцевъ «сынами Прометея», или «потомствомъ Прометея»... Какъ потомки бога, они и не терпятъ надъ собой никакой власти. И мой Дмитрій—потомокъ бога...

Эти рассказы м-еиг Жудра и были, главнымъ образомъ, причиною того, что, помимо всѣхъ блестящихъ кавалеровъ петербургскаго большого свѣта, княжна Гагарина обратила свое вниманіе на князя Шервашидзе и съ перваго же вечера полюбила его. Любовь эта стала ея жизнью, ея дыханіемъ, ея мечтами. И вдругъ мечта превратилась въ дѣйствительность — въ сладкую и страшную дѣйствительность. Онъ, о которомъ она мечтала, неразрывно связанъ со страшною странюю — съ областью страданій Прометея. Она видитъ себя тамъ, въ этой страшной странѣ. Ей кажется, что она слышитъ надъ собой шумъ отъ полета юпитерова орла. А эти страшные стоны Прометея... Что, если ужасный орелъ станетъ летать и къ ней и рвать ея сердце—орелъ въ видѣ тоски по родинѣ, по Петербургу, по всему, что ей дорого?.. О, еслибъ не эта ужасная страна... еслибъ онъ любилъ ее здѣсь! Но нѣтъ, сегодня онъ на аудіенціи у государя, и ему объявлено будетъ, что онъ немедленно долженъ ѣхать въ эту ужасную страну, — и сегодня же онъ будетъ фор-

мально просить ея руки. Ни папа, ни мама не откажутъ, конечно: кто бы не захотѣлъ породниться съ владѣтельною особой? Нѣтъ, отказать нельзя. А тамъ? тамъ обрученіе, свадьба... и—эта страшная страна!

Но она еще не давала ему слова. Она можетъ отказать ему—отказаться отъ своего счастья! Что страшнѣе—потеря своей родины или потеря своего счастья? Нѣтъ, она не можетъ отказать—она поѣдетъ въ эту ужасную Абхазію. Оттуда она часто будетъ пріѣзжать домой... А эти ужасные его дяди — Арсланъ-бей, Хассанъ-бей, Ростомъ-бей, Таяръ-бей? Они могутъ лишить его власти, убить, какъ убили своего отца... Но нѣтъ, русскія войска не позволяютъ этого... А какіе тамъ невиданные цвѣты, въ этой Абхазіи... Не ландыши, и не незабудки, а азалии, горные ирисы...

...Княжна Варя сладко спала.

А въ это время Шервашидзе, проснувшись въ радостномъ сознаніи, что его любитъ милая дѣвушка, вспомнилъ, что сегодня предстоитъ ему аудіенція у государя. Онъ вскочилъ съ постели, сунулъ ноги въ туфли, накинулъ на себя халатъ и позвонилъ. Явился деньщикъ.

— Приготовь парадный мундиръ и давай кофе, — сказала князь, вспоминая подробности вчерашняго счастья.

— Слушаюсь, ваше благородіе, — былъ отвѣтъ. — Да тамъ дожидается вашего благородія одинъ господинъ, только не изъ нашихъ.

— Кто такой? что ему надо?

— Говорить—отъ вашей родительницы, съ письмомъ, съ самово Капкаву: съ кульеромъ пріѣхалъ.

«Съ письмомъ отъ матушки... Кто бы могъ быть? Не случилось ли чего?»

— Позови его сюда, да мундиръ осмотри и почишь хорошенько.

Черезъ минуту вошелъ среднихъ лѣтъ горецъ и по восточному привѣтствовалъ хозяина.

— Ты кто?—спросилъ Шервашидзе.

— Я Урусъ Лаквари, твой слуга, слуга твоей матери, княгини Тамары, и всего твоего дома. А вотъ тебѣ письмо отъ княгини.—И онъ подаль небольшой пакетъ, который держалъ въ рукѣ.

Шервашидзе вскрылъ пакетъ. Княгиня Тамара писала, что податель этого письма — абхазецъ Урусъ Лаквари, бывшій приверженецъ и другъ Арсланъ-бея, а теперь его непримиримый врагъ,—узнавъ, что Арсланъ намѣревается послать въ Петербургъ убійцу, чтобы лишить жизни законнаго наслѣдника Абхазіи, вызвался предупредить объ этомъ молодого князя и охранять его жизнь, какъ въ Петербургѣ, такъ и на пути въ Абхазію, ибо, по представленію князя Дадіана, онъ, князь Дмитрій Шервашидзе, долженъ скоро воротиться въ Абхазію и вступить въ управленіе этой страной. Княгиня выражала радость скорого свиданія съ сыномъ и опасеніе за его драгоценную жизнь. «Довѣрся доброму Урусу— писала княгиня Тамара:— онъ знаетъ въ лицо подговоренныхъ Арсланомъ злодѣевъ и не допуститъ ихъ до тебя».

— Ты знаешь, что въ этомъ письмѣ написано?—спросилъ Шервашидзе, стараясь скрыть волненіе.

— Знаю, князь: мнѣ княгиня читала его.

— Спасибо, другъ Урусъ. Ты давно сюда пріѣхалъ?

— Вчера, князь, вмѣстѣ съ курьеромъ отъ генерала Вельяминова къ генералу Ермолову съ бумагами.

— Меня еще маленькимъ увезли сюда изъ Абхазіи,

и я не помню тебя, другъ Урусъ,—сказаль Шервашидзе, всматриваясь въ лицо посланца.

— Да и какъ тебѣ помнить, князь! — улынулся Урусъ.—Я-то тебя помню хорошо, хоть изъ ребенка ты сталъ теперь настоящимъ мужчиной. Я какъ теперь вижу тебя. Это было въ июлѣ 1810 года. Русскіе только что взяли Сухумъ утромъ. Арсланъ-бей, захвативъ на свое сѣдло красавицу Эсма-ханумъ, съ небольшою горстью приверженцевъ бѣжалъ въ горы. Его молочная сестра Дада, съ кинжаломъ въ сердцѣ, лежала у входа въ мечеть, а на площади собаки обливали голое тѣло Ахмеда, молодого сына Кутума, обмазанное кислымъ молокомъ. Смѣхъ да и только! А тутъ подошли вы съ войскомъ — твой покойный отецъ, Сеферъ-Али-бей, твоя мать, княгиня Тамара, и ты—такой крошка — на конѣ. Потомъ твоего отца приводили къ присягѣ; онъ цѣловаль крестъ и книгу съ золотою крышкой, и на него надѣли красную широкую ленту, и стрѣляли изъ пушекъ.

— Все это я помню,—съ волненіемъ замѣтилъ Шервашидзе,—точно сонъ... Матушка страшно плакала и не хотѣла отдавать меня русскимъ; плакаль и я горькими слезами. Но меня отняли и увезли сюда.

— Да, князь, я все это видѣль и плакаль вмѣстѣ съ тобою; но ты меня забыль—ты былъ такой маленькій.

Дѣтскія воспоминанія разомъ нахлынули на душу молодого князя. Волшебною картиною встала передъ нимъ его дорогая Абхазія съ ея гигантскими горами, съ немолчнымъ говоромъ горныхъ рѣчекъ и каскадовъ, съ темною зеленью дѣвственныхъ лѣсовъ, съ неумолкаемымъ могучимъ плескомъ моря у прибрежныхъ скалъ и съ безпредѣльною далью этого самаго моря; уходящаго за види-

мый горизонтъ... А обитатели этой волшебной страны въ ихъ живописныхъ костюмахъ съ чудною мелодією родныхъ напѣвовъ?.. Какъ неудержимо рванулось его сердце къ этой далекой родинѣ!

— Скажи, другъ Урусъ, все также у насъ хорошо, какъ и прежде? то же голубое небо, тѣ же горы, то же море?—спросилъ онъ со слезами въ голосѣ.

— Да, князь, все на мѣстѣ,—съ загадочною улыбкой отвѣчалъ абхазецъ:—и небо на мѣстѣ, и горы на своихъ мѣстахъ, и море все такое же соленое.

— А матушка очень постарѣла?—спросилъ князь.

— Постарѣла: на головѣ серебро подъ чернью.

— А братъ Миша выросъ?

— Выросъ: изъ него вышелъ лихой джигитъ; на всемъ скаку ласточку пронизываетъ изъ винтовки.

— Ахъ!—спохватился князь:—я съ тобой заговорился, а мнѣ надо торопиться. Я долженъ сегодня утромъ явиться къ Ермолову, чтобъ потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться на ауденцію къ государю императору.

— Къ самому императору!—какъ бы съ испугомъ воскликнулъ Лаквари.

— Да. Сегодня мнѣ будетъ объявлено, что я назначаюсь правителемъ Абхазіи и долженъ буду отправиться туда.

Глаза Лаквари, при этихъ словахъ, сверкнули не то радостнымъ, не то зловѣщимъ блескомъ. Шервашидзе повалъ деньщика и велѣлъ угостить посланца своей матери самымъ радушнымъ образомъ.

— Оставайся у меня, другъ Урусъ, пока я не возвращусь отъ государя,—сказалъ онъ,—а тамъ поговоримъ... У меня есть и другая радость, которую ты узнаешь послѣ.

IV.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разсказаннаго нами въ предыдущей главѣ, къ подъѣзду дачи Гагариныхъ, въ Павловскѣ, подъѣхала красивая карета и изъ нея быстро вышелъ молодой человѣкъ въ полной парадной формѣ кавалерійскаго полковника.

Это былъ князь Дмитрій Георгиевичъ Шервашидзе. Спросивъ швейцара, дома ли князь и княгиня, онъ приказалъ лакею доложить, что ихъ желаетъ видѣть «полковникъ» князь Шервашидзе.

— Такъ и доложи: «полковникъ», — пояснилъ онъ еще разъ.

Докладъ лакея въ такой формѣ удивилъ и князя, и княгиню. Хорошо принятый и обласканный въ ихъ домѣ, князь Шервашидзе обыкновенно входилъ безъ доклада и чаще спрашивалъ у прислуги—дома ли княжна, чѣмъ князь и княгиня. Притомъ же княгиня случайно замѣтила въ окно, когда подъѣзжала къ нимъ карета, что изъ нея вышелъ офицеръ въ полной парадной формѣ. Материнское сердце тотчасъ же подсказало ей, когда доложили о князѣ Шервашидзе, что дѣло идетъ объ ея любимицѣ Варѣ, тѣмъ болѣе, что княгиня еще вчера вечеромъ замѣтила, что ея дѣвочка была «какая-то особенная» и, уходя спать, съ особенною нѣжностью и горячностью цѣловала ее. Да и молодой абхазецъ, послѣ

возвращенія съ прогулки, былъ то оживленнѣе обыкновеннаго, то задумчивѣе, и при этомъ глаза его особенно нѣжно останавливались на ея «дѣвочкѣ». — «Что жъ удивительнаго? она такая хорошенькая». Теперь же ей стало ясно. Но почему «полковникъ»? — Для полковника онъ еще слишкомъ молодъ. Ему едва ли исполнилось двадцать лѣтъ.

Мысли эти быстро пронеслись въ ея умѣ, когда она велѣла лакею просить молодого абхазца въ гостинную, и, взглянувъ въ зеркало, оправила ленты своего чепчика. Она сама еще была очень молодая и красивая особа.

— Не понимаю ничего... полковникъ... мальчишка — и полковникъ... да еще и докладывается, — бормоталъ князь Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ, слѣдуя за женой въ гостинную и съ комическимъ недоумѣніемъ пожимая плечами.

Князь Шервашидзе поспѣшилъ имъ навстрѣчу.

— Ба! что это за маскарадъ, голубчикъ князь? — спрашивалъ Гагаринъ, осматривая гостя и пожимая его руку. — Въ полной парадной формѣ — точно на новый годъ, да еще полковникомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — привѣтствовала гостя и княгиня. — Что это съ вами?

— Сегодня я имѣлъ счастье представляться государю императору, — торжественно проговорилъ молодой абхазецъ. — Ангелоподобный повелитель Россіи и всего Кавказа, благословенный царь Александръ Павловичъ, принялъ меня, можно сказать, не съ монаршею, а съ отеческою милостью. Онъ изволилъ сказать, что внимательно слѣдилъ за моимъ воспитаніемъ, и отъ всѣхъ наставниковъ моихъ, въ особенности же отъ Василя Андреевича

Жуковского, слышалъ обо мнѣ одно только хорошее. При этомъ государь изволилъ сказать, что жалуетъ меня чиномъ полковника и назначаетъ правителемъ Абхазіи на мѣсто покойнаго отца моего, свѣтлѣйшаго князя Шервашидзе. Съ этимъ радостнымъ для меня извѣстіемъ я и поспѣшилъ явиться къ вамъ первымъ.

— Поздравляемъ, поздравляемъ, дорогой князь, съ такою высокою монаршею милостью! — говорила Гагарина, горячо пожимая руки гостю. — Такой высокій постъ — правитель цѣлой страны, владѣтельная особа! Отъ души поздравляемъ. Садитесь, пожалуйте.

Гость видимо затруднялся дальнѣйшимъ разговоромъ; но, съ трудомъ осиливъ себя, онъ началъ взволнованнымъ голосомъ, постоянно запинаясь:

— Да, я счастливъ милостью государя... очень счастливъ... Но счастье мое будетъ не полное... Простите... я... я долженъ сказать вамъ все... Простите... я давно люблю княжну Варвару Павловну... я пріѣхалъ просить ея руки.

— Но она еще дитя! — съ изумленіемъ воскликнулъ князь Павелъ Сергѣевичъ: — ей только четырнадцать лѣтъ!

Княгиня чуть замѣтно улыбнулась. Она по себѣ знала, что такое дѣвочка въ четырнадцать лѣтъ. Въ отношеніи развитія женскаго чувства, четырнадцатилѣтняя дѣвочка перерастаетъ чуть ли не двадцатилѣтняго юношу. Потребность любви развивается въ ней совмѣстно съ игрою въ куклы. Она очень рано начинаетъ понимать то, надъ чѣмъ юноша гораздо старше ещѣ и не задумывался.

— Мы сердечно благодаримъ васъ за честь, дорогой князь, за великую честь, которую вы намъ дѣлаете, —

любовно проговорила княгиня.—Но не торопите насъ съ отвѣтомъ. Надо и дѣвочку спросить.

— Да что ее спрашивать?—весело расхохотался князь Павелъ: — она еще тихонько въ куклы играетъ—я самъ видѣлъ! Катись—и то, кажется, серьезнѣе ея.

Княгиня снова лукаво улыбнулась наивности своего мужа и мужчинъ вообще.

— Мы еще поторгнемся съ вами, дорогой князь,—сказала она съ материнскою нѣжностью:—дайте дѣвчкѣ хоть годочекъ еще поиграть въ куклы, а тамъ мы ее спросимъ.

— Я... простите, глубокоуважаемая княгиня, — растерянно бормоталъ юный абхазецъ:—я... простите... я...

— Вы согласны подождать? да? — лукаво спросила княгиня.

— Да... согласенъ... вчера мы...

— Катались? и весело было? — продолжала княгиня лукавить и мучить бѣднаго «дикаря».

— Да... весело. Мы съ княжной Варварой Павловной...

— Ландыши рвали? Такіе милые цвѣты. Я ихъ очень люблю... Они и теперь стоятъ въ дѣтской — у Катись на столикѣ, и у Баси... А незабудокъ не нашли? — допекала бѣднаго «авіата» коварная женщина, съ лукавой нѣжностью наблюдая его растерянность.

— Нѣтъ... да, князь Голицынъ нашелъ одну вѣточку... стебелекъ незабудокъ, одинъ только... и подарилъ его княжнѣ Варварѣ Павловнѣ...

— А Бася взяла да и воткнула эти незабудки за шейникъ Фингалу, — раздался вдругъ дѣтскій голосокъ, и въ гостинную влетѣлъ юный братишка княжны Вари.

Князь Павелъ Сергѣевичъ весело расхохотался.—

мордовцевъ. прометеево потомство.

Вотъ вамъ и невѣста! презенты любезныхъ кавалеровъ отдастъ собакѣ—ха-ха-ха!

Увидавъ гостя въ необычайно торжественной формѣ, юный князекъ Сережа остолбенѣлъ, сразу не узнавъ своего пріятеля.

— А! такъ это ты, свѣтлый дядя, — опомнился онъ наконецъ, называя его «свѣтлымъ» по титулу «свѣтлѣйшаго».

— Я, милый Сережа,—ласково сказалъ Шервашидзе.

— А я думалъ—чужой генераль.

Всѣ разсмѣялись. — Такъ у Фингала теперь незабудки?— продолжалъ хохотать князь Павель:—ха-ха-ха!— вотъ такъ невѣста!

— А Фингалъ все лапой хотѣлъ зацѣпить незабудки, такъ Бася его за ухо подрала,—продолжалъ мальчикъ.

— А гдѣ же Бася?—спросила княгиня.

— Она съ Катей спряталась гдѣ-то въ саду.

— Какъ спряталась? отъ кого?

— Какъ увидала карету, а изъ нея кто-то выходитъ въ мундирѣ. Какъ покраснѣетъ вся, и говоритъ: «бѣжимъ, Катя, спрячемся, свѣтлый дядя пріѣхалъ». А я говорю: нѣтъ, это не свѣтлый дядя — только какой смѣшной, — говорилъ юный княжичъ, заглядывая въ смущенные глаза своего пріятеля.—Что съ тобой?

— Ха-ха-ха!—заливался князь Павель, и ему невольно вторила, хотя сдержанно, княгиня.

— Глупый мальчикъ! Гдѣ же сестры?—спрашивала она, стараясь не смѣяться.

— Не знаю, мамочка, — спрятались въ кустахъ, и Фингалка съ ними; ужъ я искалъ-искалъ—нѣтъ ихъ! А ты зачѣмъ это пріѣхалъ въ каретѣ?—обратился маленькій

Гагаринъ къ смущенному Шервашидзе.—Развѣ ты генералъ? Тебя теперь и Фингалъ, пожалуй, не узналъ бы и сталъ бы на тебя лаять. Вонъ и Бася съ Катей испугались тебя и убѣжали. А я тебя не боюсь. Ты опять поучишь меня верхомъ ѣздить? да?

— Serge!—замѣтила княгиня:—не приставай же такъ къ Дмитрію Георгіевичу.

— Ай да невѣста!—повторялъ князь Павелъ Сергѣевичъ:—въ кусты спряталась! А куколъ онѣ съ собой не взяли, Сережа?

Шервашидзе сидѣлъ, какъ на иголкахъ: — пріѣхалъ свататься и—вдругъ скандалъ! Развѣ она за ночь передумала? Но вѣдь прежде она никогда отъ него не бѣгала. Княгиня видѣла его смущеніе и постаралась занять его.

— Надѣюсь, вы у насъ обѣдаете?—спросила она.— Тѣмъ временемъ и проказвицы явятся:—обѣдать-то онѣ придутъ. Имѣете ли вы какія нибудь новыя свѣдѣнія изъ Абхазіи?

— Да, княгиня, вчера я получилъ—виновать, сегодня только, а онѣ пріѣхалъ вчера.

— Кто онъ? Ахъ, не приставай, Serge! поди поиграй... Виновата:—кто вчера пріѣхалъ?

— Урусъ Лаквари, посланецъ отъ маман, съ ея письмомъ.

— Что же вамъ пишетъ маман?

— А дядюшка Арсланъ-бей все еще разбойничаетъ тамъ у васъ?—спросилъ въ свою очередь князь Павелъ Сергѣевичъ.

Шервашидзе хотѣлъ было сказать, что этотъ милый дядюшка подсылаетъ къ нему даже убійцъ, но въ время

спохватился:—эта новость, конечно, могла бы повредить его сватовству.

— А! смотри, смотри!—вдруг подбѣжавъ отъ окна, куда онъ глядѣлъ, маленькій Сережа теребилъ за рукавъ Шервашидзе, который не могъ сразу опомниться.

— Что тамъ такое, несносный шалунъ? — спросила княгиня.

— Тамъ Бася и Катя тихонько крадутся, чтобъ спрятаться у себя на верху.

Княгиня улыбнулась и подошла къ окну.

— Ахъ, повѣсы!—засмѣялась она. — *Barbe, ou allez vous par là? Approchez—j'ai un petit mot à vous dire.*

— *Qu'est ce qu'il y a pour votre service, maman?*— послышался голосъ снаружи.

— Иди въ гостиную, стрекоза! — засмѣялся князь, подходя къ окну.—Да захвати свои куклы.

— Я въ куклы не играю, папа, — оправдывался голосъ снаружи.

— Ладно! ну, иди безъ куколъ; видишь: мать зоветъ. *Dans l'instant, стрекоза!*

— *Tout à l'heure, papa.*

— Посмотримъ, какъ она приметъ ваше предложеніе, грозный повелитель Абхазіи, — улыбнулся князь Павелъ Сергѣевичъ, подходя къ смущенному еще абхазцу. — Извините—можетъ быть, теперь васъ надо величать «ваше высочество»?

— Не знаю, князь, — еще болѣе растерялся повелитель Абхазіи.

— Только ты, Paul, пожалуйста, не смѣйся надъ Басей—не смущай ея,—замѣтила княгиня.

— Ахъ, какія хитрыя!—влетѣлъ вдругъ въ комнату Сережа, который исчезъ было на минуту изъ гостиной.

Мать строго на него посмотрѣла.

— Что такое?—спросилъ отецъ, лукаво улыбаясь. — Кто тамъ хитрый?

— Бася и Катя... онѣ тамъ у зеркала какіе-то бантики примѣряютъ, а меня прогнали и заперлись,—даже Фингалу хвостъ прищемили... Такія хитрячки!

V.

Черезъ минуту обѣ княжны входили въ гостиную. Варенька была видимо смущена. Бѣленькія щеки ея рдѣли румянцемъ и глаза ни на кого не смотрѣли. Катя торопливо сдѣлала реверансъ и поспѣшила на встрѣчу Шервашидзе.

— Какой вы сегодня важный, — сказала она, оглядывая его мундиръ. — Сережа говоритъ, что вы генераль.

Смущенный не менѣе княжны Вари, Шервашидзе безмолвно поздоровался съ сестрами.

— Варбе! — торжественно сказала княгиня: — сегодня князь Дмитрій Георгіевичъ имѣлъ счастье представляться государю императору, и его величество изволилъ назначить князя правителемъ Абхазіи и пожаловалъ ему чинъ полковника. Поздравь князя.

Княжна чуть слышно прошептала что-то и слегка поблѣднѣла. Князь же Павелъ Сергѣевичъ продолжалъ иронически улыбаться, видя, какіе большіе глаза сдѣлала Катя: — «вотъ тебѣ на!» — казалось говорили ея хо-рошенькіе глазки: — «этого я отъ него не ожидала!»

— А теперь, — продолжала княгиня еще болѣе торжественно, хотя голосъ ея нѣсколько дрогнулъ: — князь Дмитрій Георгіевичъ дѣлаетъ намъ честь — просить твоей руки.

Снова румянецъ залилъ щеки смущенной дѣвушки.

Глаза Кати сдѣлались еще больше и, казалось, говорили: — «вот хитрая! — недаромъ она сегодня цѣловала ея лан-дыши... да и онъ хитрецъ»... Сережа видимо недоумѣвалъ: — просить руки — это ничего не стоитъ... но будетъ ли онъ теперь учить его ѣздить верхомъ?.. Одинъ князь Павелъ Сергѣевичъ невозмутимо улыбался, вполне увѣренный заравѣе, что изъ этого ничего не выйдетъ: — нельзя же сватать дѣвчонокъ чуть не въ колыбели.

— Варвара Павловна! — робко проговорилъ князь Шервашидзе и сдѣлалъ шагъ впередъ: — могу ли я надѣяться...

— Вотъ тебѣ на! — насмѣшливо проговорилъ князь Павелъ Сергѣевичъ. — Я такъ и зналъ... слезы... куклы... те-те-те!..

Невѣста дѣйствительно плакала, и женихъ совсѣмъ растерялся... «Дура!» — говорили удивленные глаза Кати: — «о чемъ плачешь?.. я бы... посватай меня, хоть мнѣ всего двѣнадцать»...

— Варбе, объ чемъ же ты? — утѣшала мать плачущую дѣвушку. — Никто тебя не принуждаетъ. Мы сами говорили Дмитрію Георгіевичу, что ты еще ребенокъ...

Варенька пуще расплакалась, уткнувшись въ плечо матери. Катя видимо негодовала. Женихъ — какъ въ воду опущенный... «Что же это было вчера? — ошибка... сонъ... или ничего не было?»..

— Ну-ну, оставимъ это — полно, мое дитя, — гладила княгиня головку дочери: — не желаешь — ну, Дмитрій Георгіевичъ извинить насъ... Что дѣлать! — молоды...

— Я... я, мама, я... — захлебывалась слезами дѣвушка.

— Ну, полно же, полно! — не желаешь — и баста, глупенькая.

— Я, мама... я... я желаю...

— Вотъ такъ чудеса! — вскочилъ князь Павелъ. — *C'est ravissant!* И не хочу — слезы, и хочу — слезы! Поди разбери ихъ. Вотъ тебѣ и куклы! — расхохотался онъ.

Катя торжествовала: — въ глазахъ ея свѣтилась гордая радость. — «Вотъ мы, дѣвочки, каковы!» — Сережа ничего не понималъ, онъ только повторялъ про себя: — «ахъ, какія хитрыя!»

— Катокъ! — схватилъ князь на руки Катю: — чего добраго, и тебя сейчасъ высватаютъ... Недаромъ тебѣ князь Голицынъ ландыши возить... Ахъ вы, коварное плѣмя!

— Paul! — строго замѣтила княгиня: — такая торжественная минута, а ты дурачишься.

— Да что жъ, матушка, когда я остался въ дуракахъ, — отвѣчалъ онъ, опуская Катю на полъ.

Женихъ стоялъ сіяющій, съ глупымъ, счастливымъ лицомъ. Онъ подошелъ было къ невѣстѣ, но она еще настойчивѣе уткнулась въ плечо матери. — «Вотъ и пойми ихъ», — остался женихъ съ разинутымъ ртомъ.

— Кушать готово! — провозгласилъ лакей, появляясь въ дверяхъ вмѣстѣ съ Фингаломъ.

— А что у насъ пирожное? — освѣдомился Сережа.

— Не могу знать-съ.

— Фингалъ, ты куда дѣвалъ незабудки?

— Сережа те! — закрыла братишкѣ ротъ рукою Катя. — Никому не говори.

Всѣ прошли въ столовую, а раньше всѣхъ тамъ очутился Фингалъ, который все время вертѣлся около стола,

пока его накрывали и сервировали. Онъ зналъ свое дѣло и свое мѣсто въ столовой, около стула княжны Варвары Павловны, съ лѣвой стороны стола отъ хозяйки. Но каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ, что княгиня усадила его благодѣтельница и поведительницу, княжну Варю, рядомъ съ княземъ Шервашидзе! Съ тѣхъ поръ какъ онъ, старый песь, себя помнить, княжна Варя всегда садилась тамъ. А какъ ему этого не помнить?.. Они съ княжной, можно сказать, и росли, и воспитывались вмѣстѣ. Его, маленькаго щенка, взяли къ княжнѣ, когда онъ началъ только ходить, и потомъ они постоянно играли вмѣстѣ. Княжна Катя и княжичъ Сережа явились ужъ послѣ. И вдругъ такая обида!

Фингала удивилъ также и тонъ, съ которымъ за обѣдомъ князь Павелъ Сергѣевичъ сталъ обращаться къ княжнѣ Варѣ.

— Вы почти ничего не кушаете, ваше высочество, — говорилъ онъ дочери, лукаво улыбаясь.

— Ахъ, папа! ты всегда такой, — краснѣла княжна.

— Да, ваше высочество, я всегда такой, — смѣялся князь.

Этотъ разговоръ удивлялъ и лакея, который перемѣнялъ тарелки. Какъ и Фингаль, онъ тоже ничего не понималъ.

— Гдѣ же теперь ваша матушка, Дмитрій Георгіевичъ? — спросила, между прочимъ, княгиня.

— Матушка теперь въ Сухумѣ, — отвѣчалъ Шервашидзе.

— Она тамъ постоянно живетъ?

— Не всегда, княгиня; у насъ есть дворецъ въ

Соуксу, недалеко отъ Сухума; матушка и тамъ иногда живеть.

При словѣ «дворецъ», Катя сдѣлала большіе глаза... «Варька моя будетъ во дворцѣ жить! я къ ней туда непременно пріѣду и выйду замужъ за какогонибудь... ну, хотъ шаха или султана, если они такіе же милые, какъ этотъ «свѣтлый дядя».

— А шахъ отъ васъ близко? — спросила она неожиданно, обгладывая крылышко цыпленка.

— Какой шахъ?—удивился Шервашидзе.

— Ну, какойнибудь... который ближе.

— Персидскій шахъ живеть въ Тегеранѣ.

— Да ты что, стрекова? ужъ не замужъ ли за шаха собираешься?—засмѣялся князь Павелъ Сергѣевичъ.

— Разумѣется, я не выйду за какогонибудь офицера или генерала!—выпала юная «стрекова»:—я хочу, чтобъ и у меня дворецъ былъ.

— Те-те-те! вонъ она куда гнетъ! Такъ ужъ ты проси его высочество, чтобъ онъ тебя сосваталъ за шаха.

Всѣ весело разсмѣялись, а Фингалъ, пользуясь всеобщимъ оживленіемъ и видя, что его барышня не кушаетъ, опустивъ руки на колѣни, а на тарелкѣ у нея почти цѣлый цыпленокъ, поспѣшилъ прибѣгнуть къ давно испытанному маневру, чтобъ напомнить о себѣ. Онъ осторожно пролѣзъ подъ столъ и тихонько положилъ морду на колѣни своей благодѣтельницы Вари. Но что это! На обычномъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подъ столомъ, обыкновенно находилъ ея руку, онъ своимъ чуткимъ носомъ ощутилъ огромную мужскую руку, которая пахла ненавистнымъ ему турецкимъ табакомъ, а въ ней спрятана была ма-

ленькая, знакомая ему ручка княжны!.. Руки моментально разъединились.

— Такъ вамъ государь не назначилъ срока отпра-
вленія въ Абхазію?—спросила княгиня.

— Нѣтъ, государь не говорилъ объ этомъ, но Але-
ксѣй Петровичъ Ермоловъ сказалъ мнѣ, что надо по-
спѣшить отъѣздомъ, чтобъ на мѣстѣ, въ Сухумѣ или въ
Соуксу, всенародно, предъ собраніемъ всѣхъ князей и
дворянъ Абхазіи, торжественно принять присягу за себя
и за мой народъ...

При словахъ: «мой народъ», у княжны Вари дро-
гнуло сердце не то гордостью, не то страхомъ, а у кня-
гини показались слезы.

— А ты не распорядилась насчетъ шампанскаго?—
спросилъ князь Павелъ у жены.

— Виновата, Paul, совсѣмъ изъ головы вонъ.

— Бокалы и шампанское!—кивнулъ князь лакею.—
Да скажи Ильѣ, чтобъ прямо со льду.

— Но можете ли вы лично присягать и ручаться за
вѣрность князей, дорогой Дмитрій Георгіевичъ? — тре-
возно спросила княгиня.

— Я заручусь аманатами отъ каждого — возьму отъ
нихъ дѣтей, какъ и меня сюда взяли... Это у насъ тамъ
въ обычаѣ. Я только тогда и явлюсь сюда за драго-
цѣнной наградой (онъ взглянулъ на княжну Варю),
когда прочно обставлю свое положеніе.

— И отлично!—улыбнулся князь Павелъ:—а до того
времени «драгоценная награда», можетъ быть, и выро-
стетъ изъ коротенькаго платъица. Повелительница Аб-
хазіи и «своего народа», а у самой ноги видны изъ-
подъ платъи!

— Ахъ, папа!.. ты опять!—вспыхнула Варя.

— Что жъ? и опять:—развѣ я неправду говорю?

— Такъ ты за Варей прѣдешь? — только теперь Сережа догадался въ чемъ дѣло.—Развѣ она твоя жена?

— Буду надѣяться и молиться Богу, чтобъ такъ было,—отвѣчалъ Шервашидзе.

— А кто жъ я тебѣ тогда буду?—продолжалъ Сережа.

— Братъ, и я тебѣ братъ.

— Такой большой!.. Ну, я черезъ годъ выросту.

— Да раньше года, дружокъ, я и не могу вернуться сюда. Ермоловъ говорить,—обратился Шервашидзе къ князю Павлу,—что для того, чтобы навсегда упрочить мое положеніе въ Абхазіи, нужно обезпечить ея границы и съ юга, и съ сѣвера: съ юга—отъ вторженія турокъ, а съ сѣвера—отъ вторженія закубанскихъ горцевъ, возмущаемыхъ противъ насъ пашею города Анапы. Для этого намъ нужно будетъ опять возвратить отъ Турціи крѣпость Поти, а на сѣверной границѣ—взять Гагры. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы не успѣемъ этого сдѣлать безъ помощи русской эскадры, а эскадру изъ Крыма не могутъ отправить раньше осени. Осенью же Черное море, какъ и всю зиму и весну, бываетъ очень бурно. И придется ждать до будущаго лѣта...

— А тогда тебѣ будетъ шестнадцатый годъ!—выпала Катя по направленію къ сестрѣ — а мнѣ будетъ почти тринадцатый!

— То-то что «почти»,—разсмѣялся князь:—экая жалость! «почти» тринадцатый... А тебя, егоза, слѣдовало бы «почти» посѣчь за то, что ты вчера на моемъ письменомъ столѣ, на новомъ «почти» сукнѣ, сдѣлала чернильную кляксу.

— Это не я, папа,—оправдывалась юная проказница.

— Какъ не ты? Не я же.

— Нѣтъ, папочка, это твоя «Василиса».

— Какъ «Василиса»?—развѣ кошка умѣетъ писать?

— Нѣтъ, папа, писала я, а «Василиса» все мурлыкала на столѣ и терлась объ мою руку. Я обмокнула перо въ чернильницу, и только что хотѣла писать, какъ «Василиса» и подтолкнула меня подъ локоть,—клякса и сдѣлалась сама.

Явился подносъ съ бокалами и Илья съ бутылкой шампанскаго. Хлопнула пробка, и Фингалъ, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ-подъ стола и чуть не вышибъ подноса изъ рукъ лакея. Сережа залился веселымъ смѣхомъ.

— Какой дуракъ Фингалъ! — ха-ха-ха! — испугался пробки.

— Онъ вовсе не дуракъ, — заступилась за общаго любимца княжна Катя, — онъ не испугался, а думалъ, что это папа выстрѣлилъ въ грача.

Шампанское было розлито по бокаламъ, и князь Павелъ Сергѣевичъ поднялъ свой бокаль.

— Здравье новаго полковника, его высочества повелителя Абхазии, свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Георгиевича Шервашидзе!

VI.

Въ концѣ сентября, въ одинъ изъ ясныхъ дней, которые въ это время года довольно рѣдки въ Абхазіи, въ резиденціи ея правителей, въ Соуксу, у стѣнъ крѣпости выстроены были двѣ роты изъ полковъ бѣлевскаго и егерскаго, при одномъ орудіи, и полусотня казаковъ. Противъ этого строя, лицомъ къ крѣпости и тыломъ къ старинному зданію запущеннаго монастыря, полукругомъ расположены были представители абхазскаго народа—духовенство, князья, дворяне, муллы и простые джигиты въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Передъ строемъ, лицомъ къ этому блестящему собранію, картинно возсѣдалъ на конѣ красивый горецъ съ сильно посеребренною головой и смуглымъ лицомъ. Это былъ командиръ 44-го егерскаго полка, полковникъ Абхазовъ. Въ рукахъ у него была бумага. Это былъ манифестъ новаго владѣтеля Абхазіи, князя Дмитрія Шервашидзе, счастливаго жениха княжны Вареньки Гагариной. По знаку полковника, солдаты взяли «на караулъ», а музыканты заиграли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ». По окончаніи гимна, князь Абхазовъ обратился къ собранію съ краткой рѣчью о томъ, что государю императору благоудно было назначить правителемъ Абхазіи полковника князя Дмитрія Георгіевича Шервашидзе. Собраніе хранило глубокое молчаніе, нарушаемое только мѣрнымъ

гуломъ прибоя Чернаго моря, которое, послѣ нѣсколькихъ дней не стихавшей бури, продолжало еще катить на берегъ сердитые, съ косматыми гривами, пѣнистые валы.

— Вотъ что пишеть къ вамъ новый правитель страны,—сказаль въ заключеніе князь Абхазовъ, развертывая бумагу.

Надо замѣтить, что манифестъ этотъ былъ сочиненъ давно знакомымъ намъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго, «кавказскимъ Талейраномъ», — Могилевскимъ, который о новомъ повелителѣ Абхазіи отзывался, что въ Петербургѣ онъ изучился сочинять манифесты только къ барышнямъ.

— «Сіятельные абхазскіе князья,—началь громко читать Абхазовъ,—почтенное духовенство и весь народъ! Всѣмъ и каждому изъ васъ извѣстно, что его императорское величество, державнѣйшій и могущественный всероссійскій государь императоръ, принявъ въ высокое свое покровительство и вѣчное подданство абхазскую землю»...

При словахъ—«вѣчное подданство», среди безмолвно стоявшихъ слушателей послышались не то вздохи, не то заглушаемый ропоть; но Абхазовъ продолжалъ:—«Абхазскую землю. Богомъ дарованную власти моихъ предковъ, всемилостивѣйше соизволилъ утвердить владѣтелемъ оной блаженныя памяти родителя моего, свѣтлѣйшаго князя Георгія Шервашидзе. Рановременная, однако же, кончина его, поразившая жестокою скорбью владѣтельный домъ нашъ, подала поводъ нѣкоторымъ неблагонамѣреннымъ людямъ, врагамъ покойнаго родителя моего и врагамъ общаго вашего спокойствія, воспользовавшись моимъ

отсутствіемъ, посвятить въ Абхазіи своеволие, мятежь и отпаденіе отъ покорности свѣтлѣйшей родительницѣ моей, княгинѣ Тамарѣ, а чрезъ то подвигнуть васъ на измѣну и самой могущественной всероссійской имперіи).

Теперь уже ясно было, что не вздохи слышались въ рядахъ абхазцевъ, а глухой ропотъ, который повидимому не срывался съ губъ слушателей, а бурлил гдѣ-то въ груди протестующихъ, подъ яркими архалуками и черкѣсками, и, какъ левія кинжаловъ, сверкалъ во многихъ глазахъ. Абхазовъ остановился и обвелъ собраніе спокойнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: — «Ну, я слушаю»... Но изъ собранія—ни звука; только море продолжало роптать у береговъ, точно это былъ ропотъ самой Абхазіи, ропотъ самихъ Океанидъ, ропотъ всего «прометеева потомства».

— «Извѣщенный о таковыхъ неуройствахъ,—продолжалъ читать Абхазовъ,—великій государь императоръ, жалѣя о несчастномъ заблужденіи абхазскаго народа, благоволилъ высочайше утвердить меня, какъ единственнаго и законнаго наслѣдника Абхазіи, во всѣхъ правахъ и преимуществахъ покойнаго моего родителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ мнѣ, оставя счастливую и блистательную столицу его имперіи, отправиться въ Абхазію — принять бразды правленія, всемилостивѣйше надъ вами мнѣ ввѣреннаго, и возстановить спокойствіе любезнаго ему абхазскаго народа. Такимъ образомъ, высканный неисчетными милостями августѣйшаго россійскаго монарха, возвратился я нынѣ къ наслѣдію моихъ предковъ»...

Надо сказать правду, что во всемъ этомъ манифестѣ только одно слово принадлежало новому повелителю Аб-

хавіи. Когда Могилевскій читалъ ему проектъ этого воззванія и дошелъ до словъ — «повелѣлъ мнѣ (государь) оставя блестящую столицу его импѣріи», — князь Дмитрій Шервашидзе остановилъ его словами: — «нельзя ли вмѣсто «блестящую столицу» поставить «счастливую»? — Онъ вспомнилъ, что такъ былъ счастливъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, собственно въ Павловскѣ, и потому въ его памяти Петербургъ рисовался самымъ счастливымъ городомъ въ мірѣ: — тамъ тихая Славянка (хоть она далеко отъ Петербурга), тамъ знакомая, вѣчно дорогая его сердцу скамейка, гдѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ на своихъ губахъ, только что обросшихъ волосами, первый ея поцѣлуй. — Отчего же? — улыбнулся Могилевскій скорѣе глазами, чѣмъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно улыбаются люди: — отчего же не поставить и «счастливую» рядомъ съ «блестящей»? — И поставилъ.

— «Съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, — продолжалъ, между тѣмъ, Абхазовъ, — абхазскій народъ отличался всегда вѣрностью и преданностью къ своимъ владѣльцамъ. Итакъ, на семъ благородномъ народномъ духѣ основываю я призваніе, знаменитые князья, духовенство и весь абхазскій народъ, обратиться къ священнымъ обязанностямъ, къ вѣрности законному владѣльцу и, оставя нарушителя вашего спокойствія, отцеубійцу Арсланъ-бея, явиться ко мнѣ съ раскаяніемъ и покорностью».

Теперь явный ропотъ всколыхнулъ все собраніе. Казалось, изъ каждой груди, какъ горные потоки со стреминь, вылетали дикіе гортанные звуки. Они звучали угрозой — но кому? — «нарушителю-ли общаго спокойствія, отцеубійцѣ Арсланъ-бею», или тому, кто теперь взывалъ ко всему абхазскому народу?

— Ишь зарычали песоголовцы! — проворчалъ старый суворовецъ Сукачовъ, все еще не разставшійся съ своею «любовницей», какъ онъ называлъ свое ружье, хотя уже давнымъ-давно отслужилъ свой срокъ и имѣлъ на груди двухъ «Ягорушекъ», одного бѣленькаго, а другого желтенькаго.

— Съ нашей «тешшей» хотятъ, видно, поцѣловаться, — тихо замѣтилъ его младшій пріятель, рябой Будряшовъ, на широкой груди котораго тоже бѣлѣлся маленькій крестикъ.

Абхазовъ, не обращая вниманія на ропотъ, продолжалъ читать. Но теперь онъ уже не просто читалъ, а кричалъ, какъ бы бросаю въ толпу вызовъ. Онъ самъ былъ родомъ абхазецъ, получившій военное образованіе въ Россіи, и потому зналъ, какъ обращаться съ своимъ народомъ: на лай шакала надо отвѣчать воемъ волка; противникъ оскалилъ зубы—надо показать и ему клыки.

— Неужели въ обуявшемъ васъ ослѣпленіи забыли вы,—кричалъ онъ, сверкая глазами,—что божескіе и человѣческіе законы, рано или поздно, но всегда неизбѣжно караютъ отцеубійцъ страшною гибелью, поражая бѣдствіями и ихъ соучастниковъ? Неужели также не предусматриваете, что упорство въ измѣнѣ могущественной російской имперіи можетъ навлечь на мятежниковъ праведный гнѣвъ всесильнаго монарха и силою непобѣдимыхъ его войскъ истребить васъ съ лица земли, подвергнувъ тому же жребію женъ и чадъ вашихъ!

Вдругъ въ воздухѣ пронесся отчаянный женскій вопль. Задніе ряды кольхнулись. Слышались дикія причитанія женскаго голоса—не то плачь, не то рыданія.

— Что тамъ такое?—спросилъ Абхазовъ.

— Пустая ссора, — отвѣчалъ одинъ изъ князей въ переднихъ рядахъ: — спорщика закололи, а его баба воетъ.

Пустая ссора! Одинъ изъ приверженцевъ Арсланъ-бея, въ спорѣ, зарѣзалъ приверженца новаго владѣльца, — и баста! Диспутъ конченъ полюбовно, по-абхазски.

— Слушайте дальше, сіятельные князья, почтенные отцы и всѣ храбрые джигиты, что говоритъ вамъ новый повелитель вашей страны! — возвысилъ голосъ Абхазовъ и продолжалъ чтеніе.

— «Я требую, чтобы почтеннѣйшіе изъ князей и духовенства абхазскаго немедленно явились ко мнѣ и въ знакъ искренняго своего раскаянія представили бы благонадежныхъ аманатовъ. Таковая покорность возвратитъ моему народу всю нѣжность сердца, болѣзнующаго нынѣ о его заблужденіи».

Женскіе вопли не смолкали, хотя въ нихъ слышались теперь только причитанья. Но къ нимъ присоединился дѣтскій плачь.

— Это малыши надъ отцомъ плачутъ, — пояснилъ кубанецъ-пластунъ, нашъ старый знакомый, который теперь былъ уже въ чинѣ хорунжаго, привставая на сѣдлѣ и глядя черезъ толпу. — А выростутъ — такіе же головорѣзвы будутъ.

— А вотъ моего дядю тутъ убили азіаты, такъ и поголосить надъ нимъ некому было, — замѣтилъ его пріятель, Буркинъ, теперь уже урядникъ. — Жена и дѣтишки голосили надъ его пашкой, что я привезъ имъ.

— «И я въ такомъ случаѣ торжественно, предъ лицомъ всевѣдущаго Бога, — продолжалъ Абхазовъ, — обѣщаю быть предъ россійскимъ правительствомъ ревностнымъ

ходатаемъ о преданіи всего прошедшаго вѣчному забвенію, и дабы жизнь, собственность и права каждаго изъ раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными; съ моей стороны, для таковыхъ вѣрныхъ и покорныхъ моихъ подданныхъ, посвятя всю свою жизнь на устроеніе ихъ счастья,—я буду въ ихъ спокойствіи и благоденствіи искать единой моей славы и собственнаго блага».

Случайно взглянувъ въ сторону, Абхазовъ замѣтилъ, что, выдѣлившись изъ толпы, впереди всѣхъ стояла какая-то немолодая уже абхазка и, въ какомъ-то нѣмомъ благоговѣніи, слушая чтеніе, плакала, не сводя глазъ съ бумаги, которую читалъ полковникъ. Видъ этой восторженно плачущей женщины заинтересовалъ его.

— Кто ты, почтенная женщина? — ласково спросилъ онъ ее по-абхазски.

— О, господинъ!—восторженно воскликнула женщина:—я его кормилица.

— Чья кормилица?—удивился полковникъ.

— Его, господинъ, его, чьи слова ты теперь читаешь... Я слышу его своимъ молокомъ... Маленькій, онъ засыпалъ на моей груди... Теперь мои груди высохли—остались однѣ слезы.

— Такъ ты кормилица князя Димитрія?

— Да, господинъ, я его кормилица... Вотъ уже двѣнадцать разъ снѣга покрывали горный аулъ, въ которомъ я его выкормила; двѣнадцать разъ горы покрывались цвѣтами, которые онъ любилъ рвать; двѣнадцать разъ зима и лѣто прошли надъ Абхазіею, какъ его не видали родныя горы.

— А ты понимаешь, что я читаю?

— Нѣтъ не понимаю, господинъ, но я знаю, что онъ говоритъ, я слышу его голосъ. Гдѣ онъ теперь? когда я его опять увижу?

— Скоро, скоро,—улыбнулся Абхазовъ,—а теперь не мѣшай мнѣ дочитать. —Ничего не понимаетъ, а слушаетъ съ благоговѣніемъ!—проговорилъ онъ про себя:—чудная.

Онъ продолжалъ читать: —«Напротивъ того, злыхъ и непокорныхъ мятежниковъ не укроютъ ни лѣса, ни горы отъ праведной казни. Славное воинство покровительствующей мнѣ Россіи уже вступило въ Абхазію на преслѣдованіе измѣнниковъ и конечное ихъ повсюду истребленіе. Одно благоразуміе теперь укажетъ вамъ вѣрный путь къ счастью или гибели вашей».

Онъ кончилъ и сошелъ съ коня. Подойдя къ ближайшимъ князьямъ и мулламъ, онъ сказалъ: — Поздравляю васъ съ новымъ правителемъ, господа! Вы скоро его увидите среди васъ.

А потомъ, вынувъ изъ небольшого портфеля нѣсколько сложенныхъ листовъ, онъ раздалъ ихъ мулламъ.

— Такъ какъ простые абхазцы да и многіе дворяне не всѣ понимаютъ по-русски, — сказалъ онъ, — то вотъ вамъ этотъ манифестъ, переведенный на мѣстный языкъ. Прочитайте его въ мечетяхъ и на собраніяхъ въ аулахъ.

Вручая листы двумъ крайнимъ мулламъ, стоявшимъ рядомъ, князь Абхазовъ былъ неволью пораженъ, но чѣмъ—онъ сразу самъ не могъ дать себѣ отчета. Лица обоихъ муллъ показались ему знакомыми, даже очень, очень памятными. Но гдѣ онъ видѣлъ ихъ, при какихъ обстоятельствахъ, въ какой обстановкѣ? Да, онъ видѣлъ ихъ прежде, онъ знаетъ ихъ,—навѣрное знаетъ. Только

то была другая обстановка, и они не были муллами... Да, они не муллы!—это переодѣтые люди... Но кто же они?.. Абхазовъ оглянулся. Напрасно! ихъ и слѣдъ простылъ: они затерлись въ толпѣ... это какіе-нибудь шпионы, это злодѣи. Эти люди подсланы навѣрное Арсланъ-беемъ,—и вотъ они скрылись. Но какая ихъ цѣль? простое соглядатайство? Они лазутчики. Это всего вѣроятнѣе. Что жъ? онъ не боится лазутчиковъ.

Ба! Одного онъ вспомнилъ:—это былъ князь Бежанъ Шервашидзе, братъ Манучара Шервашидзе, зятя правительницы Имеретіи, княгини Нины Георгіевны Дадіанъ. Это гнусный убійца предпоследняго владѣтеля Абхазіи, Келешъ-бека, отца покойнаго владѣтеля этой страны, Сеферъ-Али-бея или князя Георгія Шервашидзе, и дѣда нынѣшняго владѣтеля Абхазіи, молодого князя Дмитрія Георгіевича Шервашидзе. Ясно, что онъ явился соглядатаемъ отъ друга своего, соубійцы и отцеубійцы Арсланъ-бея. Такъ вотъ кто этотъ мнимый мулла. Ахъ, негодяй! Какъ онъ нагло провелъ меня! А кто же съ нимъ другой, переодѣтый муллою? Я знаю и его. Это тоже приверженецъ Арсланъ-бея. Но кто онъ, кто?

Абхазовъ вспомнилъ, что этого послѣдняго муллу, эти плутовскіе, разбойничьи глаза онъ видѣлъ недавно, совсѣмъ недавно, и, кажется, въ Кутаисѣ, у князя Дмитрія Шервашидзе.

Гдѣ же этотъ князь, молодой владѣтель Абхазіи? Онъ уже не въ Петербургѣ, а въ Кутаисѣ. Отправимся же къ нему.

VII.

Новый владѣтель Абхазіи, по пути изъ Петербурга къ себѣ на родину, дѣйствительно, остановился на время въ Кутаисѣ, пока въѣздъ его въ свои владѣнія не будетъ обставленъ такъ, какъ того требовали обстоятельства: съ нѣкоторою внушительною торжественностью и въ сопровожденіи русскихъ войскъ.

Молодому владѣтелю Абхазіи отведены были покои въ бывшемъ дворцѣ послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II. Мы говоримъ: въ «бывшемъ дворцѣ» потому, что владѣтель его, злополучный царь Соломонъ II, бросивъ свою столицу и царство, скитался въ это время въ предѣлахъ Турціи и Персіи, и проживалъ съ горстью своихъ приверженцевъ то въ Поти, то въ Ахалцыхѣ, то, наконецъ, въ Эривани, а семейство его, — царица Марія, царевна Дареджана и царевичи — томились неизвѣстностью своего будущаго то въ горномъ замкѣ Вардцихе, то въ имѣніи своихъ родственниковъ, князей Абашидзе, то изрѣдка наѣзжали въ Кутаисъ, чтобы съ горестью видѣть, какъ старинный дворецъ ихъ, — жилище ихъ царственныхъ предковъ и ихъ собственное родное гнѣздо, — превращался въ казармы для русскихъ войскъ.

Когда, лѣтомъ 1810 года, маленькаго Дмитрія Шервашидзе увозили аманатомъ въ Петербургъ, то также останавливались на нѣсколько дней въ Кутаисѣ, въ этомъ

самомъ дворцѣ. Теперь молодой владѣтель Абхазіи вспомнилъ, какъ онъ тогда плакалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ и какъ утѣшали его и плакали вмѣстѣ съ нимъ царица Марія и хорошенькая царевна Дареджана. Имъ казалось такимъ ужаснымъ его далекое путешествіе! Имъ представлялось, что эта страшная страна, тамъ, за горами, гдѣ лѣтомъ садится солнце, — эта невѣдомая Россія и этотъ чудовищный Петербургъ, — что все это холодная Сибирь. Другого представленія о Россіи у нихъ не было. Гдѣ-то теперь эта добрая, съ ласковыми глазами, Дареджана? Говорятъ—добровольно заточилась въ монастырѣ отъ тоски по отцѣ и по убитомъ женихѣ— князѣ Церетели. И ему вспомнилась его собственная невѣста, маленькая Варя. Какъ она плакала, когда они въ послѣдній разъ прощались на берегу тихой Славянки, на той самой скамейкѣ, гдѣ Варя дала ему свой первый робкій поцѣлуй. Кажется, цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ они разстались... «Потомокъ Прометея!» — такъ иногда съ ласковою шуткой называла его милая Варя. Да, онъ самъ чувствовалъ, что въ его жилахъ течетъ протестующая кровь Прометея и что его тоскующее сердце также терзаетъ острый клювъ юпитерова орла... Когда-то еще онъ успокоить буйную Абхазію, чтобы имѣть потомъ право вернуться въ Петербургъ за своей Варей? Вотъ и теперь онъ только что послалъ манифестъ къ своему народу, — а какъ будетъ принять этотъ манифестъ? Какъ отнесутся къ нему князья-мусульмане и ихъ муллы?

Въ его воспоминаніи проходитъ весь безконечный, утомительный путь отъ Петербурга вплоть до Кутаиса. Сѣрыя свинцовыя облака висѣли надъ Петербургомъ,

когда онъ покидалъ его. И Нева была свинцовая, дома смотрѣли уныло, точно и ихъ угнетало это свинцовое небо. И у него на сердцѣ лежала свинцовая тяжесть... Впереди—далекая родина, яркое солнце, голубое небо, а повади—милые заплаканные глазки... Что ему родина и весь народъ безъ ея свѣтлой улыбки, безъ ясныхъ глазъ Вара? До самой Москвы надъ нимъ висѣло это сѣрое, непривѣтливое небо. Лѣса и болота, лѣса и болота безъ конца. А гдѣ нѣтъ лѣсу—унылыя поля, черныя, мокрыя озими, мокрый, тощій скотъ, черныя, словно погорѣлыя, избушки... И это—великая, могущественная Россія, опирающаяся на такія избушки?.. Тамъ, надъ Невой, палаты, огромные дома; здѣсь — убогія лачуги... Не на чемъ глазу остановиться, и мысль поневолѣ убѣгаетъ назадъ,—къ тому, что покинуто надолго, надолго... «Милый мой! я буду крестить тебя и, засыпая вечеромъ и просыпаясь утромъ,—буду посылать мое горячее благословеніе на далекій югъ, а ты, мой милый, посылай свою мысль и свое благословеніе на сѣверъ». Такъ говорила Варя.

И послѣ Москвы потянулся безконечный, безконечный путь, а она, свѣтлая и нѣжная, уносила все дальше и дальше. .

Коломна, Рязань, Воронежъ, безконечныя донскія степи... Гдѣ же конецъ этой необозримой Россіи?..

Переѣхали Донъ у Ростова, и снова потянулись безконечныя степи—маньчскія, егорлыкскія... Небо, казалось, отходило все выше и выше, сѣрыя свинцовыя облака остались далеко гдѣ-то, на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Варя, гдѣ ясное небо замѣняютъ ея свѣтлыя глазки... Начинаясь Кавказъ — безбрежныя равнины съ высокою

травой, съ рѣдкими курганами. Но здѣсь уже нельзя было ѣхать безъ вооруженнаго конвоя, безъ пушекъ. Начинались кубанскія равнины. Изъ-за каждаго кургана, изъ-за каждой степной балки могли показаться косматыя папахи, черныя бурки черкесовъ-закубанцевъ. Это уже почти свое—свои хищники, близкіе родичи абхазцамъ. Вотъ и бурная, мутная Кубань. Радостно и тревожно забилося сердце молодого путника, когда однажды утромъ ему указали на какое-то далекое облачко на горизонтѣ. «Это не облачко, а Эльборусъ»,—пояснили ему. Эльборусъ — это уже ближайшій сосѣдь его родины. Этотъ сѣдой великанъ въ бѣлоснѣжной папахѣ виденъ изъ Абхазіи.— «А это что на горизонтѣ, точно гигантскіе стоги сѣна?» «Это Бештау, Змѣиный, Желѣзный, Машукъ— эти первые отроги самого хребта; за ними—Грузія, Имеретія, Гурія, Мингрелія, Абхазія». Когда-то его вели тутъ маленькимъ, онъ все позабылъ. Теперь же видѣлъ это словно въ первый разъ.

Будутъ дальше день, другой. Слева и впереди начинаютъ подниматься изъ-за горизонта какіе-то дымчатые гребни. Это они, великаны. Они какъ будто вылѣзаютъ оттуда, чтобы взглянуть на того, кто ѣдетъ. Что то гордое и сильное поднимается въ груди молодого путника, давно не видавшаго горь... «Я вашъ сынъ, вашъ вскормленникъ», — говоритъ что-то въ его сердцѣ, — и мятежныя мысли вдругъ встаютъ въ душѣ гордаго потомка Прометея. Эти мятежныя мысли онъ вспомнилъ теперь здѣсь, въ Кутаисѣ, въ бывшемъ дворцѣ царя Соломона. «За что его выгнали отсюда, лишили престола, царства? И меня потомъ лишатъ всего, если я подчинюсь имъ. Нѣтъ, я не подчинюсь, я отстою свободу

своей родины... А тогда что же Варя? Я потеряю ее! Нѣтъ, пусть падетъ съ моей головы корона владѣтеля Абхазіи, только бы видѣть на этой головѣ вѣнецъ жениха Вари... А если Варя — чечевичная похлебка? Нѣтъ, нѣтъ!»!

Сколько они ни ѣхали впередъ, предшествуемые и сопровождаемые отрядомъ солдатъ, двумя орудіями и взводомъ линейныхъ казаковъ, горы все не подвигались къ нимъ—такъ были онѣ далеко! Наконецъ и горы придвинулись. Шествіе вступило въ какую-то тѣснину со страшными, нависшими по сторонамъ, утесами и грохочущимъ пѣнящимся Терекомъ. Это ревъ какого-то живого, могучаго существа. Оно бѣшено прыгаетъ черезъ препятствія, черезъ гигантскіе камни и пороги... Шествіе очутилось въ какой-то страшной тѣснинѣ, точно въ пасти этого грохочущаго и ревущаго чудовища. Это — тѣснина Дарьяла. Дальше и дальше. Тѣснина раздвинулась, и вправо, выше разодранныхъ облаковъ, сверкнула на солнцѣ всѣми своими алмазами вершина Кавбека съ вѣчными снѣгами—снѣгами, укрывшими эту таинственную вершину съ того самаго момента, какъ она, при формированіи земли, выступила изъ ея, полного тайнъ и невѣдомыхъ ужасовъ чрева.

Выше и выше поднимается шествіе, громыхаютъ по камнямъ колеса орудій, звонко стучать копыта казацкихъ лошадей, ревъ и гулъ Терека постепенно затихаетъ позади. Все выше и выше—все ближе, кажется, къ самому небу. И стремнины, и горы отходятъ въ сторону. Шествіе—на самомъ верху, на перевалѣ.

Шервашидзе глянулъ впередъ, по сторонамъ—и онѣ-

мѣль отъ изумленія, отъ захватывающаго духъ восторга. Страшно даже.

«И возведе Его діаволь на гору высокую—вспомнилось ему одно мѣсто изъ Евангелія, которое читалъ имъ батюшка въ корпусѣ,—показа Ему вся царствія вселенныя въ часѣ временнѣ. И рече Ему діаволь: Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ»...

Передъ нимъ, казалось, открылись «всѣ царствія вселенной». Эта безконечная даль, сверкающая на солнцѣ, эта ужасающая глубина, въ которой извивалась и искрилась Арагва; далекая, дивная панорама юга; этотъ страшный спускъ въ чарующую, подъ ногами, даль — точно спускъ въ рай, въ роскошный эдемъ... У него невольно брызнули слезы... «Варю бы сюда, Боже!»

Урусъ Лаквари, наблюдавшій за нимъ, загадочно улыбнулся. Это открылась Грузія съ ея роскошными долинами и садами. Начинаясь головокружительный спускъ къ Млету. Варя осталась тамъ, за этими страшными горами и стремнинами—на другомъ концѣ свѣта. Все это вспомнилъ теперь молодой владѣтель Абхазіи, сидя на галлерей дворца Соломона въ Кутаисѣ.

Въ это время, съ другой стороны галлерей послышались шаги и звонъ шпоръ, и оттуда показался очень молодежавый офицеръ въ полковничьей формѣ. Это былъ князь Горчаковъ, завѣдывавшій нашими военными силами въ Имеретіи и Гуріи.

— Все готово, ваша свѣтлость, къ походу и ко вводу васъ во владѣніе наслѣдіемъ вашихъ предковъ, — весело сказалъ онъ.—Мингрельская кавалерія сегодня же явится въ Кутаисъ съ своимъ начальникомъ, княземъ Дадіаномъ, чтобы сопровождать намъ до соединенія съ нашими

войсками, съ которыми мы и двинемся на выручку Сухума. Крѣпость эта буквально обложена непріятелемъ—вашимъ почтеннымъ дядюшкой...

— О, негодяй!—съ гнѣвомъ вскричалъ молодой Шервашидзе.—Скоро ли онъ сломить себѣ шею!

— Мы сами ему сломаемъ,—улыбнулся Горчаковъ.— А пока комендантъ Сухума, подполковникъ Михинъ, доноситъ мнѣ, что онъ не рѣшается даже послать своихъ солдатиковъ за дровами—перестрѣляютъ, какъ куръ, дядюшкины говолорѣзы. А, между тѣмъ, у бѣдняка топить нечѣмъ — не на чемъ сварить солдатикамъ кашу. Думаетъ ломать на дрова крѣпостныя строенія и просить прислать хоть палатокъ, гдѣ бы солдатикамъ можно было укрываться отъ вашихъ адскихъ дождей... Таковъ любезный дядюшка.

— О, негодяй!—повторилъ Шервашидзе.

— Ничего, мы къ этому привыкли — не въ Питерѣ живемъ,—говорилъ Горчаковъ, шагая по галлерей. — У меня въ Редуть-Кале сосредоточенъ порядочный отрядъ мингрельцевъ и егерей, да и линейцы есть. Князь Абхазовъ уже ораторствуетъ по Абхазіи—вездѣ читаетъ вашъ манифестъ. А присланный изъ Соуксу съ донесеніями урядникъ говоритъ, что тамъ, при чтеніи манифеста, всѣхъ насмѣшила откуда-то появившаяся ваша кормилица.

— Ахъ, Фатима! Неужели она жива?

— Должно быть... Абхазовъ читаетъ манифестъ, а она реветъ. Объ чемъ? «Я—говоритъ — его кормилица». Да развѣ ты понимаешь, что я читаю? «Нѣтъ, не понимаю, а знаю, что это онъ говоритъ». И заливается—плачетъ отъ радости.

— А что слышно объ матушкѣ? — спросилъ Шервашидзе.

— Княгиня Тамара осталась въ Кодорѣ: великолѣпный дядюшка взялъ съ нея присягу, что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, а слѣдовательно — и съ вашей свѣтлостью! Ай да дядюшка! поздравляю.

— О, негодяй, отцеубійца!

VIII.

На другой день, оставивъ Кутаисъ, князь Горчаковъ и новый—пока еще номинальный—владѣтель Абхазіи, въ сопровожденіи князя Дадіана съ его кавалеріей, двинулись въ походъ, и только 1-го ноября настигли русскій отрядъ, которымъ командовалъ храбрый князь Абхазовъ. Отрядъ расположился у аула Скаби, недалеко отъ Кодора, въ которомъ, въ качествѣ заложницы Арсланъ-бея, оставалась княгиня Тамара.

Версты за двѣ до отряда, князь Горчаковъ, отозвавъ въ сторону своего адъютанта, стройнаго бѣлокураго юношу, прапорщика Ракилевича, что-то долго шепталъ ему, показывая глазами на русскій отрядъ. Ракилевичъ, слушая своего начальника, сдержанно улыбался.

— Все будетъ исполнено въ точности, ваше сіятельство,—сказалъ онъ; когда Горчаковъ кончилъ, и быстро понесся къ отряду.

Вскорѣ онъ воротился, но не одинъ. Съ нимъ рядомъ прискакалъ очень юный абхазецъ, почти ребенокъ, у котораго даже пушкомъ не была еще отгѣнена верхняя губа; между тѣмъ какъ красивые большіе глаза смотрѣли не по дѣтски мужественно. Подскакавъ къ Горчакову, онъ ловко отдалъ ему честь. Потомъ, отдавая честь Шервашидзе, онъ торжественно произнесъ:

— Имѣю честь привѣтствовать вашу свѣтлость въ вашей странѣ—въ вѣчномъ наслѣдіи вашихъ славныхъ предковъ!

— Благодарю васъ отъ всего сердца, — смущенно проговорилъ князь Димитрій. — Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Съ вѣрноподаннымъ вашей свѣтлости, — былъ отвѣтъ.

— Но ваша фамилія?

— Князь Шервашидзе.

— Но князей Шервашидзе много въ Абхазіи, и есть между ними убійцы изъ-за угла и отцеубійцы.

— О Митя! — не выдержалъ роли юноша: — ты не узнаешь меня? не узнаешь своего карапузика, медвѣжонка Мишку...

Этотъ, прибывшій отъ русскаго отряда, юный абхазецъ былъ младшій братъ новаго владѣльца Абхазіи, пятнадцатилѣтній князь Михаилъ Шервашидзе, который, по выслушаніи манифеста своего старшаго брата, тотчасъ же съ нѣкоторыми абхазскими князьями, дворянами и простыми джигитами, оставшимися вѣрными княгинѣ Тамарѣ, присоединился къ отряду князя Абхазова.

— Миша, мальчикъ мой! — радостно говорилъ старшій Шервашидзе: — какъ ты выросъ, какъ молодецки правишь своимъ скакуномъ!

— О, я ужь не мальчикъ: мнѣ пятнадцать лѣтъ. А ты самъ знаешь, что абхазцы — лучшіе кавалеристы во всемъ свѣтѣ, — гордо отвѣчалъ юноша.

— А что матушка? — спросилъ брата Димитрій Шервашидзе.

— Вообрази! она заперта въ Кодорѣ... Мерзавецъ Арсланъ заставилъ ее присягнуть на евангеліи и на своемъ коранѣ, что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими и даже съ своими сыновьями. Какова наглость! Разумѣется, она, какъ слабая женщина, покорилась—присягнула, и, боясь нарушить присягу, не хотѣла даже меня видѣть... боится сдѣлаться клятвеннопреступницей. Она вѣдь очень религіозна... Теперь и тебя побоятся видѣть.

— Ай да дядюшка!—засмѣялся Горчаковъ. —Но мы снимемъ клятву съ княгини Тамары: на это у насъ есть почтенный батюшка, которому церковью дана власть «вязать и развѣщать».

Въ нѣмомъ умиленіи младшій братъ смотрѣлъ на старшаго. Блестящій видъ полковника гвардіи видимо очаровывалъ и подавлялъ его. И въ обращеніи его было что-то иное, непривычное для глазъ юноши, выросшаго въ отчужденіи отъ той жизни и отъ той среды, въ которой вращался его братъ въ Петербургѣ и которая навела на него особый свѣтскій лоскъ.

— У тебя и голосъ какъ будто не нашъ,—невольное вырвалось у очарованнаго юнаго абхаза.

— Какъ не нашъ?—удивился старшій братъ.

— Не знаю какъ, Митя,—только не нашъ.

— Я понимаю, что говорить вашъ братъ, — объяснилъ Горчаковъ, обращаясь къ Димитрію Шервашидзе:— у васъ въ голосѣ и въ говорѣ почти незамѣтно тѣхъ гортанныхъ звуковъ, которыми отличается говоръ всѣхъ кавкаскихъ уроженцевъ, кто бы они ни были—грузины, имеретины, лезгины, гурійцы, чеченцы ли, а въ томъ числѣ и абхазцы.

Скоро къ нимъ подѣхалъ князь Абхазовъ и доложилъ князю Горчакову, какъ своему непосредственному начальнику, что во ввѣренномъ ему отрядѣ все обстоитъ благополучно. Вслѣдъ за этимъ, къ князю Дмитрію Шервашидзе подѣхалъ знакомый уже намъ по Петербургу абхазецъ, Урусъ Лаквари, тотъ самый, что вы-звался оберегать молодого владѣтеля Абхазіи отъ подосланныхъ будто бы Арсланъ-беемъ убійцъ.

— А, Урусъ! и ты явился, наконецъ, — привѣтствовалъ его князь Дмитрій. — Откуда теперь?

— Изъ Кодора, князь, отъ княгини Тамары, — отвѣчалъ Лаквари.

— Что матушка?

— Здорова, слава Аллаху... Тебя, князь, и ждеть, и не ждеть.

— Какъ такъ — и ждеть, и не ждеть?

— Боятся Арслана... дала ему клятву на крестѣ и коранѣ — не признавать тебя за сына. Я самъ насилу выбрался отъ нея изъ Кодора! Арслановцы приняли меня за твоего шпиона... хотѣли утопить въ Кодорѣ.

Князь Абхазовъ, не обратившій сначала вниманія на этого вновь прибывшаго абхаза и больше занятый разговоромъ съ Горчаковымъ о положеніи дѣлъ въ Абхазіи и о силахъ, какими, по всѣмъ свѣдѣніямъ, располагалъ Арсланъ-бей — теперь зорко взглянулъ на Лаквари. Въ одно мгновеніе онъ узналъ его. Онъ теперь только припомнилъ, что именно его видѣлъ въ одѣяніи муллы подъ Соуксу, когда читалъ манифестъ князя Шервашидзе къ представителямъ Абхазіи. Онъ, этотъ самый Лаквари, стоялъ тогда рядомъ съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе, тоже перереяженнымъ въ муллу. Бежана онъ тогда же

припомнилъ, а этого — только теперь. Въ умѣ его зародилось подоврѣніе, и онъ подъѣхалъ къ Лаквари.

— Послушай, джигитъ, — сказалъ ему князь Абхазовъ: — ты былъ въ Соусеу, когда я тамъ вычитывалъ всенародно манифестъ новаго владѣтеля Абхазіи?

— Нѣтъ, господинъ, — смѣло отвѣчалъ абхазецъ; но на лицѣ его и въ плутовскихъ глазахъ отразилось смятеніе.

— Ты лжешь! — крикнулъ на него Абхазовъ: — ты стоялъ тамъ рядомъ съ убійцей Келешъ-бека, съ Бежакомъ Шервашидзе, и оба вы были переодѣты муллами.

— Правда твоя, господинъ, — смиренно отвѣчалъ теперь Лаквари: — я былъ тогда въ Соуксу; но я скрылся — такъ нужно было. И пророкъ — да святится имя его! — бѣгалъ отъ враговъ въ Медину... Я вѣрно служу господину моему, князю Димитрію...

— А прежде служилъ Арслану! — осадилъ его Абхазовъ.

— Служилъ... господинъ правду знаетъ... а теперь служу князю Димитрію — мой господинъ тебѣ скажетъ это.

— Правда, — подтвердилъ князь Димитрій, — онъ и въ Петербургѣ былъ при мнѣ въ послѣднее время, и вмѣстѣ со мной пріѣхалъ сюда на Кавказъ.

— Зачѣмъ же онъ продѣлалъ маскарадъ въ Соуксу? —

— Не знаю, князь; надо его спросить.

— Я, господинъ, — обратился Лаквари къ Абхазову и къ Горчакову, который внимательно вслушивался въ разговоръ: — я, ваши сіятельства, служу господину моему и желая ему добра, просилъ его свѣтлость отпустить меня впередъ изъ Кутайса въ Абхазію, чтобъ секретно разузнать, какъ тутъ народъ приметъ новаго князя и

много ли у него доброжелателей, а чтобъ во мнѣ не признали бывшего нукера Арсланъ-бея—плевать въ бороду этому шайтану!—я и нарядился муллою.

— И что-жъ ты узналъ?— спросилъ Горчаковъ.

— Я узналъ, ваше сіятельство, что почти вся Абхазія стоитъ за Арслана; съ нимъ и турки-хелосури, и цецельдинцы, и самурваканцы, и три тысячи черкесовъ; у него десять знаменъ съ полумѣсяцемъ.

— А орудія есть у него?

— Когда я настигъ его, 27-го октября, у Самурвакани, у него орудій не было, — отвѣчалъ за Лаквари Абхазовъ. — Тогда онъ быстро отступилъ къ рѣчкѣ Галидзче, гдѣ и присоединилось къ нему до трехъ тысячъ черкесовъ; но лазутчики мои и тамъ не видѣли у него орудій. Онъ больше надѣется на лѣсъ и на колючки, какъ кабанъ, да завалы устраиваетъ по дорогѣ — это единственная его тактика. Вообще всѣ они блудливы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы: — все норовятъ изподтишка да сзади, а прямого нападенія не выдерживаютъ.

— Особенно они боятся русскаго штыка, — замѣтилъ князь Леванъ Дадіанъ, — а орудійные выстрѣлы пугаютъ ихъ, точно громъ небесный...

Между тѣмъ, братья Шервашидзе, прислушиваясь къ разговору и обмѣниваясь радостными улыбками, изрѣдка перекидывались замѣчаніями и вопросами о томъ, кого что интересовало. Князю Димитрію казалось, что, послѣ одиннадцати лѣтъ разлуки съ родиною, онъ видитъ ее теперь въ первый разъ, а то, что онъ помнилъ о ней въ Петербургѣ, представлялось ему далекимъ, смутнымъ, но сладкимъ сновидѣніемъ. Теперъ же онъ

опять видѣлъ это бирюзовое море, впадавшее въ цвѣтъ холодной стали, эти родныя горы, — и ему было и радостно, и жутко. Но съ каждымъ новымъ предметомъ, съ каждымъ, открывавшимся передъ его глазами, видомъ, въ его представленіи всегда выплывало личико Вари, ея глаза: — «какъ-то она на это взглянетъ? понравятся ли ей дикія скалы, эти голые утесы—весь этотъ новый для нея міръ?»

Когда Леванъ Дадіанъ заговорилъ о томъ, что абхазцы и черкесы боятся штыковъ и орудій, Михаилъ Шервашидзе спросилъ брата: — А знавалъ ты тамъ вотъ его брата, Георгія Дадіана? Вѣдь онъ тоже недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ отпускъ:—что онъ тамъ? Здѣсь хвастался все, что онъ гвардеецъ, преображенецъ.

— Да, онъ и въ Петербургѣ хвастался, что онъ—владелецъ Мингреліи. Фать!.. Разъ онъ такъ расхвастался на балу у моихъ знакомыхъ, князей Гагариныхъ (при этомъ князь Дмитрій чуть замѣтно покраснѣлъ), что увѣрялъ, будто бы онъ, воротившись въ Мингрелію, взойдетъ на мингрельскій престолъ и коронуется короною своихъ предковъ. Что онъ теперь здѣсь дѣлаетъ?

— Разбойничаетъ... Сначала все щеголялъ въ бѣлыхъ лосинныхъ штанахъ въ обтяжку... издали точно голый, безъ штановъ, и всѣ наши женщины и дѣвушки стыдились глядѣть на его ноги: думали—голыя... А потомъ поссорился съ братомъ и собралъ шайку... точь въ точь нашъ Арсланъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь? — спросилъ старшій Шервашидзе, вспоминая при этомъ, что въ Петербургѣ онъ ненавидѣлъ этого красиваго лейбъ-гвардейца въ лосинахъ, воображая, что въ него влюблена княжна Варя Гагарина.

— О! это цѣлая исторія, цѣлая поэма въ родѣ «Барсовой шкуры» Руставели. Тебѣ, вѣроятно, не все было извѣстно въ Петербургѣ. Когда Соломонъ II Имеретинскій былъ разбитъ русскими въ ущельѣ Хани, гдѣ былъ и князь Симеонъ Церетели, въ котораго, говорятъ, была влюблена хорошенькая царевна Дареджана, дочь этого Соломона II...

— Я ее помню,—перебилъ старшій Шервашидзе:— когда меня, маленькаго, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, везли аманатомъ въ Петербургъ, я нѣсколько дней прожилъ у нихъ во дворцѣ, въ Кутаисѣ, и царевна Дареджана очень утѣшала и ласкала меня — такая добрая и милая!

— Ну, вотъ, послѣ ханійскаго погрома, отецъ ея и бѣжалъ въ Турцію, а она съ горя поступила въ монастырь св. Нины, и постриглась тамъ. Но въ прошломъ году въ Имеретіи опять вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ ея родственника, дяди что ли, князя Ивана Абашидзе, сына другой царевны Дареджаны, старухи, дочери покойнаго царя Соломона I, которая была замужемъ за однимъ изъ Абашидзе. Такъ вотъ когда вспыхнуло тамъ возстаніе, то князья и духовенство имеретинское провозгласили царемъ сына этого Ивана Абашидзе, десятилѣтняго Ваню. Тогда русскіе, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же арестовали маленькаго царя, его бабушку, царевну Дареджану, главныхъ зачинщиковъ возстанія: князей Цехнію Цулукидзе, мдиванъ-бека Микеладзе и епископовъ Досиеея Кутатели и Евфимія Генатели,—и подъ конвоемъ отправили всѣхъ въ Россію. Не успѣли только захватить князя Ивана Абашидзе. Когда объ этомъ дошла вѣсть до монастыря св. Нины, то ца-

ревна Дареджана, вмѣстѣ съ старымъ, преданнымъ ну-керомъ Мамією, бѣжала изъ монастыря къ князю Ивану Абашидзе и вступила въ набранное имъ ополченіе амазонкою. Такая отчаянная!—точно Дада, молочная сестра проклятаго Арслана, которая зарѣзалась на крѣпостной стѣнѣ Сухума.

— Зарѣзалась? Изъ-за чего?

И младшій Шервашидзе разсказалъ брату исторію Дады.

— Когда же Дареджана,—продолжалъ онъ,—вступила въ ополченіе Ивана Абашидзе, то русскіе разбили и это ополченіе. Но на ихъ счастье вспыхнулъ мятежъ и въ Гуріи — князь Кайхосро Гуріели, дядя Маміи Гуріели, владѣтель Гуріи, возсталъ противъ своего племянника, а къ нему примазался и вашъ петербургскій фронтъ съ голыми ляшками, красавецъ Георгій Дадіанъ. Къ нимъ бѣжалъ и Иванъ Абашидзе съ своею амазонкою, царевною Дареджаной. И вотъ когда она увидѣла «голыя ляшки», то, послѣ монастырскаго поста, и влюбилась въ нихъ сразу, забывъ своего Симеона Церетели.

— Ну, ужъ ты, Миша!—запротестовалъ было старшій братъ, у котораго шевельнулось на сердцѣ, — а если и Варя ему измѣнитъ? если и она не равнодушна къ этому фронту съ «голыми ляшками»?

— Правду тебѣ говорю, Митя!—настаивалъ младшій братъ.—Но и ихъ скоро разбили русскіе, и царевна Дареджана, вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ гвардейцемъ и Иваномъ Абашидзе, бѣжала въ Поті.

Братья и не замѣтили, какъ очутились около русскаго отряда, съ которымъ здоровался его начальникъ, князь Горчаковъ.

IX.

Въ тотъ же день, 13-го ноября, князь Горчаковъ отдалъ приказъ о выступленіи на утро слѣдующаго дня. Въ авангардѣ долженъ былъ выступить полковникъ князь Николай Дадіанъ во главѣ мингрельскихъ войскъ, а пѣхотѣ и егерямъ назначено было атаковать завалы, устроенные неприятелемъ вдоль морского берега по пути слѣдованія къ Сухуму.

Съ вечера же начались и приготовленія къ рѣшительному бою. Пѣхотинцы и егеря, расположившись вокругъ разведенныхъ костровъ, дѣятельно и весело, среди остротъ, прибаутокъ и хохоту, занялись — кто варкою каши, кто чисткою ружей и штыковъ, кто починкою изодранной по кустамъ и колючкамъ амуниціи, приведеніемъ въ порядокъ ранцевъ; а иные, снявъ съ себя рубахи, стоя у костровъ «въ чемъ мать родила», энергично занимались «охотою на нужу»: — скрутивъ жгутомъ рубахи, они потомъ держали ихъ за воротъ надъ огнемъ; рубахи, быстро развертываясь, отъ дѣйствія тепла раздувались подобно парусамъ, и «нужа», не терпя жару, вываливалась на огонь съ хлопаньемъ и трескомъ.

— А ты чего носъ повѣсилъ?—обратился старый Сукачъ къ своему молодому пріятелю Кудряшову — «рабой формѣ».

— Зубъ, дядя, болить,—не приведи Богъ, — уныло отвѣчалъ тотъ.

— А ты его полѣчи—рукой сниметь.

— А чѣмъ лечить-то?

— Чѣмъ! знамо: наговоромъ на кобыльей головѣ. Самое вѣрное—какъ пить дать.

— Да какъ же это на кобылей головѣ, дядя?

— А во-какъ. Найди ты эту самую кобылью голову, сухую, да положи ее гдѣ либо на задворкахъ,—на огородѣ, что ли, — да положи ее передомъ къ заходу, на самой на ранней зарѣ, и самъ стань лицомъ къ заходу, да и скажи до трехъ разъ:

Кобылья голова,
Помигуй меня!
Што ты гля меня,
То я гля тебя:
Ты меня отъ скорботы—
Отъ зубной комоты,
Я тебя отъ скорбища—
Отъ земнаго гношца:
Не будутъ мои зубы ныть,
Не будутъ твои кости гнить.

— Да такъ по три зари и дѣлай это съ причетомъ.

— А какъ ее, кобылью голову, раздобыть?

— Эко добро! сколько ихъ по задворкамъ валяется!

— Я самъ знаю, что валяются. А какъ ее, кобылью-то голову, отъ мериновой, либо отъ жеребичей отличить?

— Очень даже просто: у мерина, либо у жеребца—новдри шире. Положи рядомъ кобылью голову и жеребичью—сразу узнаешь.

— Ну, братцы, — отозвался одинъ бывалый служака изъ егерей:—завтра никакой кобыльей головы не нужно

будеть. По себѣ знаю. Когда мы дрались въ проклятой Чечнѣ—ужь и сторонка же дьявольская!—такъ у меня то и дѣло болѣли зубы. А какъ пошлють въ передовую цѣпь, да какъ начнется жарня съ обѣихъ сторонъ—онъ насъ, а мы его — да какъ въ потъ тебя бросить, и рубаху хуть выжми, куда и зубы дѣнутся: какъ рукой сыметь. Правду говорю.

— И то правда, — согласился старый Сукачъ:—и у меня смолоду, какъ ходили мы ещѣ подѣ прущѣво короля, тоже баливали зубы, коли ежели безъ дѣла; а какъ лишь въ дѣло пошелъ, сердце распалится, кругомъ видишь смерть,—про зубы и не вспомнишь. Правда, правда. Вотъ, може, завтра Богъ приведетъ завалы ихніе брать, да въ штыковую,—такъ и у тебя, братъ, зубы замолчатъ.

— Точно, братцы, — замѣтил Буркинъ: — въ дѣлѣ человѣкъ самъ себя не узнаеть—что тамъ зубы!—откуда и сила берется. Такъ и въ звѣрѣ во всякомъ:—шавка какая ни на есть, и та на медвѣдя идетъ. Да что звѣрь!—птица, и та, коли ежели осерчаетъ, на себя не похожа. Да вотъ вамъ случай:—можетъ, и не повѣрите, такъ на крестѣ поклянусь, да и Пластунъ присягнетъ, что было такъ, какъ я вамъ расскажу. Было это, когда мы гонялись по лѣсамъ да горамъ за этимъ самымъ царемъ имеретицкимъ, за Соломономъ. Лежимъ мы съ Пластуномъ эдакъ на возлѣсьѣ, въ секретѣ, недалечко отъ дороги, что вела къ его, соломонову, замку; а подѣ нами, пониже, небольшое озерцо съ лопухами и бѣлыми кувшинчиками. У берега озерцо поросло осокой и очеретомъ. А влѣво, такъ недалечко отъ насъ, старая ветла, толстая такая, дуплястая. Лежимъ мы это и ждемъ, чтобъ гонца его, соломонова, какъ ежели будетъ тайкомъ пробираться,

скрасть и къ начальству предоставить. Коли слышимъ, надъ озерцомъ какъ быдто что просвистѣло. Глядь—анъ утка, да прямо къ ветлѣ, да въ дупло. Значить, гнѣздо у нея тамъ. Ладно. Не будь мы въ секретѣ, мы бы у нея, у этой самой утки, яйца вытащили изъ гнѣзда да поспѣдали. Коли слышимъ — чу! опять просвистѣло. И что жъ бы вы думали — это утка вылетѣла изъ дупла, да прямо на озеро. Глядимъ — колѣ нея, на водѣ, капельный желтенькій утенокъ, словно паучокъ,—плаваетъ шельмецъ. Это она его изъ дупла принесла—выводокъ, значить,—только что изъ яйца вылушился. Ладно. Значить она его, должно быть, въ своемъ носу принесла, не иначе, потому—ноги у нея не цѣпки, не какъ у коршуна, либо у орла. Ладно. Вдругъ, глядь, утка нырнула въ воду—и была такова. Утенокъ видитъ, что матери не видать, заметался на водѣ, запищалъ. И вдругъ, братцы вы мои, откуда ни возьмись, ворона проклятая, да на этого утенка, — мигомъ унесла, какъ пить дала. Вотъ язва! И прямо къ себѣ въ гнѣздо. И гнѣздо-то воронѣ оказалось недалече, на высокой чинарѣ. А утка, значить, какъ нырнула, чтобъ ее утенышъ не видаль, да подъ водой, подъ водой,—и вынырнула ужъ у берега, въ осоку, — да опять въ свое гнѣздо. А мы глядимъ, чтѣ дальше будетъ,—глазъ съ дупла не сводимъ. И точно: въ одинъ мигъ она юркнула изъ дупла, а во рту у нея утенокъ, да опять на озеро. Выпустила его на воду, повертѣлась, повертѣлась,—это она другого утенка искала... На что птица, тварь малая, а счетъ дѣтямъ знаетъ. Ладно. А намъ и занятно, и смѣшно: чуть не прыснемъ. Ждемъ, чтѣ дальше будетъ. Глядь — утка опять нырнула, и опять въ осоку, а оттель въ дупло.

А ворона, братцы, опять, какъ бѣшеная, на озеро, и второго утеныша сцапала. Ахъ ты, аспидъ!—думаемъ:—пулю бы въ нее, да нельзя. Унесла! Ждемъ-пождемъ. Утка и третьяго принесла. Только ужъ тутъ, хоть и птица она, а задумалась. Вертѣлась-вертѣлась, искала-искала,—нѣтъ утять! — Не потонули жъ они — она это знаетъ. Развѣ нырнули?—Нѣтъ. Ждала-ждала, покружилась около малютки, да опять нырнула. Смотримъ — осока шевелится:—это она, утка; а въ дуло не летитъ. Ну, думаемъ, что будетъ. Значитъ, утка засѣла въ секретъ:—и мы въ секретъ, и утка въ секретъ. А ворона тутъ какъ тутъ — на озерцо. И что вышло тутъ, уму неопостижимо! Утка, какъ стрѣла, вылетѣла изъ осоки, да на ворону—звѣръ звѣремъ!—да за горло ее, поддюю, за шею,—и ну топить! Ворона бьется, каркаетъ, захлебывается водой—каръ-каръ-каръ!—А та ее въ воду, а та ее въ воду—такъ и задохлась воровка ¹⁾). Вотъ что значить, братцы, когда кто осерчаетъ: — откель и сила, и смѣлость берется. Такъ и у насъ въ дѣлѣ. До зубовъ ли тогда?

— Что и говорить,—согласился старый Сукачъ.—Ай да утка! А вотъ у насъ былъ случай, какъ ходили мы подъ прущёво короля. Въ одномъ страженіи жарко пришлось намъ. Онъ это большую силу имѣлъ и врѣзался конницей въ наши ряды. Жарко было, не приведи Богъ. Сколько мы ихъ покололи, сколько они насъ порубили и потоптали, и сказать нельзя. Только одинъ изъ нихъ, изъ прущіихъ, ухватись за наше знамя. Нашъ гарнадеръ не пукаетъ знамя. Онъ ево хватъ саблей по рукѣ—

¹⁾ Истинное происшествіе.

рука прочь. Гарнадерь не будь плохъ—уцѣпился за древко другой рукой. И эта рука прочь—отсѣкли. Онъ зубами за полотнище, да такъ и замерь. Его въ куски изрубили, а онъ полотнища не выпустилъ изъ зубовъ, а мы подо-спѣли и мигомъ прикололи ихъ, прущіихъ, что знамя наше отымали. Зубы-то у мертвого гарнадера такъ и замерли съ полотнищемъ,—насилу ослобонили. Самъ енараль цѣловаль его, мертвого гарнадера. Пошли Богъ всякому такую смерть.

— Знаю, такой въ раю на первомъ мѣстѣ будетъ,—согласился Буркинъ.

— Ш-шъ — слышалось чье-то предостереженіе.— Никакъ самъ идетъ.

— Точно, а съ имъ и новый князь, что изъ Питера.

Дѣйствительно, Горчаковъ, Шервашидзе старшій и Абхазовъ приближались къ кострамъ. Горчаковъ знакомилъ молодого владѣтеля Абхазіи съ бивачной жизнью русскаго боевого солдата.

— Сидите, братцы, сидите,—предупреждалъ Горчаковъ солдатиковъ, подходя къ одному костру.

Всѣ, однако, повскакали съ мѣсть.

— Хлѣбъ-соль, молодцы,—сказаль Горчаковъ.—Да у васъ, я вижу, и каша въ походѣ имѣется.

— Да это, ваше сіятельство, куначкі тутъ у насъ есть; съ ними мы и Поти брали, — такъ они изъ аула притащили намъ и котелковъ, и пшеница, — мы и балуемся,—смѣло отвѣчалъ за всѣхъ старшій Сукачъ, котораго лично зналь Горчаковъ.

— Ну, балуйте, балуйте, братцы, — улыбнулся онъ.—Завтра въ дѣло идемъ.

— Рады стараться, ваше сіятельство!—гаркнулъ старикъ, а за нимъ и всѣ грянули.

— Спасибо, молодцы! Хотя мы и не подь пруцково короля идемъ, а все же, старина, дѣльце сдѣлаемъ,—шутливо обратился Горчаковъ къ Сукачу, зная его слабость—«пруцково короля».

— Точно такъ, вашество,—подтвердилъ Сукачъ.

Горчаковъ, Шервашидзе и Абхазовъ прошли дальше и скрылись въ темнотѣ.

— Изъ молодыхъ да ранній,—одобрительно указавъ Сукачъ на удалившагося съ своими спутниками Горчакова.—По суворовски хочеть:—тотъ тоже любилъ ходить на ночевкахъ промежъ нашихъ костровъ. Да еще, бывало, присядеть къ намъ, къ костру, возьметъ у кого сухарь, помочить въ водѣ и ѣсть да подхваливаетъ: «эхъ—говорить — братцы, да какіе же у васъ сухари вкусные». Ну, намъ оно и впрямъ сдается, что сухари быдто вкуснѣй стали, и ѣдимъ съ охоткою, словно малыя дѣти. Бывало, въ деревнѣ, когда махонькими были, выдетъ весь хлѣбушка, а мать покойница—царство ей небесное—отыщеть гдѣ либо завалищій мышиный огрызокъ, да еще заплесневѣлый, да и говоритъ намъ:—«вотъ, дѣтушки, вамъ хлѣбца по кусочку—у мышки отняла—вонъ и зубки мышканы знать; а кто послѣ мышки ѣсть, у него и зубки будутъ мышканы, бѣленьки да крѣпонецки; а что—говорить—съ цвѣлью кусочекъ, такъ это и того лучше:—кто—говорить—ѣсть цвѣлевый хлѣбъ, хорошо плавать будетъ». Ну, мы, бывало, и ѣдимъ съ радостью мышканыя огрызки. Либо скажетъ, что у зайчика отняла, на дорогѣ встрѣтила,—такъ еще намъ вкуснѣй покажется. Такъ и Суворовъ батюшка — царство ему небесное. Му-

дерь былъ батюшка. А какъ нашего брата, солдатика, хорошо зналъ! Былъ такой случай. Воевали мы съ туркой—это еще при матушкѣ Екатеринѣ,—и выпала намъ престекая баталія. Турка этого—видимо невидимо!—такъ и насѣдаетъ, такъ и топчетъ и крошитъ насъ. Не въ моготу стало—нѣту нашей силушки. Дрогнулъ одинъ полкъ, дрогнулъ другой, дрогнули и мы. А разъ дрогнули—пиши пропало. Мы на утекъ. Господи, что было! А турки за нами. Нечего грѣха таить, ребятушки,—бѣгу и я съ другими. Охъ, стыдно вспомнить... Да молодъ былъ, глупъ. Мнѣ бы останавливать товарищей — все равно, смерть неминуемая, — а я бѣгу, ничевошеньки не вижу... Коли глядимъ—самъ батюшка Суворовъ съ ена-ралами скачетъ прямо къ нашему полку, да какъ гаркнетъ: «заманивай, ребята, заманивай его! такъ... такъ!» Мы и впрямь подумали, что не турка насъ гонитъ, а мы его заманиваемъ. А Суворовъ знай кричитъ: «заманивай! а теперь дуни его, жарь въ штыки!» Откуда, братцы вы мои, и духъ у насъ взялся, откуда и силушка при-была! Поворотились мы, за нами другой полкъ, третій,—и пошло, и пошло! Вѣрите ли, такъво ему чѣсу задали, туркѣ этому, что только ахъ! въ доскъ положили... Вотъ онъ каковъ, Суворовъ-то.

Х.

Тѣни южной ночи еще лежали надъ моремъ и надъ берегами Абхазіи, когда князь Николай Дадіанъ выступилъ съ своими мингрельцами по направленію къ Кодору, гдѣ находилась какъ бы въ заточеніи княгиня Тамара, клятвою обязанная не принимать новаго владѣтеля Абхазіи, своего старшаго сына Димитрія. Она ждала его страстно. Болѣе десяти лѣтъ она не видала своего первенца и во всѣ эти долгіе годы, полные тревогъ и ужасовъ, помнила одинъ страшно-мучительный моментъ, и тысячи разъ переживала его. Тамъ, подъ стѣнами Сухума, подъ громъ орудій и при торжественныхъ звукахъ полковой музыки, изъ объятій ея вняли плачущаго ребенка, ея первенца, и увезли отъ нея далеко-далеко, въ невѣдомую страну—въ страну снѣговъ и тумановъ. Ей, рожденной подъ небомъ живописной Мингреліи, не видавшей ничего, кромѣ родныхъ горъ, этого голубого моря и жаркаго солнца,—ей представлялось, что въ той таинственной странѣ, откуда постоянно приходятъ на Кавказъ легіоны все новыхъ и новыхъ воиновъ, въ странѣ со сказочнымъ царемъ, который держитъ въ своихъ рукахъ половину земного шара, — что въ этой сказочной странѣ нѣтъ даже солнца, или оно тамъ холодное, тусклое, непривѣтливое. И вотъ теперь этотъ ея первенецъ, котораго она тысячи разъ оплакивала, возвратился изъ той

страшной страны повелителемъ своей родины, а она, его мать, не смѣетъ принять возвращеннаго ей первенца, не смѣетъ взглянуть на его милое лицо. Она, мать, не смѣетъ видѣть своего сына, свое сокровище, возвращенное ей Богомъ, потому что вынуждена была дать Арсланъ-бею страшную клятву. На крестѣ и Евангеліи она съ клятвою присягнула, что пусть Богъ отниметъ у нея дѣтей, пусть постигнетъ ихъ ужасная смерть и пусть они лишены будутъ загробной жизни, если она, княгиня Тамара, войдетъ въ сношеніе съ русскими, а слѣдовательно, и съ возвращеннымъ ей судьбою сыномъ. Теперь она потеряла его при болѣе ужасающихъ условіяхъ, чѣмъ тогда, одиннадцать лѣтъ назадъ: тогда она надѣялась хоть когда-нибудь увидѣть его; теперь же — никогда! Зачѣмъ дала она эту клятву? Лучше бы ее убилъ Арсланъ-бей: она не страдала бы такъ, какъ страдаетъ теперь.

Заключенная въ своемъ небольшомъ дворцѣ въ Кодорѣ, съ высокою при немъ старинною башней, она каждый день поднималась на эту башню и стояла тамъ словно часовой по цѣлымъ суткамъ, съ грустнымъ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Ея переболѣвшее сердце отыскивало тамъ его, возвращеннаго ей и навѣки потеряннаго сына; тамъ искали его ея заплаканные глаза. Оттуда, съ востока, онъ долженъ явиться ей, и она хоть издали увидитъ его, издали перекреститъ. Вѣдь она не давала такой клятвы, чтобы и тѣнь его не благословлять издали. Она не будетъ говорить съ нимъ, она ни слова не произнесетъ. Она только поглядитъ на него, какъ онъ выросъ, какъ возмужалъ... Можетъ быть, она съ башни и лицо его увидитъ, и глаза, и вьющіеся волосы, которые она когда-то любила гладить и цѣловать. Можетъ

мордовцевъ. прометьево потомство.

быть, она и голосъ его услышитъ. Онъ крикнетъ ей издали: «Здравствуй, мама!» Или, какъ взрослый мужчина, скажетъ ласково: «Здравствуй, дорогая матушка»... А она сама будетъ молчать—ни слова, ни звука ему въ отвѣтъ. Она клялась, и будетъ нѣма, какъ могила; она только улыбнется ему и—заплачетъ отъ счастья. Онъ и такъ все пойметъ! Только бы онъ былъ счастливъ. Потому онъ женится. Она желаетъ имѣть маленькихъ внуковъ и внучекъ. И она, бабушка, станетъ ласкать его дѣтѣй... Но этого нельзя: его дѣти будутъ русскіе, а ей съ русскими, даже съ дѣтьми, нельзя имѣть сношеній: она клялась въ этомъ... А на комъ онъ женится? Непремѣнно на одной изъ молоденькихъ Дадіанъ. У нея есть тамъ, въ Мингреліи, хорошенькія племянницы. А если онъ придетъ съ войскомъ, разобьетъ Арсланъ-бея и возьметъ Кодоръ? Вѣдь онъ тогда можетъ войти въ Кодоръ, мало того—войти въ свой дворецъ, и захочетъ видѣться съ матерью. Тогда она скажетъ ему: «я не смѣю тебя видѣть—я клялась страшною клятвою... не губи себя въ здѣшней и въ будущей жизни».

Тамара остановилась на этихъ мысляхъ и стала глядѣть вдаль. Сегодня тамъ, на берегу моря, замѣтно какое то особенное движеніе. Люди что-то таскаютъ, рубятъ лѣсъ, наваливаютъ груды камней. Это они дѣлаютъ завалы. Значитъ, ждутъ русскихъ, чтобъ защищаться въ завалахъ. Она видѣла, какъ мимо Кодора прослѣдовали партіи черкесовъ. Это Арсланъ-бей готовится отражать русскихъ. Но вѣдь съ русскими идетъ и сынъ ея, о которомъ она не перестаетъ думать... И вдругъ у нея точно захолонуло сердце... А если Арсланъ-бей побѣдитъ?

Вся трепещущая, она упала головой на каменные плиты башни и стала молиться и плакать... Сраженіе, дѣйствительно, уже началось. Какъ ни осторожно двигалось мингрельское войско по направленію въ Кодору, высылая впередъ развѣдчиковъ, оно все таки не миновало коварной засады, устроенной Арсланъ-беомъ и его союзниками, черкесами. Привыкшіе къ партизанской войнѣ, которую они постоянно вели съ русскими по всей кубанской линіи и въ Кабардѣ, хищники и тати отъ колыхбелы, черкесы, подобно дикимъ звѣрямъ въ лѣсу, умѣли пользоваться всякимъ прикрытіемъ, скрываясь то подъ кустами боярышника и шиповника, то въ непролазныхъ колючкахъ, то за камнями, и, невидимые до послѣдней минуты, безъ промаха поражали намѣченную жертву. Такъ было и на этотъ разъ. Мингрельцы шли осторожно, зорко высматривая врага, но кругомъ царилъ мертвая тишина. Слышны были только ритмическіе набѣги морского прибоя у берега да жалобные крики чаекъ. Лѣсъ торжественно молчалъ, сбрасывая съ себя послѣдніе пожелтѣвшіе листья. До Кодора оставалось всего версты три-четыре, а непріятеля и не слышно.

Вдругъ задолбилъ дятель о сухую кору стараго дерева: разъ-два-три, — и съ послѣднимъ ударомъ дятла мертвый лѣсъ ожилъ. Грануль оглушительный ружейный залпъ. Ряды мингрельцевъ дрогнули. Кто безъ стона валился съ лошади; другой въ ужасѣ, коснѣющими пальцами, цѣплялся за гриву лошади; тамъ воздухъ пронзывали предсмертные вопли. А лѣсъ и кусты опять замерли въ своей торжественной тишинѣ. Только бѣловатая струйка дыма, уносимая морскимъ вѣтеркомъ въ горы, быстро таяла въ воздухѣ. А невидимаго врага

нѣтъ! Послѣдовалъ вторичный стукъ дятла о дерево—и грануль второй залпъ. Мингрельцы съ дикимъ воемъ бросились впередъ, не думая о своихъ раненыхъ и мертвыхъ. Но лошади путались въ колючкахъ, бились среди непролазныхъ зарослей. А невидимый врагъ все поражалъ. Уже убито было нѣсколько князей, дворянъ, джигитовъ. Лошади, освобожденные отъ убитыхъ и свалившихся на землю всадниковъ, какъ безумныя, кружились, ища своихъ мертвыхъ господъ и разстраивая ряды своихъ же мингрельцевъ. Стоны раненыхъ и умирающихъ, въ страшномъ диссонансѣ, сливались со ржаніемъ обезумѣвшихъ лошадей и проклятіями нападающихъ. Лѣвый флангъ мингрельцевъ, двигавшійся берегомъ моря, наткнулся на завалы, изъ-за которыхъ посыпался на него градъ пуль.

— О, дьяволы! — стиснувъ зубы, прохрипѣлъ князь Дадіанъ, обращаясь къ ближайшимъ начальникамъ ополченія: — надо выждать пѣхотинцевъ: безъ пѣхоты намъ не внять заваловъ.

— Хоть бы они показались, шайтаны! — выругался другой князь: — ни одного не видать — стрѣляютъ кусты да колючки.

— Подавайте отбой! — скомандовалъ Дадіанъ: — пождемъ Горчакова и Абхазова.

Чья-то лошадь безъ всадника, подъ богатымъ чепракомъ съ золотыми кистями, неслась прямо на завалы. Золотыя кисти чепрака были въ крови. Лошадь жалобно ржала, точно маленькій жеребенокъ, потерявшій мать. Ее встрѣтила пуля изъ-за завала. Бѣдное животное дрогнуло, растерянно оглянулось, и съ какимъ-то неестественнымъ визгомъ, почти съ дѣтскимъ плачемъ, рину-

дось впередъ и упало на переднія ноги, словно кланяясь своимъ убійцамъ.

— О, подлецы! — погрозили обнаженной саблей Дадіанъ: — убивать невинное животное!

Между тѣмъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ, мингрельцы отступали, выходя изъ пространства непріятельскихъ выстрѣловъ. Море, какъ бы разбуженное и разсерженное выстрѣлами, къ вечеру стало бушевать, посылая на берегъ ударъ за ударомъ. Лѣсъ вторилъ морю, глухо шумя гибкими вершинами и оголенными отъ листьевъ вѣтвями. Въ порывахъ юго-восточнаго вѣтра доносилось до слуха что-то въ родѣ далекой пѣсни.

— Это бѣлевцы поютъ, — сказала Дадіанъ, прислушиваясь. — Горчаковъ въ походѣ всегда развлекаетъ и подбодряетъ своихъ солдатъ пѣсенниками. Я и пѣсню ихъ узнаю:

Они билися, рубилися четырнадцать часовъ,
На пятнадцатомъ часу стали тѣла разбирать...

— И отлично, — замѣтилъ другой князь: — мы сегодня же къ ночи покончимъ съ подлецами.

Отдавъ кой-какія приказанія, князь Дадіанъ, увѣренный, что непріятель до его возвращенія не рѣшится выйти изъ засады и сдѣлать открытое нападеніе, съ нѣсколькими джигитами поскакалъ навстрѣчу отряду князя Горчакова, чтобъ сообщить ему о своей неудачной попыткѣ выбить врага изъ засады.

Пѣніе слышалось все явственнѣе и явственнѣе.

— Ну, подлецы! — показалъ рукой на завалы одинъ молоденькій мингрельскій князь: — только бы ихъ пѣніе не испугало. А то убѣгутъ мерзавцы.

— Нѣтъ, князь, изъ-за заваловъ не убѣгутъ, покуда ихъ оттуда штыками не выбьютъ, — замѣтилъ его дядька, старый нукеръ. — И то хорошо, что вѣтеръ поднялся.

— А что, старина? — спросилъ молодой князь.

— А какъ же, князюшка: отъ вѣтру лѣсъ шумить, море шумить, кусты шумать — шайтаны и не слышать, какъ русскіе стрѣлки, точно кошки къ мышамъ, подберутся къ нимъ по кустамъ да въ густой травѣ. Это не то, что мы на лошадахъ: самая выгодная мишень для шайтановъ. Только бы ихъ выбить изъ колючекъ, а тамъ ужъ мы ихъ саблями искрошимъ, а въ завалахъ штыкъ свое дѣло сдѣлаетъ. У русскихъ есть даже пословица: пуля глупа, а штыкъ уменъ.

— Пуля дура, штыкъ молодецъ, старина! — засмѣялся молодой князь.

Въ это время, мимо разговаривающихъ пронесли одного убитаго. Онъ лежалъ на буркѣ, какъ на носилкахъ. Блѣдное безъ кровинки лицо его обращено было къ небу.

— Князь Пайчадзе, — тихо сказалъ молодой князь, снимая папаху и набожно крестясь: — смерть героя!

— Я видѣлъ, какъ его бѣдная лошадь искала своего господина и жалобно ржала, — сказалъ старый нукеръ: — она неслась прямо на завалы, точно искала смерти.

— И нашла ее — я самъ видѣлъ, — добавилъ молодой князь: — такъ и поклонилась своимъ убійцамъ.

Въ это время медленно подходилъ отрядъ Горчакова.

XI.

Такъ какъ послѣдній переходъ былъ не великъ и солдаты совсѣмъ не утомились, то Горчаковъ далъ имъ непродолжительный роздыхъ, чтобъ приготовиться къ атакѣ заваловъ Арсланъ-бей.

— Ну, что, старина? — обратился Горчаковъ къ старому Сукачу, обходя группы сидѣвшихъ и лежавшихъ солдатиковъ:—не утомился за дорогу?

Онъ любилъ разговаривать и шутить со старикомъ, зная, какое огромное вліяніе онъ имѣетъ на весь отрядъ. За Сукачемъ солдатики полѣзутъ въ огонь и въ воду, лишь бы не выдать «дядю».

— Какая утома, ваше сіятельство,—отвѣчалъ старикъ, — это все единственно, что по грибы ходить. Мы и Аршавъ-городъ брали да и то не уставали. А эти черкесишки—мухино отродье: только жужжать да по кустамъ хоронятся.

— Нѣтъ, вонъ какой каменный огородъ нагородили,—сказалъ князь, указывая на виднѣвшіеся издали завалы.

— Мы живой рукой разгородимъ.

— Спасибо, спасибо: съ такими молодцами весело служить.

Послѣднія слова Горчакова привели въ восторгъ солдатиковъ:—они ими радовались, какъ дѣти, получившія по прыжку. Шутка ли—«съ нами служить!» Послѣ ко-

роткаго роздыха, отданъ былъ приказъ: на правомъ флангѣ стрѣлки должны выбить непріятеля изъ кустарниковъ и колючекъ, а потомъ преслѣдовать на открытомъ воздухѣ; центръ и лѣвый флангъ должны идти на завалы. Стрѣлки тотчасъ же разсыпались и, прикрываясь травой и посохшимъ бурьяномъ, котораго было достаточно, какъ кошки, поползли впередъ. Кое-гдѣ только видно было, какъ шевелилась трава, да тамъ и сямъ хрустѣлъ бурьянъ. Бѣлевцы же и двѣ роты мингрельскаго полка открыто пошли на завалы. Мало того, вспомянувъ, какъ онъ когда-то съ Суворовымъ бралъ «Аршавъ-городъ», Сукачевъ мигнулъ своему пріятелю, рябому запѣвалѣ Кудряшеву, и послѣдній выкрикнулъ:—«братцы, аршавскую! — поддержите!» И тотчасъ хоръ грянулъ на ходу:

Ахъ, на что было огородъ городить!

Ахъ, на что было капусту садить!

Вѣроятно, раздраженные этой дерзкой и обидной выходкой, засѣвшіе за завалами не выдержали пѣнія и, не давъ наступающимъ приблизиться на вѣрный выстрѣлъ, произвели залпъ слишкомъ поспѣшно и неудачно, почти никого не ранивъ. Этимъ воспользовались наступающіе и съ крикомъ «ура» стремительно бросились на завалы. Перескочить черезъ баррикады камней и бревенъ достаточно было нѣсколькихъ минутъ,—и завалы были взяты. Началась штыковая работа, противъ которой горцы всегда безсильны. Слышно было звяканье шашекъ о ружейные стволы и штыки, да иногда возгласы:—«вотъ тебѣ!»—«нна!»—а потомъ стоны и проклятія. Стрѣлки въ свою очередь овладѣвали кустарниками, и теперь конные мин-

гральцы съ Дадіаномъ, а горсть вѣрныхъ абхазцевъ, съ юнымъ Михаиломъ Шервашидзе во главѣ, ринулись на выбитыхъ изъ кустарниковъ и жолочекъ пересовъ.

Юный Шервашидзе былъ неузнаваемъ. Этотъ мальчишкѣ, не понимая опасности, не подозревая, что играетъ со смертью, гикалъ своимъ еще невыполнѣ сформировавшимся голосомъ, рубилъ направо и налево, топталъ кономъ. Приверженцы Арсланъ-бея не выдержали такого быстрого натиска и обратились въ бѣгство. Самъ онъ тоже бѣжалъ, не успѣвъ даже захватить съ собой тѣло убитаго около него юноши — его любимаго пажы. Мингрельцы, метя за убитыхъ, при первомъ наступленіи, своихъ князей и джигитовъ, не щадили убѣгавшихъ. Еще солнце не успѣло погрузиться въ море, какъ бой уже кончился. Юный Шервашидзе съ лицомъ, покрытымъ потомъ, съ раскраснѣвшимися щеками и глазами, горѣвшими торжествомъ, подскакалъ къ старшему брату и преклонилъ предъ нимъ свою окровавленную шапку.

— Поздравляю съ первою и полною побѣдою владѣтеля Абхазіи! — торжественно произнесъ онъ.

Князь Дмитрій, снявъ съ головы папаху, набожно перекрестился. По щекамъ его текли радостныя слезы. — «Это Варина счастье», — трепетало у него въ груди: — «это она вымолила побѣду». Подбѣжалъ Горчаковъ и горячо обнялъ младшаго Шервашидзе.

— Спасибо, мой мальчикъ! — растроганно сказалъ онъ: — вы сражались, какъ герой... Считайте за мною Георгія — вы заслужили его.

Въ это время старый Сукачевъ, его рабой пріятель и двое другихъ солдатъ, скрестивъ ружья, на которыхъ

наброшена была покинутая кѣмъ-то въ бою бурка, несли убитаго молодого офицера, князя Бebutова.

— Бѣдный Бebutовъ! — сказали, подѣвжая къ носилкамъ, Горчаковъ:— онъ тоже искалъ Георгія.

Князь Абхазовъ съ княземъ Дадіановъ распорядились уборкою убитыхъ и раненыхъ. Раненыхъ усердно, — чтобъ успѣть до ночи, — перевязывалъ молодой докторъ Булатъ-Аліевъ съ своими помощниками, а старенькій мингрельскій попикъ отпѣвалъ убитыхъ.

Подшли къ отпѣваемымъ Горчаковъ, оба Шерванидзе, Дадіанъ, Абхазовъ.

— «Види мя безгласна и бездыханна», — продолжалъ батюшка коды умолкающій къ ночи ропотъ моря; а дымокъ кадильный все поднимался къ небу и таялъ. Дмитрій Шерванидзе стоялъ на колѣняхъ и плакалъ тихими слезами... За него умерли эти мученики, за него и — за Варю... Отпѣваніе кончилось. Пошли къ раненымъ. Въ это время, туда же подѣхалъ кубанецъ Буркинъ, держа на рукахъ, словно ребенка, какого-то раненаго.

— Что это у тебя? — спросилъ Горчаковъ.

— Не знаю, что, ваше сіятельство, — только оно пищеть, — отвѣчалъ кубанецъ, слѣвая съ коня съ своею ношей.

На рукахъ у него оказался прелестный мальчикъ, на видъ лѣтъ двѣнадцати, съ роскошными золотистыми волосами, волною разметавшимися по плечамъ. На блѣдномъ личикѣ, казалось, лежала печать смерти. Богатая чуха, обшитая золотомъ, ярко-зеленые шальварцы съ позуменгами, крошечныя ножки въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ изящными серебряными шпорами, кинжалъ и шапка, обсыпанные бирюзой и изумрудами, — все говорило о знатности и богатствѣ мальчика.

Вдругъ онъ открылъ глаза со слабымъ стономъ. Что это были за глаза! — большіе, какъ окна, и ясные, ясные, какъ у ребенка.

— Оно пицало что-то тамъ, звало все Арслана, — пояснилъ Буркинъ, кладя осторожно свою ногу на разостланную бурку.

Подожель докторъ. Его поразила красота раненаго.

— Бѣдный ребенокъ, — прошепталъ онъ, нагибаясь къ нему: — у него рана на правой сторонѣ груди.

Онъ быстро, но осторожно, даже нѣжно, сталъ разстегивать чуху, распустивъ совсѣмъ поясъ. Раненый опять открылъ глаза.

— Не надо, не надо! дайте мнѣ умереть, — простоналъ онъ по турецки.

— Ну, вѣтъ, мой мальчикъ, — ты такой мелоденькій и такой хорошенькій — тебя надо спасти, — говорилъ докторъ, раскрывая грудь раненаго, — и вдругъ остолбенѣлъ.

— Да это не мальчикъ, — пробормиталъ онъ растерянно: — это дѣвочка... женщина...

Изъ-за раскрытой чухи и бѣлой тонкой сорочки глянули женскія груди... Всѣ были поражены и стояли въ изумленіи. Нѣсколько выше и правѣ праваго соска видна была трехгранная штыковая рана, изъ которой сочилась алая кровь. Руки у доктора дрожали, когда онъ съ помощью фельдшера перевязывалъ рану.

— Кажется, кость не повреждена, — тихо говорилъ онъ, какъ бы боясь разбудить потерявшую сознание раненую: — штыкъ скользнулъ — это рана не смертельная.

— Но что за красота! — прошепталъ Горчаковъ.

— Да, поразительная, — согласился князь Абхазовъ.

Раненую перевязали и осторожно прикрыли ей грудь.

сорочкою и чухой. Въ это время подошелъ старый Сукать.

— А! вонъ онъ гдѣ, — удивленно проворчалъ старикъ. — Этотъ чертенокъ чуть мнѣ голову не снесъ шапкой, да я во-время его укололъ маленько... Ишь дьяволенокъ!

— Такъ это ты ее угостилъ, старина? — удивился Горчаковъ. — Маху далъ, дружище: — вѣдь это дѣвочка.

— Какъ дѣвочка? — изумился опеломленный старикъ: — а вѣдь, дьяволенокъ, чуть-чуть не зарубила меня... А теперь сомлѣла... Это, ваше сіятельство, должно быть, ихняя вѣдьма.

— Аллахъ керимъ! да вѣдь это Эсма-ханумъ! — раздался свадн чей-то возгласъ.

То былъ Урусъ Лаквари. Лицо его выражало крайній испугъ. — «Неужели убита?» — бормоталъ онъ растерянно. — «Ахъ, Эсма-ханумъ, Эсма-ханумъ!»

— Кто же она такая, ата Эсма-ханумъ? — спросилъ Горчаковъ.

— Ахъ, господинъ! Эсма-ханумъ — жена Арсланъ-бея, дочь Кучукъ-бея, что былъ въ Потн сердаремъ, — отвѣчалъ Лаквари: — я ее зналъ еще ребенкомъ...

— Такъ вотъ она, красавица Эсма-ханумъ, — съ удивленіемъ воскликнулъ младшій Шервашидзе: — дѣйствительно, красавица! Изъ-за нея погибла Дада, о которой и теперь всѣ въ Абхазіи вспоминаютъ.

Раненая открыла свои прелестные глаза, и снова съ ужасомъ закрыла ихъ, чуть слышно шепча со стономъ: — «Арсланъ... Арсланъ».

Доктору стало жаль этого прелестнаго существа. — Не отчаявайтесь, ханумъ, — сказалъ онъ по турецки, нагдба-

ась къ личику раненой:—Арсланъ-бей живъ... Онъ уда-
лился въ горы... Выздоровливайте поскорѣй, и мы васъ
отправимъ къ нему...

При этихъ словахъ, раненая открыла глаза и съ нѣж-
ной благодарностью посмотрѣла на доктора. — «Аллахъ воз-
наградить васъ за вашу доброту», — чуть слышно прошеп-
тала она.

Всѣ были очарованы прекрасной турчанкой, и Горча-
ковъ просилъ доктора особенно позаботиться о ней. Бу-
латъ-Аліева нечего было просить объ этомъ: — красота
пациентки сразу покорила его пылкое восточное сердце.
Такимъ же нѣжнымъ чувствомъ къ ней воспламенился и
младшій Шервашидзе. Онъ притащилъ откуда-то неболь-
шую кожаную подушку и съ нѣжностью сестры мило-
сердія подложилъ ее подъ голову прелестной плѣнницы.

— Почтительный племянничекъ такъ мило ухаживаетъ
за хорошенькой тетенькой, — съ улыбкой замѣтилъ Гор-
чаковъ, обращаясь къ старшему Шервашидзе: — трогатель-
но видѣть такое теплое проявленіе родственныхъ чувствъ.

Это услышалъ Абхазовъ и засмѣялся. Димитрій же
Шервашидзе мысленно сравнивалъ красоту этой турчанки
съ красотою своей Вари, и хотя находилъ, что красота
первой просто ослѣпляетъ, однако сердце его отдавало
предпочтеніе послѣдней. На горы и на море, между
тѣмъ, спустилась ночь, и по всему берегу запылали
костры. Это была роскошная иллюминація, зарево кото-
рой видно было даже въ Кодорѣ. Въ костры валили цѣ-
лыя деревья и толстыя колоды, изъ которыхъ были
устроены завалы. Горчаковъ велѣлъ сжечь ихъ, чтобъ
и на будущее время непріятель не могъ пользоваться
этимъ прикрытіемъ.

— Ну какъ твои зубы? — лукаво спрашивалъ старый Сукачъ своего пріятеля, рябого Кудряшова, присаживаясь къ костру и закуривая свою носогрѣйку.

— Зубы какъ рукой сняло, — весело отвѣчалъ Кудряшъ: — и кобылей головы не надо.

XII.

Ночь прошла почти безъ тревогъ. Хотя въ темнотѣ черкесы и абхазцы нѣсколько разъ пытались подрасться къ спящему лагерю, однако сторожевая цѣпь, очень плотная и часто мѣнявшаяся, зорко слѣдила за всѣмъ и чутко прислушивалась ко всякому подозрительному шороху. Притомъ же полная луна, обливая молочнымъ свѣтомъ всѣ предметы, помогала часовымъ видѣть малѣйшія измѣненія тѣней на далекое разстояніе.

Эсма-ханумъ, отъ которой почти не отходилъ влюбленный въ нее Булатъ-Аліевъ, послѣ приема успокоительнаго лѣкарства, провела ночь довольно спокойно, и лихорадочное состояніе ея, послѣ непродолжительнаго, но крѣпкаго сна, совершенно прошло. Это окончательно убѣдило доктора, что нанесенная ей рана была изъ легкихъ, и поселило въ немъ успокоительную увѣренность, что его пациентка скоро поправится. Къ ней также часто навѣдывался и Урусъ Лаквари, которому она даже видимо обрадовалась, когда, проснувшись, увидѣла его вмѣстѣ съ докторомъ.

— Я очень радъ, что вамъ значительно лучше, милая ханумъ, — сказалъ Булатъ-Аліевъ, щупая пульсъ своей больной собственно только для того, чтобы прикоснуться къ ея ручкѣ. — И будьте покойны, ханумъ, васъ никто у русскихъ не обидитъ: — они не только съ ранеными,

но и съ военноплѣнными обращаются великодушно. А съ вами, какъ съ женщиной, будутъ обращаться особенно предупредительно.

— Я не боюсь русскихъ,—отвѣчала Эсма-ханумъ,— они такіе добрые; они разъ спасли меня даже отъ смерти.

— Когда это было?—спросилъ докторъ.

— Это было давно... Я обречена была на явную смерть—утонуть въ морѣ,—и русскіе спасли меня.

И она разсказала извѣстное уже намъ приключеніе, когда ревнивая Дада хотѣла утопить ее.

Скоро, съ восходомъ солнца, какъ русскія, такъ и мингрельскія войска двинулись къ Кодору. Эсма-ханумъ и другихъ раненыхъ удобно уложили по арбамъ, запряженнымъ буйволами. Такъ какъ всѣ власти утромъ приходили освѣдомляться о здоровьѣ жены Арсланъ-бея, и въ особенности увивался около нея младшій Шервапидзе, то Урусъ Лаквари, съ цѣлью-ли угодить брату владѣтеля Абхазіи, или по личному побужденію, вызвался самъ управлять арбою, на которую уложили молоденькую турчанку.

Русскій отрядъ и на этотъ разъ подвигался къ Кодору, предшествуемый пѣсенниками, которые молодецки отхватывали любимую полковую пѣсню:

Какъ не пылъ въ полѣ пылить, не добровушка шумить,—
Прусакъ съ арміей валить...

Еще наканунѣ княгиня Тамара узнала, что недалеко отъ Кодора произошло сраженіе, что русскіе разбили скопища Арсланъ-бея и что съ отрядомъ русскихъ идетъ ея сынъ Димитрій. Можно себѣ представить тревогу и радость матери. Наканунѣ, когда она только что узнала о завязавшейся битвѣ, она все время не вставала съ ко-

лѣнь: — она молилась за сыновей, и въ особенности за старшаго. Потомъ княгиня узнала, что Арсланъ-бей разбить, — и снова молилась и плакала благодарными слезами. Такъ она и не спала всю ночь. Теперь, стоя на башнѣ, словно Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, она слышала уже долетавшее до нея пѣніе; различала даже слова...

Понятно, что глаза ея не отрывались отъ приближавшихся къ Кодору отрядовъ. Она не слыхала даже, какъ на башнѣ за нею очутился старый нукеръ, учившій когда-то верховой ѣздѣ ея первенца Димитрія. Въ приближающихся массахъ она жадно искала глазами именно этого первенца. Но какъ отличить его среди другихъ? Тутъ даже и материнское сердце не подскажетъ. Да и глаза она выплакала за всѣ эти тяжелые годы.

— Матушка княгиня! я вижу его... Вонъ онъ, вонъ онъ! — вдругъ воскликнулъ старый нукеръ, такъ что Тамара отъ неожиданности вздрогнула.

— Гдѣ? гдѣ? — заволновалась она: — покажи!.. О Господи!

— Вонъ рядомъ съ княземъ Михаиломъ... эполеты блестятъ на солнцѣ... Какой красавецъ!

— О, Господи, Господи! и я не смѣю его обнять! — залилась слезами княгиня. — Бѣги, бѣги сейчасъ, Галибушка, и скажи ему, чтобы онъ не входилъ ко мнѣ... Скажи ему, — я дала страшную клятву на крестѣ и Евангелии — не принимать его, не сношаться съ русскими и съ нимъ... Бѣги, бѣги!..

Галибъ спѣшилъ исполнить приказаніе своей госпожи. Онъ выбѣжалъ навстрѣчу своимъ, приближавшимся вмѣстѣ мордовцевъ. прометеево потомство.

съ Горчаковымъ и Абхазовымъ, молодымъ господамъ я, подойду къ Дмитрію, прильнуль губами къ его стремени.

— Что это? что это?—удивился князь.

— Да это нашъ Галибъ,—засмѣялся младшій Шервашидзе.—Онъ отъ радости съ ума сошелъ. Развѣ ты не узналъ старину?

Галибъ, между тѣмъ, выпрямился. Глаза его блестяще блестѣли воодушевленіемъ и радостью.

— Батюшка князь! ваша свѣтлость!—началъ онъ прерывающимся голосомъ. — Матушка княгиня... вонъ она тамъ на башнѣ... приказала сказать тебѣ, чтобы ты не ходилъ къ ней... Она на крестѣ и Евангеліи поклялась страшною клятвой...

— Знаю, знаю, милый Галибъ,—перебилъ его князь Дмитрій.

— Не бойся, старина, — улыбнулся Горчаковъ, — у насъ есть тоже Евангеліе, и крестъ есть, и священникъ, которому дана власть разрѣшать отъ клятвы... Попросите сюда батюшку съ крестомъ и Евангеліемъ, — обратился онъ къ своему адъютанту.—А ты, старина, поди доложи отъ меня ея свѣтлости, княгинѣ Тамарѣ, что я, князь Горчаковъ, по повелѣнію государя императора, посланъ сюда съ войскомъ, чтобы ввести полковника князя Дмитрія Георгіевича Шервашидзе, ея старшаго сына, во владѣніе наслѣдіемъ его предковъ — Абхазіею. Доложи княгинѣ, что, пока не снята съ нея клятва, ни сынъ ея, князь Дмитрій, и никто изъ русскихъ не будутъ къ ней допущены. Пусть будетъ покойна — мы ея присяги не нарушимъ. Но она должна принять только служителя церкви, нашего полкового священника, — и онъ совершитъ обрядъ разрѣшенія клятвы. Ступай, старина. — Галибъ

ушелъ. Скоро явился и священникъ въ сопровожденіи стараго унтеръ-офицера, замѣнявшаго дьячка, который держалъ въ рукахъ узелъ съ крестомъ и Евангелиемъ и священническимъ облаченіемъ.

— Батюшка, — сказалъ Горчаковъ, — потрудитесь пройти во дворецъ ея свѣтлости, княгини Тамары, и совершите надъ нею обрядъ разрѣшенія ея отъ клятвы, данной ею, по принужденію отцеубійцы и злодѣя Арсланъ-бея, относительно того, что она никогда не должна входить въ сношенія съ русскими, а слѣдовательно и съ сыномъ своимъ, княземъ Димитріемъ Георгіевичемъ. Поняли, батюшка?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Такъ идите же. Мы будемъ ждать вашего возвращенія.

Княгиня встрѣтила священника сильно взволнованная. Батюшка, помолившись на образъ Спасителя, висѣвшій въ переднемъ углу небольшой залы, и поклонившись молча ховаякѣ, попросилъ ее приказать принести воды для омовенія рукъ предъ облаченіемъ. Княгиня, боясь произнести слово, чтобы не нарушить клятву, знакомъ приказала стоявшему у двери Галибу исполнить требованіе священника. Унтеръ-офицеръ, между тѣмъ, развязалъ узелъ и, вынувъ оттуда распятіе, Евангеліе и священническое облаченіе, разложилъ все это на столѣ, стоявшемъ у окна. Воротился и Галибъ съ серебрянымъ рукомошкой, тазомъ и полотенцемъ. Тазъ взялъ унтеръ-офицеръ и держалъ, пока Галибъ обливалъ водой морщинистыя и поросшія волосами руки батюшки. Тогда послѣдній началъ облачатся согласно церковному уставу. Сначала унтеръ-офицеръ подаль ему епитрахиль. Надѣвая ее на себя,

священникъ тихонько читалъ 2-й стихъ псалма СXXXII: «Яко муро на главѣ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ ему подали поручи, поясъ и фелонь. Надѣвая послѣднюю, священникъ снова читалъ, положенный по уставу, стихъ псалма СXXXI: «Священницы твои облечутся правдою и преподавніи твои возрадуются». Послѣ этого, онъ вновь умылъ руки, читая шопотомъ изъ псалма XXV: «Умыю въ не повинныхъ руцѣ мои, и обыду жертвенникъ твой, Господи». Окончивъ омовеніе рукъ, священникъ подошелъ къ стоявшей въ благоговѣніи княгинѣ, накрылъ ея наклоненную голову епитрахилью и, взявъ отъ служителя Евангеліе, сталъ читать разрѣшительную молитву, по окончаніи которой осѣнили трепещущую Тамару крестомъ, велѣлъ ей приложиться къ распятію и къ Евангелію, и сказалъ: — «Господь разрѣшилъ васъ отъ клятвы вынужденной—нѣтъ болѣе на васъ клятвы».

Княгиня плакала. Плакалъ и Галибъ. Когда священникъ простился съ княгиней, она, наскоро утеревъ слезы и стараясь побѣдить охватившее ее волненіе, съ какою-то робостью пошла навстрѣчу къ тому, котораго столько лѣтъ ждала напрасно. Онъ тоже шелъ къ ней навстрѣчу впереди всѣхъ. При видѣ сына, котораго она иначе не могла себѣ представить, какъ въ видѣ семи-восьмилѣтняго ребенка, котораго она, болѣе одиннадцати лѣтъ тому назадъ, держала въ своихъ объятіяхъ, — она окончательно оробѣла. Къ ней приближался высокій, красивый офицеръ мужественной наружности, съ блестящими «жирными» зполетами. Это не онъ, не тотъ ея милый мальчикъ, а совершенно другой, точно совсѣмъ посторонній! Какъ этого новаго, посторонняго мужчину, прижать къ

груди, обнимать, цѣловать? Въ ней, казалось, пробудилась женская стыдливость:—исчезла мать, осталась только женщина. Ну, какъ обнять вонъ того, такого важнаго, что впереди всѣхъ? То князь Горчаковъ. Какъ обнять его, броситься къ нему на шею? Какъ броситься въ объятія и къ этому мужчинѣ, который, говорятъ,—да она и сама это знаетъ,—ея сынъ! Вся иллюзія ожиданія пропала... Но онъ самъ обнялъ ее... «Матушка!.. Мама дорогая!..»

Да, это онъ, ея сынъ... только не тотъ, а совершенно новый... И она не смѣетъ ласкать его такъ, какъ тогда ласкала... То былъ не мужчина, а только сынъ, и она тогда была не женщина, а только мать... Даже сказать ему: «Митя» — какъ-то неловко... Кое-какъ она, однако, побѣдила свое волненіе, но свиданіе вышло какое-то холодное, официальное. Не того она ожидала болѣе одиннадцати лѣтъ. Также церемонно она поздоровалась съ Горчаковымъ, Дадіаномъ, Абхазовымъ и другими офицерами, — и пригласила всѣхъ къ себѣ въ домъ: — «сдѣлать ей честь—закусить, чѣмъ Богъ послалъ».

— Послушай, старушка божья,—обратился съ лукавой улыбкой къ княгинѣ ея младшій сынъ Михайлъ, поймавъ ее, когда она отдавала Галибу и другимъ слугамъ приказанія относительно угощенія Горчакова и другихъ:—вѣдь ты маху дала.

Избалованный матерью любимецъ, юный князь Михайлъ въ шутку называлъ княгиню то «старухой», то «старушкой божьей».

— Какого маху?—спросила княгиня.

— Да ты не догадалась пригласить самую почетную нашу гостью.

— Гостью?—удивилась Тамара.—Какую это?

— А владѣтельница Абхазіи,—продолжалъ улыбаться Михаилъ.

— Да что ты за вздоръ мелешь, повѣса?

— Ахъ, старуха! вовсе не вздоръ. Кто до сихъ поръ владѣль Абхазіею и даже тобою?.. Я не говорю: обладалъ тобою, а просто владѣль—заперъ тебя въ Кодорѣ да еще и присягнуть заставилъ,—кто?

— Ну, Арсланъ, разбойникъ, злодѣй, отцеубійца...

— То-то же... Онъ еще и по сіе время владѣтель Абхазіи, хоть мы вчера его и поколотили. А жена его, значить, владѣтельница.

— Такъ что-жъ изъ этого?

— Ахъ, старуха, старуха! да ты ее-то и не пригласила.

Княгиня махнула рукой и хотѣла уйти отъ повѣсы, но тотъ удержалъ ее за руку.

— Да ты пойми, старушка божья, — вѣдь она, его жена, прелестная Эсма-ханумъ,—у насъ... Мы ее веземъ съ собой... Я сейчасъ къ ней бѣгалъ — любоваться ея глазками:—вѣдь она мнѣ тетенька, а тебѣ—свояченица, что-ли, или золовка.

— Да ты что это говоришь, Миша? Дурачишь меня?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, я говорю серьезно: вчера мы ее, раненую, взяли въ плѣнъ, и теперь она у насъ въ обовѣ. Вотъ ее-то вы и не пригласили закусить чѣмъ Богъ послалъ.

XIII.

Когда княгиня Тамара убѣдилась, что сынъ ея говоритъ серьезно, она пришла въ крайнее смущеніе. Кто бы ни была Эсма-ханумъ, но она—почетная особа, хоть и жена злодѣя и отцеубійцы; она не отвѣтчица за преступленія мужа. Кромѣ того, она изъ знатнаго рода, дочь турецкаго сановника, и ее нельзя держать въ обовѣ вмѣстѣ съ солдатами. Ей, княгинѣ Тamarѣ, подсказывало это ея женское чувство. Она видѣла эту молоденькую, хорошенькую женщину, болѣе похожую на дѣвочку, съ огромными глазами. Она, Эсма-ханумъ, была съ мужемъ въ Кодорѣ, когда Арсланъ-бей принудилъ Тамару дать ему возмутительную клятву. Княгиня вышла къ гостямъ, еще не оправившись отъ смущенія.

— Извините, князь, — сказала она, обращаясь къ Горчакову: — я узнала отъ сына, что у васъ въ обовѣ находится раненая жена Арсланъ-бея.

— Мнѣ сейчасъ доложили, княгиня, что Эсма-ханумъ почти совсѣмъ оправилась отъ раны, — отвѣчалъ Горчаковъ: — рана была легкая, и мнѣ кажется, что обовѣ — не ея мѣсто.

— И я такъ думаю, князь, — согласилась Тамара.

— Мы всѣ въ ней приняли сердечное участіе, — продолжалъ Горчаковъ. — Согласитесь, княгиня, что молоденькое существо заслуживаетъ участія: — изъ любви къ мужу

эта почти дѣвочка не отходила отъ него даже въ разгарѣ битвы—и ранена. Мы должны ее пожалѣть.

— Такъ я пойду приведу ее сюда, — поторопился младшій Шервашидзе, не думавшій, чтобы его заступничество за красавицу увѣнчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ. — Хоть она нѣсколько слаба еще, но ходить можетъ.

И, не ожидая согласія матери, онъ тотчасъ же побѣжалъ исполнять свое сердечное желаніе. Князь Горчаковъ улыбнулся.

— Вашъ младшій сынъ, княгиня, очень скоръ на рѣшенія, — сказалъ онъ: — вчера рѣшилъ быть героемъ, — и сдѣлался таковымъ. Позвольте, княгиня, отъ души поздравить васъ, — продолжалъ онъ: — князь Михаилъ показалъ вчера въ дѣлѣ чудеса храбрости и недаромъ заслужилъ Георгія.

— Да, — подтвердилъ князь Димитрій. — Миша просто поразилъ меня отчаянной храбростью: — я не ожидалъ этого отъ такого мальчика.

— О, Миша у меня головорѣзъ, — улыбнулась княгиня: — весь въ дѣдушку Келешъ-бека.

Абхазовъ и Дадіанъ съ своей стороны говорили, что юный князь беззавѣтно храбръ, и никого не хотѣлъ слушать, когда его останавливали и совѣтовали быть осторожнѣе.

— На всѣ наши уговоры, — добавилъ Дадіанъ, — князь Михаилъ отвѣчалъ: — «не мѣшайте мнѣ поцѣловать милаго дядюшку саблей», и все рвался туда, гдѣ видѣлся Арсланъ-бей съ своими братьями Баталь-беемъ и Таяръ-беемъ.

Въ это время воротился самъ юный герой. Онъ былъ видимо сконфуженъ.

— Она не идетъ — не рѣшается, какъ я ни упрашивалъ ее, — сказалъ онъ. — Говорить, что «вашей матушкѣ будетъ непріятно меня видѣть»... Такая упрямая!

— Кто тамъ съ нею? — спросила княгиня.

— Только докторъ Булатъ-Аліевъ да Урусъ Лаквари.

— Придется, вѣрно, мнѣ самой идти къ ней, — сказала княгиня. — Кстати и доктора надо пригласить, и священника... А у меня изъ головы вонъ батюшка... Я такъ растерялась отъ всего этого.

— Отлично! якши! — обрадовался младшій Шервашидзе: — пойдемъ вмѣстѣ за тетенькой... Да докторъ говоритъ, что ей нужно пережѣнить сорочку — ея сорочка запачкана кровью, а у него въ походномъ лазаретѣ — говоритъ — только нѣсколько грубыхъ солдатскихъ рубахъ... Возьми съ собою чистую сорочку и служанку, чтобъ переодѣть тетеньку; а я захвачу свою хорошенькую чуху, что мнѣ тогда подарила тетя Нина... Она совсѣмъ новенькая — я не носилъ ея — она мнѣ была мала, а Эсмаханумъ будетъ какъ разъ впору... ну, живѣй, старуха!

Всѣ невольно разсмѣялись, видя, какъ избалованный повѣса помыкаетъ матерью, которая ему во всемъ повиновалась.

— Однако, ты командуешь-таки матерью, — замѣтилъ старшій Шервашидзе.

— Что жъ! ты будешь командовать всей Абхазіей, а я хоть своей старухой, — отрѣзалъ младшій.

Все было исполнено такъ, какъ предназначталъ избалованный юноша. Черезъ полчаса воротилась княгиня Тамара вмѣстѣ съ Эсмаханумъ. Ихъ сопровождали свя-

щенникъ, докторъ Булатъ-Аліевъ и Михаилъ Шервашидзе. Эсма-ханумъ была нѣсколько блѣдна отъ потери крови; но это придавало ея красотѣ какую-то обаятельную томность, и глаза ея, «большіе, какъ окна въ рай», по выраженію Арсланъ-бея, казались еще больше и еще прелестнѣе. Докторъ говорилъ, что, судя по ничтожному количеству потерянной крови, рана ея была самая пустая—просто царапина отъ штыка, а что если она вчера потеряла сознание при полученіи раны, то единственно отъ испуга и волненія, и что женскій обморокъ—явленіе болѣе психическое.

Галибъ доложилъ, что кушанья поданы, и княгиня пригласила всѣхъ въ столовую. Младшій ея сынъ подошелъ къ Эсма-ханумъ и предложилъ ей руку, чтобы вести къ столу. Эсма-ханумъ при этомъ вспомнила что-то очень далекое... Да, это было тамъ, въ открытомъ морѣ. Она тонула, отчаянно цѣпляясь за багоръ, — ея послѣднюю надежду, — а влюбная Дада, удаляясь отъ нея на своемъ каякѣ, смѣялась злораднымъ смѣхомъ... И тогда спасли ее чужіе люди, русскіе моряки. Она на кораблѣ... Капитанъ и всѣ офицеры такъ съ нею ласковы, предупредительны... Ее ведутъ къ столу; капитанъ подаетъ ей свою руку, какъ вотъ теперь этотъ юный князь Михаилъ, родственникъ ея мужа... Тогда русскіе спасли ее отъ смерти и возвратили Арсланъ-бею... Можетъ быть, и теперь возвратятъ... А могли бы убить ее вчера... Тотъ страшный старый солдатъ со штыкомъ... Что-то кольнуло ее въ бокъ, и она потеряла сознание, потеряла и Арслана... Зачѣмъ же онъ не спасъ ея, когда самъ остался живъ? Неужели разлюбилъ? Неужели бѣжалъ отъ своей «гуріи», отъ своей «пери»? Не можетъ быть!

Около нея все происходило точно въ туманѣ. Что-то говорили, стучали ножами и вилками... Князь Михаилъ клалъ ей на тарелку кушанья, говорилъ что-то, ласково глядѣлъ ей въ глаза... А передъ нею все какой-то туманъ... въ головѣ туманъ... Развѣ опять обморокъ? Но у нея ничто не болитъ. Она даже не чувствуетъ, что у нея на боку рана.

Когда встали изъ-за стола, княгиня отвела Эсмаханумъ въ особую комнату, рядомъ съ своей спальней, и велѣла одной изъ довѣренныхъ женщинъ ходить за ней, пока сама княгиня будетъ занята приготовленіями къ выѣзду изъ Кодора. Здѣсь она уже не могла оставаться, и должна была вмѣстѣ съ сыновьями слѣдовать за войскомъ. Предстояло еще взять Сухумъ-Кале и Соуксу, и тогда уже ввести князя Димитрія во владѣніе Абхазію. Княгинѣ нужно было собрать и взять съ собою фамиліное серебро и другія драгоценности, какихъ не успѣлъ захватить Арсланъ-бей. Хлопотъ предстояло довольно, а между тѣмъ Горчаковъ торопилъ выступленіемъ изъ Кодора, чтобъ Арсланъ-бей не успѣлъ укрѣпиться въ Сухумѣ и вызвать туда турецкую эскадру. Между тѣмъ, у Горчакова не было въ распоряженіи ни одного военного судна и, за свирѣпствовавшими въ это время года бурями на Черномъ морѣ, нельзя было и думать о вызовѣ флотиліи и десанта изъ Крыма.

Занятая этими сборами, княгиня почти не видѣла своего старшаго сына, который постоянно находился около отряда, гдѣ его присутствіе было теперь положительно необходимо. Вѣсть о пораженіи Арсланъ-бея быстро разнеслась по всей Абхазіи, и многіе князья и дворяне, которые не принимали участія въ борьбѣ двухъ

партій за владычество въ странѣ, теперь спѣшили къ Кодору, чтобъ поздравить князя Димитрія съ возвращеніемъ на родину и заявить ему свою преданность. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые еще вчера находились въ рядахъ ополченія Арсланъ-бея и сражались съ русскимъ отрядомъ и мингрельскимъ ополченіемъ, спѣшили присоединиться къ побѣдителямъ. Князь Димитрій всѣхъ принималъ ласково, радушно, хотя не могъ не чувствовать при этомъ какой-то неловкости. Воспитанный въ Петербургѣ, онъ отвыкъ отъ мѣстныхъ обычаевъ, отъ мѣстнаго обхожденія, и самъ себѣ казался чужимъ среди своихъ князей и дворянъ.

Между тѣмъ, князь Михаилъ почти постоянно вертѣлся во дворцѣ:—то онъ мѣшалъ матери въ ея распоряженіяхъ, во все вмѣшиваясь и все путая, то сбивалъ съ толку прислугу, отдавая нелѣпыя приказанія и тотчасъ же отмѣняя ихъ. Въ сущности же эти сборы вовсе не занимали его. Были бы готовы его лошади, его любимое вооруженіе, а до остального ему не было дѣла — хоть трава не расти. Но во дворецъ его притягивалъ магнитъ:—въ одной изъ его комнатъ находилась очаровательная «тетенька». Поэтому онъ то и дѣло таскалъ съ собой доктора, чтобъ подъ его прикрытіемъ проскользнуть въ комнату тетеньки—навѣдаться о ея драгоценномъ здоровьѣ. Молодой докторъ и самъ былъ радъ придраться къ случаю — пощупать пульсъ своей чаровницы и посмотреть, какъ идетъ исцѣленіе раны на такомъ интересномъ мѣстѣ... ниже границы допускаемаго на балахъ декольта... Часто навѣдывался во дворецъ и Урусъ Лакваря, который, какъ довѣренное лицо князя Димитрія, имѣлъ всюду свобод-

ный доступъ, даже въ комнату Эсма-ханумъ. Однажды онъ явился къ ней, когда около нея никого не было.

— Ну, что, Урусъ, узналъ ты чтонибудь? — тихо спросила она.

— Господинъ твой здоровъ, ханумъ, благодареніе Аллаху, — отвѣчалъ абхазецъ. — Онъ радъ, что ханумъ, слава Аллаху, жива; а ужъ онъ отчаявался, что тебя и въ живыхъ нѣтъ. А все хитрый Тутшугъ...

— Какъ! отецъ Дады?

— Да, ханумъ: — онъ ненавидитъ тебя за смерть своей Дады... Я все узналъ... Я видѣлъ самого господина. Сегодня ночью я тайкомъ пробрался къ нему въ горы! Онъ говоритъ, что, когда русскіе ворвались на завалы и стали колоть всѣхъ, а тебя, ханумъ, отбѣснили отъ господина, и когда наши дрогнули и начали отступать, то Тутшугъ сказалъ господину, что тебя, ханумъ, старый русскій солдатъ закололъ штыкомъ до смерти и казакъ утащилъ твое тѣло къ генералу, чтобъ показать ему тебя и получить за это крестъ... Казаки — очень коварные люди.

— Что-жъ, Тутшугъ только ошибся, — возразила Эсма-ханумъ: — онъ, вѣроятно, видѣлъ, какъ старый солдатъ ударилъ меня штыкомъ, и я упала! Онъ и подумалъ, что я убита. А потомъ видѣлъ, какъ казакъ меня поднялъ и увезъ къ русскимъ. Я и сама это узнала только на другой день, когда успокоилась немного. Тутшугъ не солгалъ — онъ вѣрный слуга. А Дада сама зарѣзалась отъ стыда и горя. Что-жъ еще говорилъ тебѣ мой мужъ? — спросила она.

— Говорить, ханумъ, что поклялся бородой пророка —

да будетъ славно во вѣки его имя!—отнять тебя у урусовъ.

— А много у него войска? Черкесы съ нимъ?

— Съ нимъ, ханумъ; у него войска больше, чѣмъ у урусовъ.

— А князь Михаилъ хвастался мнѣ, что уже вчера многіе наши князья и дворяне передались на сторону его брата.

— Это передались трусы, ханумъ; а Баталь-бей, Ростомъ-бей, Таяръ-бей и лучшіе князья—всѣ остались вѣрны моему господину — да хранить его Аллахъ! Онъ не допуститъ урусовъ до Сухумъ-Кале. Бабѣ не владѣть Абхазіей!

— Это Тамарѣ?

— Нѣтъ, бабѣ Дмитрію. Я давно знаю, что онъ баба. Я его еще въ Петербургѣ раскусилъ и выплюнулъ. Онъ только и зналъ тамъ плясать. Его околдовала тамъ одна дѣвчонка—онъ не женится на абхазкѣ.

— Да? ты это вѣрно знаешь, Урусъ?—заинтересовалась Эсма, сгорая женскимъ любопытствомъ. — Кто она? хороша собой?

— Она княжна Гагарина, бѣлобрысая, какъ тамошнія ночи; на лошади ѣздитъ не верхомъ, а на подушкѣ съ крючкомъ спереди, и свѣшиваетъ обѣ ноги на одну сторону; а вмѣсто шальваръ на ней длинный черный хвостъ, который волочится по землѣ, и, еслибъ она не придерживала его рукой, то его весь оборвали бы на улицѣ.

Теперь Эсма-ханумъ поняла, почему старшій Шервашидзе не обращалъ на нее никакого вниманія, тогда какъ этотъ мальчишка, младшій, былъ отъ нея безъ ума. Она это очень хорошо видѣла, благодаря свойственной

женщинамъ наблюдательности. Докторъ также таялъ около нея. Да и всѣ они, и Герчаковъ, и Абхазовъ, и Дадіанъ, и всѣ мужчины—дураки, и къ смазливому личику льнуть, какъ осы къ меду.

Въ это время въ комнату вошла прислужница, и разговоръ прекратился.

XIV.

Когда всѣ приготовления къ отъѣзду были кончены, молодой повелитель Абхазіи, во главѣ русскихъ и мингрельскихъ войскъ, выступилъ къ Сухуму. На этотъ разъ его сопровождала мать со штатомъ придворныхъ служительницъ и нукеровъ. Эсма-ханумъ, совсѣмъ оправившаяся отъ раны, вмѣстѣ съ прочими, также слѣдовала въ обозѣ. Арбы, на которыхъ размѣщены были женщины и имущество дома Шервашидзе, были окружены особой охраной и слѣдовали въ центрѣ войскъ. Хотя разстояніе до Сухума было очень незначительно, однако и на этомъ разстояніи могли быть устроены засады, и потому войска двигались съ крайней осторожностью. И въ авангардѣ, и на правомъ флангѣ, со стороны горъ, и въ аррьергардѣ размѣщены были непрерывной цѣпью егеря и казаки.

Войска, отдохнувшія въ Кодорѣ, шли бодро и весело, предвидя скорое окончаніе похода. Князь Горчаковъ и Дмитрій Шервашидзе ѣхали постоянно рядомъ, разговаривая и вспоминая общихъ петербургскихъ знакомыхъ. Горчаковъ, между прочимъ, вспомнилъ Гагариныхъ.

— Вы бывали у нихъ?—спросилъ онъ князя Дмитрія.

Тотъ сильно покраснѣлъ, но скоро овладѣлъ собой.

— Да, я у нихъ былъ хорошо принятъ, — отвѣчалъ онъ:—очень милое семейство.

— У нихъ растеть красавица дочка, — сказалъ Горчаковъ. — Забылъ, какъ зовуть. Вѣроятно, теперь уже большая.

— Вы говорите, должно быть, о княжнѣ Варварѣ Павловнѣ, — отвѣчалъ молодой владѣтель Абхазіи не совсѣмъ твердымъ голосомъ. — Ей уже пятнадцатый годъ и она смотритъ совсѣмъ взрослой.

— Очень хороша? да?

— Да, хорошенькая, — неохотно отвѣчалъ князь Дмитрій.

— Я ее ужасно любилъ дразнить, — продолжалъ Горчаковъ. — Я увѣрялъ ее, что она, когда выростеть, должна будетъ выйти замужъ или за меня, или за молодого Голицына.

Имя Голицына такъ и передернуло молодого абхазца.

— Почему за Голицына? спросилъ онъ.

— А вотъ почему: — ее учили вышивать свой вензель на носовомъ платкѣ. Я подошелъ къ ней и спрашиваю: ты что это, маленькій варваръ, вышиваешь? — Свой вензель — говорить — букву Г. — Ну — говорю — быть тебѣ замужемъ за мной или за Голицынымъ. — Почему? — спрашиваетъ. — А потому — говорю — у какой дѣвицы какая буква въ вензелѣ, за такую букву она и выдетъ — значитъ за Г., т. е. за меня или за Голицына? — спрашиваю. — За Голицына пойду — у него попугай хорошо говорить... — Прелестная дѣвочка!

Этотъ пустой разговоръ, однако, ножомъ рѣзалъ сердце влюбленнаго абхазца. Голицынъ стоялъ у него на дорогѣ. Хотя, покидая Петербургъ, князь Дмитрій былъ увѣренъ, что Варя любитъ его: — онъ видѣлъ, какъ плакала она, прощаясь съ нимъ; она обѣщала, что, просыпаясь утромъ и ложась въ постель на ночь, она каждый день будетъ

крестить его по направленію къ Абхазіи; мало того, онъ указалъ ей на вартѣ и Сухумъ-Кале, и устье рѣки Кодора, и приблизительно то мѣсто, гдѣ находился аулъ Соуксу, чтобъ въ эти мѣста она посылала ему свое благословеніе и «вздохи своего сердца», какъ она выразилась;—однако, въ его отсутствіе, все могло случиться, и тотъ шаркунъ Голицынъ могъ вытѣснить его изъ сердца любимой дѣвушки. Она станетъ скучать... Они съ Голицынымъ будутъ вмѣстѣ кататься, вмѣстѣ отыскивать незабудки, ландыши, вмѣстѣ сидѣть на той ихъ скамейкѣ, на берегу тихой Славянки... А теперь, въ ноябрѣ, они на балахъ танцуютъ вмѣстѣ, онъ обхватываетъ ея нѣжный станъ, прижимаетъ къ себѣ... А мнимый женихъ сидитъ въ этихъ проклятыхъ горахъ!..

А между тѣмъ, съ праваго фланга несетъ заливчатая пѣсня кубанцевъ. Особенно выдѣляются цѣлѣпыя, но для кубанцевъ полныя поэзіи и отваги, слова въ голосъ Буркина:

Какъ стояли въ Усть-Лабунѣ,
 Пили водку, ѣли булки:—
 Ой, ну те, молодцы!
 Вы, храбрые кубанцы!
 Пили водку, ѣли булки:—
 Ъдетъ Кодарь ¹⁾ въ черной буркѣ...
 Ой, ну те, молодцы!
 Вы, храбрые кубанцы!

Это пѣніе раздражало Шервашидзе, ревность котораго разбередило напоминаніе Горчакова о Голицынѣ. Ему было не до пѣнія. Мысли его вмѣстѣ съ сердцемъ были далеко: теперь она, вѣроятно, еще нѣжится въ

¹ Коцарь—извѣстный тогда полковникъ Коцаревъ, гроза закубанскихъ черкесовъ.

постели послѣ вчерашняго бала, вспоминаеть, какъ ненавистный шаркунъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, нашептывалъ ей пошлыя слова любви, жалъ ея маленькія ручки своими медвѣжьими лапами, дерзко смотрѣлъ въ ея невинныя глазки... Невинныя ли?.. «У него попугай хорошо говорить»... Самъ онъ попугай! И зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Петербурга? зачѣмъ не остался тамъ навсегда? Польстился на титулъ владѣтельнаго князя Абхазіи, этой разбойничьей страны. Пусть бы лучше русскіе управляли этимъ гнѣздомъ разбойниковъ, какъ они управляютъ Имеретіей. Вѣдь и безъ царя Соломона Имеретія не пропала; не пропала бы и Абхазія, еслибъ онъ оставался въ Петербургѣ. Владѣтель Абхазіи... Хорошо владѣтель безъ владѣній, безъ подданныхъ! Не будь здѣсь русскихъ, его, владѣтеля, вышвырнули бы за дверь... Впрочемъ, какъ знать? Не объяви онъ тогда, на скамейкѣ на берегу Славянки, что его назначаютъ владѣтелемъ Абхазіи, она, быть можетъ, и не стала бы цѣловать его. Эти женщины всѣ такія:—одну прельщаютъ букетами, другую—лестью ея красотѣ, третью—почестями... Она, дѣвчонка,—владѣтельница Абхазіи, царица независимаго народа, повелительница страны: она—богиня «Прометеева потомства»! Ну, и соблазнилась, и показала видъ, что любить. А онъ и повѣрилъ. А она теперь танцуетъ съ этимъ арлекиномъ, сидитъ съ нимъ въ одной ложѣ...

Пили водку, ѣли булки...

Ѣдетъ Коцарь въ черной бурѣ...

«Фу, идіоты! идіотская пѣсня!»—чуть не крикнулъ онъ, слыша эти нелѣпныя слова; но удержался.

Между тѣмъ, его братецъ блаженствовалъ. Рисуясь съ собой, и своимъ карабагскимъ скакуномъ, юный Шер-

вашидзе почти постоянно торчалъ около той арбы, въ которой сидѣла Эсма-ханумъ со служанкой. Вдругъ свади раздался выстрѣлъ, другой, третій, — и началась усиленная перестрѣлка. Это Арсланъ-бей, не смѣя напасть на переднія колонны, сталъ насѣдать на арьберггардъ. Но Абхазовъ предвидѣлъ это, и задняя колонна встрѣтила насѣдающаго непріятели очень меткимъ огнемъ.

— Трусъ! — ворчалъ старый Сукачъ, заряжая ружье: — трусливая собака завсегда норовитъ за лытки укусить, свади.

Младшій Шервашидзе стрѣлой полетѣлъ назадъ, къ мѣсту перепалки. Теперь онъ еще болѣе жаждалъ помѣриться съ «дяденькой». Если онъ покончитъ съ нимъ, то «тетенькѣ» некуда будетъ дѣваться — она останется въ Сухумѣ или въ Соуксу... Юноша уже мечталъ... о чемъ? — онъ самъ себѣ не могъ дать отчета... Только бы исчезъ со свѣта тотъ ненавистный Арсланъ-бей. Но послѣдній былъ очень остороженъ: — послѣ энергичнаго отпора, онъ скоро оставилъ въ покоѣ арьберггардъ.

— Несолоно хлебали, — презрительно проворчалъ Сукачевъ. — Овецъ да арбузы съ баштановъ воровать у кубанцевъ — это ихнее дѣло... А тутъ — выкуси.

— У меня только киверъ аспиды испортили, — въ свою очередь ворчалъ Кудряшевъ, рассматривая снятый съ головы киверъ: — въ двухъ мѣстахъ прострѣлили.

— Ну, значить, ты съ этой минуты сталъ павловцемъ, — улынулся старикъ, — не бѣлевецъ, а павловецъ.

— Это съ какого же резону? — спросилъ Кудряшевъ.

— А съ такого: — у всѣхъ павловцевъ киверъ долгонъ быть съ дырой — прострѣленъ.

Выстрѣлы слышались на правомъ флангѣ.

— Ахъ, шуты долгополые! — снова ворчалъ Сукачевъ:—тутъ съ хвоста попробовали—не выгорѣло; теперь намъ на рожонъ нарвутся:—тамъ имъ Пластунъ со своими задасть.

— Ишь загикали! Думаютъ гикомъ своимъ испужать—тоже умные!—отозвался Кудряшевъ.

— И мы-де не лѣвой ногой сморкаемся, — презрительно процѣдилъ суворовецъ:—турки еще не такъ алакаютъ, а все супротивъ матушки уры и они не выстаивали.

— Да вонъ, кажись, и замолчали.

— И тамъ кривая не вывела: захотѣла баушка на полати, да не въ силахъ влѣзати.

Дѣйствительно, и на правомъ флангѣ перестрѣлка смолкла. Слышались только отдаленные выстрѣлы—прощальныя привѣтствія убѣгавшему врагу. Но врагъ не думалъ смиряться. Въ тылу у него было надежное прикрытіе—стѣны сухумской крѣпости. Это предвидѣлъ Горчаковъ, и ожидалъ рѣшительнаго боя въ виду Сухума, или отчаяннаго сопротивленія въ самой крѣпости. Последнее опасеніе оказалось, однако, не основательнымъ. Случилось вотъ что.

Вслѣдъ за послѣдней фланговой перестрѣлкой, къ князю Абхазову казаки привели какого-то подозрительнаго абхазца, который говорилъ, что непременно долженъ видѣть старшаго сына покойнаго Сеферъ-Али-бея, то есть—князя Димитрія. Абхазецъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— Ты кто?—спросилъ его Абхазовъ: — и что тебѣ нужно?

— Я Теймуразъ,—отвѣчалъ абхазецъ:—я хочу залатить сыну Сеферъ-Али-бея добромъ за добро.

— Что же ты собственно желаешь сдѣлать?

— Я ужь сдѣлалъ,—былъ отвѣтъ.—Я находился въ Сухумъ-Кале при пороховомъ погребѣ. Когда пришла вѣсть, что въ Абхазію прибылъ изъ Россіи старшій сынъ Сеферъ-Али-бея и что онъ съ русскимъ войскомъ идетъ братъ Сухумъ, собака Арсланъ-бей явился въ крѣпость и, осмотрѣвъ крѣпостныя орудія, сталъ осматривать также и боевые запасы. «Снарядовъ и пороху—говорить—у насъ достаточно. Съ этими запасами я—говорить—могу долго продержаться, пока не прибудетъ изъ Поти турецкая эскадра съ десантомъ. А тогда—говорить—мы этого мальчишку, что сталъ нукеромъ русскихъ шакаловъ, и самихъ шакаловъ переберемъ, какъ мухъ». И вотъ когда послѣ этого онъ уѣхалъ изъ города, я ночью отперъ пороховой погребъ и во всѣ бочонки съ порохомъ налилъ воды. Теперь его порохъ сталъ негоднымъ, и ему стрѣлять будетъ нечѣмъ. Вотъ мое добро сыну Сеферъ-Али-бея за его добро мнѣ, а собакѣ Арсланъ-бею мое зло за зло.

Абхазовъ, опасаясь, не лазутчикъ ли это, или вообще агентъ Арсланъ-бея, сталъ его разспрашивать.

— Какое же зло сдѣлалъ тебѣ Арсланъ-бей и какое добро сынъ Сеферъ-Али-бея?—спросилъ онъ.

— Вотъ зло собаки Арсланъ-бея,—указалъ абхазецъ на свой кривой глазъ: — это онъ потушилъ свѣтъ моего глаза.

— Какимъ образомъ и за что?

— Вотъ за что: одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда русскіе корабли бомбардировали Сухумъ-Кале, я, тогда

еще юноша, по приказанію отца, тайно вышелъ изъ Сухума и пробрался къ Сеферъ-Али-бею, который находился съ русскимъ отрядомъ князя Орбеліани далеко отъ Сухумъ-Кале и не зналъ, что русскіе его бомбардируютъ. Объ этомъ донесли собакъ Арсланъ-бею, и онъ велѣлъ подвергнуть меня величайшему позору, а потомъ хотѣлъ казнить. Но Аллахъ спасъ меня. Собака Арсланъ приказалъ раздѣть меня до-нага, привязать навзничъ къ бревну и облить кислымъ молокомъ, чтобъ меня лизали собаки... О, господинъ, какая это была казнь!.. Я почти умиралъ отъ мученій, а сухумскія собаки лизали меня, пока Аллахъ не покрылъ меня своей тѣнью—онъ навелъ на меня тѣнь отъ минарета... Арсланъ-собака бѣжалъ, русскіе взяли съ бою Сухумъ, и меня спасли—отвязали отъ бревна и прогнали собакъ. А тогда пришелъ Сеферъ-Али-бей съ войскомъ и велѣлъ лѣчить меня... Послѣ казни на бревнѣ, съ молокомъ и собаками, я съ ума сходилъ отъ болѣзни головы и глазъ... И вотъ одинъ глазъ Сеферъ-Али-бей спасъ мнѣ, а другой глазъ мой выпилъ собака Арсланъ... Вотъ, господинъ, арсланово зло и сеферово добро... Я—вѣрный слуга его сына.—Теймуразъ замолчалъ, злобно сверкая однимъ своимъ глазомъ.

— А знаетъ Арсланъ-бей, что у него порохъ подмоченъ?—спросилъ Абхазовъ.

— Вчера только узналъ и со злости зарубилъ зрителя порохового погребѣ, а я бѣжалъ.

Теперь Абхазовъ еще болѣе убѣдился, что надо ждать самаго отчаяннаго сопротивленія со стороны Арсланъ-бея, — такъ какъ до Сухума оставалось всего нѣсколько верстъ, — и доложилъ обо всемъ Горчакову и старшему

Шервашидзе. Но опасенія ихъ и тутъ не оправдались. До черкесовъ, союзниковъ Арсланъ-бея, и до сторонниковъ его, абхазскихъ князей, скоро дошла вѣсть изъ Сухума о продѣлкѣ съ порохомъ и о невозможности, вслѣдствіе этого, отстоять крѣпость. Это такъ на нихъ подѣйствовало, что почти всѣ они покинули Арсланъ-бея, который и принужденъ былъ съ одной только свитою удалиться въ горы, чтобы тамъ выждать извѣстій изъ Сухума: онъ надѣялся, что его вѣрный клеверть и шпионъ, Урусъ Лаквари, найдетъ способъ спасти изъ плѣна его красавицу Эсма-ханумъ.

XV.

Русскіе заняли на этотъ разъ Сухумъ безъ всякаго сопротивленія. По приближеніи ихъ къ городу, крѣпостныя ворота оказались отворенными настежь, и изъ нихъ вышла странная процессія, которая привела въ крайнее изумленіе молодого владѣтеля Абхазіи. Навстрѣчу ему двигалась группа стариковъ, числомъ двадцать, съ низко опущенными головами. На шеѣ у cadaго старика висѣла сабля.

— Что это такое, князь?—спросилъ князь Дмитрій Горчакова.

— Догадываюсь, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ тотъ,—но я самъ въ первый разъ вижу подобную процессію.

— Ваша свѣтлость забыли обычаи вашей родины,—почтительно замѣтилъ князь Абхазовъ:—это почетнѣйшіе старѣйшины Сухума и сосѣднихъ ауловъ несутъ вамъ повинную. Сабля на шеѣ — это величайшій позоръ, величайшее униженіе и глубочайшая покорность въ глазахъ горца. Этими заявляютъ вашей свѣтлости, что заслужили смертную казнь: этими саблями вы можете ихъ казнить; но въ вашей власти и помиловать ихъ.

Солдатики, особенно молодые, увидавъ это, стали тихонько пересмѣиваться между собой.

— Ровги на себя несутъ: парь, дескать, насъ, старыхъ чертей,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— У мово помѣщика вотъ эдакъ-то собака сама на себя хлысть носила въ зубахъ, — замѣтилъ другой.

— Понесешь, коли тово... пришлось узломъ...

— Нечего зубы-то скалить, умники! — проворчалъ старый Сукачъ: — аль не видите?

— Видимъ, дядя, очень даже хорошо.

— То-то... Почтенные старички повинную несутъ, а вы зубы скалите зря... Не легко имъ — на васъ доведись...

Съ приближеніемъ стариковъ, всѣ приостановились. Горчаковъ и князь Дмитрій выдвинулись впередъ.

— Здравствуйте, старики, — сказалъ Горчаковъ.

Старѣйшины молчали, только еще ниже склонили головы.

— Признаете себя виновными предъ императорскимъ величествомъ, всероссійскимъ императоромъ, и предъ поставленнымъ имъ надъ всею Абхазіею господиномъ, его свѣтлостью, княземъ и полковникомъ Дмитріемъ Георгіевичемъ Шервашидзе? — спросилъ Горчаковъ.

Старѣйшины еще ниже склонили головы, такъ что висѣвшія у нихъ на шеѣ сабли касались земли.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины! — возвысилъ голосъ Горчаковъ: — его свѣтлость, князь Дмитрій Георгіевичъ, и я, князь Горчаковъ, данною намъ отъ государя императора властью объявляемъ вамъ помилованіе и прощеніе всего содѣяннаго вами въ ослѣпленіи невѣдѣнія. Поднимите же головы и приведите ваши сабли въ порядокъ: мы возвращаемъ ихъ вамъ съ прежнею честью.

Старѣйшины выпрямились и, освободивъ свои шеи отъ сабель, привѣсили ихъ къ боку, черезъ плечо.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины! — продолжалъ Горчаковъ: — отправляйтесь теперь въ ваши аулы

оповѣстите всѣхъ о священной волѣ государя императора и разошлите гонцовъ по всей Абхазіи съ слѣдующимъ нашимъ приказаніемъ: пусть всѣ абхазскіе князья, почетное дворянство и духовенство, а равно всѣ джигиты и всѣ способные носить оружіе, а равно управлять лошадыю, — пусть всѣ со взрослыми и малолѣтними сыновьями своими являются въ Соуксу непремѣнно къ 30 ноября. Тамъ будетъ прочитано высочайшее повелѣніе о дарованіи Абхазіи законнаго владѣтеля и всѣ приведены будутъ къ присягѣ на вѣрность государю императору и законному владѣтелю страны. Слышали и поняли?

— Слышали и поняли, — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ.

Въ то время, когда все это происходило, изъ ближайшаго лѣсу, изъ сосѣднихъ садовъ и кустарниковъ стали робко выходить женщины и дѣти. Они боязливо поглядывали на войска, но любопытство превозмогало боязнь, и толпа стала понемногу приближаться.

— Ишь—словно волчата изъ лѣсу повыползли,—замѣтилъ кто-то изъ солдатиковъ.

— Они тамъ были спрятавшись,—пояснилъ другой.

Но когда прятавшіеся увидѣли, что старѣйшины ихъ сняли съ шеи сабли и привѣсили къ бедрамъ, они поняли, что ихъ простили—не будутъ головы рубить,—и потому надвинулись совсѣмъ близко, видимо сгорая любопытствомъ. Лица у всѣхъ оживились, просвѣтлѣли — урусы никого не трогаютъ. Вдругъ отъ толпы отдѣлилась одна маленькая дѣвочка, лѣтъ семи-восьми, и стремительно бросилась къ старѣйшинамъ. За нею погналась молодая абхазка, должно быть, мать, но дѣвочка моментально очутилась около старѣйшинъ и радостно прильнула

къ одному изъ нихъ. Старикъ нагнулся къ ней, чтобы отстранить, но дѣвочка обвилась ручонками вокругъ его шеи и быстро лепетала что-то. Сцена эта размѣшила всѣхъ. Старикъ невольно принужденъ былъ взять маленькую плутовку на руки.

— Идиллія! — улыбнулся Горчаковъ. — Это твоя внучка?—спросилъ онъ.

— Правнучка, господинъ,—отвѣчалъ старикъ, глядя курчавую головку малютки. — Она такъ меня любитъ... она такъ боялась за меня... Да и она, господинъ, эта крошка, дороже для меня всего на свѣтѣ.

При этихъ словахъ, глаза Горчакова неожиданно блеснули новой мыслью.

— О, да!—сказалъ онъ громко, такъ чтобы всѣ слышали, особенно женщины:—для кого не дороги дѣти, эти невинныя существа! Такъ вотъ, ради ихъ счастья, ради всего, что вамъ дорого, устройте такъ, чтобы не страдали ваши дѣти. Дайте миръ Абхазіи. Сплотитесь подъ скипетромъ могущественнѣйшаго въ мірѣ монарха и поддержите вашимъ вліяніемъ того, кто поставленъ надъ вами высочайшею волею. Тогда ваши дѣти—эти невинныя существа, эти розы Абхазіи—не будутъ до времени вянуть въ гаремахъ турецкихъ пашей. А посмотрите — кѣмъ наполнены многочисленныя гаремы Стамбула, Трапезонда, Эрверума, Ахалцыха, Адрианополя и всѣхъ большихъ городовъ Турціи, въ которыхъ безчинствуютъ сластолюбцы-пашаи? Кѣмъ? Вашими дѣтьми, вашими невинными дѣвочками, которыхъ ваши же и другіе горскіе хищники продаютъ, какъ овечекъ, на всѣхъ турецкихъ базарахъ. Вотъ гдѣ вянуть и преждевременно засыхаютъ

дивныя розы Абхазіи. Завянетъ въ гаремѣ и эта милая крошка, которую ты теперь ласкаешь...

— О, нѣтъ, нѣтъ, господинъ! — со страстной энергіей воскликнулъ старикъ:—этому не бывать, не бывать!

— Не бывать, не бывать!—закричали и прочіе старѣйшины, размахивая въ воздухъ обнаженными саблями.

Довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, Горчаковъ постарался еще болѣе усилить впечатлѣніе своей рѣчи.

— Ваши дѣвочки изнываютъ въ турецкихъ гаремахъ, — продолжалъ онъ: — тамъ, невидимо для свѣта, тускнеть ихъ краса, краса Абхазіи, краса всего Востока. А ваши мальчики—будущая гордость и слава родины—гдѣ они? что изъ нихъ дѣлаютъ паши и самъ султанъ? Они калѣчатъ ихъ, превращаютъ въ евнуховъ, для того чтобы эти погибшіе сыны Абхазіи стерегли ихъ гаремы, какъ ваши овчарки стерегутъ стада барановъ. Не позорь-ли это?

Возбужденіе старѣйшинъ достигло крайнихъ предѣловъ. Горчаковъ воспользовался этимъ, какъ опытный ораторъ.

— Идите же и равнесите мои слова по всѣмъ ауламъ, по всѣмъ саклямъ, по всѣмъ горамъ Абхазіи, — сказалъ онъ въ заключеніе.—Знайте, что только подъ покровительствомъ Россіи, и при вашемъ повиновеніи законному владѣтелю, ваши дѣти — краса и надежда Абхазіи — не будутъ позорить своихъ отцовъ и дѣдовъ по гаремамъ Турціи. Да не забудьте день 30 ноября! До свиданія!

Старѣйшины удалились, горячо жестикулируя и обмѣниваясь страстными возгласами.

— Разогрѣлъ таки ихъ князюшка, — одобрительно замѣтилъ старый Сукачевъ: — азіаты, одно слово — кипятюкъ.

— Ужъ больно онъ ихъ дѣвочками да мальчиками доѣхалъ,—пояснилъ Кудряшевъ:—долго теперь этотъ кпятокъ не остынетъ... Еле папахи на головахъ держатся.

Въ это время, по дорогѣ отъ Соуксу показалась небольшая группа всадниковъ, видимо торопившихся. Но что всего болѣе удивило солдатиковъ, такъ это то, что во главѣ группы ѣхала верхомъ женщина, уже не молодая.

— Вотъ-те и тетца!—шумѣли солдатйки:—новая командерша проявилась.

— И точно: либо это вѣдьма, либо баба-яга.

— Какая такая баба-яга! Баба-яга въ ступѣ ѣздитъ, пестомъ погоняетъ, а эта, вишь, верхомъ не на помелѣ, а на лошади, и не голикомъ погоняетъ, а нагайкой.

Князь Абхазовъ, находившійся недалеко отъ старшаго Шервапидзе, тоже замѣтилъ группу приближавшихся всадниковъ и лукаво улыбнулся.

— Ну, вапа свѣтлость, — обратился онъ къ князю Димитрію:—готовьтесь къ бурной родственной сценѣ.

— А что? какая сцена?—удивился тотъ.

— Вонъ летитъ вапа кормилица—я узнаю ее; а она женщина страстная—зацѣлуеъ васъ.

— Ахъ, Боже мой! — засмѣялся князь Димитрій: — вотъ несчастье! Насъ, абхазцевъ, считаютъ потомками Прометея... Неужели и у него была такая страстная кормилица, какъ эта? Я бы лучше желалъ быть Юпитеромъ, у котораго кормилицей была коза Амальтея... Надѣюсь, что онъ не цѣловался съ козой.

Группа всадниковъ приблизилась, и та, которую называли кормилицей князя Димитрія, быстро соскочила съ лошади.

— Гдѣ онъ? гдѣ свѣтъ очей моихъ? — говорила она торопливо.

Но вдругъ она остановилась въ испугѣ, потому что очутилась передъ цѣлою группой людей въ блестящихъ мундирахъ. Младшій Шервашидзе невольно разсмѣялся.

— Ахъ ты, слѣпая сова! не узнаешь своего вскормленника... Вотъ онъ, — сказала шалунъ, указывая на князя Абхазова. — Видишь, какъ выросъ.

Теперь всѣ разсмѣялись. Князь Димитрій подошелъ къ ней.

— Здравствуй, мамка, — сказала онъ, улыбаясь.

— О, свѣтъ очей моихъ! мое золото! — заговорила баба, припадая къ рукѣ своего вскормленника.

Но, въ силу существующаго въ Абхазіи особеннаго уваженія къ кормилицамъ, молодой владѣтель ея обнялъ свою бывшую мамку и поцѣловалъ.

— Видишь, какъ я выросъ, — сказалъ онъ. — Я радъ видѣть тебя здоровою. А теперь поди туда къ матушкѣ. Мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Встрѣча съ кормилицей навела его на тревожныя мысли. Новость положенія, въ которомъ онъ такъ внезапно очутился, тревоги и волненія, испытанныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, первые уроки столкновенія съ реальными опасностями, — все это не давало ему ни времени, ни возможности сосредоточиться въ себѣ, обсудить это новое свое положеніе. Привыкнувъ къ петербургской жизни, къ ея культурнымъ формамъ, къ ея изящной внѣшности, — онъ теперь очутился вдругъ совсѣмъ въ иномъ мірѣ. Все здѣсь показалось ему такимъ мизернымъ, въ такомъ узкомъ масштабѣ. Глазъ его съ удивленіемъ видѣлъ маленькіе аулы, ютящіяся у скалъ жалкія сакли

въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ. А люди?—эти князья—такіе же дикари, какъ и простые абхазцы; все отличіе ихъ отъ толпы — болѣе изысканное одѣяніе да лучшее оружіе. А языкъ, нравы, обхожденіе — на всемъ этомъ лежитъ колоритъ дикости.

И онъ вдругъ представилъ свою Варю въ этой обстановкѣ. Привыкшая къ свѣту, къ блеску, къ роскоши— что она найдетъ здѣсь? Издали все это казалось такимъ заманчивымъ, поэтическимъ... Но вотъ теперь оно передъ глазами... Что такое его резиденція — резиденція владѣтелей Абхазіи—Соуксу? Небольшой аулъ съ укрѣпленіемъ и дворцомъ? Но что такое этотъ «дворецъ»? Развѣ Варя такіе дворцы видала? «Гдѣ наша столица? — спросить она. — Гдѣ нашъ дворецъ? гдѣ мои фрейлины?» Фрейлины!.. А его кормилица... Что касается его самого, то для него — все это еще ничего, хоть онъ и привыкъ къ свѣту, къ лучшему петербургскому обществу, къ избранному кружку гвардейскихъ офицеровъ. Но онъ смотрѣлъ теперь на все глазами княжны Гагариной, которая скоро будетъ фрейлиной и родители которой приняты ко двору... Изъ этихъ печальныхъ размышленій его вывели слова князя Горчакова, который отдавалъ приказаніе о вступленіи одной роты мингрельскаго полка въ Сухумъ, въ качествѣ крѣпостнаго гарнизона.

Вмѣстѣ съ ротой и они всѣ—князь Горчаковъ, онъ самъ, князь Димитрій, съ матерью и братомъ, а также арбы, въ которыхъ пріѣхали Эсма-ханумъ и женская прислуга княгини Тамары,—въѣхали въ Сухумъ.

— Говори, малый: слава Богу! — сказалъ при этомъ Сукачъ своему другу.

— Слава Богу, дядя. А почему?

— Потому, братъ, что мы съ тобой не попали въ гарнизонныя крысы.

— И то правда.

XVI.

13-го ноября 1821 года, резиденція владѣтельныхъ князей Абхазіи, ауль Соуксу представлялъ невиданное зрѣлище. Вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, торчали и развѣвались въ воздухѣ красные, желтые, синіе и всякіе пестрые лоскуты—все яркое и кричащее. Это были флаги, которые велѣла вывѣсить вездѣ княгиня Тамара, узнавпая отъ своего петербургскаго сына, что такъ всегда дѣлается въ столицахъ при особенно торжественныхъ случаяхъ. Но что всего болѣе поражало,— это небывалое въ Соуксу стеченіе народа. Видно было, что старѣйшины, видѣвшіе сабли на своихъ почтенныхъ шеяхъ, разнесли слова князя Горчакова по всей Абхазіи.

Не только всѣ плоскія кровли саклей и духановъ были заняты зрителями,—такъ что негдѣ было горчичному зерну упасть,—не только усѣяны были абхазцами бойницы и крыша находящагося въ Соуксу стараго монастыря, но и всѣ сосѣднія деревья усажены были юными потомками Прометея, словно грачевыми гнѣздами. На площади, передъ скромнымъ дворцомъ князей Шервашидзе, собраны были почетнѣйшіе мурлы Абхазіи, знатнѣйшіе князья и дворяне. За ними толпились ихъ жены съ дѣтьми, предназначенными въ аманаты, о чемъ и не подвѣдали ихъ матери, а иначе онѣ запрятали бы своихъ быстроглазыхъ волчатъ въ такіа волчьи ямы и трупобы,

гдѣ бы не отыскали ихъ всѣ русскіе «шакалы», согнанные со всего Кавказа. Посрединѣ площади устроено было возвышеніе, покрытое персидскимъ ковромъ, а на этомъ возвышеніи—аналой, на которомъ положены были: распятіе, Евангеліе и коранъ. Представители абхазскаго народа занимали полукругомъ одну сторону площади, а противъ нихъ размѣщены были роты бѣлевскаго, мингрельскаго и егерскаго полковъ, часть которыхъ шла шпалерами до воротъ крѣпости, почти примыкавшихъ ко дворцу. Мингрельская же милиція растянута была у берега рѣки, фронтомъ къ площади. Князь Абхазовъ и князь Дадіанъ со своими офицерами находились впереди фронта своихъ войскъ. На возвышеніи же, по бокамъ аналоя, стояли: — съ одной стороны священникъ въ полномъ облаченіи, съ другой—главный мулла Абхазіи. Надо всей площадью и далѣе, вплоть до монастыря, стоялъ смѣшанный гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ. Вдругъ раздался барабанный бой. Все моментально стихло.

— На краулъ!—послышался рѣзкій голосъ команды.

Изъ воротъ показалось красивое, расшитое золотомъ и съ золотыми кистями, знамя, подъ которымъ торжественно выступали: новый владѣтель Абхазіи, князь Дмитрій Шервашидзе, князь Горчаковъ, княгиня Тамара и князь Михаилъ Шервашидзе. Пройдя между шпалерами войскъ, они всѣ подошли къ возвышенію.

Князь Горчаковъ, держа въ рукѣ высочайшую грамоту, взшелъ на возвышеніе. За нимъ внесли туда же и знамя. Ставъ подъ знаменемъ, Горчаковъ громогласно прочиталъ о всемилостивѣйшемъ утвержденіи полковника князя Дмитрія Шервашидзе въ правахъ владѣтеля Абхазіи. При чтеніи грамоты, княгиня Тамара торопливо

вытирала, катившіяся по ея щекамъ, радостныя слезы. По окончаніи чтенія, новый владѣтель Абхазіи взопелъ на возвышеніе, и, получивъ изъ рукъ Горчакова высочайшую грамоту, почтительно ее поцѣловаль.

— Теперь, батюшка,—обратился Горчаковъ къ священнику,—приведите къ присягѣ его свѣтлость и всѣхъ князей, дворянъ и прочихъ абхазцевъ, исповѣдующихъ христіанскую религію.

Священникъ выступилъ впередъ, къ краю возвышенія.

— Почтенные князья, дворяне и всѣ прочіе, исповѣдующіе Распятаго за ны, — возгласилъ дребезжающимъ голосомъ батюшка:—поднимите къ верху ваши правыя руки съ крестнымъ сложеніемъ перстовъ и громко повторите за мною священные слова присяги.

Поднялись въ толпѣ правыя руки; но ихъ было немного: — всѣ остальные были мусульмане. Священникъ началъ читать текстъ присяги. За нимъ зажужжали десятки голосовъ съ гортанными звуками, словно бы на площадь слетѣлись крупные шершни изъ множества гнѣздъ. Чтеніе присяги кончилось, и князь Димитрій первый приложился къ кресту и Евангелію. Послѣ него цѣловаль крестъ и Евангеліе князь Михаилъ, а потомъ всходили на возвышеніе, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе присягнувшіе. Послѣ этого Горчаковъ пригласилъ главнаго муллу привести къ присягѣ на коранѣ и всѣхъ мусульманъ.

Между тѣмъ, пока все это происходило и вниманіе абхазцевъ, ихъ женъ и дѣтей было все поглощено церемоніей присяги, казаки, по приказанію князя Абхазова, незамѣтно оцѣпили толпу сплошнымъ кольцомъ, и, по указанію того же Абхазова, намѣтили себѣ по маленькой

жертвѣ:—это были дѣти знатнѣйшихъ князей и дворянъ. Ихъ предназначено было взять аманатами въ залогъ вѣрности присягѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Это была ловушка, неизбежная съ такимъ дикимъ и необузданнымъ народомъ, какъ абхазцы, ибо, знай они это прежде, они хотя и явились бы въ Союзу для присяги, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не привели бы съ собою женъ и дѣтей. А теперь всѣ они попались въ ловушку. Также незамѣтно, по распоряженію князя Дадіана, окружила ихъ и другая, болѣе густая цѣпь изъ мингрельской милиціи. Всѣ пути къ отступленію или бѣгству были, такимъ образомъ, отрѣзаны.

Когда кончилась церемонія присяги, князь Горчаковъ торжественно передалъ князю Димитрію знамя, какъ знакъ его власти. Затѣмъ тутъ же на возвышеніи, у аналая, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ возглашеніемъ долгоденствія и мирнаго житія и на враговъ побѣды и одолѣнія императору Александру Павловичу. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ это возглашеніе. Поздравивъ затѣмъ представителей Абхазіи съ новымъ повелителемъ страны, князь Горчаковъ объявилъ, что для укрѣпленія вѣрности данной присягѣ представители абхазскаго народа, его знаменитые вожди, должны выдать аманатовъ. При этихъ словахъ, глухой ропотъ пробѣжалъ по собранію. Все заволновалось и задвигалось. Горчаковъ старался успокоить встревоженную массу. Говорилъ, что онъ беретъ аманатовъ не въ Россію и не надолго:—черезъ каждые два мѣсяца аманаты будутъ возвращаться домой, къ родителямъ, а на ихъ мѣсто будутъ братья новые, и что содержать ихъ будутъ недалеко отъ Абхазіи, въ городѣ Гори, гдѣ матери и

отцы могутъ навѣщать ихъ во всякое время, чтобъ убѣдиться, что малютокъ ихъ хорошо держать, хорошо кормить и вообще берегутъ и лелѣютъ. Но ничто не помогало. Со всѣхъ сторонъ послышались женскіе голоса; «не дадимъ дѣтей, не дадимъ!» Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. По знаку Абхазова, нѣкоторые изъ казаковъ, спѣшившись и передавъ своихъ лошадей товарищамъ, приблизились къ намѣченнымъ жертвамъ. Къ женскимъ возгласамъ присоединились дѣтскіе вопли. Все кричало и плакало. Матери обхватывали дѣтей и голосили надъ ними, а дѣти въ свою очередь вопили не своими голосами.

Тогда въ толпу голосившихъ женщинъ протискалась княгиня Тамара.

— Не плачьте, не бойтесь,—говорила она со слезами на глазахъ: — вѣрьте Богу, вѣрьте Аллаху, что вашимъ дѣтямъ не сдѣлаютъ ничего дурного! Мой сынъ былъ аманатомъ одиннадцать долгихъ, долгихъ лѣтъ! — И увезли его тогда отсюда далеко-далеко—туда, гдѣ вѣчные дожди, туманы и снѣга, гдѣ зимой люди не видятъ солнца... А посмотрите, что вышло изъ моего сына!—я не нарадуюсь имъ... Такъ и ваши дѣти: — ихъ увезутъ только на два мѣсяца—много-ли это?—и увезутъ только въ Гори... Вы сами будете ѣздить къ нимъ въ гости... Вѣрьте мнѣ, вѣрьте моимъ клятвамъ, клятвамъ матери!

Но и клятвы и завѣренія княгини Тамары не произвели никакого дѣйствія. Мужчины видимо покорились необходимости. Они поняли, что сопротивленіе невозможно:—живое кольцо, замыкавшее ихъ со всѣхъ сторонъ, можно было только разрубить; но на это не хватило бы ихъ силы. Поэтому они стали убѣждать своихъ женъ покориться, а иные просто вырывали своихъ дѣтей изъ рукъ

обезумѣвшихъ матерей и сдавали на руки казакамъ и мингрельцамъ. Съ нѣкоторыми же, особенно неподатливыми абхазками, пришлось употребить силу. Скоро маленькіе аманаты были отдѣлены отъ толпы и препровождены въ крѣпость.

Въ то время, когда все это происходило на площади, въ опустѣломъ дворцѣ оставалась въ своей комнатѣ Эсмаханумъ, да съ нею двѣ прислужницы—одна пріѣхавшая вмѣстѣ со всѣми изъ Кодора, другая—старая негрятянка, давно уже жившая въ Соуксу, во дворцѣ князей Шервашидзе, въ качествѣ экономки. Прежде она находилась въ Поти при домѣ Кучукъ-бея, отца Эсмаханумъ, и состояла при ней въ родѣ няни или горничной. Эсмаханумъ тотчасъ же узнала ее, когда увидѣла въ Соуксу.

— Но какъ ты попала сюда? — спросила она негрятянку.—Тебя въ плѣнъ взяли?

— О, нѣтъ, ханумъ, мое золото!—отвѣчала старуха, качая головой. — Помнишь, мое золото, когда ты, еще дѣвочкой по тринадцатому году, жила у отца своего, у славнаго Кучукъ-бея въ Поти, и когда русскіе вмѣстѣ съ Сеферъ-Али-беємъ, отцомъ нынѣшняго князя Дмитрія, осаждали городъ?

— Какъ не помнить!—съ грустью въ голосѣ отвѣчала Эсмаханумъ.

— Ну, вотъ тогда-то, мое золото,—продолжала негрятянка,—въ Поти находился и Арсланъ-бей... Какими чарами онъ вскружилъ твою золотую головку—я не знаю, но только наканунѣ сдачи крѣпости русскимъ вы разомъ исчезли ночью—ты, мое золото, и Арсланъ-бей... Я не доглядѣла тебя, моя жемчужина, — каюсь. Но когда на

другой день тебя схватились и нигдѣ не нашли, отецъ твой пришелъ въ такую ярость, что приказалъ было посадить меня въ мѣшокъ вмѣстѣ съ ежомъ и кошкою и бросить въ море, — и только благодаря заступничеству добраго господина Сеферъ-Али-бея — да блаженствуетъ онъ въ раю своемъ! — меня оставили въ живыхъ. И съ тѣхъ поръ я живу здѣсь у княгини Тамары вѣрно сторожевою собакой. Вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ я здѣсь.

— Да... Вотъ и я ужъ успѣла сдѣлаться старухой, — сказала Эсма-ханумъ, любуясь отраженіемъ въ зеркалѣ своего хорошенькаго личика съ золотистою головкой.

Въ это время въ комнату вошелъ Урусъ Лаквари.

— Ну, что тамъ, Урусъ? — спросила Эсма-ханумъ.

— О, ханумъ! какъ тамъ хорошо, какъ тамъ хорошо, какъ любопытно! — отвѣчалъ онъ притворно-восторженнымъ тономъ: — ничего подобнаго я не видалъ.

Это такъ заинтересовало другую прислужницу, что она попросилась у негритянки, какъ у старшей, пойти хоть на минутку поглядѣть, что дѣлается на площади. Та отпустила ее.

Но едва дверь за нею затворилась, какъ Урусъ Лаквари, подойдя къ сидѣвшей на полу, на коврѣ, негритянкѣ, схватилъ ее за горло и по самую рукоятку всадулъ ей кинжалъ въ сердце. Несчастная старуха даже не вскрикнула. Злодѣй нѣсколько разъ повернулъ кинжалъ въ сердцѣ своей жертвы.

— О, Урусъ! — въ ужасѣ крикнула Эсма-ханумъ: — что ты сдѣлалъ!

— Для тебя, ханумъ, и для твоего и моего госпо-

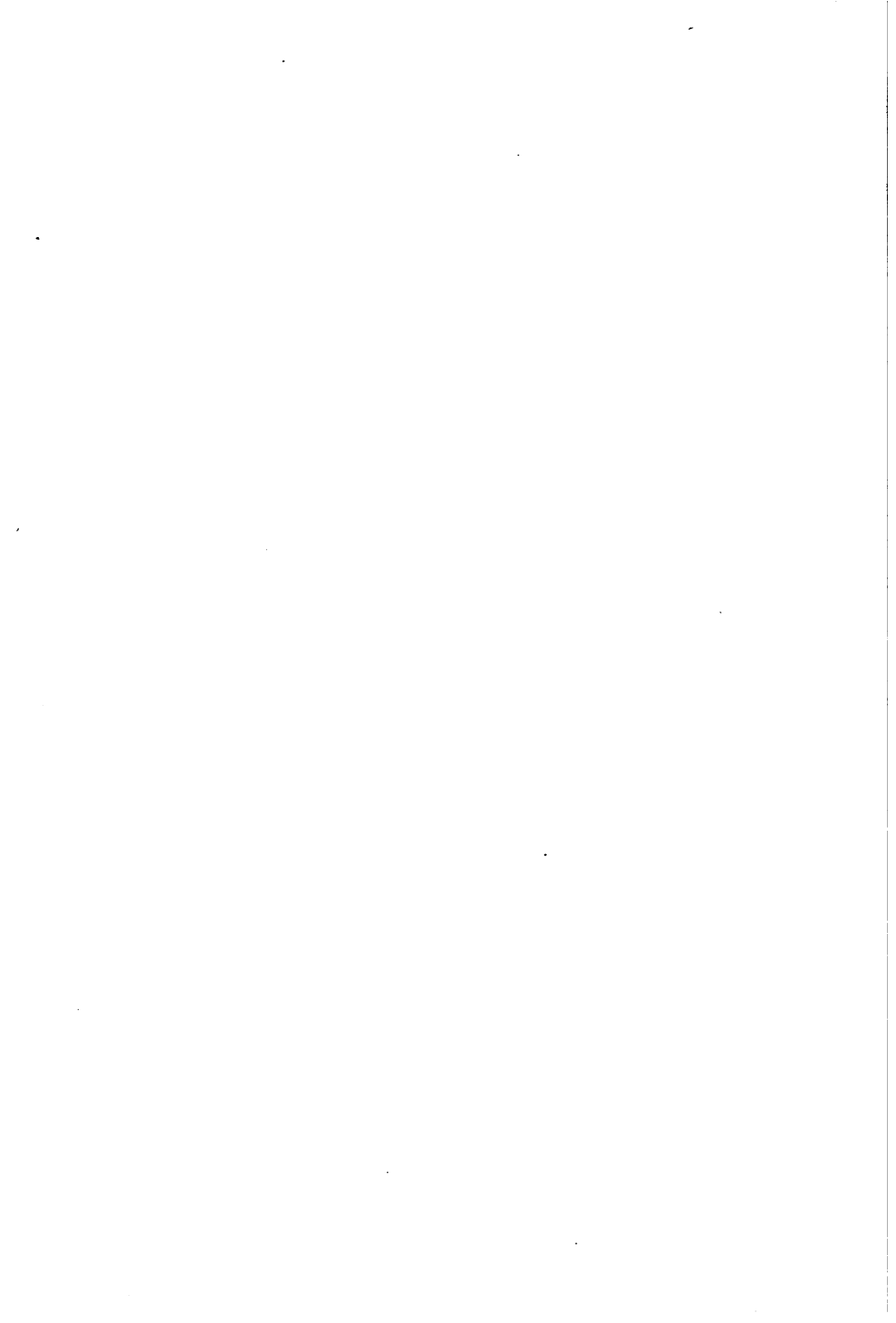
дина, — спокойно отвѣчалъ убійца. — Вотъ тебѣ чадра... вотъ папаха... кутайся... закрой лицо и иди за мною... Тебя ждетъ господинъ.

Эсма-ханумъ такъ была поражена неожиданностью, что послѣдовала, какъ автоматъ, за убійцей въ дверь, которая вела въ комнату, выходящую на заднее крыльцо. Тамъ онъ накинулъ на нее бурку и вывелъ черезъ задній дворикъ къ конюшнямъ, откуда небольшая желѣзная дверь выходила въ сторону, противоположную площади. Черезъ нѣсколько минутъ, они были уже за монастыремъ, гдѣ въ густой чащѣ стояли осѣдланныя лошади. Отъ нихъ отдѣлилась высокая фигура въ башлыгѣ.

— Эсма моя! наконецъ-то!

— О, Арсланъ, мой повелитель!

Скоро въ горахъ отдавался топотъ нѣсколькихъ паръ лошадиныхъ копытъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Къ концу 1821 года, новый владѣтель Абхазіи окончательно утвердился въ главныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ своей наслѣдственной страны—въ Соуксу и въ Сухумъ-Кале. Въ той и другой крѣпости находились небольшіе русскіе отряды. Князь Димитрій скоро убѣдился однако, что власть его въ Абхазіи опирается исключительно на русскіе штыки; но, безъ любви и довѣрія поданныхъ, это опора непрочная: подъ штыками не было почвы—народа, на которой и зиждутся троны. А народъ не любилъ его и не уважалъ именно за эти штыки. Это прямо объявили ему джихетскіе и цебельдинскіе князья—самые вліятельные роды въ Абхазіи. Когда Димитрій отправилъ къ нимъ своихъ пословъ съ требованіемъ не позволять бѣжавшимъ изъ Абхазіи его дядямъ Арсланъ-бею, Баталь-бею, Ростомъ-бею и Таяръ-бею проводить свои войска по ихъ владѣніямъ, князья отвѣчали его посламъ:

— Подите и скажите вашему князю, что если бы онъ былъ изъ Шервашидзевоу фамиліи, то не отдалъ бы своей земли русскимъ. Если онъ истинный сынъ покойнаго Сеферъ-бея, то пусть удалитъ русскихъ изъ своего Соуксу и изъ Сухума.

Мало того. Даже въ собственномъ своемъ домѣ новый владѣтель Абхазіи не чувствовалъ себя въ полной безо-

пасности. Какъ бѣжала изъ Соужсу Эсма-ханумъ, когда къ ней приставлены были, для наблюденія, двѣ прислужницы? Кто помогъ ей бѣжать? Кто зарѣзалъ въ ея комнатѣ старую, вѣрную негритянку Гюлисунъ? Если сама Эсма-ханумъ совершила это преступленіе — что едва ли вѣроятно—то кто убилъ вторую ея прислужницу, которую въ тотъ же день нашли на площади тоже зарѣзанною? Урусъ Лаквари предполагаетъ, что, когда всѣ слуги покинули дворецъ, чтобъ поглазѣть на торжество и на присягу князя, а во дворцѣ осталась только Эсма-ханумъ съ старою негритянкой, то туда пробрался какой нибудь подосланецъ отъ Арсланъ-бея и зарѣзалъ старую Гюлисунъ. Эти же подосланцы Арслана зарѣзали на площади, въ толпѣ и суматохѣ, другую прислужницу, для того чтобъ она не могла воротиться во дворецъ и помѣшать какъ убійству старой Гюлисунъ, такъ и побѣгу Эсма-ханумъ.

Эти доводы были очень шатки, но другихъ не находилось,—и князь Димитрій бродилъ точно впотьмахѣ. Абхазія теперь казалась ему не родиной, но тюрьмой. Все было для него здѣсь чужое, враждебное:—не на мать же, на слабую и безвольную женщину, ему опираться! А братъ Михаилъ—вѣтряный мальчикъ, для котораго существовали только лошади, джигитовка и охота. Единственно съ кѣмъ онъ иногда отводилъ, что называется, душу—это съ вѣрнымъ, какъ ему казалось, хотя мало разговорчивымъ Урусомъ Лаквари, съ которымъ они вспоминали далекій Петербургъ, катанья на катерѣ по Невѣ и Невкамъ на острова, скачки въ Царскомъ, въ Петергофѣ, куда Урусъ Лаквари въ послѣднее лѣто всегда сопровождалъ своего молодого князя.

Но еще больше была ему по душѣ бесѣда съ майоромъ Ракоци. Князь Горчаковъ, выводя русскія войска и мингрельскую милицію изъ Абхазіи, оставилъ въ Соуксу, для охраны крѣпости и князя Дмитрія съ семействомъ, двѣ роты мингрельскаго полка подъ начальствомъ майора Ракоци, прикомандировавъ къ этимъ ротамъ двухъ опытныхъ фельдфебелей изъ бѣлевскаго полка—нашихъ старыхъ знакомыхъ, Сукачева и Кудряшева, для поддержанія въ отрядѣ майора Ракоци, какъ онъ шутя выразился, «суворовскаго духу».

— Я на тебя надѣюсь, старина,—сказалъ онъ Сукачеву:—у тебя все будетъ по суворовски... Не забывай «пруцкѣво» короля...

Ракоци былъ очень симпатичный собесѣдникъ, и князь Дмитрій отъ души полюбилъ его. Ракоци служилъ прежде въ Петербургѣ, хорошо зналъ петербургскую жизнь, особенно жизнь средняго офицерства, немало зналъ и о высшемъ петербургскомъ обществѣ, и потому для князя Дмитрія онъ являлся истинною находкой. Имъ было о чемъ поговорить въ этой глуши. Немногіе князья и дворяне, которые еще оставались вѣрны молодому владѣтелю Абхазіи—кто изъ-за подарковъ, а кто изъ уваженія къ памяти его отца,—были такъ чужды ему по своимъ интересамъ и узкому міровоззрѣнію, что казались чѣмъ-то въ родѣ жителей другой планеты:—въ нихъ не было ничего европейскаго, культурнаго. Вся Европа и Петербургъ, такимъ образомъ, сосредоточивались для князя Дмитрія въ лицѣ загорѣлаго, суроваго на видъ, но добродушнаго Ракоци.

Какъ бы то ни было, не легко жилось владѣтелю Абхазіи на родинѣ. Имя Арсланъ-бея гремѣло вездѣ.

Снова возобновились хищническіе набѣги черкесовъ на пограничныя аулы. Снова партіи юныхъ абхазскихъ дѣвушекъ и дѣтей отпралялись на фелюкахъ и кочермахъ анапскихъ турокъ на невольничьи рынки Синопа и Константинополя. Все это зналъ владѣтель Абхазіи, и его грызло сознание своего безсилія; его постоянно блѣднѣвшія отъ нравственныхъ терзаній щеки вспыхивали румянцемъ стыда передъ Россіей и особенно передъ той, которая гордится названіемъ его невѣсты, будущей жены... Какъ тяжело было ему писать письма въ Петербургъ! Развѣ онъ могъ сказать всю правду?—Развѣ онъ, якобы «потомокъ Прометея»—не жалкая пародія на своего миеическаго предка? Того, прикованнаго къ скалѣ Кавказа, терзалъ орелъ Юпитера... А его, жалкаго повелителя безъ подданныхъ, прикованнаго въ Соуксу, терзалъ стыдъ, стыдъ и стыдъ!.. Княгиня Тамара видѣла, какъ ея любимый сынъ, ея гордость, таилъ на сердцѣ какое-то тяжкое горе,—и она не знала, чѣмъ помочь ему. Сердце матери подсказывало ей, что онъ страдаетъ и что его муки тѣмъ невыносимѣе, что даже матери онъ не можетъ довѣрить ихъ. Она видѣла, какъ онъ худѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ днемъ. Но отчего?—этотъ неразрѣшимый вопросъ терзалъ ее. Она стала намекать ему о женитбѣ. Жена сняла бы свою любовью и лаской невѣдомую тяжесть съ его души. Она заговаривала съ нимъ о нѣкоторыхъ молоденькихъ мингрельскихъ княжнахъ. Есть дальнія родственницы изъ обширной фамиліи Дадіановъ... Но онъ и слушать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было княжнахъ... Онъ думалъ объ одной, но не изъ этихъ, не изъ здѣшнихъ... О, еслибъ она знала весь позоръ его положенія!.. Онъ общалъ

повергнуть къ ея ногамъ весь абхазскій народъ. Но гдѣ онъ, этотъ народъ? — Одинъ Урусъ Лаквари да старый Галибъ—вотъ и весь его народъ. А тѣ наемники, что живутъ его подачками да съ княземъ Михаиломъ охотятся на кабановъ и на дикихъ козъ, — это ли не поданные! Онъ чувствовалъ, что здоровье начинаетъ измѣнять ему. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ. Къ веснѣ имъ овладѣла какая-то тупая апатія. Ракоци видѣлъ это и приписывалъ перемѣнѣ климата.

— Поѣзжайте въ маѣ въ Пятигорскъ, въ Кисловодскъ,—говорилъ онъ: — покупайтесь въ Нарзанъ: онъ укрѣпитъ васъ, возбудитъ бодрость, энергію. Я помню, какъ Нарзанъ возстановилъ мои силы послѣ раны и кавказской лихорадки.

Эти слова цѣлительнымъ бальзамомъ упали на его душу. Какъ эта мысль не пришла ему самому въ голову?—Варя писала ему—видимо подъ цензурой матери—что весной они думаютъ ѣхать на минеральныя воды Кавказа, что ея родителямъ нужно полѣчиться въ Пятигорскѣ, Эссентукахъ и Кисловодскѣ. Но это не все!—Въ постскриптумѣ прибавлялось, что и князь Голицынъ—ненавистный Голицынъ!—переводится на службу на Кавказъ и будетъ сопровождать ихъ на минеральныя воды... Вотъ до чего дошло въ его отсутствіе! Невыносимый шаркунъ ѣдетъ съ ними... всю дорогу они будутъ вмѣстѣ. Остановки, прогулки, общія впечатлѣнія... закаты солнца... восходы луны... ночныя гулянья... А онъ торчитъ въ этой проклятой тюрьмѣ!

Въ немъ тотчасъ же созрѣло рѣшеніе—ѣхать.

— Но какъ же? На кого я оставлю Абхазію?—спросилъ онъ Ракоци и самъ покраснѣлъ отъ этого вопроса.
 мордовцевъ. прометеево потомство.

— На кого? — да на меня и на Михина, — отвѣчалъ добродушно Ракоци: — я въ Соуксу, а онъ въ Сухумѣ. За неприкосновенность этихъ вашихъ пунктовъ я ручаюсь.

Да и въ самомъ дѣлѣ — «на кого онъ оставитъ Абхазію?» — Да развѣ она его? Она — ничья. Скорѣе она — владѣніе его ненавистнаго дядюшки Арслана. Да и эти «два пункта» — развѣ они принадлежатъ законному «владѣтелю Абхазіи»? Нѣтъ, они принадлежатъ Россіи, русскимъ; русскіе ихъ защищаютъ. Они принадлежатъ, по справедливости, майору Ракоци, подполковнику Михину да фельдфебелямъ Сукачеву и Кудряшову. Онъ же — только вывѣска, за которою скрывается пустота.

— Вамъ не нужно брать отпуска по службѣ, — продолжалъ Ракоци. — У васъ нѣтъ здѣсь начальства; вы сами себѣ начальникъ. Вы только заявитесь къ Ермолову и скажете, что вамъ нужно полѣчиться. А съ Арсланомъ мы сами будемъ имѣть дѣло, если онъ здѣсь появится. За ея свѣтлость, княгиню Тамару, и за князя Михаила Георгіевича вы не бойтесь. Да быть можетъ, что и князь Михаилъ захочетъ поѣхать съ вами — поразвлечься. Тамъ тоже охота богатая.

Они сидѣли въ небольшомъ кабинетѣ князя. Послѣдній всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ.

— Знаете, что писалъ мнѣ Горчаковъ послѣ того, какъ я провозглашенъ былъ *владѣтелемъ* Абхазіи? — спросилъ онъ, съ горькой ироніей ударяя на словѣ «владѣтель».

— Не знаю, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Ракоци.

Князь вынулъ изъ письменнаго стола бумагу.

— Вотъ что писалъ онъ: — «Излишнимъ почитаю упоминать вашей свѣтлости объ обязанностяхъ вашихъ въ отношеніи къ облагодѣтельствовавшему васъ государю»

императору. Бывъ воспитаны и возведены на высокое достоинство его милостями, не могу я сомнѣваться въ вѣрности вашей, а благородныя чувства, которыя примѣчаю въ вашей свѣтлости на каждомъ шагу, безъ сомнѣнія, внушать вамъ болѣе, нежели все то, что я могу сказать касательно сего предмета».

— «Высокое достоинство!» — «благородныя чувства!» — прервалъ онъ себя съ горечью: — надъ кѣмъ моя высота, когда у меня нѣтъ подданныхъ? — А князь пишетъ (ударилъ онъ рукою по бумагѣ): — «Полудикіе нравы, невѣжество и обычаи подданныхъ вашихъ»... — подданныхъ! гдѣ они? — «должны казаться вамъ странными, и ваша свѣтлость, безъ сомнѣнія, ясно видите сами необходимость ввести лучшее устройство во всѣхъ частяхъ»... Какія это части? гдѣ? въ чемъ? Какое устройство? А онъ еще предостерегаетъ: — «За всѣмъ тѣмъ совѣтую вамъ не вдругъ перемѣнять насиліемъ обычаи, господствующіе уже нѣсколько столѣтій въ сей странѣ. Примѣръ вашей свѣтлости будетъ для подвластныхъ вамъ — лучшая наука»...

— Но гдѣ эти подвластные? — Я ихъ, какъ нѣкогда Діогенъ, долженъ искать днемъ съ фонаремъ.

Онъ бросилъ на столъ бумагу и вновь зашагалъ по кабинету. Ракоци сочувственно слѣдилъ за нимъ глазами.

— Да вы не волнуйтесь, ваша свѣтлость, — сказалъ онъ успокоительно: — все устроится... А что еще писалъ князь Горчаковъ? Вы, кажется, не все прочли мнѣ. Можно?

Князь опять взялъ бумагу и схватился за голову.

— Здѣсь душно, — сказалъ онъ: — пойдѣте на галерею.

Они вышли. На нихъ нахнуло дыханіемъ южной весны. Горы и предгорья уже покрыты были роскошной

зеленю. Въ воздухѣ рѣяли и перекликались ласточки. Въ кудрявой зелени дикаго винограда жужжали пчелы. Въ невидимой дали синяго неба звонко клекотали орлы... «Ѣхать, Ѣхать скорѣй туда, — къ ней навстрѣчу», — думалъ молодой абхазецъ.

Эта мысль оживила его. Онъ засмѣялся:—ему показалось теперь комичнымъ его положеніе.

— Чему вы это?—спросилъ Ракоци.

— Вотъ!—ударилъ снова по бумагѣ князь.—Горчаковъ пишетъ: — «Личная безопасность ваша, при теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, требуетъ безпрестанныхъ мѣръ осторожности, почему и почитаю нужнымъ повторить вамъ то, что имѣлъ честь докладывать изустно, именно: сколь необходимо имѣть вамъ безпрестанно при себѣ не менѣе пятидесяти человѣкъ надежной конницы. Легко можно вамъ собрать и содержать сіе малое число людей. Нѣсколько ласковыхъ словъ и незначительные подарки привяжутъ къ вамъ сію стражу самымъ нелицемѣрнымъ образомъ. При всемъ пособіи отъ російскаго правительства, не можете вы ожидать, чтобы войска могли гоняться за малыми шайками и наказывать легкія грабительства, но конница ваша можетъ ихъ преслѣдовать всюду и заставлятъ абхазцевъ повиноваться вашей власти»...

— Что-жь! я и содержу эту конницу,—прервалъ онъ чтеніе:—и вотъ братъ Миша охотится съ нею на кабановъ, на дикихъ козъ и на моихъ подданныхъ... Абхазцы—такіе же мои подданные, какъ кабаны и козы:—лови ихъ по лѣсамъ и горамъ, и подстрѣливай... Они такіе же мои подданные, какъ эти пчелы, какъ вонъ тѣ ласточки, что дѣпятъ гнѣзда по карнизамъ, какъ вонъ

тѣ орлы... Все это мое—и воздухъ мой, и небо мое, и солнце мое — все это на моей землѣ... А онъ еще пишетъ, чтобы я всѣхъ бѣжавшихъ за-границу и возвращающихся съ покорностью—прощаль, и только милыхъ дядюшекъ моихъ: Арслана, Батала, Ростома и Галярбея — вонъ ихъ сколько у меня! — не допускалъ бы въ Абхазію: — «пролитая ими кровь русская да будетъ мститься до потомства, и именемъ высшаго начальства я возлагаю на вашу свѣтлость обязанность преслѣдованія ихъ всюду»... Ну, и преслѣдуй вонъ тѣхъ орловъ!

— А чортъ съ ними! — сказалъ онъ наконецъ, оставиваясь противъ Ракоци:—вы правы... Ъхать, такъ ѡхать... А то я съ ума сойду отъ моего «высокаго достоинства»!

II.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ Кисловодскѣ, у самаго обрыва Крестовой горы, лицомъ къ Нарзану стояли двое мужчинъ: одинъ пожилой въ статскомъ платьѣ, другой— молодой, въ сюртукѣ кавалергардскаго офицера, и молоденькая дѣвушка со свѣтлыми, почти пепельнаго отлива, локонами. За ними лѣтъ 12 дѣвочка и лѣтъ 8—9 мальчикъ играли съ собакой.

— Господи, какъ хорошо! — почти шопотомъ проговорила дѣвушка. — Я даже вообразить себѣ не могла ничего подобнаго, когда въ Петербургѣ думала о Кавказѣ.

— Да это и не Кавказъ, княжна, — замѣтилъ пожилой мужчина: — это только преддверіе Кавказа.

— Не знаю, докторъ. Но посмотрите, какая даль, какой просторъ! А эти пропасти, тамъ, между скалъ — вотъ эта, прямо, которая теряется среди ущелій, или эта—влѣво... Въ нихъ есть что-то таинственное.

— Онѣ называются здѣсь просто балками: — вотъ эта, что противъ насъ, — Березовая балка; вотъ та, лѣвѣе — Кабардинская, еще лѣвѣе — Ольховая. Все это такія прозаичныя названія. А тамъ, за Подкумкомъ — видите сѣрые уступы? тамъ, нѣсколько ниже — Кольцо-гора.

— Ахъ, да, мнѣ ее дорогой показывали издали, — сказала дѣвушка.

— А вонъ съ продолговатой горы, въ родѣ огромнаго

пирого, — указавъ рукою, обращаясь лицомъ къ востоку, тотъ, котораго назвали докторомъ, — съ той горы виденъ и Эльборусъ и весь хребетъ, изъ-за котораго иногда налетаютъ сюда черкесы.

— Абхазцы съ Арсланъ-беемъ! — встрепенулась дѣвушка, мѣняясь въ лицѣ.

Офицеръ значительно посмотрѣлъ на нее.

— Да, абхазцы, княжна, — спокойно отвѣчалъ докторъ. — Но вамъ нечего бояться: — въ Кисловодскѣ есть чѣмъ дать имъ отпоръ. Да они хищничаютъ только по окрестнымъ мирнымъ ауламъ: — угоняютъ скотъ, иногда хватаютъ дѣтей-пастушковъ, а то и дѣвушекъ, дѣвочекъ — что попадется. Съ Арсланъ-беемъ неразлучна его красавица жена, Эсма-ханумъ, удивительная наѣздница.

— Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть хребетъ съ той горы! — что-то обдумывая, проговорила дѣвушка. — Какъ ее зовутъ, докторъ?

— Елизаветинская гора. Въ третьемъ году я нѣсколько разъ сопровождалъ на эту гору поэта Пушкина и его друга Раевского... Какой очаровательный этотъ Пушкинъ!

— Я съ Александромъ Сергѣевичемъ знакома была въ Петербургѣ, — сказала дѣвушка: — онъ такой... точно ртутный.

— И вообразите, княжна: — когда мы были на Елизаветинской горѣ, онъ все утверждалъ, что слышитъ стоны Прометея и видитъ его прикованнымъ къ вершинѣ горы... Даже гору показывалъ, и назвалъ ее Прометеевой... Говорить, что въ абхазцахъ течетъ буйная кровь Прометея... Такъ и говорилъ бывало: — поѣдмете

на Елизаветинскую гору слушать стоны Прометея и смотрѣть на Абхазію.

— И я хочу посмотрѣть на Абхазію, докторъ, — капризно проговорила дѣвушка.

— И я!—и я!—разомъ закричали, подбѣгая, дѣвочка и мальчикъ:—вѣдь тамъ «свѣтлый дядя» живетъ.

По лицу офицера пробѣжала тѣнь. Онъ нетерпѣливо двинулъ плечами и повернулся въ сторону Кисловодска.

— А посмотрите внизъ:—тамъ ѣдутъ абхазцы, — сказалъ онъ насмѣшливо.

По дорогѣ отъ Эссентуковъ, дѣйствительно, двигалась группа всадниковъ, числомъ около пятидесяти, въ горскихъ костюмахъ, въ папахахъ, въ буркахъ. Спустившись къ Ольховкѣ, они вдоль ея берега слѣдовали по направлению къ Нарвану. Впереди группы ѣхали два всадника на прекрасныхъ коняхъ, украшенныхъ дорогою наборною сбруей.

— Князь, дайте мнѣ, пожалуйста, вашу трубу, — сказала дѣвушка дрогнувшимъ голосомъ.

Офицеръ снялъ зрительную трубу, висѣвшую у него черезъ плечо, и съ поклономъ подаль ее дѣвущкѣ.

Она долго наводила трубу, поправляла ее, — и вдругъ руки ея задрожали, и она видимо поблѣднѣла, потому что щеки ея покрылъ румянецъ.

— Что съ вами, княжна? — спросилъ тотъ, кого называли докторомъ. — Вы, въ самомъ дѣлѣ, испугались?

Дѣвушка не сразу отвѣчала, возвращая трубу офицеру.

— Пойдемте скорѣй, — сказала она взволнованнымъ голосомъ, стараясь казаться спокойной. — Это ѣдетъ князь Шервашидзе... я узнала его. Пойдемте встрѣтимъ его...

— «Свѣтлый дядя!» — «свѣтлый дядя!» — радостно закричали мальчикъ и дѣвочка. — Фингалъ! «Свѣтлый дядя» пріѣхалъ.

Собака начала радостно прыгать на дѣтей и лаять.

— Владѣтель Абхазіи, абхазскій царь! — прыгала дѣвочка.

— Онъ мой, Катя! — протестовалъ мальчикъ: — онъ училъ меня верхомъ ѣздить.

— Нѣтъ, мой! — онъ называлъ меня: «моя маленькая фея», — возражала дѣвочка.

Всѣ поспѣшно стали спускаться съ Крестовой горы по гладко утоптанной дорожкѣ, которая крутыми зигзагами вела прямо къ Нарзану, дѣлая какъ спускъ съ горы, такъ и подъемъ на нее очень удобными. Впереди бѣжали дѣти и собака, которая радостно лаяла, вторя веселой болтовнѣ дѣтей.

— Говорятъ, Арсланъ-бей и его три брата оспариваютъ у своего племянника, князя Шервашидзе, владѣніе Абхазіей, — говорилъ докторъ, поспѣшая за дѣвушкой.

— Да это просто разбойники, а Арсланъ-бей, кромѣ того, и отцеубійца, — отвѣчала на ходу дѣвушка.

— Неужели? — удивился докторъ.

— Да. Онъ убилъ своего отца, Келешъ-бека, дѣдушку князя Шервашидзе.

Группа всадниковъ подѣвжала уже къ Нарзану, когда дѣти показались ей на встрѣчу. И мальчикъ, и дѣвочка въ нерѣшительности остановились, поглядывая на всадниковъ.

— Сережа! Катя! Екатерина Павловна! — радостно воскликнулъ передній всадникъ, соскакивая съ лошади.

Это былъ князь Димитрій Шервашидзе. Онъ горячо обнялъ Серезу и поцѣловалъ руку у дѣвочки.

— Какъ я радъ! какъ вы выросли! А гдѣ же ваши?— спрашивалъ онъ, любуясь дѣтьми.

— Ронъ Варя. А мама и папа въ паркѣ.

Изъ-за ствола бѣлой акаціи мелькнуло свѣтлое платье княжны Варвары Павловны Гагариной. За нею слѣдовали знакомый уже намъ молодой князь Голицынъ и докторъ. Княжна шла, казалось, нерѣшительно, точно впереди ждалъ ее совершенно незнакомый мужчина. Почти годъ, въ теченіе котораго они не видѣлись, если и не поставилъ преграды между ихъ чувствами, но въ проявленіе ихъ все-таки внесъ нѣкоторое измѣненіе, особенно со стороны дѣвушки. А годъ жизни въ такомъ возрастѣ, въ какомъ оставилъ княжну Варю молодой абхазецъ,—это цѣлая эпоха: было четырнадцать лѣтъ—стало пятнадцать. Болѣе трехсотъ дней опыта, размышленій, сомнѣній,—это куда какъ много въ пятнадцать лѣтъ!..

Шервашидзе быстро пошелъ ей на встрѣчу. И для него этотъ годъ прошелъ не безслѣдно.

— Княжна... Варвара Павловна... какъ я счастливъ...

Но съ той стороны счастье свиданья ничѣмъ не выразилось. Тамъ и сердце очутилось подъ кольчугой, и лицо подъ забраломъ: — это была уже не Варя, а женщина. Крѣпость приходилось брать снова. Влюбленный абхазецъ почувствовалъ это сразу: непріятельскую хитрость, фальшивые маневры, неожиданныя вылазки—все это предстояло испытать до капитуляціи,—да еще и послѣдуетъ-ли она?..

Съ самой утонченной свѣтской вѣжливостью княжна отвѣчала на привѣтствіе молодого абхазца.

— Я не ожидала вас встрѣтить здѣсь, по крайней мѣрѣ—такъ скоро...

— Но я писалъ... вы писали мнѣ,—говорилъ растерянно простодушный абхазецъ, сбитый съ позиціи утонченнымъ женскимъ коварствомъ.

— Вы, кажется, были знакомы съ княземъ... князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ...

«Кажется... были знакомы... кажется... она все была»...

Не забыла! — но съ женскимъ ехидствомъ испытываетъ, экзаменуетъ.

— Позвольте васъ познакомиться:—докторъ Григорій Ивановичъ Черненко—князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе.

«Владѣтель» Абхазіи, совсѣмъ растерявшійся, повдоровался машинально съ княземъ Голицынымъ, не замѣтивъ даже насмѣшливой улыбки на самодовольномъ лицѣ послѣдняго, потомъ крѣпко пожалъ руку доктору. Казалось, онъ ничего не понималъ. Но это именно и тѣшило лукавую дѣвчонку, это именно и нравилось въ немъ ей, избалованной плоскими любезностями и стереотипными комплиментами петербургской золотой молодежи, которые такъ ей опротивѣли... А это такой милый дикарь—надо его помучить, налюбоваться на его замѣшательство...

Они подошли къ выстроившейся свитѣ князя. Молодецъ къ молодцу! Сердце коварной дѣвчонки забилося радостью и гордостью... «Все это мое... я ихъ царица»...

— Гдѣ же вашъ братъ?

Юный красавецъ стоялъ первымъ въ строю, сдерживая своего молодецкаго коня. Казалось, это была чудная, вылитая изъ бронзы, конная статуя. При вопросѣ—

«гдѣ же вашъ братъ?»—густая краска залила смуглыя щеки юноши; но онъ оставался тою же прекрасной статуей; только, при видѣ смущенія старшаго брата, на груди его трепеталъ недавно пожалованный ему бѣленькій крестикъ.

— Миша... съ тобою желаютъ... я тебя долженъ представить княжнѣ...

Юноша въ одно мгновеніе былъ на землѣ, сдѣлавъ два шага и вытянулся въ струнку: — онъ думалъ, что предъ нимъ, по крайней мѣрѣ, дочь самого царя.

Княжна подошла и съ улыбкой протянула ему руку... «Что за прелесть они оба!»—ликовало ея сердце:—«и какъ въ сравненіи съ ними противенъ Голицынъ съ его самоувѣренной улыбкой».

— А вотъ и мама!— кричалъ издали Сережа, таща княгиню за руку:—«свѣтлый дядя» пріѣхалъ.

За ними показался и князь Павелъ Сергѣевичъ, подъ руку съ Катей.

— Какъ вы похудѣли, дорогой князь!—ласково, съ материнской нѣжностью, говорила княгиня, повдоровавшись съ молодымъ абхазцемъ.—Не были ли вы больны?

— Нѣтъ, уважаемая княгиня, я не былъ боленъ,— отвѣчалъ тотъ, чувствуя, при видѣ искренней ласковости княгини, приливъ горячей къ ней нѣжности.—Заботы...

— Тяжела шапка Мономаха,—улыбнулся князь Павелъ Сергѣевичъ, крѣпко пожимая руку молодому чело-вѣку.

— Мама, позволь представить тебѣ князя Михаила Георгіевича, — говорила между тѣмъ лукавая дѣвушка, подводя къ матери юнаго Шервашидзе, которымъ завла-дѣла сразу и который также сразу влюбился въ нее.

— Очень рада, очень рада... Такой молоденькій, и уже съ Георгіемъ,—говорила княгиня, любясь смущеніемъ юнаго красавца.

— За подвиги противъ родного дяди,—пояснилъ старшій Шервашидзе.

— Противъ Арсланъ-бея?.. Какъ это мило — защищать интересы брата и законнаго владѣльца страны... Я бы желала, чтобы мой сынъ былъ такимъ...

— Я и буду такимъ!—выпалилъ Сережа, и разсмѣшилъ всѣхъ.

III.

Тревожно провели эту первую ночь, послѣ встрѣчи у Нарвана, и князь Дмитрій, и княжна Варя. Только тревоги ихъ были не одинаковыя. Варя чувствовала, что теперь она еще больше, серьезнѣе, глубже любить этого «Прометеева потомка». По его похудѣвшему лицу, по неуловимымъ проблескамъ чего-то въ его подчасъ задумчивомъ и затуманенномъ взорѣ, она смутно сознавала, что онъ много пережилъ за этотъ годъ, много передумать. Онъ сталъ серьезнѣе, сдержаннѣе. Ее неодолимо влекла къ нему горячая нѣжность. Кажется, она такъ и разрыдалась бы у него на груди. Но ее останавливала безумная ревность къ кому-то, къ чему-то. А если его грустные глаза, тамъ, за этими горами, съ любовью глядѣли въ другіе глаза? Судя по его брату только, по лицамъ его свиты, тамъ, за этими горами — непочатой уголь красоты. Каковы же должны быть тамъ женщины, когда есть такіе мужчины! Ложная дѣвическая стыдливость, глупая гордость толкнули ее сегодня на ложный путь. Она слишкомъ холодно, слишкомъ чопорно встрѣтила его, и тѣмъ сама вырыла себѣ пропасть и поставила стѣну отчужденія отъ ихъ прежней короткости, отъ прежней близости, которая теперь вскружила бы ей голову и заставила трепетно забиться сердце. А она оттолкнула его...

«Сама, сама виновата», — шептала она, чувствуя, какъ

слезы скатывались съ ея лица на подушку. Она припоминала теперь, въ ночной тишинѣ, его недоумѣвающій грустный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ была искренность, честность; а она вела себя безчестно, притворялась, хитрила съ нимъ, и теперь ей казалось, что всѣ женщины безчестны, — вѣчно прячуть свое чувство, играютъ роль или кокетничаютъ... «А это подло, подло — шептала она, чувствуя, что щеки ея пылаютъ: — мужчины честнѣе насъ, искреннѣе, правдивѣе! А мы, лицемерки, прикидываемся невинными, непонимающими... Это — чтобъ придать себѣ цѣну... Торговки мы, торговки!.. Развѣ это не торгъ, не запросъ лишней цѣны за свой товаръ, когда мы обнажаемъ плечи и руки, чтобъ соблазнять, а сами лицемѣрно потупляемъ глазки, какъ будто отъ скромности, отъ стыда, а не стыдимся показывать всѣмъ голыя плечи... А если мужчина только безъ галстука, мы должны сгорѣть со стыда, вознегодовать... Какъ это нечестно, какъ возмутительно!»

Она торопливо стала утирать слезы... «Не надо, не надо плакать, а то завтра глаза будутъ красные и носъ красный... А вѣдь мы условились ѣхать на Елизаветинскую гору. Да, вотъ мы всѣ такія: — сегодня встрѣтила его холодно, какъ чужого, а на завтра боюсь показаться ему съ красными глазами, некрасивою... Гадкiя, гадкiя! — они всѣ лучше насъ, благороднѣе».

Невольно она перешла на воспоминанiя о Павловскѣ, о катанiи по парку, о скамейкѣ на берегу Славянки, о ландышахъ, о кукованiи кукушки въ тотъ вечеръ — и на этомъ нечувствительно заснула.

Другого характера тревоги превратили для молодого владѣтеля Абхазiи эту ночь послѣ встрѣчи у Нарвана —

въ ночь мучительныхъ терзаній. Человѣкъ пылкаго темперамента, онъ, въ ожиданіи встрѣчи, которая случилась такъ неожиданно, потратилъ слишкомъ много энергіи сердца, — и теперь имъ овладѣло подавляющее духъ угнетеніе. Здѣсь, въ ясномъ, дѣтски-невинномъ взорѣ онъ надѣялся найти тотъ живой источникъ, изъ котораго думалъ почерпнуть силы Прометея, чтобы вдохнуть небесный огонь въ свой народъ. Какъ? — онъ этого не зналъ. Но онъ вѣрилъ, что какимъ либо чудомъ достанетъ этотъ огонь съ неба; а его небо — все небо — вмѣщалось въ томъ ясномъ, невинномъ взорѣ, который — увы! — послѣ встрѣчи у Нарвана закрылъ для него это небо. То нравственное угнетеніе, которое онъ влачилъ всю зиму въ Абхазіи и которое, казалось, отлетѣло отъ него, едва онъ перешагнулъ кавказскій хребетъ и выбрался на необъятный просторъ кубанскихъ степей, — снова, казалось, сошло на его душу вмѣстѣ съ шумомъ кипучихъ струй Нарвана.

Развѣ это *та* Варя, прежняя? — *Эта* красивѣе той, много красивѣе; но... отъ нея, казалось, что-то отлетѣло, что-то оторвалось, какъ будто у бѣлой лиліи унесло нѣсколько самыхъ нѣжныхъ лепестковъ. Мелодія ея милого голоса — уже не та. Прежде, когда она говорила, онъ чувствовалъ, что она *для него* говоритъ, въ его душу переливаетъ музыку милого голоса. Теперь же, у Нарвана, она говорила для всѣхъ, и, быть можетъ, больше для того постылаго человѣка, который такъ самоувѣренно глядѣлъ на нее.

А что онъ скажетъ, если она спроситъ его объ Абхазіи? Да и поинтересуется ли она теперь? Можетъ быть, это одна только женская причуда избалованной

петербургской барышни, что она завтра хочет ѣхать на Елизаветинскую гору, «чтобъ хоть оттуда взглянуть на Абхазію» — «на вашу Абхазію», какъ она иронически выразилась. Что жъ онъ можетъ теперь предложить ей? Почти тюремное заключеніе въ Соуксу и общество угрюмаго Уруса Лаквари и добраго майора Ракоци? Захотѣла ли бы она, — еслибъ знала все, — промѣнять упойтельный для нея шумъ и блескъ петербургскаго свѣта на монотонную жизнь въ Соуксу или хотя бы въ Тифлисѣ? Гдѣ жъ ему теперь почерпнуть ту нравственную силу, ту мощь орла, чтобы подъ крылья свои собрать свой народъ, всю Абхазію? Кто вложить въ уста его даръ пророка, слову котораго внимали бы камни, скалы и горныя рѣки его родины? А онъ надѣялся вдѣсь почерпнуть эту силу — и Абхазія была бы у его ногъ, чтобы онъ могъ повергнуть ее къ маленькимъ ножкамъ той, которая...

— Кто тамъ?

— Это я, Урусъ Лаквари... Господинъ не спитъ? Что тревожитъ господина?

— Скоро ли утро?

— Уже звѣзда Востока начинаетъ тускнѣть.

— Скажи тамъ конвою, чтобы лошади хорошо были накормлены, вычищены, чтобы сбруя блестяла на солнцѣ: когда нѣсколько спадетъ дневной жаръ, мы сдѣлаемъ прогулку въ горы.

— Все будетъ исполнено, господинъ.

— А чтобы васъ шайтанъ защекоталъ! — слышался сердитый сонный голосъ юнаго Шервашидзе, который спалъ въ другомъ отдѣленіи просторной палатки. — На самомъ интересномъ мѣстѣ разбудили... Я видѣлъ во снѣ эту хорошенькую пери Гагá... Гагá — какъ ее, шаймордовцевъ. прометеево потомство.

танъ! Гагагину... Мы сидѣли съ ней на высокой, высокой горѣ, а подѣ нами шумѣлъ Терекъ... Она—эта пери Гага—боялась упасть въ Терекъ, а я ее обнялъ, и только сталъ цѣловать ея губки—вы, шайтаны, и разбудили меня, и моя пери улетѣла на небо.

— Глупости ты болтаешь, — недовольнымъ голосомъ отозвался старшій братъ.

— Не глупости! А ты, братъ—тряпка. Зналъ въ Петербургѣ эту пери, этого дьяволенка,—и не укралъ ея. Рыба ты, а не абхаецъ, не делибашъ!

— Да замолчи ты, глупый мальчишка!

Спать они уже оба не могли, и потому, какъ только взошло солнце и облило золотомъ вставшіе надъ Кисловодскомъ зеленые скаты горъ, съ сѣрыми прорѣзами скалъ, и верхушки столѣтнихъ кленовъ и тополей парка, — велѣли Урусу Лаквари захватить простыни и идти съ ними къ Нарвану. Тамъ они хотѣли взять освѣжительныя ванны этого живительнаго источника.

Палатка ихъ разбита была на возвышеніи, позади цитадели, которая господствовала надъ всѣмъ пространствомъ, ограниченнымъ теченіями рѣчекъ Березовки и Ольховки, нѣсколько ниже сливавшимися въ одинъ быстрый потокъ, стремившійся къ Подкумку. Выйдя изъ палатки, они услышали оживленные голоса внизу и увидѣли, что это нукеры конвоя купали въ Березовкѣ лошадей. У ворота цитадели часовой отдалъ имъ честь.

Утро было прелестное, воздухъ необыкновенно мягкій и прозрачный. Эта прозрачность позволяла видѣть въ недостижимой высотѣ черныя точки, медленно по спиральмъ двигавшіяся въ бирюзовой синевѣ неба. То были орлы. Ниже кружились въ воздухѣ болѣе мелкіе хищники —

копчики, оглашавшіе низины Кисловодска своимъ звонкимъ киканьемъ. Еще ниже, надъ Ольховкою, ласточки словно пули чертили по всѣмъ направленіямъ утренній воздухъ. Но прелесть зарождающагося дня не дѣйствовала на этотъ разъ на душу удрученнаго ночными думами молодого «повелителя» Абхазіи. Онъ видѣлъ передъ собою одно—удлиненный, покатый къ югу массивъ Елизаветинской горы и ея крутыя сѣрыя ребра. Туда должна была направиться сегодня занимавшая его поѣздка. Онъ теперь глядѣлъ на все глазами той, о которой съ такой тревогой продумалъ всю ночь. И она увидитъ все это. Вонъ правѣе, возвышаясь изогнутыми линіями, окутанные темною зеленью, тянулись къ югу гребни горъ, за которыми уже высились зубчатые великаны, заслонявшіе его Абхазію. Лѣвѣе массива Елизаветинской горы, долина Подкумка представляла нѣчто въ родѣ широкихъ воротъ, изъ-за которыхъ выглядывали неопредѣленные очертанія возвышенностей, уходившихъ въ синюю, дымчатую даль. Братъ молча спустился къ невысокому каменистому берегу Ольховки, которая гармонично журчала и плескалась о торчавшіе изъ воды камни. Моста не было, да въ немъ никто и не имѣлъ надобности. Младшій Шервашидзе, привыкшій съ дѣтства къ горнымъ рѣчкамъ своей родины, быстро перемахнулъ по торчавшимъ камнямъ на другую сторону Ольховки. Старшій братъ остановился въ нерѣшительности. Какъ это полковнику императорской гвардіи и повелителю Абхазіи, подобно горной козѣ, прыгать черезъ рѣчки!

— А ты, нѣженка, и этого не сѣмѣешь сдѣлать? — подзадоривалъ его младшій братъ.— Урусъ, перенеси его на себѣ, какъ дѣвчонку, — бросилъ онъ насмѣшку шед-

шему за ними съ простынями и полотенцами Урусу Лаквари, который лукаво улыбался.

Князь Димитрій, подзадориваемый братомъ, послѣдовалъ его примѣру. Но, болѣе тяжелый чѣмъ онъ, князь Димитрій быстрымъ скачкомъ сдвинулъ одинъ камень съ мѣста и оступился въ воду лѣвой ногой.

— Я такъ и зналъ!—весело разсмѣялся юный Шервашидзе. — Вотъ если бы тебя увидала петербургская пери... вотъ срамъ! а еще горецъ.

— Я не коза и не собака, чтобы прыгать черезъ глупыя рѣчонки! — сердито проворчалъ князь Димитрій, отирая о траву мокрый сапогъ и радуясь, что его въ этотъ моментъ не видала «петербургская пери».

Въ купальномъ бассейнѣ Нарвана они встрѣтили только доктора Черненко, который каждое утро купался въ цѣльной водѣ живительнаго источника. Онъ только что вышелъ изъ бассейна и теперь одѣвался.

— Я ужасно люблю купаться въ цѣльномъ Нарванѣ, — говорилъ онъ, дрожа отъ холода:—точно шипучее шампанское обхватываетъ тѣло, и порядочно таки сѣчетъ. Но послѣ купанья чувствуешь необыкновенную бодрость. Такъ ваша свѣтлость не раздумали сегодня ѣхать цѣлой компаніей на Елизаветинскую гору?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, докторъ, я съ удовольствіемъ поѣду, — отвѣчалъ князь Димитрій.

— А княжна Варвара Павловна вчера весь вечеръ мечтала объ этой поѣздкѣ—какъ ребенокъ, радовалась, — продолжалъ докторъ.—Да она и въ самомъ дѣлѣ еще ребенокъ...

«Н-ну!—подумалъ про себя князь Димитрій:—вчера она совсѣмъ не ребенкомъ себя показала».

IV.

Послѣ обѣда, едва зной сталъ спадать, князя Шервашидзе, въ сопровожденіи всего своего блестящаго конвоя, подѣвжали уже къ большому, покрытому соломой дому, въ которомъ остановилось семейство князя Гагарина. Домъ этотъ выходилъ на слободскую площадь, наискосокъ отъ небольшой кислородской церкви. По двумъ сторонамъ дома, обращеннымъ на сѣверъ и на сѣверо-западъ, тянулась крытая галерея, дававшая тѣнь и прохладу въ знойные часы дня. Всѣ Гагарины сидѣли на галереѣ. Тамъ же были докторъ Черненко и князь Голицынъ, которые обѣдали у Гагариныхъ.

Увидя молодыхъ князей Шервашидзе и ихъ блестящую свиту, княжна Варвара Павловна густо покраснѣла. Въ краску ее бросило простое соображеніе: вчера къ своему нынѣшнему обѣду они не приглашали Шервашидзе, а между тѣмъ докторъ и Голицынъ—приглашены. Но это сдѣлано было не спроста, а подъ вліяніемъ обыкновенной женской логики. Надо было и тутъ слухавить: кого наиболѣе желательно было видѣть у себя, тѣхъ-то именно и не пригласили. И на этомъ лукавомъ вывертѣ настояла та, которую считали наивнымъ ребенкомъ. Она прямо сказала матери: «если мы ихъ сейчасъ же пригласимъ, то подумаютъ, что мы вѣшаемъ на шею владѣтелю Абхазіи, и Голицынъ первый это подумаетъ и раз-

благовѣститъ по всему Петербургу». Мать безмолвно по-виновалась юному дипломату, потому что заинтересованною стороною въ данномъ случаѣ являлся именно этотъ дипломатъ, которому еще слѣдовало бы ходить въ коротенькихъ платьицахъ.

— «Свѣтлый» дядя ѣдетъ!—радостно закричалъ Сережа, увидавъ подъѣзжающихъ.

Братъ Шервашидзе сошли съ лошадей и поднялись на галерею. Отчаянный головорѣзъ, князь Михаилъ, снова превратился въ растерявшагося мальчика, какъ только очутился въ непривычномъ обществѣ. Но къ нему на выручку опять явилась старшая княжна.

— А я вчера и не замѣтила—вы георгіевскій кавалеръ?—сказала она ласково.

— Да, княжна,—отвѣтилъ юноша, краснѣя.

— Въ какомъ дѣлѣ вы его получили? —спросила княжна.

— Въ дѣлѣ съ черкесами у аула Схаби, гдѣ мы штурмомъ взяли завалы.

— И вы сражались, и убили черкеса?—съ пылающими глазами, пожиравшими юнаго героя, спросилъ Сережа.

— Да... зарубилъ саблей.

— Одного?

— Нѣтъ—троихъ, а—говорять—даже пятерыхъ... я самъ сгоряча не замѣтилъ.

Сережа такъ и прикипѣлъ на мѣстѣ отъ удивленія и благоговѣнія. — «Вотъ вы какой». Но докторъ торопился ѣхать, чтобы до сумерекъ вернуться, и потому всѣ сошли къ лошадямъ. Князь Голицынъ хотѣлъ было помочь княжнѣ Варѣ сѣсть на сѣдло, но она съ женской увертливостью отклонила отъ себя его услугу.

— Димитрій Георгіевичъ! вы не разучились сажать меня на сѣдло? — ловко вывернулась она, поглядѣвъ на старшаго Шервашидзе.

Тотъ поспѣшилъ къ ней и ловко посадилъ на сѣдло, оправивъ и выровнявъ длинный шлейфъ. Катю поднялъ на лошадь молодой линеецъ въ тонкой верблюжьей чухѣ, а Сережа все силялся самъ вскарабкаться на своего коня и не могъ, а потому огромный казакъ, котораго онъ называлъ своимъ грумомъ, подхватилъ его, какъ перышко, и преспокойно водворилъ на сѣдлѣ, давъ ему поводья въ руки. Ножки Кати, — обутые въ блѣднорозовые чулочки и въ маленькіе ботинки, — словно голенькія, какъ-то безпомощно выглядывали изъ подъ коротенькаго бѣленькаго платья. Сережа видимо чувствовалъ себя почти героемъ, и постоянно поглядывалъ на младшаго Шервашидзе, рѣшивъ въ умѣ совѣтъ сдѣлаться героемъ и во всемъ подражать обворожившему его коному георгіевскому кавалеру. Скоро внушительная кавалькада двинулась въ путь.

— Смотрите же, Димитрій Георгіевичъ, и всѣ вы, господа, — вечеромъ къ намъ чай кушать, — напутствовала отъѣзжавшихъ княгиня Гагарина.

Варя ѣхала между братьями Шервашидзе. Лошадь князя Голицына шла рядомъ съ лошадью младшаго Шервашидзе. За ними слѣдовали докторъ, Катя и Сережа. Конвой держался нѣсколько поодаль.

Миновавъ паркъ, который тянулся по обѣ стороны Ольховки, и спустившись на ровное мѣсто, вблизи Нарвана, конвой, по звачу младшаго Шервашидзе, проѣхалъ нѣсколько впередъ и началъ головоломную джигитовку. Что продѣлывали отчаянные наѣздники съ своими быстрыми послушными лошадами — это не поддается ника-

кому описанію. Было что-то головокружительное въ этомъ дикомъ состязаніи быстроты, ловкости и удали. Казалось, это мчатся какіе-то демоны на бѣсноватыхъ животныхъ: въ воздухѣ мелькали сверкающія обнаженные сабли, развѣивающіяся отъ быстрого движенія чухи, звенѣли стрелы, раздавались выстрѣлы.

Сердце юнаго горца не вытерпѣло. Князь Михаилъ ринулся въ общій танецъ демоновъ и превзошелъ всѣхъ ихъ: онъ мчался, то стоя на сѣдлѣ, то на всемъ скаку сползалъ подъ брюхо лошади, то хваталъ съ земли брошенную монету.

— Господи, какой отчаянный! какъ онъ не боится,— шептала Варя, блѣдная отъ волненія.

— Съ дѣтства привыкъ,—успокаивалъ ее князь Дмитрій.

— Но мнѣ страшно за него... такой молоденькій...

— Онъ вамъ ровесникъ — ему пятнадцать лѣтъ.

Катя и Сережа были окончательнo дорѣзаны джигитовкой, но только волновались неодинаковыми чувствами. Сережа видѣлъ въ юномъ Шервашидзе какое-то высшее существо. Но Катя вдругъ заплакала: такъ дорогъ ей вдругъ сталъ этотъ необыкновенный юноша, что она сію минуту готова была умереть за него, лишь бы только онъ не упалъ, не убился до смерти. Ее охватило такое жгучее чувство, она такъ любила его въ эту минуту, что отдала бы за него весь міръ, отца, мать, свою жизнь,— и она истерически закричала: «Я не хочу, не хочу!.. Онъ убьется... Спасите его!..» Всѣхъ встревожилъ ея крикъ, и докторъ поспѣшилъ ей на помощь.

— Прикажете остановить джигитовку, — торопливо и взволновано крикнулъ онъ:—дѣвочки дурно.

Всю трепещущую от конвульсивныхъ вздрагиваній и рыданій, онъ снялъ маленькую наѣздницу съ сѣдла и съ трудомъ влилъ ей въ ротъ изъ висѣвшей у него чезъ плечо фляжки нѣсколько капель нарвана съ виномъ. Кавалькада остановилась, джигитовка моментально прекратилась, и всѣ окружили Катю, все еще всхлипывавшую и повторявшую: «Онъ не упалъ?.. Онъ не убится?..» Дѣвочка успокоилась только тогда, когда увидѣла подошедшаго къ ней виновника ея испуга. Она рванулась къ нему и обхватила его шею руками... «Вы не ушиблись? нѣтъ?.. Ахъ страшно!» — лепетала она, бессознательно прижимаясь къ нему. Совсѣмъ растерявшійся юный абхазецъ также бессознательно гладилъ и цѣловалъ голову дѣвочки, безмысленно повторяя: «нѣтъ, нѣтъ... простите меня, простите»...

— Какая дура! — вдругъ раздался голосъ Сережи, и всѣ сразу опомнились, пришли въ себя.

Опомнилась и Катя. Она отняла руки отъ шеи молоденькаго абхазца и глядѣла на всѣхъ большими изумленными глазами, въ которыхъ еще блистали слезы... «Я такъ испугалась», — сконфуженно проговорила она.

— А я такъ вовсе не испугался, — гордо заявилъ Сережа.

Юный герой, виновникъ всего этого переполоха, теперь тоже походилъ на растерявшукся дѣвочку.

— Выпейте еще немножко, милая, — говорилъ докторъ, подавая Катѣ свою фляжку.

— Ну, ваше сіятельство, Екатерина Павловна, опростоволосились же вы, — насмѣшливо говорилъ князь Голицынъ: — маху дали, сударыня!.. И шляпку потеряли...

— Я тоже очень боялась за Михаила Георгиевича, — заявила и княжна Варя.

Катя и юный Шервашидзе сконфуженно, но любовно поглядывали украдкой другъ на друга. Катѣ такъ хотѣлось теперь снова обнимать его, прижиматься къ нему. Голицынъ поднялъ упавшую съ головы Кати шляпу... «Маху дали», — шепнулъ очъ.

Но скоро всѣ усѣлись на лошадей и шествіе продолжалось, но уже безъ джигитовки. Катя ѣхала задумчивая... «Маху дала... это что я расплакалась. Что жъ, я очень испугалась за него... Да и Варя говорить, что очень боялась за Михаила Георгиевича... Да вонъ и мама разъ плакала, когда Сережа упалъ съ качелей. Она тоже испугалась. Всѣ плачутъ отъ испугу... А что я бросилась къ нему, ухватила за него, — такъ это я обрадовалась, что онъ живъ... Онъ такой милый, такой храбрый. Онъ гладилъ и цѣловалъ мою голову... А Голицынъ противный! — «Маху дала!» — гадкій! А вѣдь какими глазами онъ самъ тогда смотрѣлъ на Варю — точно Фингалка на кусокъ сахару. Противный, противный!.. А Михаилъ Георгиевичъ... Миша — онъ не такой — не насмѣшникъ... Когда я вырасту большая, я выйду за него замужъ... Какъ весело будетъ! «Свѣтлый дядя» — Варинъ мужъ, а Миша — мой, — и мы всѣ будемъ жить вмѣстѣ... Мы возьмемъ къ себѣ и папу, и маму, а Сережа тогда ужъ будетъ офицеромъ»...

— Оглянитесь! оглянитесь! — вдругъ раздался голосъ доктора, который, поворотивъ коня, глядѣлъ куда-то на югъ.

— Что такое? — спросила Варя.

— Дѣдушка показался, сѣдой, вѣчный старикъ — Эльборусъ... Видите — вонъ бѣлое облако на горизонтѣ.

Всѣ остановились и смотрѣли. Всѣхъ поражала эта угрюмая, молчаливая отчужденность.

— Какъ ему скучно должно быть, — оригинально выразила свою мысль Катя.

— Вѣрно, вѣрно! — воскликнулъ докторъ: — какъ это вѣрно сказано! То же говорилъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: — «какое — говорить — одиночество, безотрадное, вѣчное одиночество!» Екатерина Павловна такъ чутко поняла это.

— O, princesse Catherine — поэтъ въ душѣ! — съ прежней ироніей замѣтилъ князь Голицынъ.

Катя, польщенная словами доктора, взглянула на младшаго Шервашидзе, и глаза ихъ встрѣтились. Она покраснѣла и стала упорно смотрѣть на далекаго сѣдого великана.

— Точно бѣлая копына, — выразилъ свою мысль Сережа: — вотъ бы на салазкахъ съ нею спускаться.

— У насъ, въ Абхазіи, старику не было бы скучно, — замѣтилъ старшій Шервашидзе: — тамъ у него было бы много братьевъ, дѣтей и внуковъ.

Полюбовавшись на эту удивительную гору, одинъ видъ который пугалъ мысль и воображеніе, кавалькада стала подниматься все выше и выше. Елизаветинская гора, все время не сходявшая съ фона разстилавшейся впереди картины, теперь внушительно вставала передъ глазами путниковъ. Но съ этой стороны гребень ея былъ недосыгаемъ. Нужно было ѣхать въ обходъ, вправо, по постоянно выросавшему подъему. Кругомъ — буйная растительность: трава въ ростъ человѣка, неисчислимое множество, цѣлое море цвѣтовъ, невиданныхъ на сѣверѣ. Изъ кустарника и изъ травы часто выпархивали черныя птицы и съ крикомъ

перелетали дальше, а Фингаль неустанно, но напрасно гонялся за ними.

— Кавказскіе дрозды,—пояснилъ докторъ.

Вдругъ позади грянулъ выстрѣлъ, заставившій непри-
вычныхъ вдрогнуть. Всѣ оглянулись. Съ неба, казалось,
что-то падало въ родѣ распостертой бурки. У одного
абхазца еще дымился стволъ винтовки.

— Какая жалость! орелъ красавецъ!—сказала Варя,
подѣхавъ къ тому, что она приняла было за падающую
съ неба бурку.—Ахъ, у него въ когтяхъ мертвый ягне-
нокъ—бѣдненькій!

V.

Горная тропа, поднимаясь все выше и выше, повернула нѣсколько влѣво, потомъ обогнула небольшую ложбину, изогнулась еще лѣвѣе, — и изумленнымъ глазамъ открылась поразительная картина.

— Господи! это что-то потрясающее! — невольно вырвалось изъ груди Вари.

— Это великій хребетъ; — тихо, какъ бы боясь кого испугать, пояснилъ докторъ.

— Это граница моей Абхазіи, — съ дрожью въ голосѣ проговорилъ старшій Шервашидзе. — Это часовые моей страны въ свѣжныхъ шапкахъ.

У Вари на глазахъ стояли слезы. Такъ вотъ гдѣ его родина... Оттуда къ Олимпу, къ безжалостному Юпитеру, неслись стоны Прометея!.. За этими дивными горами, быть можетъ, и она узнаетъ или радости жизни, или — муки Прометея.

— А какой малюсенькій Кисловодскъ! — его и не видать почти, — замѣтила Катя.

Когда подъѣхали къ крутому склону горы, докторъ предложилъ сойти съ коней и расположиться на травѣ.

— Ровдыхъ необходимъ, — пояснилъ онъ.

Когда всё усѣлись на травѣ, а въ сторонѣ расположился спѣшившійся конвой, Варя обратилась къ доктору.

— Григорій Ивановичъ, — сказала она: — вы начали

было вчера вечеромъ разсказывать намъ мѣны о Прометѣѣ, но вамъ помѣшали. Разскажите ихъ теперь здѣсь:—только въ виду этой удивительной панорамы они и могутъ быть понятны.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ докторъ.—Признаться, въ молодости я былъ горячимъ поклонникомъ классической древности и усердно изучалъ ее по первоисточникамъ. Мѣны о Прометѣѣ особенно волновали мое воображеніе. Въ нихъ такъ много поэтическаго! Потомъ, когда служба связала мою судьбу съ Кавказомъ, я снова вспомнилъ о Прометѣѣ. Притомъ, мы часто говорили о немъ съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Онъ такъ увлекался трагическою судьбою этого титана, похитившаго съ неба для земли священный огонь...

— Feu sacré,—замѣтилъ князь Голицынъ.

— Котораго у васъ не водится,—съ улыбкой замѣтила Варя.—Вы больше любите конюшню, чѣмъ поэзію. Вы сами это говорили—не отпирайтесь... Простите насъ, Григорій Ивановичъ, что мы своей глупой болтовней перебили васъ.

— Помилуйте, я не педантъ,—сказалъ онъ весело,—а Прометей отъ насъ не уйдетъ... Ну-съ, такъ поговоримъ о Прометѣѣ. Упомянанія о немъ можно найти у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Самое древнее сказаніе о немъ я по крайней мѣрѣ нашелъ у греческаго писателя Ферекида, который жилъ за 400 лѣтъ до нашей эры. Онъ собственно говоритъ объ орлѣ, который терзалъ Прометея, поясняя, что орелъ этотъ родился отъ Тифона и Эхидны. Какъ видите, и папаша, и мамаша его были не изъ нѣжныхъ породъ. Такъ, Ферикидъ повѣствуетъ, что орелъ Юпитера за день съѣдалъ почти всю печень

Прометей, но за ночь недоѣденный кусокъ печени опять выросалъ до прежней величины. Такъ онъ страдалъ многіе годы, а по другимъ сказаніямъ — тысячу лѣтъ...

— Тысячу лѣтъ!—съ испугомъ проговорила Катя.

— Да-съ, больше, чѣмъ «почти тринадцать»,—ехидно замѣтилъ Голицынъ.

Катя презрительно пожала плечами и, встрѣтивъ взглядъ младшаго Шервашидзе, вспыхнула.

— Виновать-съ—перебилъ самъ себя докторъ.—Болѣе древнія и очень поэтическія сказанія о Прометѣй находятя въ сочиненіяхъ Гезіода и Эхила, особенно у послѣдняго, въ его трагедіи: «Прикованный Прометей», а у Гезіода — преимущественно въ Θεογονίи. Но я потому не упомянулъ о нихъ, что оба эти писателя показываютъ гору Прометея не на Кавказѣ, а гдѣ то въ Скиѳіи. Ну, да все равно. У Эхила страданія и проклятія Прометея производятъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. Зато Аполлоній Родосскій въ своихъ «Аргонавтикахъ» прямо говоритъ, что когда аргонавты, плывшіе въ Колхиду, приближались къ кавказскому берегу, то сами видѣли юпитерова орла, летѣвшаго къ Преметею... И вотъ—говоритъ Аполлоній—однажды утромъ аргонавтамъ показались высокія вершины Кавказа, гдѣ Прометей, прикованный желѣзными цѣпями къ дикимъ скаламъ, своею печенью кормилъ орла, который прилеталъ къ нему каждое утро. И увидѣли они въ то утро, какъ высоко надъ кораблемъ летѣлъ онъ съ большимъ шумомъ у самыхъ облаковъ. Отъ взмаховъ его крыльевъ раздувались паруса, какъ отъ сильнаго вѣтра, ибо это не была одна изъ тѣхъ нобыкновенныхъ птицъ, которыя летаютъ по воздуху: — крылья у нея были на подобіе обтесанныхъ веселъ корабля. Скоро

послѣ того они услышали стоны Прометея, у котораго тотъ орелъ вырывалъ печень. Эти ужасные крики раздавались въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока они не увидѣли кровожаднаго орла, возвращающагося тою же дорогою на ночлегъ на Олимпъ.

Катя и Сережа слушали рассказчика съ пожирающимъ интересомъ. Они, казалось, боялись вздохнуть.

— Онъ былъ больше того орла, котораго сейчасъ застрѣлили?—шопотомъ спросилъ Катю Сережа.

— Разумѣется, больше, — также шопотомъ отвѣчала дѣвочка.

— Но интересенъ дальнѣйшій рассказъ Аполлонія, — продолжалъ Григорій Ивановичъ. — Когда аргонавты были уже въ Колхидѣ и объ этомъ узнала Медея, то, вставъ рано утромъ и одѣвшись, она приказала своимъ служанкамъ, которыя были всѣ одинаковыхъ съ нею лѣтъ, въ числѣ двѣнадцати, скорѣе заперчь въ колесницу муловъ, которые должны были отвезти ее въ блестящій храмъ Гекаты. Когда служанки приготовили колесницу, тогда Медея вынула изъ драгоцѣннаго ящичка лѣкарство, которое называлось прометеевымъ. Это такое лѣкарство, что если кто помажетъ имъ свое тѣло, то того не могутъ ранить удары меча, тому не можетъ вредить пылающій огонь; мало того—онъ въ тотъ день будетъ превосходить всѣхъ тѣлесною силой. Это лѣкарство было получено, когда на вершину Кавказа въ первый разъ капала красная божественная кровь несчастнаго Прометея, пролитая кровожаднымъ орломъ. Изъ этой крови выросъ цвѣтокъ, такой же красный, какъ кровь, а корень его похожъ на живое человѣческое мясо. Сокъ этого корня и собрала въ морскую раковину волшебница Медея...

— Ахъ, какая она подлая!—вдругъ воскликнулъ Сережа съ негодованіемъ.

Всѣ поглядѣли на него съ улыбкой и недоумѣніемъ. Онъ сидѣлъ красный, какъ ракъ.

— Кто подлая?—серьезно спросила Катя.

— Эта волшебница Медея... Вѣдь она получила лѣкарство изъ крови Прометея... А отъ этого лѣкарства она дѣлалась сильнѣе всѣхъ... Отчего-жъ она не освободила Прометея? — говорилъ Сережа горячо, и даже вскочилъ на ноги.

— Да какъ же она освободила бы его? — спросила Катя.

— Какъ? Я бъ свернулъ голову орлу—вотъ какъ!—горячился Сережа.

— А цѣпи?

— И цѣпи разорвалъ бы! вѣдь я былъ бы сильнѣе всѣхъ!

Геройство Сережи всѣхъ разсмѣшило.

— Ну, хорошо, хорошо, Сережа, — старалась Варя остановить расходившагося братишку: — ты бы и орлу голову свернулъ, и Юпитера убилъ бы; но, къ сожалѣнію, тебя тогда не было на свѣтѣ. Такъ дай же Григорію Ивановичу досказать.

— Да досказывать почти нечего,—отвѣчалъ тотъ: — всѣ сказанія очень однообразны.

— Но до сихъ поръ не были однообразны,—замѣтилъ старшій Шервашидзе.

Его очень интересовалъ разговоръ доктора. Онъ какъ-то сжился съ мыслью, что его родъ ведетъ свое начало отъ Прометея и одной изъ океанидъ. Происходить отъ титановъ, которые дерзновенно воевали съ богами,—очень лестно.

— Довольно любопытно сказаніе Аполлодора аеинскаго о Прометей, — снова началъ докторъ.— Въ своей «Вивлюеикѣ» онъ говоритъ, что Прометей, подобно Зевсу, самъ сотворилъ людей изъ земли и воды. Но имъ недоставало божественнаго, небеснаго огня—души. И Прометей похитилъ у Зевса искру этого огня и спряталъ ее въ стебель растенія «parthaex». Зевсъ узналъ объ этомъ отъ своихъ наушниковъ и повелѣлъ богу-кузнецу—Гефесту—приковать Прометея къ одной изъ скалъ Кавказа. Далѣе — тотъ же орелъ, пожирающій днемъ печень, которая вновь выростала по ночамъ, и тотъ же добрый Геркулесъ, освободившій страдальца. Объ орлѣ и Аполлодоръ говоритъ, что онъ былъ сынъ Ехидны и Тифона; но притомъ сообщаетъ, что, по освобожденіи Прометея, Геркулесъ на мѣсто его представилъ Зевсу безсмертнаго Хирона, который захотѣлъ за него умереть. Понимаете?— «безсмертный» Хиронъ *пожелалъ* умереть. Выходить, что и безсмертіе не сладко!

— Можетъ быть, и не сладко, но я желалъ бы быть если не безсмертнымъ, то прожить хоть двѣсти-триста лѣтъ,—замѣтилъ князь Голицынъ:—любопытно было бы посмотрѣть, что будетъ черезъ триста-четырееста лѣтъ.

— Что будетъ? — шаловливо отозвалась Варя:— конюшни, которыя вы такъ любите, превратятся въ дворцы, и лошади будутъ писать стихи, которыхъ вы такъ не жалуете.

Голицынъ засмѣялся, но смѣхъ его былъ дѣланный, не натуральный... «Что съ нею сегодня?» — подумалъ онъ, и вооо, украдкой взглянулъ на старшаго Шервашидзе:— «не для него ли это?.. Ужъ эти дѣвчонки... А..

можеть, ужъ и младшій приглянулся, чего добраго... Притворщицы!—а въ лицѣ—ангельская невинность»...

— Извините, Григорій Ивановичъ, мы все васъ перебываемъ своей болтовней,—спохватилась Варя.

— Ничего, милая княжна:—*varietas delectat*,—улыбнулся докторъ.

— Это что же значить?

— «Разнообразіе улаждаетъ», какъ и однообразіе наскучаетъ.

«Такъ, такъ,—съ досадою подумаль Голицынъ:—ей—всѣмъ имъ—нужно разнообразіе... однообразіе наскучаетъ»...

— Да!—сказаль докторъ:—Цицеронъ въ своихъ «Тускулянеяхъ» приписываетъ Прометею такія жалобы: «это горестное страданіе, накопившееся въ продолженіе ужасныхъ вѣковъ, терзаетъ мое тѣло, изъ котораго, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, сочатся растаявшія капли и постоянно падаютъ на кавказскія горы»... Да, цѣлые вѣка терзаній—это и въ воображеніе трудно вмѣщается.

— Да,—задумчиво подтвердилъ старшій Шервашидзе, восточная пылкость котораго заставляла его всѣ страданія Прометея примѣнять къ своимъ личнымъ страданіямъ.

— Есть и у древняго географа Страбона упоминаніе о Прометей,—продолжалъ докторъ.—Но онъ упоминаетъ объ этомъ вскользь, по поводу походовъ Александра Македонскаго:—греки, льстя Александру, писали въ своихъ исторіяхъ, что онъ доходилъ до самаго Кавказа, гдѣ былъ прикованъ Прометей—«на краю свѣта». А Гигинъ, современникъ Христа, въ «Басняхъ» своихъ, уже искажаетъ первоначальныя сказанія, говоря, что за похищеніе небснаго огня Меркурій, по приказанію Юпитера,

жельзными гвоздями приковалъ Прометея къ горѣ Кавказу и приставилъ къ нему орла, который долженъ былъ пожирать его сердце—«сog»—а не печень, и что, спустя тридцать лѣтъ—только!—Геркулесъ убилъ этого орла и освободилъ Прометея. Онъ же въ другомъ мѣстѣ повѣствуетъ и о томъ, за что Юпитеръ велѣлъ Геркулесу освободить Прометея. Встрѣчаются косвенныя упоминанія о мнѣи Прометея и у географовъ: Павзанія Періэгета и Діонисія Періэгета, — продолжалъ между тѣмъ докторъ ѳадить на своемъ конькѣ. — А Квинтъ Курцій Руфъ, повѣствуя о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, говоритъ, что этотъ завоеватель въ семнадцать дней перешелъ съ своей арміей черезъ Кавказъ и что македоняне видѣли тамъ тотъ утесъ, — въ окружности десять стадій, а въ вышину четыре стадіи, — къ которому былъ прикованъ Прометей. Арріанъ же, путешественникъ II-го вѣка нашей эры, описывая свое плаваніе по Черному морю, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «отсюда мы видѣли Кавказъ, равняющійся кельтійскимъ Альпамъ; видна была даже нѣкоторая вершина Кавказа, называемая Стробиломъ, къ которой, какъ рассказываютъ, былъ прикованъ Прометей Вулканомъ, по повелѣнію Юпитера»... Какая это гора Стробиль — я не знаю. Но замѣчательно, что у Псевдо-Плутарха, который жилъ во времена Траяна и Адриана, находимъ совсѣмъ другое объясненіе гнѣва Юпитера на Прометея. Псевдо-Плутархъ въ своемъ сочиненіи «De fluviorum et montium nominibus» говоритъ, что Кавказъ прежде назывался Ложемъ Борей, и вотъ почему: Борей силой похитилъ Кіону, дочь Арктура, и жилъ съ ней на скалѣ Нифатъ, гдѣ у нихъ и родился сынъ Гирпакъ, который и былъ тамъ царемъ. Съ тѣхъ поръ скала

Нифеть и стала называться Ложемъ Борей. Кавказомъ же ее назвали потомъ, по слѣдующей причинѣ. Послѣ войны съ гигантами, Сатурнъ, преслѣдуемый сыномъ своимъ Юпитеромъ, бѣжалъ на самую вершину Ложа Борей и, превратившись въ крокодила, спрятался тамъ. Тогда Прометей зарѣзалъ одного горскаго пастуха, котораго звали Кавказомъ, и, осмотрѣвъ его внутренности, сказалъ, что недалеко находятся враги. Клеветы Юпитера донесли ему объ этомъ, и онъ явился туда, отыскавъ своего папашу, связалъ его плетеной изъ шерсти веревкой и сбросилъ въ тартаръ, а къ горѣ, которую въ честь пастуха назвалъ Кавказомъ, велѣлъ приковать самого Прометея...

— Ахъ, какой негодяй!—не вытерпѣлъ Сережа.

— И лгунишка, и отца убилъ!—негодовала Катя.—
А еще богъ.

— Правда, дѣти,—согласился докторъ.—Какова благодарность! — за то, что Прометей по внутренностямъ пастуха угадалъ, гдѣ прятался Сатурнъ, за это благодарный Юпитеръ велѣлъ орлу терзать его внутренности. А что Борей жилъ въ горахъ Кавказа, это не удивительно:—всѣ бури на Черномъ морѣ происходятъ всегда отъ вѣтровъ, дующихъ съ горъ и ущелій Кавказа.

— И сейчасъ, кажется, Борей просыпается,—замѣтилъ старшій Шервашидзе. — Вонъ какъ треплетъ вуалью Варвары Павловны.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала Варя, придерживая рукою вуаль на шляпѣ.—Какая жалость!—и Эльборусъ закутался въ облака, и весь хребетъ заволокло бѣлыми тучками... Прощай, Абхазія!

Князь Голицынъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее,

а Катя ближе придвинулась къ доктору. «Досказывайте, Григорій Ивановичъ, о Прометейѣ», — шепнула она.

— Хорошо, милая дѣвочка, — ласково потрепалъ ее по плечу докторъ: — теперь ужъ немного осталось, да и не интересно. Римскій историкъ Аппіанъ говоритъ только, что, когда Помпей преслѣдовалъ Мидридата до Колхиды, то очень желалъ видѣть то мѣсто, гдѣ былъ прикованъ Прометей, но никто не могъ ему указать. Кстати интересно замѣтить, какъ древніе объясняли мнѣ о Прометейѣ. Геродотъ Гераклеяскій, жившій около 500 лѣтъ до Христа, говоритъ, что Прометей былъ скиескій царь, и такъ какъ онъ, вслѣдствіе разливовъ рѣки Аэты — должно быть, Ріонъ, — не могъ доставлять своимъ подданнымъ всего необходимаго для жизни, то скиены и заковали его. А когда прибылъ туда Геркулесъ и отвелъ рѣку въ море, то Прометей и былъ раскованъ. А такъ какъ рѣка «Аэть» по гречески значитъ «орель», то отсюда и мнѣ объ орлѣ, убитомъ Геркулесомъ. Аристоксенъ же Тарентскій, жившій за 300 лѣтъ до нашей эры, говоритъ, что Прометей по гречески значитъ «протидѣніе»; что произошелъ онъ отъ «божественнаго протидѣнія» (небесный огонь) и Миневры (мудрость). Огонь небесный — и есть душа человѣка, похищенная съ неба. Наконецъ, Дурисъ Самосскій, современникъ Аристоксена, утверждаетъ, что Прометей былъ наказанъ за то, что влюбился въ ту же Минерву — въ мудрость: — однимъ словомъ, пострадалъ за то, что любилъ мудрость, а боги до умниковъ не охотники...

— Другими словами: въ умныхъ барышень нельзя влюбляться, — засмѣялся Голицынъ.

— А барышнямъ, напротивъ, боги запрещаютъ

влюбяться въ дураковъ, — въ свою очередь засмѣялась Варя:—боги къ намъ, слѣдовательно, милостивѣе.

— А что жъ Прометей?—спохватился Сережа.

— А развѣ ты не слышишь, какъ онъ стонетъ?—серьезно спросилъ старшій Шервашидзе.

Вѣтеръ, дѣйствительно, начиналъ какъ будто стонать, и неизвѣстно откуда взявшіяся бѣлыя разорванныя тучки быстро неслись къ югу, къ закутавшемуся въ облака главному кавказскому хребту.

— А не пора ли домой?—сказалъ докторъ:—вѣтеръ усиливается.

Всѣ поднялись и стали садиться на лошадей. Въ это время младшій Шервашидзе сорвалъ въ травѣ какой-то очень яркій, кровавой окраски, цвѣтокъ и подалъ его Варѣ со словами:—«Вотъ цвѣтокъ изъ крови Прометея»...

VI.

Поѣздка на Елизаветинскую гору такъ всѣмъ понравилась, въ особенности же княжнѣ Варварѣ Павловнѣ, что на обратномъ пути рѣшено было завтра же устроить другую поѣздку, къ такъ называемому «Замку коварства и любви». Катя и Сережа, конечно, просили и ихъ взять съ собой, но докторъ сказалъ, что хотя разстояніе къ этому замку и не велико, но дорога туда слишкомъ рискованная — крутые спуски и подъемы, частые и небезопасные переѣзды черезъ бурную рѣчку Ликоновку и другія опасности. За то, въ утѣшеніе имъ, обѣщана была поѣздка къ Кольцу-горѣ и (какъ присочинилъ Григорій Ивановичъ) къ знаменитой пещерѣ, въ которой жилъ когда-то Змѣй-Горыничъ, — тотъ самый Сатурнъ, который, превратившись въ крокодила, прятался въ пещерѣ отъ своего сына Юпитера, сбросившаго его оттуда въ тартаръ.

— А развѣ оттуда тартаръ недалеко?—спросилъ Сережа.

— Рукой подать, — невозмутимо отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.

Вечеръ проведенъ былъ у Гагариныхъ, и очень весело. Всѣ были оживлены. Варя, желая загладить впечатлѣніе вчерашней холодной встрѣчи у Нарвана, была теперь гораздо внимательнѣе къ своему жениху, хотя и тутъ женская двойственность заставляла ее лукавить изъ

опасенія, какъ бы Голицынъ не подумалъ, что она «вѣшается на шею» владѣтельному князю Абхазіи. Сережа и Катя не отходили отъ младшаго Шервашидзе—первый изъ благоговѣнія къ «герою», послѣдняя—все еще подъ обаяніемъ его ласкъ послѣ ея испуга за его жизнь. Хотя и она, какъ женщина, старалась лукавить, но лукавство ея было шито слишкомъ бѣлыми нитками.

Цвѣтокъ, выросшій будто бы изъ крови Прометея и сорванный Михаиломъ Шервашидзе для Вари, помѣщенъ былъ въ бокаль съ водой, и всѣ имъ любовались, потому что цвѣтка съ такою кровавою окраской цикто въ Россіи не зналъ.

— Что жъ это, Григорій Ивановичъ, за «Замокъ коварства и любви»?—спросила Варя, когда рѣчь зашла о завтрашней поѣздкѣ въ горы. — Въ самомъ дѣлѣ старинный замокъ?

— Нѣтъ, это просто живописная, необыкновенно причудливая скала, совершенно напоминающая своею формою грозный замокъ,—отвѣчалъ докторъ.

— А почему жъ ее называютъ «Замокъ коварства и любви»?

— Съ этой скалой связано преданіе, судя по которому слѣдовало бы этотъ мнимый замокъ называть «Замокъ любви и трусости» — извините—женской, или же скорѣе—женскаго благоразумія,—говорилъ докторъ, мѣшая ложечкой чай въ стаканѣ. — Изволите видѣть:—разсказываютъ, что давно когда-то, въ самомъ началѣ владычества русскихъ въ этой мѣстности, судьба свела здѣсь двухъ любящихся — прекраснаго кавалера и еще болѣе прекрасную дѣвицу.

Сережа при этомъ подтолкнулъ своего новаго пріятеля,

младшаго Шервашидзе, и тихонько шепнулъ ему:—«Сядемте поближе — Григорій Ивановичъ сказку рассказываетъ».

— Все не сказку,—шепнула Катя,—а исторію.

— Любовь сихъ двухъ прекрасныхъ существъ была очень нѣжна и трогательна,—продолжалъ, между тѣмъ, докторъ:—только, къ несчастью, соединиться любящимся сердцамъ было никакъ невозможно. Онъ ли былъ слишкомъ бѣденъ и незнатенъ и родители ея были противъ брака, потому что были очень богаты и очень знатны, или же она была бѣдная простая дѣвушка, а онъ былъ и богатъ, и знатенъ, и его родители не соглашались на неравный бракъ,—не знаю. Только влюбленные страдали жестоко, какъ только могутъ страдать несчастно-влюбленные, и, не предвидя конца своимъ страданіямъ, порѣшили лучше умереть вмѣстѣ и соединиться за гробомъ, чѣмъ разстаться здѣсь, на землѣ...

«И мы съ Мишей, если намъ не позволятъ жениться, лучше умремъ здѣсь вмѣстѣ и соединимся за гробомъ»,—рѣшила въ своемъ умѣ Катя, придвигаясь къ предмету своей нѣжности.

«Вотъ дураки!»—думалъ, напротивъ, Сережа:—«стоитъ изъ-за этого... изъ-за какой нибудь дѣвчонки»...

— Порѣшивъ такимъ образомъ,—продолжалъ докторъ, — сіи несчастные влюбленные въ одно прекрасное утро вышли тайно изъ Кисловодска и вонъ за той горой, что за цитаделью, сойдясь, отправились вдоль Орѣховой балки къ прежде намѣченной ими тамъ фантастической скалѣ, которую мы завтра будемъ имѣть удовольствіе видѣть. Ну-съ, достигнувъ благополучно скалы, они взобрались на самую ея вершину. Надо полагать, что ба-

барышня очень искусно умѣла лазить по скаламъ, ибо взобраться на верхушку той скалы не всякій и мужчина рѣшится. Какъ бы то ни было, но наши влюбленные взобрались. Тамъ они въ послѣдній разъ обнялись и поклялись въ вѣчной вѣрности за гробомъ. По условію, они должны были разомъ, держась за руки, броситься въ пропасть и разбиться въ дребезги. И они взялись за руки и—ринулись... Только случилось какъ-то такъ, что ручка барышни выскользнула изъ руки кавалера, и кавалеръ одинъ стремглавъ полетѣлъ въ бездну и разбился, превратившись въ безформенную, безобразную массу, а барышня осталась наверху цѣлехонька...

«Ну, я такъ не сдѣлаю»,—твердо порѣшила въ умѣ Катя:—«я ринусь виѣстѣ съ Мишей»...

«Дрянъ дѣвчонка»,—порѣшилъ Сережа:—«струсила».

— Съ тѣхъ поръ эту скалу и назвали «Замкомъ коварства и любви», — заключилъ докторъ, допивая свой стаканъ.

— А кто все это видѣлъ?—иронически замѣтилъ князь Голицынъ.

— Солдатъ, конечно, проходившій мимо, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ разсказахъ, — засмѣялся князь Павелъ Сергѣевичъ,—не барышнѣ же о себѣ разсказывать!

Варя же, между тѣмъ, думала, что имъ не грозитъ такая трагическая развязка. Только бы дѣла въ Абхазіи скорѣй устроились, и тогда... на землю сойдетъ рай. Всѣхъ оригинальнѣе въ этомъ случаѣ думалъ младшій Шервашидзе:—«я бѣ ее просто укралъ». Гости разошлись довольно поздно. Варя на этотъ разъ спала спокойнѣе, хотя и видѣла себя во снѣ на страшной скалѣ. Катѣ

снилось, что ее цѣловаль Миша и она его цѣловала... украдкой. Сережа видѣлъ во снѣ Прометея и орла, на котораго лаялъ Фингалъ. Старшій Шервашидзе видѣлъ во снѣ Арсланъ-бея въ оковахъ, а младшій — Варю; но это была разомъ и Варя, и Эсма-ханумъ.

Проснувшись утромъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа (вечеромъ Варя, провожая *его* на галерею, очень знаменательно пожала ему руку), князь Дмитрій объявилъ Урусу Лаквари, что и сегодня они поѣдутъ въ горы, но только въ другую сторону, именно—вверхъ по рѣчкѣ Ликоновкѣ, версть за десять, не болѣе, и приказалъ объявить въ конвоѣ, что онъ возьметъ съ собою только двѣнадцать джигитовъ. Узнавъ объ этомъ, Урусъ Лаквари просилъ позволенія съѣздить въ одинъ изъ ближайшихъ ауловъ — повидаться съ однимъ кунакомъ, который продаетъ лошадь; а ему нужна другая, хорошая лошадь. Князь Дмитрій позволилъ. Въ условленный часъ всѣ съѣхались на площади противъ Нарзана. Варю сопровождалъ докторъ, а князь Голицынъ явился съ своимъ деньщикомъ. Кромѣ княжны, всѣ были съ ружьями, потому что намѣрены были поохотиться на дикихъ козъ, которыя иногда показывались въ верховьяхъ Орѣховой балки. Къ обществу присоединился и Фингалъ. Проѣхавъ берегомъ Ольховки, до соединенія ея съ Березовкой, кавалькада перебралась на другую сторону рѣчки и поднялась въ гору.

— А взгляните, господа, на Крестовую гору, какъ намъ оттуда усердно платками машутъ,—сказала Варя.

— Кто это тамъ?—спросилъ князь Голицынъ.

— Катя и Сережа, а съ ними неразлучныя гувернантки—Матвѣй и Вавила.

Проѣхавъ версты двѣ, кавалькада достигла Ликоновки. Рѣчка, очень мелководная, какъ всѣ горныя стремительныя рѣчонки, теперь вздулась и порядочно бурлила, потому что ночью въ горахъ выпали дожди, и теперь всѣ воды изъ-подъ Эльборуса неудержимо стремились въ долину Подкумка. Нужно было переѣзжать бурливую рѣчонку въ бродѣ, и Варя нѣсколько струхнула. Но юный Шервашидзе первый направилъ своего коня въ пѣнящійся потокъ, а за нимъ послѣдовали и другіе. Варя ѣхала рядомъ съ Димитріемъ Георгіевичемъ, который замѣтилъ, что она поблѣднѣла, едва увидѣла подъ ногами бурный потокъ.

— Не глядите на воду, — предостерегалъ ее князь.

— У меня голова кружится... я упаду, — шептала она поблѣвшими губами.

Князь быстро перегнулся на своемъ сѣдлѣ и сильною рукой обхватилъ ея талью. — Не бойтесь, — сказалъ онъ, — вы упадете только тогда, когда оторвется моя рука, которая теперь крѣпче держитъ васъ здѣсь, чѣмъ держала когда-то на паркетѣ... Вспомните, дорогая Варя, — прошепталъ онъ подъ шумъ потока.

Переправа совершилась благополучно.

— Благодарю васъ, Димитрій Георгіевичъ, — искренно или притворно смущаясь, сказала Варя, на щечки которой снова возвратился румянецъ. — Хорошо, что мы не позволили Катѣ и Сережѣ ѣхать съ нами.

— Однако, вашъ кавалеръ не уберегъ вашего шлейфа: — онъ весь мокрый, — сказалъ Голицынъ, досадую на то, что не онъ догадался оказать услугу княжнѣ.

— Но безъ помощи князя не только мой шлейфъ, но

и мой жалкій трупъ унесло бы въ Подкумокъ, — отвѣчала Варя, ударяя хлыстомъ по мокрому шлейфу.

— Но сухи ли у васъ ножки?—озабоченно спросилъ докторъ.—Не промочили?

— Нѣтъ, мегсі,—до стремени вода не хватила.

— То-то же,—берегите ножки:—намъ еще нѣсколько разъ предстоитъ переѣзжать черезъ эту капризную рѣчку.

— Но какъ же тѣ влюбленные достигли до Замка любви, если они шли пѣшкомъ?—спросила княжна.

— Тамъ, лѣвѣе, есть другой путь, кратчайшій, гдѣ не приходится перебираться черезъ рѣчку; но только тотъ путь неудобенъ для лошадей.

Кавалькада, проѣхавъ съ версту ровной возвышенностью, вступила въ самую Орѣховую балку, по которой стремилась Ликоновка, и пришлось снова переѣзжать рѣчку. Но на этотъ разъ Димитрій Георгіевичъ велѣлъ Варѣ совсѣмъ закрыть глаза и, взявъ ее за руку, благополучно переправился вмѣстѣ съ нею, не замочивъ даже ея шлейфа, потому что предварительно пристегнулъ его нажемъ къ чепраку Вариной лошади.

— Ну, и эту Березину перешли благополучно,—шутить Голицынъ.

Продолжая затѣмъ свой путь, кавалькада вступила въ узкую тѣснину, ограниченную съ обѣихъ сторонъ отвѣсными причудливыми скалами. Это были мощные пласты, точно неровныя стѣны кладки гигантовъ. Эту мысль и выразилъ докторъ.

Эта работа гигантовъ, когда они воевали съ богами,—стѣны титанической кладки, безъ цемента.

— Коза!—радостно воскликнулъ младшій Шервашидзе и стрѣлою полетѣлъ вдоль тѣсины.

Но черезъ нѣсколько секундъ вдругъ слышались тамъ выстрѣлы, — не одинъ выстрѣлъ, а выстрѣлы, точно залпъ. Что бы это значило? — Всѣ недоумѣвали, и тотчасъ же припшорили коней.

Но оттуда скоро показался младшій Шервашидзе. Онъ скакалъ, размахивая въ воздухѣ папаккой.

— Тамъ Арсланъ-бей! — тамъ засада! Я узналъ дьявола по его папахѣ съ золотымъ полумѣсяцемъ и по красной султанской чухѣ! — кричалъ онъ. — Намъ уйти нельзя... мы должны защищаться и умереть... ихъ тамъ туча.

Смертная блѣдность покрыла лицо молодого повелителя Абхазіи, когда онъ взглянулъ на Варю.

— Габай! — хриплымъ шопотомъ проговорилъ онъ ближайшему джигиту: — лети соколомъ за всѣмъ конвоемъ... обскачите ихъ въ тылъ, а мы пока выдержимъ натискъ... Лети, загни коня! получишь цѣлый табунъ!

VII.

Едва Габай ускакалъ, какъ Дмитрій Георгіевичъ, въ которомъ проснулся абхазецъ, приказалъ всѣмъ сойти съ коней.

— Намъ бы только укрыть княжну, а мы живыми въ руки не дадимся... вотъ выступъ за скалой... тамъ не достанутъ пули. Вы вдвоемъ можете умѣститься за этимъ выступомъ,—уже совсѣмъ хладнокровно говорилъ онъ доктору, точно собираясь играть въ мячъ:—идите.

— Нѣтъ, князь, я не хочу укрываться: я мужчина, у меня оружіе—винтовка,—возражалъ докторъ.—За выступомъ мы помѣстимъ княжну.

— А я приказываю вамъ, господинъ докторъ, — твердо продолжалъ Дмитрій Георгіевичъ: — вы княжнѣ нужны, а не намъ. Отдайте намъ ваше оружіе. Васъ, безоружнаго, и дѣвушку не тронуть. Они моей головы ищутъ.

При этихъ словахъ, Варя, какъ подкошенная травка, упала на руки своего жениха.

— Видите,—сказалъ онъ съ горестью и, нѣжно прижимая ее къ груди, словно ребенка, снесъ за уступъ скалы и бережно опустилъ на гладкій монолитъ, подложивъ ей подъ головку свою мягкую барашковую папаху.—Берегите ее.

Въ то же мгновеніе послышалось дикое гиканье, и

всѣ увидѣли, какъ, запрудивъ всю тѣснину, сплошная масса неслась на ничтожную горсть нашихъ удалцовъ, сверкая въ воздухѣ обнаженными саблями.

— Выжидай натиска—на прицѣль безъ промаха,—скомандовалъ князь Дмитрій:—цѣлься навѣрняка! Когда скажу: пли! стрѣлай лѣвые шесть, а правые шесть въ резервъ!

Лавой стремившаяся масса приблизилась уже на выстрѣль.

— Выжидай, подпускай ближе! жди команды!

Голосъ князя изъ гортаннаго превратился въ звенящій, металлическій: онъ точно сталью хлесталъ по воздуху.

— Пли!—прорѣзалъ воздухъ односложный звукъ.

Грянулъ залпъ, и въ толпу нападавшихъ, ровно въ шесть живыхъ тѣлъ, вонзилась свинцовая смерть. Иные, умирая, откинулись назадъ, другіе уткнулись въ гривы коней—искаженные моментальной смертью лицами—или свалились на землю.

Такая страшная неожиданность ошеломила нападавшихъ. Они не ожидали роковыхъ пуль. Они думали раздѣлаться съ ничтожной горстью только саблями, въ рукопашную, а ихъ встрѣтили огнемъ.

— Заряжай!—крикнулъ князь Дмитрій тѣмъ шести, которые разрядили свои винтовки на живыхъ тѣлахъ.

Но ошеломленные враги скоро опомнились, когда тѣснину вдругъ прорѣзалъ повелительный крикъ Арсланъ-бея, словно крикъ птицы. Масса снова двинулась впередъ, подымая коней на дыбы, и новый залпъ вырвалъ снова изъ толпы нѣсколько жертвъ и ранилъ нѣсколькихъ лошадей, которыя ринулись назадъ и произвели общую суматоху.

— Заряжай! — продолжалъ командовать князь Димитрій.

Нападавшіе шарахнулись назадъ, давя другъ друга въ узкой тѣснинѣ, а имъ въ догонку послѣдовалъ новый залпъ.

— Слава Богу, отступленіе, — прошепталъ князь Голицынъ и перекрестился.

— Нѣтъ! — нервно перебилъ его юный Шервашидзе: — сабля не взяла, пустьъ въ ходъ винтовки.

Предположеніе оправдалось. Нападающіе удалились вглубь тѣсины и, по командѣ Арсланъ-бея, до половины спѣшившись, осмотрѣли свои винтовки и пистолеты. Затѣмъ, припавъ къ землѣ, они стали ползти, точно кошки, пользуясь малѣйшимъ прикрытіемъ: кто торчавшимъ изъ земли камнемъ, кто малѣйшими неровностями русла Ликоновки или небольшими выступами боковыхъ скалъ. Иные двигали впереди себя снятыя съ лошадей сѣдла и чепраки. Видно было издали, что надвигалась цѣлая масса, чернѣли и бѣлѣли папахи, сверкали на солнцѣ стволы винтовокъ. Это надвигалась неминуемая смерть, и осажденная горсточка удалцовъ видѣла это. Уже пули пищали въ воздухѣ или щелкали объ камни.

— Рѣжь коней! — ровнымъ, твердымъ голосомъ командовалъ князь Димитрій.

Мгновенно бѣдныя благородныя животныя пали подъ ударами кинжаловъ, обагривъ кровью каменистое ложе тѣсины.

— Это наши завалы, — проговорилъ юный Шервашидзе: — за завалами насъ не возьметъ никакой шайтанъ. Только русскій штыкъ могъ бы взять насъ тутъ.

— Намъ какихъ нибудь полчаса продержаться,

тамъ подоспѣтъ Габай съ конвоемъ,—успокоительно пояснилъ князь Дмитрій.

Всѣ тотчасъ залегли за трупы зарѣзанныхъ коней.

— Помнить: безъ промаха!—цѣлить въ лобъ, въ глазъ, а гдѣ можно—въ сердце!

Теперь началась правильная осада. Пули осаждающихъ визжали и пѣли надъ головами, впиваясь въ трупы лошадей и отскакивая отъ камней. Двѣ пули разомъ пронизали папаху юнаго Шервашидзе.

— Не высовывайся!—строго замѣтилъ ему братъ.

— Любопытно очень,—спокойно отвѣчалъ юноша:—я увидалъ тамъ золотой полумѣсяцъ на папахѣ. Вотъ бы прямо въ лобъ дяденькѣ, да спрятался шайтанъ. Ай-ай! ловко!

— Что такое?—спросилъ Дмитрій.

— Пуля моего сосѣда сбила одного шайтана съ выступа.

Сосѣдъ этотъ былъ князь Голицынъ. Замѣтивъ, какъ одинъ изъ осаждавшихъ неосторожно сталъ карабкаться на выступъ скалы, чтобъ оттуда, съ навѣсу, цѣлить навѣрняка, князь Голицынъ меткимъ ударомъ сбиль его назадъ, въ балку.

Но масса осаждавшихъ надвигалась все ближе и ближе. Одна пуля пронизала навывлетъ плечо деньщика князя Голицына.

— Эсма-ханумъ!—воскликнулъ вдругъ младшій Шервашидзе.

— Что ты!—удивился князь Дмитрій.

— Да, я сейчасъ узналъ ея папаху... На ней, какъ молнія, блеснуло бриллиантовое перо, что прислалъ ей падишахъ.

Въ это время за ними, на верху балки, послышался конскій топоть.

— Конвой... Она спасена! — облегченно вздохнуль старшій Шервашидзе, вспомнивъ о Варѣ, которой, какъ и доктора, не видно было за небольшимъ выступомъ скалы.

Дѣйствительно, это былъ конвой. Габай прекрасно понялъ приказаніе своего господина. Прискакавъ въ Кисловодскъ, гдѣ у него тотчасъ же пала загнанная лошадь, которую онъ тутъ же и пристрѣлилъ, чтобъ не мучилась, Габай моментально поднялъ весь конвой и, пересѣвъ на свѣжаго коня, во весь карьеръ повелъ удалцовъ на засаду, устроенную Арсланъ-беемъ. Прискакавъ къ мѣсту осады, онъ часть конвоя послалъ нѣсколько дальше крутымъ берегомъ балки, во флангъ и въ тылъ осаждающимъ, а самъ съ другою половиною конвоя очутился прямо надъ головою засады. Вскорѣ послышался залпъ съ самой кручи балки внизъ, въ тѣснину, прямо въ головы залегшаго врага.

— Алла! Алла! — понеслись оттуда дикіе, отчаянные вопли.

Арсланъ-бей и его приверженцы до такой степени не ожидали того, что случилось и что поразило ихъ, какъ громомъ, что совершенно были ошеломлены, а иные просто обезумѣли отъ неожиданности: — имъ показалось, что самъ Аллахъ и его злые духи поражаютъ ихъ прямо съ неба, тѣмъ болѣе, что поражавшій ихъ врагъ былъ невидимъ. Всѣ бросились назадъ, въ глубь тѣснины, унося своихъ убитыхъ и раненыхъ, вскакивая на лошадей, часто безъ сѣделъ, которыя въ паникѣ были брошены, и оглашая тѣснину криками. А сверху, точно съ

неба, неслись новые залпы, которымъ отвѣчало раскатистое эхо тѣснины, усугубляя ужасъ бѣгущихъ. Преслѣдованіе кончилось только тогда, когда скопище Арсланъ-бея выбралось изъ узкой тѣснины въ самыхъ верховьяхъ Орѣховой балки. Тогда Габай протрубилъ отбой, потому что колонна его удалцовъ, преслѣдуя бѣжавшихъ, растянулась болѣе чѣмъ на версту.

Какъ только, вслѣдъ за первымъ залпомъ съ кручи, нападавшіе арслановцы бросились назадъ, Димитрій Гергіевичъ поспѣшилъ за выступъ скалы, гдѣ онъ недавно положилъ упавшую въ обморокъ Варю. Она сидѣла на томъ же монолитѣ, а на колѣняхъ у нея лежала папаха князя. При видѣ его, она вскочила и стремительно бросилась къ нему.

— Ты не раненъ? — задыхающимся голосомъ заговорила она, забывъ въ волненіи, что тутъ же стоялъ и докторъ.

— О, нѣтъ, дорогая дѣвочка! — говорилъ князь, страстно цѣлуя ея руки: — пуля задѣла одного только деньщика, да и то не опасно, въ плечо.

Услыхавъ это, докторъ бросился отыскивать раненаго. Они остались вдвоемъ. Минутное колебаніе — и Варя въ безумномъ порывѣ обвила руками шею своего спасителя.

— О, мой герой! моя гордость! моя гордость! — шептала она, въ то время, когда онъ съ такимъ же безуміемъ цѣловалъ ея голову, глаза, губы.

— Дѣвочка моя, радость моя! — шепталъ и онъ такія слова, на какія только способенъ человекъ съ помутившимся на время разсудкомъ или совѣмъ помѣшанный.

Позади нихъ, съ кручи, отлогимъ спускомъ съѣзжалъ въ тѣснину Орѣховой балки конвой, и влюбленнымъ уже

неудобно было предаваться безумію. Первая, какъ водится, опомнилась Варя: женская находчивость — великое дѣло! Они вышли изъ-за выступа скалы. Варя въ ужасѣ всплеснула руками, увидавъ валявшіеся на землѣ окровавленные лошадиныя трупы—цѣлыхъ двѣнадцать труповъ.

— Боже, бѣдныя лошадки!

Къ ней подошли, все еще возбужденные, князь Голицынъ и юный Шервашидзе. Она горячо пожала имъ руки.

— Мои храбрые защитники, мои спасители! какъ мнѣ благодарить васъ?

— Помилуйте... это нашъ долгъ,—взволнованно отвѣчалъ Голицынъ.

Въ это время докторъ обнималъ князя Дмитрія, восторженно говоря:—Мы должны цѣловать ваши руки!.. Вы оказались героемъ, полководцемъ. Вы не только потомокъ Прометея—вы потомокъ Геркулеса, самого Марса!

— Но, ради Бога, дорогой Григорій Ивановичъ, простите меня великодушно:—я былъ грубъ тогда съ вами, осмѣлившись вамъ «приказывать»... Но иначе нельзя было... Бѣдная Варвара Павловна была въ безпомощномъ состояніи. Вы были нужнѣе ей, чѣмъ намъ... Простите!—говорилъ въ свою очередь князь Дмитрій Георгіевичъ.

Подѣхалъ конвой. Лошади всѣ были въ мылѣ.

— Благодарю васъ, господа джигиты!—обратился къ нимъ Дмитрій Георгіевичъ:—вы оправдали мое довѣріе, товарищи! Спасибо тебѣ, Габай! — обѣщанный тебѣ табунъ—за мной. А того загналъ?

— Загналъ, господинъ... пристрѣлил бѣдняжку.

— Надо бы осмотрѣть тамъ впереди: нѣтъ ли ра-

ненных?—сказалъ докторъ. — Понадобится, можетъ, моя помощь.

— Никогда! — возразилъ младшій Шервашидзе: — абхазцы никогда не бросаютъ въ битвѣ убитыхъ или раненыхъ:—это былъ бы поворотъ для всѣхъ воиновъ.

Дѣйствительно, когда нѣкоторые изъ конвойныхъ проѣхали впередъ, то нашли тамъ только нѣсколько брошенныхъ сѣделъ и потниковъ, и во многихъ мѣстахъ лужи крови. Тотчасъ же всѣ стали собираться въ обратный путь. Съ убитой лошади, которая была подъ Варей, сняли дамское сѣдло и осѣдлали имъ одну изъ лошадей джигитовъ. Взяли также изъ конвоя лошадей подъ обоихъ братьевъ Шервашидзе, подъ князя Голицына и подъ доктора. Оставшіеся же безлошадными, захвативъ свои свободныя сѣдла и оставленные непріателемъ, размѣстились по двое на лошадяхъ конвоя и двинулись прежнею дорогою въ Кисловодскъ. Вода въ Ликововкѣ значительно убавилась и уже бурлила значительно менѣе.

— Ну, вотъ вамъ и повидали «Замокъ коварства и любви»,—проговорилъ докторъ.

— Да, «коварство»-то встрѣтили, а «любви» не видали,—улыбнулся Голицынъ.

«Нѣтъ, я видѣлъ любовь»,—радостно подумалъ про себя Дмитрій Георгіевичъ, и встрѣтилъ нѣжный взглядъ Вари.

«Нѣтъ, я видѣла любовь», — подумала и она, мгновенно вспыхнувъ при мысли, что она, при докторѣ, забывъ себя и все, сказала ему: *ты...*

— Но мы въ другой разъ поѣдемъ къ замку, — невозмутимо проговорилъ юный Шервашидзе.

— Нѣтъ, ужъ я васъ не пущу; во всякомъ случаѣ

надѣюсь, что послѣ одного опыта княжна Варвара Павловна дальше парка и Крестовой горы не пойдетъ! — заключилъ докторъ.

VIII.

Путешественники наши приближались уже къ Кисловодску, когда изъ одной ложбины показался Фингалъ, о которомъ, конечно, всѣ забыли въ минуту опасности. Огромный песъ бѣжалъ, высоко поднявъ голову и держа въ зубахъ какой-то неизвѣстный предметъ. Приближаясь къ Варѣ, онъ весело махалъ хвостомъ.

— Фингалъ! что это у тебя? Какой-то звѣрокъ, зайчикъ, что ли?

— Ахъ, это молоденькій дикій козленокъ, — сказала младшій Шервашидзе. — Когда я тамъ, въ Орѣховой балкѣ, погнался за козой, за ней бѣжали два маленькихъ козлика. Фингалъ тоже погнался за козой и обогналъ меня; а мнѣ вдругъ стало жаль козы — такіе у нея маленькіе козляточки. Я было крикнулъ собакѣ, хотѣлъ ее остановить, какъ вдругъ увидалъ тѣхъ шайтановъ, что начали палить въ меня... Я назадъ, а Фингалъ за козой черезъ рѣчку да въ кусты, въ гору. Тамъ онъ, вѣроятно, и поймалъ козленка.

Песъ слушалъ, повидимому, осмысленно, что о немъ говорили, и благосклонно махалъ хвостомъ, идя рядомъ съ лошадыю своей госпожи и держа въ зубахъ военную добычу. Козленокъ былъ уже мертвъ, задавленный собакой.

— Ахъ ты, гадкій, гадкій Фингалка! — говорила Варя, укоризненно качая головой: — и не стыдно тебѣ? не жаль было такого маленькаго козленка?

— По крайней мѣрѣ, одинъ онъ возвращается съ трофеемъ,—замѣтилъ Голицынъ.

— Но какъ очутился Арсланъ-бей подъ самымъ Кисловодскомъ?—въ раздумьѣ проговорилъ докторъ.

— О, онъ постоянно слѣдитъ за мной,—отвѣчалъ Дмитрій Георгіевичъ: — въ Абхазіи каждый мой шагъ ему извѣстенъ... У него тамъ вездѣ шпіоны.

— Но здѣсь, ваша свѣтлость? — спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Очень просто: онъ узналъ, что я отправился въ Кисловодскъ, и прямо черезъ горы пробрался сюда съ своей шайкой.

— Но какъ онъ узналъ, что мы сегодня поѣдемъ въ горы, и именно—по Орѣховой балкѣ? Нѣтъ ли около васъ предателя, который, узнавъ, куда вы сегодня ѣдете, извѣстилъ его объ этомъ? Никто сегодня изъ вашего конвоя не отлучался изъ Кисловодска?

— Никто. Одинъ только Урусъ Лаквари отпросился у меня сегодня въ сосѣдній аулъ.

— А кто этотъ Урусъ Лаквари?

— Мой нукеръ, личный слуга.

— Не онъ ли вашъ предатель?

— О, нѣтъ! онъ бѣжалъ ко мнѣ въ Петербургъ отъ Арсланъ-бея... Онъ его злѣйшій врагъ и самое преданное мнѣ существо—самая вѣрная собака.

— Не постигаю, ваша свѣтлость,—все съ тѣмъ же сомнѣніемъ проговорилъ докторъ. — Но дѣло что-то нечисто... Тутъ кроется предательство... Такъ хорошо знать здѣшнія мѣста,—вѣдь это не Абхазія.

— Но вы не знаете, докторъ: — Арсланъ-бей почти мальчишкой рыскалъ часто въ этихъ мѣстахъ. Когда онъ

разошелся съ своимъ отцомъ, а моимъ покойнымъ дѣдомъ, Келешъ - бекомъ, онъ тогда былъ совсѣмъ мальчишка и вмѣстѣ съ своими сторонниками, а преимущественно съ своимъ воспитателемъ Тутшугомъ и его дочкой Дадой, своей молочной сестрой, только и дѣлалъ, что разбойничалъ. Еще тогда же, лѣтъ пятнадцать тому навадъ, онъ хищничалъ въ окрестностяхъ Кисловодска и чуть не захватилъ въ плѣнъ молоденькую дочку империнскаго царя Соломона II, царевну Дареджану, и ея хорошенькую пріятельницу, дочь владѣтеля Карабаха, Ибрагимъ-хана, Геоухеръ, которыя находились здѣсь съ царицею Маріей, женою Соломона.

— О, я видѣлъ когда-то обѣихъ этихъ красавицъ въ Тифлисѣ,—сказалъ докторъ.—Потомъ я узналъ, что Геоухеръ насильно выдали замужъ за старика, за хойскаго владѣтельнаго князя Джафаръ-Кули-хана, а бѣдненькая царевна Дареджана, когда отецъ ея былъ окончательно разбитъ русскими и бѣжалъ въ Турцію, съ горя заточила себя въ монастырь св. Нины.

— О, господинъ докторъ, вы не все знаете,—вмѣшался въ разговоръ младшій Шервашидзе.—Красавица Геоухеръ скоро овдовѣла и, похоронивъ съ почѣтною пышностью стараго мужа, вышла вторично замужъ за богатѣйшаго хана и страшнаго дурака, за Киши-бека, который всегда былъ общимъ посмѣшищемъ, и на него, по поводу его женитьбы на красавицѣ Геоухеръ, сочинено было много стиховъ, въ которыхъ говорилось, что красавица Геоухеръ, роскошная жемчужина Востока, досталась такому ослу, который не стоитъ и простого стекляруса. Она и теперь всѣхъ сводитъ съ ума своей красотой..

— А царевна Дареджана? — спросила Варя, почувствовавъ жалость къ этой дѣвушкѣ:—такъ и осталась въ монастырѣ, бѣдняжка?

— О, нѣтъ!—живо отвѣчалъ Михаилъ Георгіевичъ.— Это цѣлая исторія. Она, царевна Дареджана, пробыла въ монастырѣ до позапрошлага года. Но когда въ Имеретіи вновь вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ ея родственника, князя Ивана Абашидзе, малолѣтняго сына котораго, тоже Ивана, имеретинцы провозгласили своимъ царемъ, потому что онъ былъ, по матери, царской крови—отъ дѣдушки, царя Соломона I,—тогда Дареджана сбросила съ себя монашеское одѣяніе, нарядилась джигитомъ и бѣжала къ Ивану Абашидзе, въ его ополченіе. Тамъ она влюбилась въ петербургскаго франта, въ князя Георгія Дадіана...

— Какъ?—удивился князь Голицынъ.—Я его зналъ въ Петербургѣ: онъ служилъ въ гвардіи.

— И я его знала, — сказала Варя:—я съ нимъ нѣсколько разъ танцевала... Такъ его полюбила царевна Дареджана?

— Да, княжна, —отвѣчалъ Михаилъ Георгіевичъ.— Но ихъ всѣхъ скоро опять разбили русскіе, и они бѣжали въ Турцію, въ Поти.

Подъѣзжая къ нарвану, князь Димитрій Георгіевичъ отослалъ къ своей стоянкѣ весь конвой, самъ же съ братомъ, а также Варя съ докторомъ и князь Голицынъ, сопутствуемые Фингаломъ, который продолжалъ нести въ зубахъ мертваго козленка, направились къ квартирѣ Гегариныхъ.

— Только вотъ что, господа:—одинъ уговоръ,—сказалъ докторъ,—и вы, княжна Варвара Павловна, и вы,

ваша свѣтлость, и вы, князь, — предоставьте мнѣ рассказать, когда мы приѣдемъ, случившуюся съ нами неприятность. Чтобы не испугать княгиню, я значительно смягчу свой рассказъ: я объясню, что опасность была пустая, что никто изъ насъ даже не оцарапался въ схваткѣ на разстояніи, а что княжна находилась, какъ у Христа за пазухой — даже никого не видала, а слышала только нѣсколько выстрѣловъ. Вотъ и все... Я ужь знаю, какъ соврать. Согласны?

— Вполнѣ, добрѣйшій Григорій Ивановичъ, — согласился князь Димитрій.

— И расчудесно... А вы, барышня, прималкивайте, — заключилъ докторъ.

— Конечно... Я, въ самомъ дѣлѣ, ничего и никого не видала, — согласилась барышня.

Однако, хитрость ихъ невольнѣ удалась. Въ Кисловодскѣ многихъ удивила, а иныхъ испугала разнесшаяся въ паркѣ и около Нарзана, а потомъ и въ слободкѣ, вѣсть, что конвой князя Шервашидзе поскакалъ куда-то на рысяхъ. Всѣ догадались, что вблизи гдѣ-нибудь появились непокорные черкесы и даже напали на владѣтеля Абхазіи. Что опасность была серьезная, заключали изъ того, что одинъ конвойный, прискакавъ откуда-то къ стойкѣ князя, загналъ лошадь, которую и пристрѣлилъ, а потомъ весь конвой ускакалъ въ горы, по направленію къ Орѣховой балкѣ. Иные успокоивали себя тѣмъ, что въ цитадели не произошло никакой тревоги и помощи оттуда не требовалось: — значить, если и есть опасность, то не серьезная.

Вѣсть эта дошла и до Гагариныхъ, но, къ счастью ихъ, довольно поздно, такъ какъ въ это самое время они

съ своей галереи увидѣли приближающихся нашихъ путешественниковъ, а впереди всѣхъ, рядомъ со старшимъ Шервашидзе и княземъ Голицынымъ, — улыбающуюся Варю, только на незнакомой лошади.

Катя и Сережа выбѣжали къ нимъ навстрѣчу.

— Что случилось? — уже съ нѣсколькими напускнымъ испугомъ спросила издали княгиня.

— Ничего, княгиня, — немножко фальшивая тревога, — отвѣчалъ докторъ, понявъ, что тутъ уже кое-что знаютъ. — Видите, мы всѣ цѣлехоньки и веселы.

— Но что же такое было тамъ? — продолжала допрашивать княгиня. — Вонъ и Варя не на своей лошади.

Приходилось вывертываться и выдумывать, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. Варя, не зная, что сказать, чтобъ не напутать, принужденно смѣялась.

— Сейчасъ, сейчасъ, мамочка, Григорій Ивановичъ все расскажетъ, — говорила она, соскочивъ съ лошади и поднимаясь на галерею. — Онъ такъ хорошо умѣетъ рассказывать, какъ вонъ вчера о Замкѣ коварства и любви.

Всѣ остальные нѣсколько сконфуженно улыбались и переглядывались.

— Происшествіе очень заурядное въ этихъ дикихъ краяхъ, княгиня, — началъ докторъ, войдя на галерею. — Мы проѣхали благополучно и весело нѣсколько верстъ и, подвигаясь далѣе по Орѣховой балкѣ, увидели дикую козу. Князь Михаилъ Георгіевичъ, со свойственнымъ его возрасту юношескимъ пыломъ, поскакалъ за нею и наткнулся на шайку негодяевъ, которая встрѣтила его выстрѣлами, — все, какъ водится здѣсь: — кто охотится за ковами и горными курочками, кто за людьми, точно за фазанами. Тогда князь Димитрій Георгіевичъ, чтобъ

успокоить нашу милую спутницу, тотчас послалъ въ Кисловодскъ за остальнымъ конвоемъ, ибо съ нами было только двѣнадцать человекъ, а негодяевъ много. И князь Дмитрій Георгіевичъ оказался гениальнымъ полководцемъ. Хорошо зная обычаи горскихъ племенъ и то, что они боятся нападать, если противникъ прикрытъ чѣмъ либо, князь Дмитрій Георгіевичъ тотчасъ же соорудилъ это прикрытіе: — нашу милую дамочку и меня, какъ плохого воина, онъ помѣстилъ за уступъ скалы, гдѣ мы все время и благодушествовали, какъ у Христа за пазухой, а для себя и прочихъ соорудилъ прикрытіе или — по здѣшнему — завалы изъ убитыхъ лошадей...

— Какъ изъ убитыхъ лошадей! — вскричала княгиня.

— Очень просто-съ, — невозмутимо продолжалъ докторъ: — это здѣшній обычай, который также существуетъ и у казаковъ: — чтобъ защитить себя отъ пуль, когда отступленіе невозможно, убиваютъ своихъ лошадей и лошадьми защищаютъ себя отъ пуль. Такъ сдѣлалъ и нашъ молодой полководецъ. А потомъ вскорѣ прискакалъ конвой, и негодяи, какъ зайцы, бѣгу яхуся. Вотъ и все, — очень просто-съ.

— Боже мой! а Варя?

— Княжна сначала немножко испугалась, а потомъ, когда увидѣла, что все идетъ хорошо, совсѣмъ успокоилась. Вотъ изволите видѣть — она веселенькая.

— Ничего тутъ и нѣтъ страшнаго, — рѣшилъ Сережа. — А я думалъ...

— Да ничего страшнаго и быть не могло, — подтвердилъ Григорій Ивановичъ.

— А еще говорятъ: черкесы, — продолжалъ съ важностью философствовать Сережа. — Я бы ихъ...

Сережа гордо посмотрѣлъ на Катю, какъ бы говоря: —
«вонъ мы какіе, мальчики!—а вы, дѣвчонки, что?»

Только князь Павелъ Сергѣевичъ коварно улыбался, пуская изъ чубука клубы дыму. Онъ подозрѣвалъ нѣчто болѣе серьезное, но, ради жены, смолчалъ.

IX.

Прошло нѣсколько дней. Старшій Шервашидзе, по совѣту доктора, продолжалъ купаться въ Нарванѣ для укрѣпленія нервовъ и дѣлалъ много движенія на воздухѣ; младшій же его братъ, не смотря на урокъ, данный имъ обоимъ дядюшкой Арсланъ-беемъ, въ сопровожденіи части конвоя продолжалъ охотиться на дикихъ козъ и фазановъ.

Однажды утромъ, послѣ ванны и прогулки, братья сидѣли въ паркѣ, въ тѣни деревьевъ. Съ ними былъ и докторъ. Неподалеку Катя и Сережа катали мячъ и забавлялись съ Фингаломъ.

Вдругъ невдалекѣ, за деревьями, Шервашидзе и докторъ услышали голоса.

— Что жъ ты такъ скоро покидаешь этотъ рай для пыльнаго Тифлиса?—спрашивалъ незнакомый голосъ.

— Надоѣло,—былъ отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ узнали голосъ князя Голицына.

— А твоя пери?

— Гагарина? О, я раскусилъ эту хитрую дѣвчонку... Она поймала на свой арканъ владѣтельнаго жеребца.

— Это кого?

— Да этого дикаго Стервашидзе...

— Ха-ха-ха! Стервашидзе!

— Она его и въ Петербургѣ ловила...

Вдругъ передъ ними, какъ изъ земли, выросъ тотъ, о комъ говорили.

— Вы подлецъ! — тихо, но рѣзко, словно ударомъ хлыста по лицу, остановилъ онъ обидчика, въ бѣшенствѣ сверкнувъ глазами.

Голицынъ моментально выхватилъ саблю изъ ноженъ, намѣреваясь ударить ею врага; но между ними очутился докторъ.

— Господа! — сказалъ онъ твердо: — для благородныхъ людей есть судъ чести — покоритесь ему.

Но ему не легко было справиться съ кипучимъ темпераментомъ молодого абхазца, тѣмъ болѣе, что въ дѣло вмѣшался юноша еще болѣе огненнаго темперамента: — кинжалъ младшаго Шервашидзе чуть было не покончилъ на мѣстѣ съ обидчикомъ, не дожидаясь далекаго и невѣрнаго суда чести. Но князь Дмитрій опомнился скоро: — онъ понялъ, что только разбитыя надежды, горечь разочарованія и душевныя муки могли продиктовать князю Голицыну, рыцарски-благородному юношѣ, обидныя для дѣвушки и для него самого слова. Въ его положеніи онъ самъ, вѣроятно, не былъ бы сдержаннѣе его.

— Я подчиняюсь суду чести, — сказалъ онъ, кланяясь князю Голицыну. — Прошу васъ, докторъ, сдѣлать мнѣ честь — быть моимъ посредникомъ въ переговорахъ по предстоящему дѣлу.

Князь Голицынъ поклонился въ свою очередь.

— Моимъ секундантомъ не откажется быть мой другъ, *m-cur* Шилковъ, — сказалъ онъ, показывая на своего друга.

— *Entièrement... de bonne volonté!* — поклонился тотъ.

Докторъ далъ ему свою карточку, и они условились сойтись для переговоровъ у Григорія Ивановича сегодня же вечеромъ.

— Одно условіе, господа, — обратился Григорій Ивановичъ къ противникамъ: — вы сдѣлали намъ съ m-eur Шилковымъ честь, избравъ насъ посредниками въ вашемъ дѣлѣ, и потому вы должны будете безпрекословно подчиниться рѣшенію, которое мы постановимъ, какъ относительно признанія оскорбленія, такъ равно относительно выбора оружія и дистанціи поединка.

— Я вполнѣ подчиняюсь, — согласился князь Шервашидзе.

Князь Голицынъ только молча поклонился въ знакъ согласія.

Простившись со всѣми, Григорій Ивановичъ отыскалъ Катю и Сережу, которые продолжали играть, заставляя Фингала бѣгать и ловить мячъ. Хотя дѣти находились въ незначительномъ разстояніи отъ происшедшаго сейчасъ столкновенія, однако Сережа, слишкомъ занятый погоней Фингала за мячемъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ; зато Катя, какъ болѣе взрослая и наблюдательная, и видѣла, и слышала достаточно; но и виду не показала, что знаетъ кое-что. Она слышала, какъ князь Голицынъ произнесъ слово «Стервашидзе»; она слышала потомъ, какъ «свѣтлый дядя» сказалъ ему «подлеца», и видѣла, какъ тотъ обнажилъ саблю...

— Пора домой, дѣти, — сказалъ докторъ, подходя къ нимъ.

— «Фрыштыкать»? — улыбнулась Катя, передразнивая своего лакея. При этомъ она, дѣлая совсѣмъ невинную рожицу, пытливо посмотрѣла на Григорія Ивановича —

не скажетъ-ли онъ чего о той сценѣ. Но онъ ничего не сказалъ.

Когда вечеромъ, согласно условію, Шилковъ явился къ доктору для переговоровъ, Григорій Ивановичъ прежде всего возбудилъ вопросъ: — кого признать обиженною стороною?

— Я полагаю, господинъ докторъ, что на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ взглядовъ,—сказалъ Шилковъ. — Обидѣть можно только слабѣйшаго или низшаго, а оскорбить можно и равнаго, и высшаго. Въ данномъ случаѣ, я утверждаю, что оскорбленная сторона — мой довѣритель.

— Позвольте, молодой человекъ, — мягко возразилъ Григорій Ивановичъ. — Есть классическое изреченіе, на которомъ виждется множество очень дикихъ заключеній. Это: *post hoc, ergo — propter hoc*, т. е. *посль* этого, значитъ—*вслѣдствіе* этого. Вы ѣдете на охоту, зайчикъ перебѣгаетъ вамъ дорогу; вы на охотѣ случайно ничего не убиваете, и вашъ кучеръ дѣлаетъ заключеніе: — это оттого случилось, что заяцъ перебѣжалъ намъ дорогу. Кошка умывалась, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхали гости. Баба заключаетъ:—кошка умывалась къ гостямъ... *post hoc, ergo — propter hoc*. Но въ нашемъ дѣлѣ это классическое изреченіе—сама логика. Вашъ довѣритель выражается оскорбительно для чести милой, благородной, идеальной дѣвушки и еще грубѣе и оскорбительнѣе для чести моего благороднаго довѣрителя. Послѣдній не выносить двоякаго оскорбленія и протестуетъ рѣзкимъ словомъ. Въ комъ *casus belli*? — въ вашемъ довѣрителѣ:— онъ и есть оскорбившая сторона; мой же довѣритель — сторона оскорбленная.

— Но оскорбительныя выраженія высказаны были заглазно; вашъ довѣритель могъ ихъ не слышать... Мало ли что говорится за глаза!

— Къ несчастію, онъ ихъ слышалъ.

— Да... Но онъ въ лицо бросилъ оскорбленіе...

— Извините, молодой человѣкъ, — это былъ только отвѣтъ.

— А я, господинъ докторъ, считаю это уже вызовомъ — вторая стадія дѣла. А съ нею сопряжены преимущества для моего довѣрителя.

— Вы разумѣете, что на его сторонѣ право выбирать оружіе поединка и что ему принадлежитъ первый ударъ или выстрѣлъ?

— Да, господинъ докторъ; согласитесь—это немалое преимущество:—тутъ лишній шансъ выиграть ставку на жизнь или на смерть.

— Согласенъ, молодой человѣкъ: — вотъ потому-то, когда мнѣ довѣрено отстаивать жизнь моего довѣрителя, я и не могу уступить вамъ этого права. Помилуйте! сидимъ мы и мирно бесѣдуемъ, смотря на игры дѣтей, и вдругъ изъ-за кустовъ—словно двѣ пощечины или два выстрѣла! За что? Чѣмъ провинился мой довѣритель? Тѣмъ, что благородная дѣвочка предпочла его вашему довѣрителю? И чѣмъ виновата тутъ милая дѣвочка, послѣдовавшая влеченію своего сердца?

— Такъ вы стоите на своемъ, господинъ докторъ?

— Стою, молодой человѣкъ... Я готовъ обратиться къ третейскому суду.

— Но тогда будетъ разоблачена тайна поединка.

— Нисколько-съ. Мы выберемъ лицо, на которое можно вполне положиться.

— Но имена? Имя моего довѣрителя, имя дѣвушки?

— И тутъ-съ абсолютные анонимы:—г. Игрекъ, не подозрѣвая присутствія г. Икса, отзывается оскорбительно о m-lle Зетъ и о г. Иксѣ, который это слышитъ и въ лицо г. Игреку бросаетъ позорящій эпитетъ. Кто началъ? кто заварилъ кашу? У третейскаго судьи прямой отвѣтъ: кашу заварилъ г. Игрекъ—онъ пусть и расхлебываетъ ее.

— Но я не могу, господинъ докторъ, съ этимъ неопредѣленнымъ рѣшеніемъ явиться къ моему довѣрителю: онъ слишкомъ возбужденъ и не приказалъ мнѣ являться безъ окончательнаго рѣшенія. А иначе—говорить—я его застрѣлю, просто какъ бѣшеную собаку.

— Хорошо, молодой человѣкъ: вашъ довѣритель не признаетъ за собою первенства оскорбленія. Тѣмъ хуже для него. Это значить — vice versa. Оскорбителемъ является мой довѣритель. Вашъ довѣритель, оскорбленный, вызываетъ. Отсюда же, по правиламъ поединка, вытекаетъ, что онъ отдаетъ право перваго удара или перваго выстрѣла—вызванному, т. е. моему довѣрителю.

Эта логика сбита окончательно Шилкова. Онъ вскочилъ и въ нетерпѣніи заходилъ по комнатѣ. Видя, что переговоры могутъ ничѣмъ не кончиться, и боясь, что младшій Шервашидзе, этотъ вѣчно пылающій огонь, исполнитъ свою угрозу:—«къ чему глупая дуэль! это не на балу, это не лезгинка, а я его просто зарѣжу, какъ овцу»,—Григорій Ивановичъ нашелъ себя вынужденнымъ нѣсколько уступить,

— Нечего дѣлать,—сказалъ онъ: — довѣримъ жизнь нашихъ довѣрителей жребью. На мѣстѣ поединка мы бросимъ жребій — кому первому стрѣлать... Вѣдь не на сабляхъ же они будутъ драться и не на кинжалахъ.

— Я согласенъ на жребій,—сказаль наконецъ Шилковъ.—И на пистолеты согласенъ. А время и мѣсто? а дистанція?

— Время — завтра утромъ въ пять часовъ, а съѣхаться въ глухой Березовой балкѣ. Вы ее знаете?

— Знаю—за кузницами.

— Такъ надо балкою проѣхать до того мѣста, гдѣ она нѣсколько расходится и гдѣ налѣво выдается скала, похожая на замокъ съ окномъ...

— А—помню! мы еще съ Голицынымъ назвали ее: «Замокъ страшныхъ неразсказанныхъ исторій».

— Тамъ мы и сойдемся... На случай смерти кого либо или раны, къ мѣсту поединка будетъ отправлена крытая арба... Какъ врачъ, я все необходимое отправлю туда съ этой арбой... Дистанція—двадцать шаговъ.

И секунданты разстались.

Х.

Весь день Катя хранила въ тайнѣ случайно слышанное и видѣнное ею въ паркѣ, и только вечеромъ, когда ихъ съ Варею отправили спать и онѣ остались вдвоемъ, Катя рѣшилась сказать объ этомъ сестрѣ. Она уже знала, что не все можно говорить родителямъ, особенно о мужчинахъ.

— А я сегодня въ паркѣ очень испугалась,—сказала она, поднявшись съ подушки и усѣвшись калачикомъ на кушеткѣ, на которой ей было послано.

— Чего?—спросила Варя, убирая на ночь свою косу.

— Видишь, — заговорила она таинственно: — мы съ Сережей играли — катали большой мячъ, а Фингалъ бѣгалъ за нимъ. А Григорій Ивановичъ, и «свѣтлый дядя», и... Миша, — хотѣла она сказать, да спохватилась, — и Михаилъ Георгіевичъ сидѣли въ тѣни на скамейкѣ. Вдругъ, откуда ни возмись, князь Голицынъ съ какимъ-то офицеромъ, — а прежде мы ихъ не видѣли, — и вдругъ Дмитрій Георгіевичъ вскочилъ и говоритъ Голицыну: «вы подлецъ!» Голицынъ какъ выхватить саблю! хотѣлъ его зарубить, а тутъ подбѣжали Михаилъ Георгіевичъ и Григорій Ивановичъ. Михаилъ Георгіевичъ выхватилъ кинжалъ, да на Голицына! ужасъ, какъ страшно было... Только Григорій Ивановичъ сейчасъ ихъ помирилъ — такой умный! Они поклонились другъ другу, а Григорій

Ивановичъ далъ еще карточку тому офицеру, — и они разошлись въ разныя стороны. Вотъ какой этотъ Григорій Ивановичъ! А за что разсердился Димитрій Георгіевичъ на Голицына—не знаю.

Варя съ ужасомъ слушала эту болтовню своей сестренки. Она тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло. Они дерутся изъ-за нея—это ясно. Голицынъ давно уже придирался ко всему, странно держалъ себя — то острялъ, то дѣлалъ какіе-то намеки... Григорій Ивановичъ далъ карточку офицеру: ясно, что они взяли на себя роли секундантовъ... Что же будетъ?.. Она вся дрожала отъ страха. Можетъ быть, они уже дрались... Можетъ быть, Димитрій уже убить... Онъ назвалъ того подлецомъ... Вотъ отчего никто изъ нихъ не былъ вечеромъ.

— Должно быть, Голицынъ чѣмъ нибудь обидѣлъ «свѣтлаго»,—говорила, между тѣмъ, Катя, примащиваясь на подушкѣ и кутаясь въ одѣяльце.—Удивительно, какъ это Григорій Ивановичъ такъ скоро помирилъ ихъ.

А Варя съ мучительною тоской думала: «это я всему виной, одна я! Какая я скверная, какая подлая. Отчего я давно не показала Голицыну, что равнодушна къ нему? Нѣтъ, я позволяла ему ухаживать за собой; я кокетничала съ нимъ, какъ низкая женщина... Я тѣшила свое тщеславіе, низкая, низкая!.. Такія всѣ мы низкія, подлые: чѣмъ больше поклонниковъ, тѣмъ больше чести... И это честь!.. Нѣтъ, это безчестіе, это позоръ, гнусность, продажность—кто изъ поклонниковъ больше предложитъ за товаръ... Мы товаръ, нѣчто рыночное, покупное. И отчего было не сказать честно Голицыну, чтобъ онъ ни на что не надѣялся? Такъ нѣтъ — я тѣшилась его уха-

живаньемъ, держала его въ запасѣ на всякій случай, если этотъ меня покинетъ, уйдетъ отъ меня... И вотъ!»...

Катя уже спала, а Варя все сидѣла на постели съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами. Она готова была теперь же бѣжать, сейчасъ, въ эту темную ночь, чтобы только узнать, что тамъ, что съ нимъ...

«Такія оскорбленія, на ихъ ужасномъ языкѣ, смываются только кровью... Ужасный языкъ!».. Она это знала, она часто это слышала. Она бросилась на полъ и стала молиться. Но это была не молитва: она въ душѣ взывала къ кому-то, кричала—кричала безъ словъ, безъ мысли—въ ней кричалъ холодный ужасъ... Ночь тянулась безъ конца. Зачѣмъ Катя не сказала ей раньше? Для чего молчалъ Сережа, если онъ зналъ чтонибудь? Она бы помѣшала безумному дѣлу, она не дала бы совершиться убійству изъ-за нея... Почти всю ночь она то стояла на коленяхъ, то лежала, прижавъ головой къ полу. То была ея молитва—безмолвная молитва отчаянія. Ее била лихорадка. Она куталась въ теплый шерстяной платокъ, но холодный ужасъ продолжалъ держать ее въ лихорадкѣ.

Едва наступило раннее утро и всѣ еще спали, она тихонько разбудила свою горничную и велѣла ей послать Вавилу къ Григорію Ивановичу: сказать, что она больна—она и въ самомъ дѣлѣ была совсѣмъ больна,—но только чтобы этого никто не зналъ.

Изъ-за Елизаветинской горы солнце взошло такое красное... Кровь, кровь вездѣ!.. Вавила скоро воротился ни съ чѣмъ. Деньщикъ Григорія Ивановича сказалъ, что баринъ его только что сію минуту уѣхалъ куда-то верхомъ, а за нимъ поѣхала арба съ татаринкомъ. «На мѣсто

дуэли поѣхалъ... а арба—для мертвѣго тѣла... Съ нею сдѣлалось дурно. Горничная испугалась и разбудила барыню. Княгиня нашла уже свою дочь въ жару. Послали тотчасъ за другимъ докторомъ.

Между тѣмъ, Григорій Ивановичъ въ сопровожденіи крытой арбы, управляемой Урусомъ Лаквари (это и былъ тотъ татаринъ, о которомъ говорилъ Вавила, деньщикъ доктора), миновавъ кузницы, спустился въ Березовую балку, гдѣ ихъ уже поджидали братья Шервашидзе. Урусъ Лаквари только утромъ узналъ, куда собираются его господа, и хотя онъ отпрашивался съѣздить по какому-то дѣлу въ ближайшій аулъ, но его не отпустили, такъ какъ въ немъ, какъ въ вѣрномъ и расторопномъ слугѣ, они сами нуждались. Утро было прелестное. Балка, или скорѣе ущелье, извиваясь между нависшими и нагроможденными одинъ на другой утесами, между гигантскими пластами гранита и темносѣраго плитняка, то открывала свободный доступъ теплымъ лучамъ утренняго солнца, то вводила путниковъ въ полусумракъ тѣней, между тѣмъ какъ пѣнистая рѣчка, извиваясь въ каменномъ ложѣ сѣрою змѣей, прыгала съ камня на камень и сердито журчала, когда, при частыхъ переѣздахъ, ее пѣнили конскія копыта. Въ темнѣвшей по утесамъ зелени перекликались птицы, а въ тихомъ воздухѣ жужжали пчелы. Во всей природѣ, казалось, разлито было столько нѣги, ласки, любви, жизнь была такимъ полнымъ ключемъ, голубое небо смотрѣло въ ущелье такъ привѣтливо, солнце грѣло такъ любовно, что, казалось, въ этомъ эдемѣ жизни, въ этой гармоніи природы и всего живого, не должно бы быть мѣста ни враждѣ, ни горю, а тѣмъ болѣе—смерти... А между тѣмъ... Между тѣмъ,

повади, въ томъ же ущельѣ слышался уже конскій топотъ. То ѣхали князь Голицынъ и его секундантъ къ мѣсту поединка. Но вотъ ущелье стало нѣсколько раздвигаться, и влѣво, за рѣчкой, — стѣсненной каменною грядою и сердито бурлившей, — надъ крутымъ зеленымъ скатомъ показался гровный, причудливый сѣрый утесъ съ сквозными прорѣзьями, въ которыя, точно въ окна, глядѣлось голубое небо. Это и былъ «Замокъ страшныхъ неразсказанныхъ исторій». Да и кто могъ ихъ рассказать? Кто знаетъ, какіе ужасы, быть можетъ, совершались въ этой глухой тѣснинѣ и тогда, когда доносились сюда стоны Прометея, и послѣ, когда полчища Помпея гнались за полчищами Митридата? Глухая тѣснина безмолвствуетъ, и только говорливая горная рѣчонка не одну и не двѣ тысячи лѣтъ повѣствуетъ о прошлыхъ ужасахъ на языкѣ, котораго люди не понимаютъ...

Братья Шервашидзе, проѣхавъ нѣсколько впередъ, сошли съ коней, отвели ихъ въ сторону за покрытый кустарникомъ каменистый уступъ и, присѣвъ на камень у самой рѣчки, тихо о чемъ-то разговаривали. Можетъ быть, старшій братъ передавалъ младшему свою послѣднюю волю. Князь Голицынъ, сойдя съ коня, привязалъ его къ сучковатому стволу боярышника и сталъ ходить взадъ и впередъ, нервно сбивая хлыстомъ торчавшія изъ высокаго колючаго бурьяна упругія головки только что распустившагося татарника. Невдалекѣ Урусъ Лаквари стоялъ съ арбой.

— Вотъ ровное мѣсто, — сказалъ Григорій Ивановичъ, подходя къ Шилкову и здороваясь съ нимъ.

— Отлично... Тутъ тѣнь: солнце не будетъ мѣшать, — проговорилъ онъ, и сталъ отиѣривать шаги.

— Не ты, не ты! — нетерпѣливо крикнулъ ему Голицынъ. — У тебя журавлиныя ноги, и ты чортъ знаетъ сколько отмѣришь — до самаго Эльборуса... Пусть мѣритъ господинъ докторъ: у него шажки маленькіе... Ближе другъ къ другу будемъ. Я хочу ближе видѣть, какъ подъ дуломъ моего пистолета потемнѣетъ лицо его свѣлости.

Юный абхазецъ, услышавъ это, схватился было за кинжалъ, но старшій братъ удержалъ его руку. Григорій Ивановичъ сталъ отмѣривать. «Разъ, два, три, четыре... двадцать — вотъ у этого камня». Онъ пошелъ потомъ къ арбѣ и принесъ оттуда ящикъ съ пистолетами и патроны.

— Извольте заряжать, — сказалъ онъ, вынувъ изъ ящика пистолеты и передавая ихъ Шилкову вмѣстѣ съ патронами.

Пистолеты наконецъ заряжены, и Шилковъ положилъ ихъ на камень.

— Теперь жребій, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана блестящій червонецъ. — Ты что выберешь? Орла или рѣшотку? — крикнулъ онъ Голицыну.

— Орла, — отвѣчалъ тотъ.

Шилковъ бросилъ въ воздухъ червонецъ. Монета, повертѣвшись въ воздухѣ, звякнулась объ камень.

— Орелъ! — не безъ торжества воскликнулъ Шилковъ.

Григорій Ивановичъ нагнулся, чтобъ удостовѣриться. — Вашъ выстрѣлъ, — тихо сказалъ онъ. Противникамъ указали ихъ мѣста и дали по пистолету въ руки. Отойдя на нѣсколько шаговъ отъ Голицына, Шилковъ подалъ знакъ. Голицынъ сталъ медленно поднимать руку съ пи-

столетомъ. Князь Дмитрій стоялъ, какъ вкопанный. Онъ видѣлъ, какъ дуло пистолета его противника поднималось медленно, все выше и выше... Вотъ оно дошло до груди, до сердца — и остановилось. Въ сердце мѣтить. Младшій братъ стоялъ въ сторонѣ, пожирая глазами дуло пистолета, наведеннаго на брата... Отъ арбы подвинулся впередъ и Урусъ Лаквари. Загадочная улыбка вмѣсилась въ его глазахъ и подъ усами. Медленно, медленно пистолетъ сталъ подниматься выше... Вотъ дуло его остановилось на лицѣ... Еще выше... чуть-чуть... на лбу—и замерло, остановилось... Виднѣлась только черная точка да надъ нею глазъ... Раздался выстрѣлъ...

— Промажъ, — спокойно сказалъ князь Дмитрій: — рука дрогнула.

Григорій Ивановичъ и Михаилъ Ширвашидзе бросились было впередъ; но, услыхавъ слово «промахъ», юный абхазецъ разразился смѣхомъ. Онъ хохоталъ, какъ мальчишка, схватившись руками за животъ и бѣгая по площадкѣ: «ой-ой-ой-ой ой-ой! вотъ такъ выстрѣлъ, вотъ такъ ловко!»

— Да перестань же ты, мальчишка!—не вытерпѣлъ, наконецъ, старшій братъ.

— Ой-ой-ой! не буду! не сердись...

Голицынъ стоялъ блѣдный, какъ полотно.

— Князь!—сказалъ Дмитрій Георгіевичъ:—я зналъ васъ, какъ благороднаго человѣка, и всегда уважалъ васъ. Я и теперъ не отнимаю у васъ моего уваженія... Я не требую, чтобъ вы извинились передо мною въ неосторожно сказанныхъ словахъ. Я ихъ охотно прощаю. Въ васъ говорило оскорбленное самолюбіе, хотя никто

его не оскорблялъ. Но вы провинились передъ чистою дѣвушкой, передъ лучшею въ мірѣ женщиною...

— Довольно!—крикнулъ Голицынъ:—я не желаю ни вашихъ похвалъ, ни вашихъ наставленій... *Assez! trop assez!*

— Такъ вотъ за эту дѣвушку я обязанъ васъ наказывать,—продолжалъ Шервашидзе.

Онъ взялъ въ лѣвую руку висѣвшій у него на шнурѣ пистолеть, взвелъ курокъ и остановился. Въ правой же рукѣ онъ держалъ тотъ пистолеть, изъ котораго долженъ былъ стрѣляться.

— Смотрите!—сказалъ онъ и выстрѣлилъ въ пролетавшую мимо ласточку. Ласточка упала мертвая.

— Видите, — продолжалъ онъ: — я могу застрѣлить васъ, какъ эту бѣдную ласточку. Но не хочу этого —я пощажу вамъ жизнь...

— Стрѣляйте, чортъ васъ возьми!—крикнулъ Голицынъ, побагровѣвъ.

— Хорошо, сейчасъ... Я только выстрѣлю въ васъ такъ, чтобъ вы уже никогда не могли танцовать, а въ особенности—съ моей невѣстой, княжной Гагариной.

И онъ выстрѣлилъ. Князь Голицынъ запатался. Шилковъ и докторъ бросились къ нему и подхватили.

— Въ ногу, — сказалъ Григорій Ивановичъ: — въ правую.

Князь Голицынъ лишился сознанія.

XI.

Раненаго Голицына, послѣ перевязки, осторожно уложили на дно арбы, устланное ковромъ и подушками. Онъ скоро пришелъ въ сознание и спросилъ доктора, можетъ-ли онъ послѣ этой раны оставаться кавалеристомъ. Григорій Ивановичъ отвѣчалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, верховая ѣзда для него по прежнему будетъ вполнѣ возможна, но хромота останется, потому что пуля повредила сухожилія.

Братья Ширвашидзе послѣ дуэли тотчасъ уѣхали въ Кисловодскъ, а докторъ и Шилковъ остались сопровождать раненаго. Они достигли благополучно Кисловодска и проѣхали прямо на квартиру князя Голицына, который, поддерживаемый Григоріемъ Ивановичемъ, самъ вошелъ въ комнаты. Снова освидѣтельствовавъ и перебинтовавъ рану, докторъ написалъ необходимые рецепты и, уходя, обѣщалъ навѣдываться почаще. О дуэли въ Кисловодскѣ никто не долженъ знать, а рана князя должна быть объяснена несчастнымъ случаемъ на охотѣ.

Возвратясь домой, Григорій Ивановичъ узналъ отъ деньщика, что рано утромъ за нимъ присылали отъ Гагариныхъ, — что у нихъ заболѣла барышня. Григорій Ивановичъ тотчасъ же пошелъ къ нимъ, но на дорогѣ встрѣтилъ молодого группнаго врача, который только что отъ нихъ вышелъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ его Григорій Ивановичъ.

— Кажется, ничего особеннаго:—со старшей княжной что-то приключилось ночью — нервное разстройство, небольшой жарокъ... Ничего серьезнаго:—либо мышей испугалась, либо черныхъ таракановъ,—съ улыбкой отвѣчалъ группный врачъ.

Они разстались, и Григорій Ивановичъ вошелъ къ Гагаринымъ. Его встрѣтила княгиня.

— Что у васъ?—спросилъ докторъ.

— Да моя старшая дѣвочка захворала... Группный врачъ говорить—нервное разстройство; а съ чего бы?

Доктора провели прямо къ больной. При видѣ его, Варя испуганно поднялась на постели.

— Те-те-те! такъ вы бунтовать, барышня?—весело заговорилъ Григорій Ивановичъ:—вотъ мы васъ!

Видя доктора спокойнымъ и веселымъ, Варя нѣсколько ожила.

— Мама!—сразу выручила ее женская хитрость:—сходи, мамочка, принеси мнѣ легкій фулярный платокъ. Этотъ слишкомъ теплый—мнѣ жарко.

Княгиня вышла. Варя тотчасъ же схватила доктора за руку.

— Что онъ? Я все знаю... Была дуэль? Что онъ!—лихорадочно говорила она.

— Кто онъ?—съ улыбкой спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Ахъ, не мучьте меня! говорите: что онъ?

— Князь Голицынъ?—снова улыбнулся докторъ.

— Не смѣйтесь, ради Бога!—вы знаете, кто...

— Успокойтесь,—шепнулъ Григорій Ивановичъ, слыша шаги княгини:—живехонекъ и веселехонекъ.

Вошла княгиня и подала платокъ. Она сразу замѣтила, что дочь повеселѣла.

— Лучше тебѣ, дѣвочка?—спросила она.

— Лучше, мамочка... Только знаешь—я пить хочу.—

Это опять явилась на выручку женская хитрость.

— Чего жъ бы тебѣ дать, дѣточка?—спросила княгиня, глядя головку дочери.

— Лимонаду мнѣ хочется, мамуля... Поди, сдѣлай—только сама... Я отъ тебя хочу.

Княгиня, радостная, опять вышла. Докторъ покачалъ головой.

— У! и хитрая же вы, барышня!—проговорилъ онъ.— Мы, мужчины, никакъ не выдумали бы лимонаду.

— Милый, Григорій Ивановичъ, расскажите все,— снова схватила Варя доктора за руку.— Съ чего это у нихъ вышло?

— Понятно, изъ-за пустяковъ, какъ это всегда бываетъ у мужчинъ, особенно у военныхъ:—наступилъ нечаянно сосѣду на мозоль, ну, и дуэль—дѣло чести.

— Нѣтъ, вѣтъ!—вы скажите, изъ-за чего?

— Право, не знаю... Кажется, за билльярдомъ повздорили.

— Не сочиняйте!—перебила его Варя:—Катя вчера въ паркѣ все видѣла и все слышала.

— А! Катя—вотъ кто предатель... Тоже—хитрая, а мнѣ вчера хоть бы словечко...

— И что же?—допытывалась княжна.

— Князь Голицынъ немножко поплатился сегодня ножкой... Ужь больше ни съ вами и ни съ кѣмъ никогда танцовать не будетъ.

— Какъ? ранень?—испугалась Варя.

— Не бойтесь—не опасно... Я хорошо перевязалъ рану... Пули не осталось въ ногѣ—на вылетъ прошла.

— Боже, благодарю! — перекрестилась книжна.— Но расскажите все, какъ было, пока мама не пришла... Кто стрѣлялъ первымъ?

— Князь Голицынъ, но промахнулся. А Дмитрій Георгіевичъ опять выказалъ себя героемъ и необыкновенно великодушнымъ. Представьте себѣ, онъ могъ положить его на мѣстѣ, убить наповаль — а между тѣмъ пощадилъ. Когда Голицынъ далъ промахъ, Дмитрій Георгіевичъ, которому слѣдовало стрѣлять, держа въ правой рукѣ пистолеть, лѣвою взялъ другой, который у него висѣлъ на шнуркѣ, и налету убилъ, проносившуюся въ эту минуту довольно далеко, ласточку.— Вотъ—говорить— князь, я могъ бы убить и васъ, какъ эту птичку, но я—говорить—пощажу вамъ жизнь, а только сдѣлаю такъ, что вы уже никогда больше не будете ни съ кѣмъ танцовать, въ особенности же—говорить—съ моей невѣстой... И назвалъ какую-то петербургскую барышню, фамилію которой я, признаюсь, запомнилъ, — закончилъ докторъ, коварно улыбаясь.

Варя вся рдѣла, преображенная счастьемъ и гордостью за любимаго человѣка.

— Бѣдный Голицынъ!—сказала она, и на этотъ разъ противъ обыкновенія искренно.

— Теперь я понимаю причину вашей внезапной болѣзни,—проговорилъ Григорій Ивановичъ:—со словъ коварной Кати—какова!—въ куклы играетъ, а меня, старика, провела,—изъ рассказа этого маленькаго Галейрана въ юбчонкѣ вы поняли, что готовится поединокъ, и васъ это свалило.

— Да, Григорій Ивановичъ, я очень испугалась... Катя мнѣ сказала обо всемъ, когда мы ужъ легли спать, а еслибъ я узнала объ этомъ раньше, днемъ, я не знаю, что сдѣлала бы...

— Выдали бы насъ?

— Да... я не знаю, право... Можетъ быть, и сказала бы мамѣ.

— И хорошо, можетъ быть, сдѣлали бы:—князь Голицынъ былъ бы съ ногой.

— Но изъ-за чего они поссорились, я все таки не понимаю. Катя говорить, что Дмитрій Георгіевичъ называлъ князя Голицына подлецомъ. Значить, была серьезная причина,—Дмитрій Георгіевичъ человекъ сдержанный:—значить, князь Голицынъ его очень оскорбилъ. А гдѣ, когда—Катя не знаетъ.

— Ну, что объ этомъ толковать, милая барышня!—дѣло прошлое.

Въ это время, въ комнату вошла княгиня, а за нею горничная внесла на подносѣ лимонадъ.

— Ну, кушай мое издѣліе, милочка,—сказала княгиня, цѣлуя розовое оживленное личико дочери. — Ахъ, Григорій Ивановичъ! — обратилась она къ доктору:—вы просто магъ и чародѣй. Отъ одного вашего присутствія моя дѣвочка начала ужъ поправляться.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, — улыбнулся докторъ:— не я магъ и чародѣй, а молодость... А это лѣкарство не въ моей власти: — его ни въ одной аптекѣ не отпускаютъ.

— Правда, правда,—согласилась княгиня.

За дверью послышался стукъ и голосъ князя Павла Сергѣевича:—Можно войти?

— Entrez, Paul, entrez!—весело отозвалась княгиня. Вошелъ князь, а за нимъ въ дверь просунули головы Катя и Сережа съ Фингаломъ.

→ Est il permis, maman?—робко спросила Катя.

— Entrez, entrez, mes petite et petit,—быль отвѣтъ.

Дѣти вошли.

— Дѣвочка напугала насъ сегодня,—сказаль князь, здороваясь съ докторомъ.—Что съ ней?

— Ровно ничего, князь,—вы видите.

— Я совсѣмъ здорова, папочка, — весело отозвалась Варя.

— А тебѣ кланяется «свѣтлый дядя», — выпалилъ Сережа.

— И Миш... и Михаилъ Георгіевичъ,—поправилась Катя:—тоже кланяется...

— Онъ мнѣ сказаль,—заторопился Сережа.

— Нѣтъ, не тебѣ, а мнѣ,—перебила его Катя.

— Будеть вамъ, дѣти,—остановила ихъ княгиня:—вѣчно спорите.

— Я пригласилъ ихъ сегодня обѣдать, — сказаль князь: — они очень встревожились, когда узнали, что Варя нездорова, и хотѣли сейчасъ же прійти; но я пригласилъ ихъ къ обѣду.

— А что-то давно не видать князя Голицына,—сказала княгиня.

— Да съ нимъ несчастье приключилось,—поторопился сказать докторъ, переглянувшись съ Варей:—онъ на охотѣ нечаянно ранилъ себѣ ногу и лежитъ...

— А я его вчера въ паркѣ видѣла...—сказала Катя, а потомъ спохватилась и смущенными глазами посмотрѣла на доктора и на сестру.

— Да онъ только сегодня утромъ ранилъ себя, — объяснилъ Григорій Ивановичъ.

— Но какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ князь.

— Ружье нечаянно выстрѣлило, и пуля пробила ногу.

— И серьезно? опасно?

— Нельзя сказать, князь, чтобы опасно, но серьезно:— повреждено сухожилие.

— Такъ нога навсегда попорчена?

— Боюсь, ваше сіятельство, что навсегда.

— Жаль молодого человѣка изъ такой прекрасной семьи.

— Но мнѣ кажется, княгиня, что это не помѣшаетъ ему продолжать кавалерійскую службу.

— И танцовать ему можно будетъ, Григорій Ивановичъ, когда рана совсѣмъ заживетъ? — какъ-то странно спросила Варя.—Онъ такой ловкій танцоръ.

— Сомнѣваюсь, барышня,—улыбнулся докторъ:—ужъ ему, кажется, не придется больше быть на балахъ вашимъ кавалеромъ...

ХІІ.

Время летитъ быстро. Недаромъ Сатурнъ изображается съ крыльями. Но особенно быстро этотъ крылатый старикъ мчится на глазахъ такихъ же, какъ самъ, стари-ковъ и влюбленныхъ.

Князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе и княжна Варвара Павловна Гагарина, а равно ея сестра Катя, совсѣмъ не замѣтили, какъ пролетѣлъ весенній сезонъ. Маленькая Катя... вѣдь она тоже была влюблена въ своего героя Мишу, — и ей предстояло украдкой, тайно отъ всѣхъ, лить горькія слезы разлуки.

Неотложныя дѣла требовали присутствія молодого владѣтеля Абхазіи въ его наслѣдственной странѣ. Арсланъ-бей, убѣдившись, что ненавистный противникъ его едва ли не болѣе безопасенъ отъ козней дяди въ Кисловодскѣ, чѣмъ на родинѣ, воротился съ своею шайкой въ Абхазію и завязалъ сношенія съ бѣжавшими въ Турцію: княземъ Георгіемъ Дадіаномъ — «голыя ляшки», какъ его прозвали въ Мингрелии за его бѣлыя лосинныя штаны въ обтяжку, — съ княземъ Иваномъ Абашидзе, отцомъ маленькаго царя Ивана, силою увезеннаго въ Россію изъ Имеретіи, и съ царевною Дареджаной, дочерью покойнаго царя Соломона II. Онъ всюду распускалъ слухи, что молодой владѣтель Абхазіи, князь Димитрій Шервашидзе, — уже больше не владѣтель, — что русскіе сослали его въ Сибирь, какъ

прежде повасылали туда всѣхъ грузинскихъ царевичей, а потомъ и юнаго царя Имеретіи Ивана Абашидзе; что русскіе намѣрены перехватать и тоже сослать въ Сибирь и всѣхъ князей Мингреліи, Гуріи и Абхазіи; что, наконецъ, они намѣрены изъ всѣхъ кавказскихъ народовъ подѣлать русскихъ солдатъ и казаковъ, какъ они подѣлали солдатами татаръ, калмыковъ, киргизъ и поляковъ.

Разставаясь съ Гагариными и своей невѣстой, молодой владѣтель Абхазіи обѣщалъ, устроивъ дѣла у себя на родинѣ, пріѣхать въ Петербургъ въ декабрѣ, чтобъ тотчасъ же послѣ рождественскихъ праздниковъ вести свою Варю подъ вѣнецъ. Варя много плакала. Плакала и Катя, но всѣ думали, что она плачетъ слезами старшей сестры... Это были, однако, ея собственныя слезы:— на ея глазахъ закатывалось ея ясное солнышко... Когда въ послѣдній разъ бѣлая папаха ея красавца Миши Прометеевича,—какъ она его называла,—скрылась за горой, дѣвочка упала на траву, и рыдала, рыдала...

— Бѣдная дѣвочка, она такъ любитъ Варю,—говорила княгиня.

«Какіе глупые эти большіе!»—думала, между тѣмъ, Катя.

Любовь Вари преобразила владѣтеля Абхазіи. Онъ возвратился на родину полный энергіи и увѣренности въ своихъ силахъ. Онъ обѣщалъ положить Абхазію къ ногамъ своей невѣсты—и положить! Явившись въ Соуксу, гдѣ ожидала его мать, онъ недолго оставался въ своей резиденціи. Отъ Ракоци онъ обстоятельно узналъ о положеніи дѣлъ въ Абхазіи и о новыхъ ковахъ Арсланъ-бея. Посѣтивъ потомъ Сухумъ, онъ вмѣстѣ съ комендантомъ крѣпости Михинимъ осмотрѣлъ вооруженія города, боевые

запасы и другія средства защиты, и убѣдился, что у него подъ ногами есть почва, что будущее зданіе Абхазіи если и будетъ возведено сначала на чужомъ фундаментѣ—на русскихъ штыкахъ, то ничто не мѣшаетъ этому зданію впослѣдствіи утвердиться на собственномъ фундаментѣ, цементъ котораго долженъ быть непременно замѣшанъ на крови Арсланъ-бея и его приверженцевъ: — «кровь предателей отечества очень полезна для этого», — сказали онъ.

Послѣ этого, сопровождаемый своимъ конвоемъ, онъ сталъ переѣзжать изъ аула въ аулъ. Въ каждомъ аулѣ онъ собиралъ сходки и говорилъ страстные, зажигательныя рѣчи. Онъ былъ неузнаваемъ, — и абхазцы съ удивленіемъ и восторгомъ смотрѣли на него. Какъ всѣ южные народы, абхазцы легко воспалялись и толпами стекались послушать молодого оратора. Женщинъ увлекала его красота, его блестящій мундиръ. Онъ несил на сходки своихъ дѣтей и, по окончаніи сходки, провожали его изъ аула восторженными кликами. Старики въ изумленіи качали сѣдыми головами.

— Въ немъ проснулся духъ его дѣда, Келешъ-бека, — говорили они:— бабы и дѣти это чуютъ.

— А кто убиваетъ своего отца, тотъ и мать не пощадить,—говорили другіе.

— Арсланъ-бей убилъ своего отца: — онъ убьетъ и мать свою, Абхазію,—говорили третьи.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ, настроеніе умовъ въ Абхазіи совершенно измѣнилось, и до Арсланъ-бея стали доходить очень неутѣшительныя вѣсти. Онъ понялъ, что его собственная популярность съ каждымъ днемъ таетъ, какъ снѣгъ весною, а популярность и сила его ненавистнаго

племянника, — «русскаго нукера», какъ онъ называлъ молодого владѣтеля Абхазіи, — растутъ, какъ воды Кадора и горныхъ рѣчекъ во время таянія этого снѣга весною.

— Мои горы таютъ и несутъ *ему* свои воды, — со злобою говорилъ онъ своему другу, князю Бежану Шервашидзе.

— Не бойся, князь, — *онъ* скоро утонетъ въ этой водѣ: — вода погубитъ *его*, — загадочно утѣшалъ друга Бежанъ.

— Какъ же это? — недоувѣрчиво качалъ головою давно посѣдѣвшій Арсланъ: — когда за меня была вся Абхазія, и то *онъ* уцѣлѣлъ, а какъ же теперь?

— Это секретъ мой и Уруса Лаквари, — отвѣчалъ Бежанъ: — тайна тогда только тайна и имѣетъ силу, когда ее знаютъ только двое; а когда ее узнаетъ третій — она потеряетъ силу: — то уже не тайна, когда она третьему довѣрена. Тайна — все равно, что жена: — ее долженъ знать только мужъ... Повторяю тебѣ: *вода погубитъ нукера урусовъ*.

Послѣ триумфальнаго, можно сказать, объѣзда Абхазіи, князь Дмитрій Георгіевичъ возвратился въ Соуксу. Сюда со всѣхъ сторонъ являлись къ нему князья и дворяне и, по восточному обычаю, приносили своему повелителю богатые подарки — деньгами, драгоценными вещами, дорогимъ оружіемъ, цѣлыми пригоршнями бирюзы, алмазовъ, крупнаго жемчугу и всякихъ цѣнныхъ камней. За нѣсколько недѣль казна его пополнилась такъ, какъ не бывало этого ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ. Богатства эти дали ему мысль — раньше отправиться въ Петербургъ, чтобъ до свадьбы успѣть приобрести въ русской столицѣ все, чего могли требовать культурныя при-

вычки его будущей жены:—блестящую меблировку дворца, изящные сервизы, посуду и все то, что онъ видывалъ въ аристократическихъ домахъ Петербурга. Дни и ночи онъ обдумывалъ все, что предстояло ему сдѣлать. Сонъ его, вслѣдствіе этого, былъ часто безпокойный. Но, какъ на бѣду, въ старомъ зданіи монастыря завелся филинъ, который, по ночамъ, своими стонами просто отравлялъ ему сонъ. Въ подобныхъ случаяхъ, когда филинъ начиналъ стонать, Урусъ Лаквари всегда спѣшно отправлялся къ зданію монастыря и прогонялъ надоѣдливую птицу.

То же повторилось и въ ночь съ 15-го на 16-е октября 1822 года.

Князь Дмитрій Георгіевичъ собирался уже ложиться спать, какъ вдругъ послышалось завыванье филина.

— Ахъ, проклятая птица! опять застонала, — проговорилъ князь съ досадою.

— Я пойду припугну ее, — отозвался Урусъ Лаквари, готовившій постель своему господину.

— Хорошо, — отвѣчалъ послѣдній.

Урусъ Лаквари, оставивъ князя, вышелъ изъ дворца и направился къ мрачному зданію давно пустующаго монастыря. Подходя къ отверстію въ старой стѣнѣ, онъ издалъ пискъ, похожій на пискъ летучей мыши. Изъ отверстія ему отвѣчали тѣмъ же. Лаквари вступилъ въ ограду, гдѣ и увидѣлъ закутанную въ бурку человѣческую фигуру.

— Зачѣмъ требовалъ меня господинъ? — спросилъ Лаквари.

— Я принесъ тебѣ смерть для презрѣннаго нукера урусовъ, — отвѣчала бурка.

— Смерть!—я ужъ второй годъ ношу ее за поясомъ, да только все еще она не нашла ходу въ сердце и въ легкія нукера урусовъ, — отвѣчалъ въ свою очередь Лаквари.

— Ну, твоя смерть желѣзная и оставляетъ слѣды, а отъ моей смерти не останется никакихъ слѣдовъ, — сказала бурка. — Вотъ возьми ее. — И бурка подала Урусу маленькую стекляночку. — Нѣсколько капель влей ему въ питье, и урусы потеряютъ навѣки своего нукера.

— Давно пора, — улыбнулся Лаквари, пряча за пазуху пузырьрекъ. — Вонъ въ Кисловодскѣ, въ Орѣховой балкѣ, вѣрное было дѣло, и я во-время далъ вамъ знать, а вы все жъ ничего не сдѣлали, и только сами поплатились нѣсколькими головами... Я въ этомъ дѣлѣ не виновать.

— Тебя никто и не винить, — сказала бурка. — Кто могъ думать, что проклятый нукеръ-урусъ такой находчивый!—Изъ лошадей завалъ сдѣлалъ,—а тутъ и конвой подоспѣлъ. Смотри же, завтра ночью я жду тебя здѣсь съ извѣстіемъ, что отъ выродка Шервашидзе, отъ измѣнника Димитрія, осталась одна падаль.

— А скоро дѣйствуетъ твое лѣкарство? — спросилъ Лаквари.

— Скорѣе, чѣмъ кинжалъ или пуля... минутами... безъ криковъ... Это страшный ядъ.

— О, господинъ!—обрадовался Лаквари:—тогда я черезъ часъ буду здѣсь съ вѣстью о падали... Онъ на ночь всегда выпиваетъ стаканъ воды... Я въ этотъ стаканъ и волюю ему смерть.

— Хорошо... Спѣши—я жду тебя.

— Только, господинъ, немного погода, ты опять за-

стони филиномъ, чтобъ я могъ выйти сюда, а то меня можетъ остановить часовой и спросить, зачѣмъ я выхожу второй разъ:—я скажу, что князь послалъ меня застрѣлить проклятую птицу.

— Хорошо. Ступай. Въ аудѣ Чичи тебя ждетъ большая награда.

Воротившись во дворецъ, Урусъ Лаквари быстро приготовилъ постель для князя Дмитрія и, когда тотъ легъ, подаль ему стаканъ воды, въ которую вылилъ всю жидкость изъ даннаго ему таинственной буркой пузырька. Князь быстро выпилъ—и словно окаменѣлъ...

— Ты что мнѣ далъ?—глухо сказалъ онъ, и навзничь опрокинулся на постель.

Отравитель быстро выдернулъ изъ-подъ его головы подушки и набросилъ ихъ на исказившееся лицо своей жертвы. Тѣло несчастнаго вытянулось въ конвульсіяхъ и, казалось, застыло. Урусъ Лаквари постоялъ нѣсколько минутъ, словно каменное изваяніе, потомъ поднялъ подушки. Передъ нимъ лежалъ окоченѣлый трупъ.

Отъ монастыря донесся стонъ филина. Отравитель, даже не взглянувъ на свою жертву, вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ у монастыря.

— Ну, что?—спросила бурка.

— Готово,—отвѣчалъ убійца.—Ну и лѣкарство же!.. Жаль, что я забылъ тамъ пузырекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, часовой услышалъ топотъ лошадиныхъ копытъ за монастыремъ.

Князь Бежанъ Шервашидзе сдержалъ свое слово. Когда на другой день старый Галибъ, не видя ни Уруса Лаквари, ни молодого князя, который долго не выходилъ изъ своей комнаты, заглянулъ туда,—глазамъ его пред-

ставилось ужасное зрѣлище:— вмѣсто молодого, красиваго владѣтеля Абхазіи, на кровати лежалъ искаженный трупъ. Урусь Лаквари исчезъ. Въ домѣ поднялась тревога. Явились княгиня Тамара, князь Михаилъ, докторъ Булатъ-Аліевъ.

— Отравленъ синильной кислотой... *acidum cyanicum*,—сказалъ послѣдній, нюхая забытый отравителемъ пузырькъ.

Княгиня упала за́мертво.

ХІІІ.

На третій день, тѣло безвременно погибшаго молодого владѣтеля Абхазіи съ подобающею честью было предано землѣ.

Въ тотъ же день въ Соуксу пріѣхалъ знакомый уже намъ кривой абхазецъ, Ахмедъ Теймуразъ, котораго когда-то Арсланъ-бей подвергалъ публичному поруганію посредствомъ обнаженія и обмазыванія всего тѣла кислымъ молокомъ, съ тѣмъ чтобъ его потомъ облизывали собаки. Теймуразъ просилъ, чтобъ его допустили къ молодому князю по важному дѣлу. Князь Михаилъ Георгиевичъ принялъ его, помня, какую важную услугу оказалъ онъ въ прошломъ году ихъ дѣлу, подмочивъ въ Сухумѣ запасы пороха, заготовленнаго Арсланъ-беемъ.

— Что скажешь, вѣрный Теймуразъ?—спросилъ онъ.

— Вѣрный Ахмедъ скажетъ своему господину, гдѣ гнѣздо змѣй,—отвѣчалъ Теймуразъ.— Оно въ аулѣ Чичи. Я самъ видѣлъ тамъ сегодня Арсланъ-бея, проклятаго Бежана Шервашидзе и Уруса Лаквари. Они скрываются у Тутшуга, у стараго шайтана Тутшуга, что выкормилъ двѣ змѣи—Арслана и Даду.

Старая местью за смерть брата, князь Михаилъ, быстрый на рѣшенія, задумалъ тотчасъ же напасть на «гнѣздо змѣй» и разрушить его до основанія, а если удастся, то захватить и самого дядю съ его соумышлен-

никами. Отпустивъ съ благодарностью Теймурава, онъ тотчасъ же пошелъ къ Ракоци и сообщилъ ему свой планъ. Ракоци одобрилъ планъ неустрашимаго юноши, но только совѣтовалъ пригласить въ эту экспедицію и подполковника Михина съ частью сухумскаго гарнизона.

— Мы не должны оставлять обнаженными укрѣпленія ни Соуксу, ни Сухума,—сказалъ онъ:—мы возьмемъ по половинѣ людей изъ той и изъ другой крѣпости.

Юный князь одобрилъ предложеніе Ракоци, и они написали Михину, прося его участія въ предстоящей экспедиціи. Черезъ нѣсколько дней, Михинъ съ небольшимъ отрядомъ прибылъ въ Соуксу. Узнавъ о походѣ, солдатики соуксуйскаго гарнизона пришли въ восторгъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ это время въ духанѣ армянина Назарьяна, который угощалъ ихъ за то, что они наготовили ему дровъ на зиму.

Въ духанъ вошелъ «дядя Сукачь» съ радостной вѣстью.

— А мы, дядя, князюшку Митрія Егорыча поминаемъ,—сказалъ одинъ солдатикъ.—Дровецъ Назарушкѣ наготовили,—вотъ онъ насъ и ублажаетъ.

— Цѣлый бурдюкъ поставилъ хозяинъ,—ну, и пьемъ на споминъ души раба божія, князя Митрія,—пояснилъ другой солдатикъ.

Духанщикъ поднесъ стаканъ и старику.

— Дай Богъ здоровья молодому князю Михайлѣ Егорычу,—сказалъ Сукачевъ, осушая стаканъ.—Нонче же съ нами въ походъ идетъ.

— Въ походъ?—удивились и обрадовались солдатики.

— Въ походъ, братцы,—подтвердилъ старикъ.—Полно намъ по запечью валяться, гарнизонными крысами име-

новаться. Теперь еще князева душенька незримо по роднымъ мѣстамъ ходить—прощается со знакомыми мѣстами. Пушай порадуется, какого чосу мы ея лиходѣямъ задавать будемъ.

Выступленіе должно было состояться въ этотъ же день, чтобы на другой день, на разсвѣтѣ, сдѣлать внезапное нападеніе на ауль Чичи, въ которомъ находился Арсланъ-бей съ партией цебельдинцевъ и черкесовъ.

— Смерть брата открыла мнѣ глаза на многое, чего я не понималъ прежде,—говорилъ князь Михаилъ Георгиевичъ ѣхавшему съ нимъ рядомъ Ракоци.

— А что именно?—спросилъ тотъ.

— Да хоть бы нападеніе на насъ Арслана въ Орѣховой балкѣ, за Кисловодскомъ. Почему онъ могъ узнать, что мы поѣдемъ туда? Потому, что его предувѣдомили объ этомъ мерзавецъ Урусъ Лаквари:—узнавъ, что мы туда собираемся, онъ выпросился у брата въ ближайшій ауль будто бы за покупкой коня, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ дать знать объ этомъ Арслану. Недаромъ тогда кисловодскій докторъ, бывшій съ нами, подозрѣвалъ, что около насъ есть предатель. Этотъ предатель и былъ Урусъ Лаквари. А потомъ, когда братъ долженъ былъ отправиться на дуэль съ княземъ Голицынымъ, этотъ негодяй Урусъ тоже пробовалъ было отпроситься въ горы, но братъ не отпустилъ его. Теперь мнѣ понятно и бѣгство изъ Соуксу въ прошломъ году жены Арслана, Эсмаханумъ. Послѣ ея бѣгства, обѣ ея прислужницы, наблюдавшія за нею, найдены были убитыми среди бѣлдня—одна въ домѣ, гдѣ оставлена была Эсмаханумъ, а другая—на площади, въ толпѣ. Это дѣло Урусовыхъ рукъ... О, еслибъ онъ теперь попался мнѣ!

— Авось мы его застукаемъ въ Чичи,—сказалъ Ракоци.

— О, если бы!—мрачно проговорилъ князь Михаилъ.

Ужасная смерть брата неволью переносила его мысль къ осиротѣлой невѣстѣ послѣдняго. Не далѣе какъ на дняхъ, братъ собирался уже ѣхать въ Петербургъ. Князь Михаилъ тоже съ нимъ долженъ былъ ѣхать, чтобъ быть шаферомъ у невѣсты брата. Юноша мечталъ увидѣть эту невѣдомую, необозримую страну—Россію. Петербургъ и Москву онъ представлялъ себѣ какими-то сказочными городами... Что это въ самомъ дѣлѣ за таинственная страна, откуда каждый годъ идутъ и идутъ тысячи, десятки, сотни тысячъ войскъ? И что это за сказочныя существа—цари, у которыхъ милліоны подданныхъ, милліоны войскъ? Что у нихъ за дворцы, въ которыхъ могутъ помѣститься тысячи гостей, какъ рассказывалъ ему покойный братъ, видѣвшій все это? А и его не пощадили злодѣи... Онъ думалъ было написать въ Петербургъ объ ужасной смерти брата, но рука отказывалась брать перо. Ему казалось, что онъ этимъ направляетъ кинжалъ прямо въ сердце бѣдной дѣвушки... Теперь, далекіе и потерянные для него, они всѣ стали ему еще милѣе. Какъ наивно упрасивала его Катя: «привѣжайте, Михаилъ Георгіевичъ, — да поскорѣе. Я буду дни считать»... Теперь не будетъ конца этимъ днямъ, сколько бы ни считала бѣдная дѣвочка... «Свѣтлаго дяди» не стало... Еще однимъ Прометеевымъ потомкомъ меньше...

Послѣ небольшого перехода, оба отряда остановились на ночь, чтобъ утромъ, на разсвѣтѣ, ударить на предательскій аулъ.

— Скорѣй бы утро!—ворчалъ Кудряшевъ.

мордовцевъ. прометеево потомство.

— Али тебѣ нетерпѣжка?—спросилъ старый суворовецъ.

— Да зубъ опять ноетъ, пусто бѣ ему было!

— А!—полѣчить утресъ думаешь? кобыльей головой?—
усмѣхнулся старикъ.

— Головой, дядя, да только не кобыльей, а татарской.

— И то ладно—какъ рукой сыметъ.

Настало и утро. Вонь и аулъ Чичи. Самого аула не видать еще, но видно, какъ надъ кровлями сакель кое-гдѣ поднимается къ небу синеватый дымокъ. Ракоци и Михинь, отдавая приказъ о штурмѣ аула, велѣли падать только дѣтей и женщинъ; но и послѣднихъ, если защищаются съ оружіемъ въ рукахъ или будутъ нападать,—колоть безъ милосердія.

— Аулъ разметать по камушку!—пояснилъ Михинь.

— Чтобъ отъ этого осинаго гнѣзда ничего не осталось!—добавилъ и Ракоци.

— Змѣю надо бить по головѣ,—говорилъ конвою юный Шервашидзе.—А у нашей змѣи—четыре головы:—Арсланъ-бей, князь Бежанъ Шервашидзе, Эсма-ханумъ и Урусъ Лаквари... Ихъ надо бить. А лучше было бы, еслибъ бабу Эсма-ханумъ и Тутшуга живьемъ взять.

Для Эсма-ханумъ онъ не желалъ смерти. Хотя она и коварная женщина, притомъ жена его злѣйшаго врага,—однако, красота ея оставила глубокой слѣдъ въ пламенномъ сердцѣ юноши.

Отряды, подходя къ аулу и обложивъ его съ трехъ сторонъ, къ общему удивленію, не встрѣтили никакого сопротивленія. Сначала думали, что ихъ ждетъ скрытая въ самомъ аулѣ засада. Надъ саклями продолжали подниматься струйки голубого дыму. Слышно было пѣніе пѣтуховъ.

Солдаты двигались впередъ осторожно, держа наготовѣ ружья. Вотъ и сакли близко—ближе ружейнаго выстрѣла. Но кругомъ—ни признака жизни,—хоть бы собака залаяла. Только кое-гдѣ пѣтухи перекликаются, встрѣчая ясное утро, да дымокъ надъ нѣкоторыми саклями обнаруживаетъ присутствіе жизни. Солдаты вступили въ аулъ—ни души. Только кой-гдѣ перебѣгали испуганныя кошки.

— Вотъ те и клюква!—развелъ руками старый суворовецъ:—ушли въ лѣсъ по малину.

За ауломъ, дѣйствительно, тянулся дремучій лѣсъ.

— Ни бабушки, ни внучковъ—хоть шаромъ покати,—покачалъ головой Кудряшевъ.—Вотъ тутъ и лѣчи зубы кобылейей головой.

Ясно было, что аулъ оставленъ населеніемъ, и оставленъ недавно, за какой нибудь часъ. Несомнѣнно, неприятель былъ предувѣдомленъ сейчасъ; но кѣмъ? кто новый предатель?

— Все же мы должны разорить это разбойничье гнѣздо,—сказалъ Михинъ.

— Думаю, что должны,—согласился Ракоци.

— Тѣмъ болѣе,—добавилъ юный Шервашидзе,—что аулъ этотъ—мѣсто воспитанія Арсланъ-бея.

— Alma mater,—улыбнулся докторъ Булатъ-Алиевъ:—Carthaginem delendam esse senso.

И тотчасъ же отданъ былъ приказъ разорить аулъ—камня на камнѣ не оставить. Несчастнѣйшій аулъ постигло полное разрушеніе. Все, что могло горѣть, было подожжено. Изъ сакель вытаскивалась всякая рухлядь, домашняя посуда, все, что не могло быть унесено въ горы, въ лѣса,—все это сваливалось въ кучи, образуя собою

костры, которые пылали по всему аулу. Кое-какъ слѣпленные изъ камней стѣны сакель и ихъ кровли разваливались и разбрасывались ногами.

— Ходи изба, ходи печь — хозяину негдѣ лечь, — острилъ какой-то солдатикъ, стоя на кровлѣ сакли и разметывая ее.

Скоро злополучный аулъ представлялъ изъ себя груды дымившихся развалинъ.

— Ну, что твои зубы?—спросилъ старый суворовецъ своего пріятеля, раскуривая трубочку.

— Какъ рукой сняло, — отвѣчалъ тотъ, вынимая изъ кивера нѣсколько яицъ и закапывая ихъ въ горячую волю.

— Э, братъ, да ты съ запасцемъ, — улыбнулся старикъ.

— Да мы всѣ съ приваркомъ, дядя, — отзывались другіе солдатики.

Дѣйствительно, уничтожая все въ аулѣ, они щадили все съѣстное, чего не успѣли захватить съ собой запасливыя хозяйки. Кто ошипывалъ курицу и жарилъ ее на шомполѣ вмѣсто вертела. Кто пилъ молоко, кто ѣлъ овечій сыръ, чуреки. Пиръ былъ просто вальтасаровскій, только не передъ разрушеніемъ Вавилона, а послѣ разрушенія. Иной солдатикъ, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ товарищей, гонялся за пѣтухомъ.

— А ты ему ножку подставь!

— Киверомъ его, киверомъ, мошенника!

На кровлѣ одной недоразрушенной сакли сидѣлъ молодой докторъ и, глядя на погоню солдатика за пѣтухомъ, неудержимо смѣялся.

— Вы что, докторъ?—спросилъ его проходившій мимо Ракоци.

— Да я, господинъ майоръ, точно Марій на развалинахъ Кареагена:—ничего не дѣлаю,—отвѣчалъ Булатъ-Алиевъ.—Думалъ, работа будетъ...

— И слава Богу, что ея нѣтъ,—сказалъ Ракоци.

XIV.

Время шло, а Абхазія не только не умиротворялась, но — напротивъ — безпокойные элементы ея все болѣе и болѣе ожесточались. Съ лѣтами, казалось, росла и энергія Арсланъ-бея, по истинѣ олицетворявшаго собою потомка Прометея — этоготитана, объявившаго войну богамъ Олимпа.

Хотя, по представленію Ермолова, государь и назначилъ владѣтелемъ Абхазіи юнаго князя Михаила Георгіевича, пожаловавъ ему чинъ майора, но власть его оказалась еще ничтожнѣе, чѣмъ власть его покойнаго брата. На него смотрѣли, какъ на мальчика, оберегаемаго русскими няньками. Даже разореніе аула Чичи не прошло ему даромъ, хотя мечь Арсланъ-бея не на него обрушилась, а на подполковника Михина. Отрядъ его, возвращавшійся въ Сухумъ послѣ наказанія одного изъ ближайшихъ ауловъ, на возвратномъ пути былъ встрѣченъ партіею абхазцевъ подъ начальствомъ Тутшуга, отца покойной Дады, молочной сестры Арсланъ-бея, и жестоко пострадалъ. Солдаты оказали чудеса храбрости. Самъ Михинъ нѣсколько разъ вступалъ въ рукопашную, слѣдуя во главѣ своего отряда. Израненный сабельными ударами, пораженный не одною пулею, онъ все продолжалъ воодушевлять солдатъ, пока Тутшугъ не раскрылъ ему черепа тяжелою турецкою саблей.

— Это тебѣ за Чичи, за моихъ куръ, за мою саклю! — кричалъ онъ, поражая Михина.

Болѣе сорока нижнихъ чиновъ легло въ этомъ несчастномъ лѣсу, а остальные, ожесточенные потерей начальника, неся его трупъ на рукахъ, отчаянно отстрѣливались вплоть до крѣпостныхъ воротъ. Самъ же Арсланъ-бей двинулся добывать Соуксу, резиденцію своихъ предковъ, съ которою у него связано было столько воспоминаній. Тамъ онъ, еще мальчикомъ, послѣ привольно-дикой жизни въ аулѣ Чичи у своего воспитателя Тутшуга, посаженъ былъ за ненавистныя турецкія и арабскія азбучки, которыя онъ считалъ своими врагами, выкалывалъ кинжаломъ у нихъ «глаза», т. е. непонятныя ему буквы алфавита, рубилъ ихъ саблями, разстрѣливалъ изъ пистолета, и, наконецъ, со злобою наплевалъ на коранъ за то, что не умѣлъ его читать. Тамъ, въ Соуксу, онъ впослѣдствіи убилъ своего отца Келешъ-бека. Тамъ же онъ недавно, чрезъ своего клеветы Уруса Лаквари, отравилъ своего племянника, князя Димитрія Шервашидзе. Тамъ теперь онъ надѣялся живьемъ захватить другого племянника, «щенка» Михаила, и его мать, «глупую овцу» Тамару.

Юный владѣтель Абхазіи, — этотъ «калифъ на бумагѣ», — предвидя нападеніе свирѣпаго дяди на Соуксу, поспѣшилъ отправить мать въ Сухумъ, подъ прикрытіе тамошнихъ укрѣпленій, и со дня на день ожидалъ появленія непріятеля. Но Арсланъ-бей медлилъ. Онъ формировалъ сильное ополченіе изъ абхазцевъ и черкесовъ. Съ цѣлью воспрепятствовать движенію русскихъ отрядовъ вдоль морского берега, онъ на всемъ протяженіи отъ Илори и Кодора до Сухума перекопалъ дорогу, подѣлалъ вездѣ завалы, и только въ началѣ іюня 1824 года двинулся къ Соуксу. Штабъ-капитанъ Марачевскій, засту-

пившій мѣсто Ракоци, дѣятельно готовился къ встрѣчѣ сильнаго и многочисленнаго врага.

— Мы должны пожертвовать предмѣстьемъ, чтобъ спасти укрѣпленіе, — сказалъ онъ князю Михаилу, когда лазутчики донесли о приближеніи непріятеля: — я велю истребить тамъ всѣ сакли и духаны, чтобъ врагу негдѣ было укрываться.

— А развѣ онъ не отважится на штурмъ? — спросилъ Михаилъ Георгіевичъ.

— Едва ли... Штурмъ—это дѣло русскаго солдата, а горецъ дѣйствуетъ или насскокомъ, когда приходится десять на одного, или изъ-за заваловъ и прикрытій.

— Это правда, — согласился князь Михаилъ.

— Да надо еще заготовить дровами и водой.

— А провіантъ какъ же?

— А початки на что—кукуруза? Она какъ разъ теперь поспѣла.

Приказаніе было отдано тотчасъ же, и солдаты, подъ начальствомъ юнаго подпоручика Земцева, выступили на работы, раздѣлившись на четыре артели: — одни отправились въ лѣсъ за дровами, другіе таскали бурдюками воду изъ рѣчки въ укрѣпленіе, третьи набирали мѣшки кукурузы, а четвертые принялись за уничтоженіе ближайшихъ къ стѣнамъ крѣпости духановъ и сакель.

— Ну, Назарушка, волоки свое добро въ крѣпость, — говорилъ старый Сукачъ духанщику Назарьяну, входя въ его духанъ. — Всѣ бурдюки съ виномъ волоки въ укрѣпу.

— Что такъ, дядя? — удивился армянинъ.

— Начальство приказываетъ; а мы твой духанчикъ похѣримъ — по камушку разнесемъ. Все, что у тебя есть,

тащи въ укрѣпу — и курочекъ, и яички, и всё сыры, — а то придетъ Арсланка-песъ съ своею сворой, и все пожрутъ и выпьютъ у тебя.

Армянинъ пришелъ было въ отчаянье; но ничего не оставалось больше, какъ повиноваться... У войны своя логика — жестокая... Скоро все предмѣстье и площадь, на которой еще такъ недавно вся — казалось — Абхазія присягала на вѣрность князю Димитрію Георгіевичу, покрылась безобразными кучами камней и рѣдкими бревнами отъ разрушенныхъ сакель и духановъ, которые не успѣли переташить въ крѣпость на дрова. 8-го іюня утромъ показался и непріятель. Вѣтерокъ, дувшій съ моря, колыхалъ распущенными знаменами. Ихъ было пять. На самомъ высокомъ древкѣ качалось широкое пурпуровое полотно съ огромнымъ золотымъ полумѣсяцемъ и золотыми кистями. Подъ этимъ знаменемъ высилась статная, въ пурпуровой чухѣ, фигура всадника; на бѣлой, какъ снѣгъ, его папахѣ искрился теже золотой полумѣсяцъ, осыпанный брилліантами. Въ этой статной фигурѣ князь Михаилъ Георгіевичъ, стоя на городской стѣнѣ рядомъ съ Марачевскимъ, тотчасъ узналъ своего дядю. Рядомъ съ нимъ, на бѣломъ конѣ, виднѣлся, повидимому, хорошенькій мальчикъ, на папахѣ котораго сверкало и горѣло всіми огнями радуги брилліантовое перо. Узналъ князь Михаилъ и этого мнимаго мальчика: — то была Эсма-ханумъ, его очаровательная тетенька.

— Ишь, дьяволенокъ, — и она тутъ, — узналъ ее и старый Сукачъ: — а чуть было головы мнѣ не снесла... Да и дьяволенокъ же! у! — ворчалъ старикъ.

Подъ другими знаменами можно было различить князя Бежана Шервешидзе и Уруса Лаквари. Непріятель ви-

димо обзорѣвалъ позицію. Разрушенное и очищенное отъ строеній предѣстье, не давая врагу никакого прикрытія, дѣлало для него приступъ къ крѣпости невозможнымъ. Это неожиданное препятствіе привело Арсланъ-бея въ ярость. Онъ выхватилъ изъ-за спины винтовку, и не успѣли глазомъ мигнуть на крѣпостной стѣнѣ, какъ раздался выстрѣлъ, и пуля влѣпилась въ камень стѣны, у самыхъ ногъ князя Михаила Георгіевича.

— А! такъ вы такъ-то, аспиды!—проворчалъ старый Сукачъ.—А вотъ же тебѣ, дьяволенокъ—нна!

Старикъ выстрѣлилъ. Пуля какъ разъ угодила въ брилліантовое перо на папахѣ Эсма-ханумъ.

— Эхъ!—маху далъ. Повысилъ малость... старъ становлюсь,—сердито отплевывался старикъ.

Выстрѣлъ его, однако, произвелъ переполохъ у непріятеля. Затрещали разомъ десятки ружей, но, къ счастью, ни одна пуля не угодила въ цѣль. Зато отвѣтный залпъ съ крѣпости выбилъ изъ толпы непріятеля не одного всадника. Одно знамя выпало изъ рукъ знаменосца.

— Молодцы, молодцы! — не вытерпѣлъ князь Михайлъ, хлопая въ ладоши.

Марачевскій, между гѣмъ, зарядивъ картечью шести-фунтовую пушку—«тепшу», какъ ее называли солдатки,—и наведя ее на ядро непріятельской толпы, выстрѣлилъ,—и тамъ моментально закачалось въ воздухѣ пурпуровое знамя и упало на землю. Убито было и нѣсколько всадниковъ.

Среди осаждающихъ произошло большое смятеніе. Заметались раненныя лошади; инныя изъ нихъ, не повинуясь всадникамъ, неслись впередъ; другія поворотили назадъ,

наскакивая на встрѣчныхъ и опрокидывая ихъ. Съ крѣпости летѣли въ толпу новые ружейные выстрѣлы. Непрiятель отступалъ, укрываясь отъ выстрѣловъ; но онъ, однако, не думалъ совсѣмъ оставлять то, за чѣмъ пришелъ. Вправо, на возвышенiи, у него было надежное прикрытiе:—это стѣны и бойницы стараго каменнаго монастыря, господствовавшаго надъ болѣе низкимъ положенiемъ крѣпости. Оттуда можно было обстрѣливать внутренность крѣпости навѣснымъ огнемъ. Они такъ и сдѣлали. Скоро съ крѣпости замѣтили, что въ монастырѣ идетъ усиленная работа. Тамъ возобновляли и укрѣпляли старыя бойницы и возводили новыя. Работа кипѣла. Одна смѣна работавшихъ замѣняла другую. Теперь началась жаркая пальба по крѣпости. Пули непрiятеля ложились въ самомъ укрѣпленiи, отнимая каждую пядь земли у осажденныхъ, у которыхъ, между тѣмъ, запасы воды скоро истощились, потому что въ крѣпости не было резервуаровъ для ея храненiя, а палящiй зной южнаго солнца усиливалъ жажду осажденныхъ. Положенiе было критическое. Тогда Марачевскiй опять прибѣгнувъ къ «тещѣ», — и это шестифунтовое орудiе сослужило свою службу. Мѣтками, почти непрерывными ударами чугунныхъ арбузовъ была сбита съ монастыря крыша и разрушено нѣсколько бойницъ.

— Теперь бы, ваше благородiе, штыки погрѣть, — подмигнувъ старый Сукачъ юному Земцеву, который былъ у старика на выучкѣ при поступленiи въ полкъ и продолжалъ смотрѣть на него, какъ на профессора штыкового дѣла. — Смертушка безъ воды въ эку упеку... И штыки бы на емъ, на аспидѣ, погрѣли и водицы бы десяточекъ-другой бурдюковъ добыли бы, да горло промочили.

— Что жь, дядя, — попробуемъ: — это не «пруцкой король», — улыбнулся юный подпоручикъ, и доложилъ Марачевскому, который одобрилъ мысль старика.

— Я ихъ припугну «тещей», а вы тотчасъ на уру— въ штыки, — сказалъ онъ.

— И я съ ними, — вызвался Михаилъ Георгіевичъ.

— Не рискуйте, ваша свѣтлость, берегите себя, — предостерегалъ его Марачевскій.

— О, не бойтесь, капитанъ: — меня ни пуля, ни сабля не беретъ, — задорно отвѣчалъ юноша.

Охотниковъ на отчаянную вылазку со старымъ Сукачемъ нашлось довольно. Другіе приготовили бурдюки и ведра для воды. Тотчасъ же заговорила «теща», поддерживаемая двумя другими орудіями, и кучка охотниковъ, подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, выступивъ изъ крѣпостныхъ воротъ и пробѣжавъ небольшое пространство, съ криками «ура» бросилась на озадаченнаго неожиданностью непріятеля. Удальцы скоро выбили штыками врага изъ монастыря и воротились съ однимъ изъ непріятельскихъ знаменъ, которое съ торжествомъ несъ юный Шервашидзе.

— Изъ мальчика будетъ прокъ, — мигнулъ на него старый Сукачъ своему пріятелю Кудряшеву. — Только ужь больно горячъ—сущій кипятокъ!

— Молодо, зелено—на водѣ не тонетъ, — улыбнулся Кудряшъ. — А ужь и напьюсь же я водицы—цѣлый бурдюкъ выдую.

XV.

Въ первыхъ числахъ іюля, берегомъ Чернаго моря по направленію отъ Редуть-Кале къ Кодору и Сухуму двигались удлинёнными колоннами, почти гуськомъ, русскіе отряды, а параллельно съ ними по морю, недалеко отъ берега, медленно плыли подъ едва надуваемыми кожнымъ вѣтеркомъ парусами два военныхъ корабля. То были фрегатъ «Спѣшный» и бригъ «Орфей». Подъ тентою послѣдняго изъ нихъ, укрываясь отъ знойнаго солнца, сидѣли на складныхъ табуретахъ знакомые намъ, — если помнить читатель, — моряки: веселый Боря Перелешинъ, теперь уже не Боря, а возмужалый Борисъ, и Нахимовъ, его пріятель, тоже порядкомъ возмужалый и загорѣлый. Тутъ же, посасывая контрабандную сигару, примостился и знакомый, старый, давно обеззубѣвшій докторъ Петръ Петровичъ, который, вслѣдствіе этого, и продолжалъ произносить свое имя, на смѣхъ молодымъ офицерамъ: «Песъ Песовичъ». Не смотря на протекшія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, онъ совсѣмъ не измѣнился.

— А помнишь, Перелешинъ, какъ мы здѣсь когда-то поймали морскую царевну? — заговорилъ Нахимовъ, глядя, какъ изъ моря съ какими-то сопѣньемъ выныряли дельфины и снова исчезали подъ водой, а надъ ними съ крикомъ кружились чайки.

— Это хорошенькую Эсма-ханумъ, дочь Кучукъ-бея? —

быстро отозвался Перелешинъ. — Еще бы! я часто вспоминаю объ этомъ очаровательномъ существѣ.

— Мою «малютку то»? — встрепенулся и старый докторъ.

— Это почему же вашу, вѣчный холостякъ? — улыбнулся Нахимовъ.

— Да какъ же? Мы ее съ княземъ Яшвилемъ изъ воды вытащили и я же ее въ чувство приводилъ.

— Теперь, поди, бабищей стала и кучу дѣтей отъ Арсланъ-бея нарожала, — замѣтилъ Перелешинъ. — Сидитъ въ гаремѣ и жретъ кишмышь да рахатъ-лукумъ.

— Ну, нѣтъ! — возразилъ, оживляясь, Нахимовъ. — Я объ ней, въ третьемъ году, чудеса слышалъ отъ княжны Гагариной, когда она воротилась въ Петербургъ изъ Кисловодска: — она чуть не похитила хорошенькую княжну Варвару Павловну.

— Какъ такъ? — удивился Перелешинъ — Эта прелестная морская царевна, или, какъ мы ее тогда окрестили, «дочь эскадры»?

— Да, она самая. Княжна Гагарина, находившаяся въ Кисловодскѣ, и князь Димитрій Шервашидзе съ братомъ Михаиломъ, въ сопровожденіи небольшого конвоя, поѣхали въ горы прогуляться и поохотиться, и вдругъ наткнулись на шайку Арсланъ-бея, а съ нимъ была и неразлучная его спутница, красавица Эсма-ханумъ... Такъ насилу отстрѣлялись отъ нихъ, да и не миновать бы княжнѣ Гагариной хорошенькихъ ручекъ нашей общей дочки, еслибъ на выручку къ нимъ не прискакалъ конвой. Вотъ какова эта Эсма-ханумъ! А ты говоришь — въ гаремѣ жретъ кишмышь.

— Ахъ, вотъ еслибъ довелось намъ ее встрѣтить! —

воскликнулъ Перелешинъ.—А еще лучше бы взять этого чертенка въ плѣнъ.

— Говорятъ, покойный Шервашидзе, что воспитывался въ Петербургѣ, хотѣлъ жениться на княжнѣ Гагариной,—замѣтилъ докторъ.—Мнѣ говорилъ объ этомъ мой коллега, докторъ Черненко, Григорій Ивановичъ. Онъ былъ въ Кисловодскѣ врачомъ у Гагариныхъ и знавалъ этого князя Шервашидзе:—необыкновенный—говорить—храбрець былъ, да и нынѣшній князекъ, братишка его,—отчаянная башка.

— Да, намъ вотъ и предстоитъ теперь помѣряться съ его дядюшкой, Арсланъ-бемъ,—замѣтилъ Перелешинъ.

— Что за красота!—воскликнулъ Нахимовъ, любуясь роскошною панорамой морского берега и причудливыми изломами горнаго края, завершавшаго эту величественную картину.—Не удивительно, что горцы такъ любятъ свой удивительный край, а въ особенности вотъ эти абхазцы. Развѣ у насъ въ Россіи есть что нибудь подобное?

— А Крымъ?—замѣтилъ Перелешинъ:—какая прелесть!

— Да, только прелесть... А передъ этимъ невольно хочется шапку снять, какъ передъ грандіознѣйшимъ и грознымъ созданиемъ Творца.

— Какъ передъ громомъ и молніею,—вставилъ докторъ.

— Именно, именно! какъ передъ громомъ и молніею... Что-то величественное, непостижимое и—страшное.

— Недаромъ здѣсь прикованъ былъ Прометей,—сказалъ Перелешинъ.—Какой поэтическій мигъ и какъ онъ идетъ къ этимъ именно горамъ!

— Вѣрно,—согласился Нахимовъ.—А въ Крыму Прометея негдѣ было бы и приковать. Развѣ на Чатырдагѣ

или на Ай-Петри? Но это не такъ грозно, не такъ величественно, какъ здѣсь.

Въ это время, на берегу слышались выстрѣлы.

— А, вотъ они гдѣ! — воскликнулъ Нахимовъ, подбѣгая къ борту.

На бригѣ и на фрегатѣ произошло движеніе. Изъ рубки брига поспѣшно вышелъ офицеръ со зрительною трубой въ рукахъ. То былъ князь Горчаковъ, который командовалъ теперь какъ отрядами, слѣдовавшими по берегу, такъ и вспомоствовавшюю имъ съ моря военною эскадрою.

— Я такъ и зналъ... Завалы, — сказалъ Горчаковъ подошедшимъ къ нему Нахимову и Перелешину. — Надо ихъ попотчивать отсюда, а то съ этими завалами мы много людей потеряемъ. Господа! — заключилъ онъ: — дайте имъ салютъ — выбейте мерзавца Арслана изъ его логовища.

То же распоряженіе онъ отдалъ черезъ рупоръ и фрегатѣ «Спѣшному», слѣдовавшему по пятамъ за бригомъ «Орфеемъ», на которомъ находился самъ Горчаковъ. Нахимовъ и Перелешинъ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, и тотчасъ же началась канонада по заваламъ. Ядра, направляемые опытными канонирами, производили губительное дѣйствіе. Непріятель, неожиданный огня съ моря, растерялся подъ его убійственными ударами и искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

— Благодарю, господа, — сказалъ Горчаковъ, обращаясь къ доблестнымъ морякамъ: — завалы очищены, но едва ли надолго... Я знаю хорошо этого Арслана: весь берегъ онъ укрѣпляетъ сплошными завалами и весь путь перекопалъ... Безъ штыковой свалки на берегу не обойдемся.

Вскорѣ на горизонтѣ моря показался какой-то корабль, который шелъ подъ парусами прямо на «Орфея» и «Спѣшнаго».

— Не турецкій ли это крейсеръ бѣжить на выручку Арслана?—сказалъ Горчаковъ, всматриваясь.

— Нѣтъ, князь,—сказалъ Нахимовъ:—походка не та, да и смѣлость—не турецкая.

— Это, должно быть, нашъ «Меркурій»,—замѣтилъ Перелешинъ.

Дѣйствительно, это былъ бригъ «Меркурій», находившійся въ крейсерствѣ. Едва «Меркурій» приблизился къ «Орфею», какъ къ борту его подъѣхала лодка съ гвѣхотнымъ офицеромъ у руля.

— Съ чѣмъ, господинъ офицеръ?—крикнулъ съ борта Нахимовъ.

— Съ донесеніемъ его сіятельству,—былъ отвѣтъ.

Горчаковъ подошелъ къ борту.

— Отъ кого?—спросилъ онъ.

— Отъ князя Абхазова, ваше сіятельство,—отвѣчалъ офицеръ:—имѣю честь доложить, что къ нашему отряду сейчасъ прибылъ князь Дадіанъ съ мингрельскою милиціей.

— А сколько?

— Тысяча сто человѣкъ.

— Хорошо... Взойдите на бригъ.

Офицеру бросили лѣстницу, и онъ взобрался на бортъ «Орфея».

— Господа, пожалуйста въ рубку,—сказалъ Горчаковъ, и всѣ пошли за нимъ.

Усадивъ офицеровъ и развернувъ на столѣ карту, Горчаковъ сталъ ее разсматривать, что-то соображая.

— Теперь, господа, мы можем дѣйствовать наступательно,—сказалъ онъ наконецъ.—Передайте, господинъ офицеръ, мой приказъ князю Абхазову и князю Дадіану:— пусть послѣдній направится съ своею милиціею по горнымъ тропамъ въ обходъ непріятели. Я же прикажу фрегату «Спѣшному», подъ благопріятнымъ вечернимъ береговымъ вѣтеркомъ, пройти впередъ и стать противъ главныхъ заваловъ у Хеласуръ. Когда они будутъ сбиты, мы на «Орфеѣ» и «Меркуріѣ» будемъ слѣдовать вдоль берега подъ малыми парусами впереди отряда и очищать ему путь ядрами—выбивать врага изъ его берлогъ. Поняли, господинъ офицеръ?

— Понялъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ прибывшій изъ отряда.

— Отправляйтесь же къ вашему посту.

Наступилъ вечеръ 9-го іюля. «Спѣшный», пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поплылъ по направленію къ Хеласурамъ. Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ долго провожали его глазами.

— Жаркій завтра будетъ день,—сказалъ Горчаковъ, глядя, какъ солнце мало по малу погружалось въ море.

— Въ какомъ смыслѣ? — съ улыбкою спросилъ Нахимовъ.

— Въ двоякомъ,—отвѣчалъ Горчаковъ: — и въ прямомъ, и въ переносномъ.

— Особенно въ переносномъ,—замѣтилъ Перелешинъ.

— Да, у Арслана больше трехъ тысячъ, и все это отчаянныя головы.

— Ну, «Спѣшный» свое дѣло сдѣлаетъ, — сказалъ Нахимовъ: — у такого капитана, какъ Корниловъ, дѣло горитъ въ рукахъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда вдали, противъ Хеласурь, огненная струйка прорѣзала воздухъ и рассыпалась въ высотѣ золотыми блестками.

— Корниловъ салютуетъ, — сказалъ Горчаковъ, указывая на рассыпавшуюся ракету.

— Да, теперь и въ Сухумѣ, и въ Соуксу догадаются, что помощь близка, — замѣтилъ Нахимовъ.

— За Сухумъ я не боюсь, — продолжалъ Горчаковъ, — но за Соуксу не ручаюсь: — тамъ непріятель можетъ всегда отвести воду.

— А князь Михаилъ Георгiевичъ въ Сухумѣ? — спросилъ Перелешинъ.

— Нѣтъ... Въ томъ-то и бѣда отчасти... Въ Сухумѣ онъ отправилъ только мать, княгиню Тамару, а самъ остался въ Соуксу... Онъ же — отчаянный мальчишка. Марачевскій мнѣ доноситъ, что этотъ юный сорви-голова постоянно порывается на вылазки, — и однажды уже добылъ съ охотниками воды для гарнизона и непріятельское знамя. Пожалуй полѣзетъ опять за водой — и нарвется. А намъ невыгодно его терять: — онъ единственный законный владѣтель Абхазіи.

На берегу показались огни. Это русскіе расположились на ночевку и развели костры.

Вдругъ Горчаковъ сталъ прислушиваться.

— Слышите, господа?

— Что такое, князь?

Въ темнотѣ у края борта, дѣйствительно, слышался тихій волось — почти шопоть. Слышны были слова нараспѣвъ:

И тишину домашнихъ доловъ...

Но се — востокъ подѣмлетъ вой!..

Поникая снѣжною главою,

Смирись, Кавказъ—идеть Ермоловъ...
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихія кони,
Ни дикой вольности любовь!..

Нахимовъ и Перелешинъ дружно разсмѣялись.

— Что это?—спросилъ Горчаковъ.

— Да это нашъ докторъ, Петръ Петровичъ, большой мечтатель: — списалъ гдѣ-то «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и выучилъ его наизусть, да вотъ теперь и декламируетъ во мракѣ... Ха-ха-ха!—точно институтка.

— Да, смѣйтесь, гогочите, господа,—послышался въ темнотѣ голосъ стараго эскулапа: — а вонъ и господинъ Пушкинъ ошибся... Ермоловъ на Кавказѣ уже почти десять лѣтъ, а мы все воюемъ.

— Правда, докторъ,—согласился Горчаковъ.—Однако, господа, пора спать: намъ завтра много работы будетъ.

XVI.

Рано утромъ «Спѣшный» открылъ канонаду по заваламъ у Хеласуръ. По зарѣ грохотъ орудій заставлялъ, казалось, вздрагивать и море, и горы...

— Вотъ тебѣ «и смолкнулъ ярый крикъ войны», — ворчалъ «Песъ Песовичъ», выходя изъ своей каюты, наполненной хирургическими инструментами и другими принадлежностями его профессіи: — вонъ какъ кричить «Спѣшный»... Эхъ!

Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ уже стояли у борта и прислушивались къ канонадѣ.

— Теперь и мы должны начинать, пока береговой отрядъ не дошелъ до этихъ заваловъ — видите? — говорилъ Горчаковъ. — А потомъ нельзя будетъ стрѣлять, чтобъ своихъ не поставить подъ ядра... Распорядитесь, голубчикъ, — обратился онъ къ Перелешину.

Тотъ же приказъ онъ отдалъ въ рупоръ и капитану «Меркурія». Теперь канонада загрохотала по всему побережью. Ядра наносили заваламъ видимый вредъ, потому что съ обѣихъ бриговъ можно было замѣтить, какъ то изъ-за одного, то изъ-за другого прикрытія показывались группы абхазцевъ и черкесовъ, и быстро убѣгали къ лѣсу, покидая завалы. Ихъ мѣсто тотчасъ же занимали солдаты и слѣдовали далѣе. Оба брига двигались далѣе, продолжая обстрѣливать берегъ, а у покинутыхъ непріа-

телемъ заваловъ снова закипала борьба, потому что абхазцы и черкесы, видя, что канонада съ бригаовъ шла уже впереди, выбѣгали изъ лѣсу и насѣдали на солдатъ. Последнимъ приходилось работать штыками.

— Да имъ просто числа нѣтъ, проклятымъ! — сердито говорилъ Горчаковъ, глядя въ зрительную трубу на берегъ: — тутъ ихъ выбили ядрами, а свади вновь точно изъ мѣшка сыплются.

— Да, авангарду легче, — замѣтилъ Нахимовъ.

— Натурально: — авангардъ двигается по обстрѣленному берегу, а туда, гдѣ заднія колонны, ужъ мы не можемъ стрѣлять.

— «Спѣшный» замолчалъ, — сказалъ Перелешинъ, прислушиваясь.

— Вѣроятно, сбилъ хеласурскіе завалы.

День становился все жарче и жарче. Отъ порохового дыму и растопленной солнцемъ корабельной смолы трудно было дышать. Весь берегъ кишилъ непріятелемъ и повсюду шла отчаянная борьба. Каждая пядь береговой земли бралась съ бою, и каждая эта пядь залита была непріятельской и русской кровью. Когда, минутами, смолкала канонада, то съ берега явственно неслись къ эскадрѣ то мужественные крики «ура», то рѣвкія гиканья и глухія «аллага»-«аллагу» непріятеля.

И надо всѣмъ этимъ адомъ — чудное безоблачное небо, морская, ритмически дышащая у берега, волна и грозныя, безучастныя ко всему, горы.

— Вонъ гдѣ самая отчаянная борьба, лѣвѣе, — говорилъ Горчаковъ, когда на время замолчали пушки.

— Это гдѣ красное знамя развѣвается? — спросилъ Нахимовъ.

— Да,—это знакъ его власти... И около него Эсманумъ,—сказалъ Горчаковъ, наводя зрительную трубу.

— Неужели, князь?

— Я ее отчетливо вижу—въ бѣлой папахѣ.

— Удивительное существо! И мы же ее спасли—не дали утонуть.

— Какъ?—удивился Горчаковъ.

— Она тогда была еще почти дѣвочкой.—И Нахимовъ разсказалъ, какъ они вытащили ее изъ моря.—Мы, молодежь тогда, всѣ въ нее разомъ влюбились. Даже Петръ Петровичъ...

— Это въ мою-то «малютку»?—улыбнулся докторъ.

— Да, она прехорошенькая:—я ее видѣлъ въ прошломъ или въ позапрошломъ году,—сказалъ Горчаковъ.— Она даже была у меня въ плѣну нѣсколько дней, раненая, а потомъ бѣжала изъ Соуксу въ тотъ самый день, когда тамъ происходила присяга на вѣрность князю Дмитрію Георгіевичу. Не досмотрѣли.

Битва, между тѣмъ, продолжалась на берегу съ еще большимъ ожесточеніемъ. Видно было, что непріятель не выдержалъ натиска, и толпы быстро отступали вслѣдъ за пурпуровымъ знаменемъ. Видя, что непріятель значительно отдалился отъ преслѣдовавшаго его русскаго отряда, Нахимовъ поспѣшилъ къ орудіямъ и приказалъ стрѣлять по отступавшей массѣ. Орудія снова заговорили.

— Ай! красное знамя упало!—какъ бы съ испугомъ воскликнулъ старый докторъ.

— Упало... подбили,—подтвердилъ Перелешинъ.

Но кто-то быстро подхватилъ его, и оно опять моталось въ воздухѣ.

— Живучее,—сквозь зубы проговорилъ Нахимовъ.

Насклько передсѣмъ колоннамъ облежала движеніе стрѣльба съ эскадры, настолько труденъ былъ путь для арьергарда, на который постоянно насаждалъ появлявшійся изъ лѣсу непріятель. Заднія колонны то смыкались въ каре и отстрѣливались, то — когда врагъ ужъ очень дерзко нападалъ — принуждены были ходить въ штыки. Солнце начало уже опускаться къ морю и цѣль была совсѣмъ близко: — оставались только послѣднія усилія.

— Вотъ и Сухумъ рукой подать, — сказалъ докторъ, облегченно вздыхая: — слава Богу!

«Спѣшный» уже стоялъ противъ Сухума, и флагъ его красиво полоскался въ воздухѣ, какъ бы ласкаемый лучами вечерняго солнца. Непріятель повидимому чувствовалъ, что кровавое дѣло его не выгораетъ, и съ новой яростью набрасывался на измученныхъ подъ палящимъ солнцемъ, въ безпрестанномъ бою, горсти мучениковъ своего долга. Особенно тяжелъ былъ послѣдній переходъ до Сухума: — пальба, крики, проклятія не умолкали, отдаваясь въ горахъ перекастистымъ эхомъ.

Но вотъ и Сухумъ. Опасаясь, вѣроятно, вылазки изъ крѣпости и не рискуя попасть подъ перекрестный огонь, непріятель сталъ отступать къ горамъ, и скоро кровавое знамя Арсланъ-бея, какъ бы гонимое послѣдними лучами заходящаго солнца, стало мало по малу теряться вдаль.

— Слава Богу! слава Богу! — радостно вздохнулъ, широко крестясь, добрый докторъ. — О, злое это дѣло, война, — злое и неправое передъ Богомъ, — шепталъ онъ, — это говорить мнѣ вся природа, вотъ это мирное синее небо, эти горящія стыдомъ горы, эти послѣдніе лучи негодующаго дневного свѣтила, скрывающагося въ пучинѣ

моря, чтобъ завтра опять смотрѣть на это злое, неправое дѣло... О, Господи, Господи!..

Въ то время, когда «Орфей» и «Меркурій» входили въ сухумскій рейдъ, сухопутные отряды уже заняли крѣпость. Солдаты падали отъ утомленія—такъ тяжело былъ этотъ знойный день, полный кровавыхъ схватокъ съ ожесточеннымъ непріателемъ. Когда Горчаковъ, Нахимовъ, Корниловъ и Перелешинъ, въ сопровожденіи доктора, сошли въ шлюпку, чтобъ отплыть на берегъ, отъ Сухума быстро неслась къ нимъ другая шлюпка. Это князь Абхазовъ спѣшилъ навстрѣчу Горчакову.

— Поздравляю съ побѣдой, князь, — весело сказалъ послѣдній, узнавъ Абхазова.

— Только эта побѣда досталась намъ дорого, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Абхазовъ.

— А какъ? свѣдѣнія собраны?

— Собраны-съ! — убиты одинъ офицеръ и тридцать девять нижнихъ чиновъ; ранены—одинъ офицеръ и пятьдесятъ восемь нижнихъ чиновъ, да безъ вѣсти пропало трое.

— Слава Богу... Судя по ожесточенію непріателя, я ожидалъ даже большихъ потерь,—сказалъ Горчаковъ.— А каковы ихъ потери?

— Громадныя-съ... Цѣлыми партіями непріатель уносилъ изъ-подъ огня и штыковъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

— О, Господи, Господи!—шепталъ между тѣмъ старикъ-докторъ, напередъ зная, сколько кровавой работы предстоитъ ему около раненыхъ.

Онъ поднялъ глаза къ небу. Тамъ, вправо, изъ-за далекихъ горъ выплывалъ полный мѣсяцъ, а его синевато-

молочный свѣтъ, падая на гладкую поверхность моря, устилала его длиною, искрящеюся серебромъ, полосою, которая терялась у далекаго горизонта. Звѣзды казались блѣдными огоньками, брошенными въ неизмѣримое пространство небеснаго свода. Въ воздухѣ рѣяли летучія мыши, какъ бы купаясь въ мягкомъ лунномъ свѣтѣ. Вся природа дышала, повидимому, миромъ, тишиной и любовью... А его ждутъ тамъ стоны раненыхъ и умирающихъ...

— Злое, злое дѣло,—шептали его старческія губы.

XVII.

Утромъ 11-го іюля къ Сухуму подошелъ еще одинъ военный корабль. То былъ бригъ «Ганимедъ», пришедшій изъ Севастополя на помощь сухумской эскадрѣ.

— Теперь мы можемъ дѣйствовать энергичнѣе, — сказалъ Горчаковъ. — И надо торопиться: я боюсь, что Арсланъ-бей, потерпѣвъ здѣсь неудачу, съ особенной яростью накинется на Соуксу, чтобъ уничтожить своего племянника.

Въ это время казаки, бывшіе въ развѣздѣ, привели какого-то абхавца, въ которомъ они заподозрили непріятельскаго шпіона. Абхавецъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— А! старый знакомый, — сказалъ князь Абхазовъ: — откуда и съ чѣмъ?

— Да развѣ вы его знаете? — спросилъ Горчаковъ.

— Да какъ же, ваше сіятельство! — а вы развѣ забыли его? Это нашъ союзникъ, который въ третьемъ году подмочилъ въ здѣшней крѣпости всѣ запасы пороха у Арсланъ-бея. Это Ахмедъ Теймуразъ.

— А помню, помню, другъ, — сказалъ Горчаковъ. — Откуда ты?

— Изъ Соуксу, господинъ: я посланъ моимъ господиномъ, княземъ Михаиломъ, къ его матери, къ княгинѣ Тамарѣ.

— Такъ ты изъ Соуксу? — обрадовался Горчаковъ. — Что тамъ? какъ дѣла?

— Въ Соуксу, господинъ, все въ благополучіи.

— А неприятель?

— Неприятель хочетъ свой локоть укусить, да не достанеть.

— Какъ такъ?—говори все... Вѣдь въ крѣпости воды нѣтъ.

— О, господинъ, — теперь у князя Михаила воды много, хоть купайся... Князь Михаилъ въ дѣда пошелъ— въ Келешъ-бека—да блаженствуетъ онъ вѣчно въ раю пророка! У князя Михаила духъ его предковъ. Двѣ недѣли назадъ, онъ сказалъ мнѣ:—«вѣрный мой Ахмедъ! проберись ты тихонько въ Сухумъ и скажи моей матушкѣ, княгинѣ Тамарѣ, чтобъ она снарядила судно, посадила бы въ него небольшую команду изъ сухумскаго гарнизона и отправила бы это судно къ Соуксу. А какъ это судно подойдетъ къ Соуксу, то чтобъ показывало, будто команда его хочетъ высадиться на берегъ, чтобъ напасть на собакъ, которыя давно осаждаютъ Соуксу. Когда собаки это увидятъ, то всѣ бросятся отъ крѣпости къ берегу, чтобъ не допустить команду до высадки. Тогда мы—говорить — выйдемъ изъ крѣпости и наполнимъ водою не только всѣ бурдюки и ведра, но и всѣ кадучки и бочки, какія найдутся въ Соуксу». Княгиня такъ и сдѣлала, какъ велѣлъ князь Михаилъ. Когда судно прибыло къ Соуксу, то собаки всѣ бросились къ берегу, чтобъ помѣшать командѣ высадиться. А судно и ну водить собакъ за носъ: — то оно будто бы тутъ хочетъ пристать, то тамъ, а собаки и бѣгаютъ за нимъ по берегу, высуня языкъ въ недоумѣніи, да такъ и бѣгали до самой ночи, а судно все дразнить собакъ, все дразнить... А тамъ таскаютъ воду, да таскаютъ, и смѣются надъ глупостью

собакъ... Когда я пріѣхалъ въ Соуксу, то тамъ ужъ некуда было и дѣвать воды... А собаки знай бѣгаютъ за судномъ по берегу.

— Ха-ха-ха! — смѣялся Горчаковъ. — Да въ юномъ князѣ сидитъ военный геній... Какъ отлично отвелъ онъ глаза недогадливому врагу!

Въ это время подошли Нахимовъ, Корниловъ, Яшвиль, Перелешинъ и докторъ Петръ Петровичъ, которые ходили навѣщать раненныхъ.

— Ба!—да это мой бывший пациентъ,—сказалъ докторъ, всматриваясь въ Теймураза.—Это Ахмедъ, который былъ обмазанъ кислымъ молокомъ.

— Какъ! это тотъ несчастный, котораго тогда лизали собаки?—удивился Перелешинъ.

— Я, господинъ: я Ахмедъ Теймуразъ, заклятый врагъ собаки Арсланъ-бея.

— И я узнаю его, — сказалъ князь Яшвиль.—Онъ напомнилъ мнѣ то время, когда мы съ почтеннымъ Петромъ Петровичемъ спасали морскую царевну.

— Которая вчера такъ хорошо отплатила намъ за доброе дѣло,—замѣтилъ Горчаковъ.

Поблагодаривъ затѣмъ Таймураза за добрую вѣсть, онъ велѣлъ ему идти къ княгинѣ Тамарѣ, чтобъ и ее обрадовать извѣстіемъ о сынѣ.

— Въ виду сейчасть сообщеннаго намъ о положеніи дѣлъ въ Соуксу, господа,—сказалъ онъ,—я полагаю бы не торопиться выступленіемъ въ походъ, а лучше дать ослабленному усиленнымъ переходомъ отряду хорошенько отдохнуть здѣсь, а я между тѣмъ, съ вашей помощью, господа, на бригъ «Орфей» произведу береговую рекогносцировку вплоть до Соуксу и, пожалуй, до Цицунды,

чтобъ узнать, въ какихъ мѣстахъ непріятель устроилъ свои завалы, и чтобъ высмотрѣть удобное мѣстечко для высадки десанта на берегъ. Согласны, господа?

— Вполнѣ согласны, — отвѣчали моряки.

— Этимъ маневромъ, ваше сіятельство, мы избавимся отъ излишней потери людей, — замѣтилъ князь Абхазовъ. — Намъ не нужно будетъ брать заваловъ. А Соуксу до того времени продержится, благодаря хорошему запасу воды: — непріятель никогда не рѣшится на штурмъ укрѣпленія, а если и осмѣлится на это, то ему же не повдоровится.

— Да и Марачевскаго я знаю: — онъ человекъ осторожный, выдержанный кавказецъ, — сказалъ Горчаковъ.

16-го іюля, Горчаковъ, Нахимовъ и Перелешинъ, взойдя на бригъ «Орфей», двинулись подъ малыми парусами по направленію къ Соуксу. День былъ пасмурный. Вершины горъ были закутаны тучами, но легкій вѣтерокъ, надувая паруса, освѣжалъ воздухъ и дѣлалъ путешествіе легкимъ и пріятнымъ. На берегу кое-гдѣ виднѣлись группы вооруженныхъ абхазцевъ и черкесовъ: — то были развѣдочныя партіи Арсланъ-бея.

— Нигдѣ не видать пурпуроваго знамени, — замѣтилъ Нахимовъ.

— Да, Арсланъ-бей, вѣроятно, потянулся съ главными силами къ Соуксу, — сказалъ Горчаковъ.

Когда «Орфей» нѣсколько приближался къ берегу, чтобы видѣть, нѣтъ ли на пути заваловъ, его движеніе тотчасъ замѣчали съ берега и видимо готовились встрѣтить врага, а дѣти — мальчишки и дѣвочки — съ угрожающими жестами подбѣгали къ самой водѣ и бросали въ море камни.

— А? каковы звѣренныши! — замѣтилъ Перелешинъ: — вотъ и приручай ихъ.

— Да, Россія еще придется немало принести жертвъ, чтобъ приручить это дикое племя, — задумчиво сказалъ Горчаковъ.

— Иные называютъ его прометеевымъ потомствомъ, — замѣтилъ Нахимовъ.

— И я тоже слышалъ, — сказалъ Горчаковъ.

Подвигаясь далѣе, «Орфей» поровнялся съ ауломъ Пзирехва. Съ брига видно было, что здѣсь именно устроены неприступные завалы. Они прикрывались развалинами старой крѣпости и правымъ флангомъ прилегали къ морю, лѣвымъ же упирались въ отвѣсныя скалы.

— Полюбуйтесь, господа, — сказалъ Горчаковъ, указывая на берегъ.

— Да, это позиція неприступная, — въ свою очередь сказалъ Нахимовъ: — ее ни взять нельзя, ни обойти... Черезъ эти отвѣсныя скалы только птица можетъ перелетѣть.

— Идти берегомъ, значить, и думать нечего, — рѣшилъ Горчаковъ. — Надо войска прямо въ Сухумъ сажать на суда и миновать эту адскую западню.

— Остается найти удобное мѣсто для высадки десанта далѣе этой западни, — сказалъ Нахимовъ.

— Мы и будемъ теперь искать это мѣсто.

Изъ-за заваловъ замѣтили приближеніе брига и послали по немъ нѣсколько угрожающихъ, но безцѣльныхъ выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ на полуобрушившейся стѣнѣ стараго укрѣпленія ввѣлся пурпурный флагъ.

— А! ты здѣсь, голубчикъ! — засмѣялся Перелешинъ.

— И голубка съ нимъ,—улыбнулся Горчаковъ:—милая дочка вашей эскадры.

— А мы еще ей, гадкой дѣвчонкѣ, оказывали почести, точно настоящей принцессѣ!—замѣтилъ Нахимовъ.

— Да она и есть принцесса: не мы владѣемъ теперь Абхазіей, а она съ мужемъ,—сказалъ Горчаковъ.

«Орфей», между тѣмъ, шелъ все далѣе, а красный флагъ продолжалъ трепаться въ воздухѣ, какъ бы насмѣхаясь надъ удаляющимся бригомъ. Вдали, верстахъ въ семи, показались наконецъ укрѣпленія Соуксу и сѣрыя стѣны полуразрушеннаго монастыря.

— Вотъ гдѣ мѣсто для высадки,—сказалъ Горчаковъ, указывая на берегъ. — Прикажите, господа, убрать на время паруса и опшвартоваться, а я пойду узнаю на картѣ, какъ это мѣсто называется: намъ его слѣдуетъ изучить.

Пока паруса убирали, Горчаковъ воротился изъ рубки и объявилъ, что они находятся у урочища Эйлагу.

— Здѣсь берегъ очень удобенъ для высадки,—сказалъ онъ.—Я помню это мѣсто: когда два съ половиною года тому назадъ я проходилъ здѣсь съ отрядомъ, сопровождаю въ Соуксу покойнаго князя Димитрія Георгіевича и княгиню Тамару—а у меня въ обозѣ находилась и раненая красавица Эсма-ханумъ,—вотъ тогда я хорошо замѣтилъ это мѣсто: здѣсь мы, чтобъ прикрыть высадку, можемъ угостить непріятеля перекрестнымъ огнемъ, и тогда освобожденіе Соуксу отъ осаждающихъ будетъ вполне обезпечено.

— Безъ сомнѣнія,—согласился Нахимовъ.—Но я полагаю, что этими побѣдами мы все таки не завоеваемъ Абхазію. Пока вы, князь, съ вашими отрядами, а мы съ эскадрою бодрствуемъ надъ страной, она какъ будто и

принадлежить намъ, хотя лишь въ двухъ, можно сказать, математическихъ точкахъ—въ Сухумѣ и въ Соуксу, да и то эти точки намъ приходится добывать, какъ мы ихъ теперь и добываемъ. Но разъ мы ушли — Абхазія ускользнула изъ нашихъ рукъ.

— О, нѣтъ!—горячо возразилъ Горчаковъ.—Разъ мы укрѣпились хоть въ одной точкѣ въ данной странѣ — страна наша. Крымъ пересталъ быть турецкимъ съ того момента, какъ мы заняли тамъ эту математическую точку—Севастополь. Такъ Римъ когда-то владѣлъ всѣмъ міромъ—системою гарнизоновъ: Галлія, Испанія, Греція, Египеть, Палестина—все это Римъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ математическихъ точекъ. Населеніе Египта могло ненавидѣть римлянъ, но разъ въ Александріи или въ Оивахъ стоялъ римскій гарнизонъ—Египеть былъ у ногъ Рима. Евреи ненавидѣли римлянъ, но въ Іерусалимѣ сидѣлъ Пилать съ гарнизономъ, и Христа повели судить къ Пилату. Такъ и тутъ: нашъ Сухумъ—наша Абхазія; нашъ Кутаисъ, гдѣ я исполняю роль добраго Пилата,—и Имеретія тоже наша, хотя тамъ и былъ недавно царь Соломонъ, свой царь, подобно іерусалимскому.

Къ вечеру «Орфей» возвратился въ Сухумъ.

XVIII.

Два слѣдующіе дня въ Сухумѣ шли приготовленія къ походу подъ Соуксу, а въ ночь съ 19-го на 20-е іюля отряды были посажены на фрегатъ «Спѣшный» и на бриги: «Орфей», «Меркурій» и «Ганимедъ». Всего было посажено на суда восемьсотъ человѣкъ съ однимъ полевымъ орудіемъ.

Въ то время, когда суда, вытянувшись въ линію, двинулись по направленію къ Пзирехвѣ и Соуксу, изъ Сухума берегомъ, по тому же направленію, двинуть былъ отрядъ въ четыреста человѣкъ егерей, подъ начальствомъ артиллерійскаго капитана Линденфельда. Движеніе это было просто демонстративное. Надо было показать неприятелю, что намѣреніе отряда—взять завалы у урочища Пзирехвы; на самомъ же дѣлѣ егеря должны были развлекать вниманіе враговъ, не допускать ихъ къ сосредоточенію, и, не вступая въ дѣло, вечеромъ же воротиться въ Сухумъ. Солдатики пронюхали это, и потому шли совершенно какъ на прогулку, услаждая слухъ своихъ офицеровъ пѣснями.

— А не хватить ли, ваше благородіе, про «мирзира»?—спрашивалъ любимый всѣми запѣвало Кучинъ у своего ротнаго командира.

— Про какого «мирзира»?—улыбнулся офицеръ.

— Про турецкаго.

— А! про визиря турецкаго? Ладно, катай.

Кучинъ, повернувшись лицомъ къ колоннѣ, сдѣлалъ знакъ пѣсенникамъ и началъ. Его дружно подхватили, и эхо горъ вторило солдатскому хору, который выкрикивалъ:

Не дубровушка шумить—
 Турка поваломъ валить;
 Не асѣнь соколъ летить—
 Напередъ мирзиръ катить,
 Вострой сабелькой грозить.
 Енералы испужались,
 Кой-куда всѣ разбѣжались;
 А солдатки стоятъ,
 Таки рѣчи говорятъ;
 —Намъ-отъ некуда дѣваться—
 Пришло времячко стражаться...

— Ну, хорошо же вы аттестуете своихъ генераловъ, — засмѣялся офицеръ: — всѣ генералы разбѣжались!

— Что жъ, ваше благородіе, — оправдывался Кучинъ: — изъ пѣсни слова не выкинешь... Не мы ее сложили.

Между тѣмъ, эскадра съ десантомъ, поровнявшись съ ауломъ Пзирехва, гдѣ находились самые недоступные завалы, весь день лавировала въ виду ихъ, привлекая вниманіе непріятеля, который стягивалъ сюда главныя силы, ожидая нападенія и съ моря, и съ суши. Все видимое пространство берега пестрѣло и волновалось, какъ живое море: въ воздухѣ развѣвались знамена, на солнцѣ блестѣло оружіе, мельками черныя бурки, зеленыя и ярко-желтыя чухи, рыжіе башлыки, бѣлыя и черныя папахи, слышалось ржаніе лошадей. День клонился уже къ вечеру, а блокированіе заваловъ не начиналось. Видно было, какъ отъ времени до времени вдоль берега скакали всадники по направленію къ Сухуму, а потомъ снова

возвращались къ заваламъ. Непрiятель былъ увѣренъ, повидимому, что паденiе съ моря замедлено ожиданiемъ прибытiя сухопутнаго отряда. А онъ былъ еще такъ далеко. Непрiятель успокоился, когда наступила ночь. Между тѣмъ, подъ прикрытiемъ ночи, эскадра, потушивъ всѣ огни, чтобъ не было видно ея движенiя, тихо потянулась къ намѣченному для высадки урочищу Эйлагу.

— Они, кажется, ничего не подозрѣваютъ, — замѣтилъ Перелешинъ, вглядываясь въ скалистыя очертанiя берега.

— О, не говорите, — возразилъ Горчаковъ: — Арсланъ-бей — старая лисица; у него непрерывная цѣпь пикетовъ идетъ вплоть до Соуксу. Если у него и сосредоточены главныя силы у заваловъ Пзирехвы, то и остальной берегъ не обнаженъ отъ защиты; а коль скоро взойдетъ луна — а она скоро должна показаться — то онъ замѣтитъ исчезновенiе эскадры и пойметъ нашъ маневръ... Тогда намъ придется считаться съ нимъ у Эйлагу: счеты будутъ жаркiе.

Опасенiя Горчакова оправдались. Едва начало свѣтать, какъ берегъ у Эйлагу уже весь былъ покрытъ волновавшимися массами непрiятеля. Въ воздухѣ полоскалось и пурпуровое знамя вмѣстѣ съ прочими. Не смотря на это, Горчаковъ приказалъ спускать гребныя суда и сажать въ нихъ десантъ. Посадка совершилась въ полномъ порядкѣ, и суда выстроились въ линiю.

— Молись Богу, ребята! — прошелъ по гребной флотилiи зычный голосъ князя Абхазова.

Всѣ перекрестились... Кому-то придется лечь навѣки у этого негостепрiимнаго берега?..

— Съ Богомъ! — скомандовалъ самъ Горчаковъ, и суда,

дрогнувъ отъ зачерпнувшихъ воду весель, быстро понесли къ берегу.

Въ ту же минуту со всѣхъ четырехъ кораблей загремѣла убійственная канонада. Удары были такъ дружны и ложились съ такой поразительной мѣткостью; ядра вырывали въ густой массѣ непріятеля такія вѣяющія прогалины, что берегъ въ нѣсколько минутъ уже представлялъ завалы изъ труповъ, которыхъ поражаемые не успѣвали подбирать и уносить. Гулъ отъ орудій смѣшивался съ криками, воплями и проклятіями защитниковъ своей земли, и подъ эту адскую музыку десантъ все ближе и ближе подплывалъ къ берегу, окраина котораго уже чернѣла рядами гребныхъ судовъ и темными киверами солдатъ. Непріятель понялъ, что сопротивленіе невозможно, и дрогнувшія нестройныя толпы его, подбирая убитыхъ и раненыхъ, стремительно обратились въ бѣгство, пользуясь прикрытіемъ вѣкового бора, темною рамою окаймлявшаго съ трехъ сторонъ береговую линію урочища Эйлагу. Когда солдаты, покинувъ доставившія ихъ къ берегу гребныя суда, съ крикомъ «ура» бросились впередъ, поле битвы было уже пусто, и только тамъ и сямъ валялись оброненныя въ бѣгствѣ бурки и папахи, да береговой песокъ и трава темно-багровыми пятнами и цѣлыми лужами крови кричали о томъ, какая совершена была здѣсь человѣческая гекатомба. Но медлить было нельзя. Непріятель послѣ первой паники могъ опомниться и трехтысячною массою своей могъ задавить горсть храбрецовъ, очутившихся на берегу безъ всякаго прикрытія. А потому Горчаковъ приказалъ отряду тотчасъ же укрѣпляться—дѣлать завалы изъ бревенъ и срубленныхъ деревьевъ, которыми загромождена была дорога, ведущая

вдоль берега къ Соуксу и къ Пзирехвѣ; ограждать камнями и, гдѣ можно, окапываться. Въ то же время фрегатъ «Спѣшный» и бриги «Меркурій» и «Ганимедъ» были отправлены имъ въ Сухумъ за остальными войсками.

— Послѣ первой встрѣпки, врагу не слѣдуетъ давать передышки, — сказала Горчаковъ, провожая Корнилова къ эскадрѣ. — Онъ или на насъ насядетъ въ порывѣ ярой злобы, или постарается сорвать свое посрамленіе на Соуксу. Я изучилъ этотъ народецъ: какъ скорпіонъ, окруженный огнемъ, онъ самъ себя жалитъ смертельно.

Но нападенія со стороны Арсланъ-бея ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій не было, а между тѣмъ на разсвѣтъ 23-го іюля уже бѣлѣлись въ морѣ паруса фрегата и бриговъ съ отрядомъ изъ Сухума.

— Смотрите, Петръ Петровичъ, какой громадный орелъ кругами плаваетъ надъ нами, — сказала Перелешинъ, указывая доктору на гигантскую птицу, плавно скользившую по спирали въ утреннемъ воздухѣ: — есть примѣта, что это — къ побѣдѣ.

— Да, римляне вѣрили этой сказкѣ, — отвѣчалъ старикъ, щуря на орла свои подслѣповатые глаза. — А кому онъ сулитъ побѣду, намъ или имъ — это еще вопросъ: вѣдь и они тамъ, чай, видятъ его. Да притомъ орловъ здѣсь такъ много, что побѣдъ не оберешься.

— Такъ-то такъ; а вотъ — говорить — надъ Бородинымъ передъ битвой пролеталъ орелъ, и это ободрило войска, — возразилъ Перелешинъ.

— Ну, можетъ, и ободрило... Вѣдь подъ Москвой орлы на рѣдкость, а здѣсь они словно галки.. Да и подъ Бородинымъ выгорѣло ли намъ? Да и кому выгорѣло-то?

— Уже вы, известно, Ома невѣрующій,—махнулъ рукою Перелешинъ.

— Да, невѣрующій въ святость войны: она—грѣховное дѣло и придетъ время, когда люди осудятъ ее, а вождей народа, начинающихъ ее, будутъ, по суду другихъ народовъ, сажать въ остроги, какъ простыхъ убійцъ и разбойниковъ на большихъ дорогахъ... Эхъ, да что для глухихъ музыка!

Когда прибывшій изъ Сухума новый отрядъ высадился на берегъ, Горчаковъ сдѣлалъ такое распоряженіе:—чтобы замаскировать истинное свое намѣреніе и сбить съ толку непріятели, онъ приказалъ фрегатѣ «Спѣшному» и бригамъ «Меркурію» и «Ганимеду» тотчасъ же, минуя Соуксу, слѣдовать къ Пицундѣ, гдѣ и сдѣлать ложную высадку.

— Пицунда для Арсланъ-бея очень дорога, какъ послѣднее его убѣжище въ Абхазіи,—пояснилъ Горчаковъ Нахимову.—Чтобъ помѣшать вашей ложной высадкѣ, онъ пошлетъ туда часть своихъ войскъ и тѣмъ ослабитъ главныя свои силы; а тутъ-то я на него и нагрюну.

— Мокрымъ рядомъ, какъ говорятъ мои матросы хохлы,—улыбнулся Корниловъ.

— Или какъ снѣгъ на голову, какъ говорятъ мои солдатики,—сказалъ Горчаковъ:—этотъ снѣгъ и охладитъ ихъ горячія головы.

Дѣйствительно, когда «Спѣшный» и оба помянутые брига двинулись къ Пицундѣ, то они не могли не замѣтить, что отъ толпы абхазцевъ и черкесъ, окружившихъ Соуксу, отдѣлилась значительная партія съ двумя знаменами и потянулась по направленію къ Пицундѣ. Въ то же время отряды князя Абхазова и капитана Линден-

фельда, подъ общимъ начальствомъ князя Горчакова, предшествуемые музыкой и пѣсенниками, пошли прямо на Соуксу. Пѣвучее горло Кучина при этомъ отчетливо выговаривало:

Вотъ и рѣчка, вотъ и бродъ,
Черезъ рѣчку переходъ,—
Ай казна, ай ма-а-лина!

Послышались выстрѣлы, но нерѣшительные, одиночные, и снова умолкали. Движенію отрядовъ препятствовали деревья, которыми загроможденъ былъ путь, но и они не остановили наступающихъ.

Но вотъ и Соуксу. Здѣсь непріятель рѣшился, повидимому, на отчаянное сопротивленіе. Изъ каждой сакли, которая осталась не разрушенною раньше, изъ садовъ, изъ виноградниковъ, даже съ деревьевъ, на которыхъ засѣли отчаянныя головы,—со всѣхъ сторонъ зажужжали пули. Но солдаты мужественно прошли площадь огня, и со штыками на перевѣсъ, съ криками «ура», ринулись впередъ, въ самую гущину скопища.

— Ура! ура!—послышалось вдругъ въ тылу у непріятеля.

Это гарнизонъ Соуксу, —сдѣлавъ неожиданную вылазку, съ юнымъ княземъ Михаиломъ и Марачевскимъ во главѣ,— обрушился на нападающихъ съ тылу. Михаилъ Георгіевичъ, казалось, ничего не видѣлъ. Махая саблею направо и налево, онъ бѣжалъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ моталось въ воздухѣ пурпурное знамя, а подъ нимъ на бѣломъ конѣ грозно высилась величественная фигура его дяди. Но вдругъ знамя дрогнуло, зашаталось, —зашатался на сѣдлѣ и Арсланъ-бей. Все смѣшалось въ какой-то хаосъ криковъ, стонувъ...

— Вот же тебѣ, дьяволенокъ, нна!—услыхалъ онъ хрипый голосъ стараго Сукачева,—и когда добѣжалъ до того мѣста, то Арсланъ-бея ужь тамъ не было, а около бывшагося на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ прекраснаго бѣлаго коня лежала на землѣ... Эсма-ханумъ!.. Старый Сукачъ стоялъ тутъ же и вытиралъ пучкомъ травы свой окровавленный штыкъ.

— Теперь не уйдешь—баста!—ворчалъ онъ.

Михаилъ Георгіевичъ все понялъ.

— Что ты надѣлалъ?—крикнулъ онъ, и припалъ къ распростертой на землѣ красавицѣ.—Ханумъ!.. милая... дорогая моя... Она въ обморокѣ...

И схвативъ на руки, какъ малаго ребенка, онъ понесъ ее, ища доктора и цѣлуя ея похолодѣвшія губы, щеки, волосы. Навстрѣчу ему попались Петръ Петровичъ и другой докторъ, Булатъ-Аліевъ, въ сопровожденіи солдатъ съ носилками.

— Ради Бога спасите ее!—говорилъ, задыхаясь, юный Шервашидзе.

— Кто это? кто?.. Кладите осторожно на носилки,—заторопился Петръ Петровичъ.

— Эсма-ханумъ!—съ испугомъ воскликнулъ Булатъ-Аліевъ:—опять она...

Онъ нагнулся къ ней, щупалъ пульсъ и дрожащими руками разстегивалъ пунцовую чуху у нея на груди.

Разстегнулъ, открылъ... Ниже лѣваго соска чернѣла трехгранная штыковая рана. Эсма-ханумъ была мертва.

— Бѣдная, бѣдная малютка!—тихо говорилъ Петръ Петровичъ, съ глубокою горестью смотря на милыя черты покойницы.—На то ли мы спасли тебя отъ смерти? Бѣдная!

Князь Михаилъ Георгіевичъ тихо плакалъ.

XIX.

Арсланъ-бей потерпѣлъ жестокое пораженіе. Онъ самъ былъ раненъ, и приближенные насильно увели его изъ огня, а тѣ, которые хотѣли унести Эсма-ханумъ, были всѣ переколоты на мѣстѣ. Юный Шервашидзе и князь Горчаковъ распорядились похоронить ее съ почестями, сообразно ея высокому сану, и, въ уваженіе къ ея удивительной храбрости, всю ея наскоро вырытую могилку и бѣлую бурку, въ которую ее завернули,—все это усыпали живыми цвѣтами.

Тотъ, кто убилъ ее, тотъ и могилку выкопалъ своей жертвѣ—это былъ старый Сукачъ. Онъ копалъ ее вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, рыбымъ Кудряшемъ.

— Что-жь,—говорилъ старикъ, не то грустно, не то угромо, качая сѣдою головой:—не я убивалъ ее, а присяга... Коли-бъ и родная мать моя была на мѣстѣ этой рыженькой,—и мать бы не пожалѣлъ, потому—присяга.

А потомъ, глядя на блѣдное личико мертвой, все обрамленное цвѣтами, онъ не разъ смахнулъ съ рѣсницъ навоильную слезу.

— Младешенька... словно херувимчикъ... а я вотъ, старый, живу...

Послѣ похоронъ Эсма-ханумъ, князь Горчаковъ на военномъ совѣтѣ предложилъ вопросъ:—какъ поступить съ исторической резиденціей владѣтелей Абхазіи, этимъ

гнѣздомъ всѣхъ несчастій и преступленій славнаго рода князей Шервашидзе?

— Здѣсь, въ Соуксу, — говорилъ онъ, — въ этомъ гнѣздѣ несчастій, положено начало кровавой распри между доблестнымъ Келешъ-бекомъ и его недостойнымъ, преступнымъ сыномъ, Арсланъ-беемъ. Здѣсь, въ Соуксу, этотъ послѣдній влодѣйски лишилъ жизни своего престарѣлаго отца. Здѣсь же этотъ гнусный отцеубійца предательски отравилъ своего родного племянника, князя Дмитрія Георгіевича, законнаго владѣтеля Абхазіи. Здѣсь же, не далѣе какъ сегодня, этотъ шакаль своей родной страны, этотъ выродокъ изъ рода Шервашидзе, намѣревался отнять власть и жизнь у другого своего племянника, у его свѣтлости князя Михаила Георгіевича, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ своемъ влодѣйскомъ замыслѣ, если-бъ въ помощь законной власти не подоспѣли побѣдоносныя войска государя императора... Соуксу — продолжалъ Горчаковъ — ненадежный пунктъ для защиты страны и правъ ея владѣтелей: — укрѣпленія Соуксу непрочны, помѣщенія для гарнизона недостаточно обширны, крѣпостныя вооруженія слабы, — а главное — этотъ пунктъ лишенъ воды. Для блага Абхазіи, на пользу законной власти въ родѣ князей Шервашидзе, я предлагаю пожертвовать этимъ пунктомъ — предлагаю разрушить древнюю резиденцію владѣтелей Абхазіи — разрушить, сравнять съ землею Соуксу!

Всѣ слушали безмолвно. На глазахъ юнаго владѣтеля Абхазіи блеснули слезы. Разрушить Соуксу, это родовое гнѣздо его предковъ, колыбель его невиннаго дѣтства, съ которою связано такъ много воспоминаній!.. Но здѣсь —

слѣды и память преступленій, слѣды и память позора въ его родѣ. Горчаковъ ждалъ отвѣта.

— Да, князь, — вы правы, — съ дрожью въ голосѣ сказала Михаилъ Георгиевичъ. — Пусть исчезнетъ съ лица земли Соуксу!

— Я радъ, что ваша свѣтлость поняли меня, — сказала Горчаковъ, протягивая ему руку. — Этой жертвы требуетъ отъ васъ государственная мудрость. Прикажите же собрать все, что въ вашемъ дворцѣ есть цѣннаго и достойнаго сбереженія — дворцовое имущество, утварь, посуду, серебро, драгоценности — все фамильное, — и мы все это тотчасъ же отправимъ обовомъ и на судахъ въ Сухумъ, куда, по уничтоженіи вашего стараго, негоднаго гнѣзда, немедленно отправимся и сами къ вашей матушкѣ.

Предложеніе князя Горчакова тутъ же одобрено было княземъ Абхазовымъ, Нахимовымъ, Перелешинимъ, Марачевскимъ и Линденфельдомъ, и пока изъ наследственнаго дворца князей Шервашидзе выносили и укладывали на арбы ихъ имущество и всякую утварь, солдаты соединенными усиліями разрушали стѣны осужденной на смерть крѣпости, предавали огню все воспламеняющееся, ломали и жгли сакли и духаны, такъ что къ пяти часамъ дня бывшая резиденція владѣтелей Абхазіи представляла безпорядочную груду развалинъ.

Покончивъ съ разрушеніемъ Соуксу, отряды отошли отъ развалинъ, все еще дымившихся, и расположились лагеремъ вдоль морского берега въ виду догоравшей столицы Абхазіи. Солдаты, какъ только солнце погрузилось въ море, развели костры и, усѣвшись вокругъ нихъ группами, завели вѣчные рассказы о походахъ да о военныхъ приключеніяхъ. Больше всего скучилось солдатиковъ около

костра стараго Сукача. Да и не удивительно—онъ разсказывалъ о «французѣ», о двѣнадцатомъ годѣ.

— Ты бы, дядя, про вдову разсказалъ,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— И то про вдову, дядя,—поддержали другіе.

— Да что про вдову-то? Это пѣсня:—а у меня горло старо для пѣсни,—отозвался старикъ.

— Да ты не пой, а разскажи; ужь больно она чувствительная.

— Ну, ладно, ребята... Начинается она такъ: «Все солдатики уланы, лошадушки все буланы,—гдѣ вы были побывали?—Мы подѣ городомъ стояли, подѣ Московою воевали, мы Московою проѣзжали, во слободку заѣзжали. Во слободкѣ одинъ дворикъ, одинъ дворикъ, и тотъ вдовій. Ко вдовѣ мы заѣзжали, ночевать у ней просились: пусти, вдова, ночевати, ночевать насъ постоять,—насъ солдатухекъ немного:—полтораста—все на коняхъ, подтретьяста—пѣшеходовъ. Намъ вдовушка отвѣчала, ночевать насъ не пускала:—дворикъ у меня маленекъ, нова горенка тѣсененька. — Мы, солдатухи, смѣленьки—во дворъ силой ворвались, во избушку взобралися,—во избушку взобралися, и посѣли всѣ по лавкамъ, всѣ по лавкамъ, по порядку. А большой гость впереди сѣлъ, впереди сѣлъ подѣ окошккомъ; а вдова стоять у печки, поджавъ рученьки къ сердечку. Какъ большой гость слово молвить, рѣчь говорить:—ты давно-ль, вдова вдовѣешь, а и много-ль сиротѣешь?—Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать, сиротѣю съ годовъ двадцать.—Подойди, вдова, поближе, поклонись гостямъ пониже, и сними съ меня ты шляпу, шляпу мою пуховую, пуховую-полковую:—что не въ ней ли полотенце, не твое ли рукодѣлье? Въ полотенцѣ узе-

лочекъ, въ узелочкѣ перстенечекъ,—то не нашъ ли обручальный?—Какъ пошла вдова по снѣжамъ, будить вдова милыхъ дѣтокъ:—вы вставайте, милы дѣтки,—что приѣхалъ вашъ родитель, вашъ родитель, мой сожигатель.— Не ходи, вдова, по снѣжамъ, не буди ты милыхъ дѣтокъ:—мнѣ не вѣкъ здѣсь вѣковати,—только ночку ночевати.

— Э-э-эхъ!—послышался тяжелый вздохъ среди слушателей:—ужь и жисть наша—что перекаати-поле.

Время шло. Костры мало по малу догорали, и сонъ уже господствовалъ надъ лагеремъ. Все утомленное дневными трудами спало подъ темнымъ небомъ Абхазіи. Не прекращались только оклики часовыхъ. Долго не спалъ князь Михаилъ Георгиевичъ, съ глубокою тоскою поглядывая, какъ во мракѣ ночи дотлѣвали развалины столицы его предковъ... Такъ Богу угодно... Но и его одолевъ сонъ. Онъ не у развалинъ Соуксу, а на Елизаветинской горѣ, около Кисловодска. Тутъ и братъ Димитрій, и княжна Варвара Павловна, и князь Голицынъ, и маленькая Катя, и Сережа, и Григорій Ивановичъ. Вдали—зубчатые гребни кавказскаго хребта и снѣжная вершина Эльборуса. Слышно, какъ въ горахъ вѣтеръ стонетъ... «Это не вѣтеръ,—говоритъ Григорій Ивановичъ:—смотрите туда, на Эльборусъ... Видите тамъ гигантскія очертанія человѣка?—Это онъ стонетъ:—это Прометей... Видите, какую исполинскую тѣнь отъ заходящаго солнца бросаютъ его обращенныя къ небу скованныя руки, его голова и распростертыя надъ нимъ крылья исполинской птицы? Это орелъ Юпитера»... Но вотъ солнце зашло, и страшные стоны умолкли... Скоро въ небѣ, надъ ихъ головами, послышалось могучее вѣяніе вѣтра. Всѣ глянули на небо:—тамъ, высоко, въ темнѣющемъ небѣ летѣла

исполинская птица, направляя свой полетъ на сѣверъ... Это былъ невиданной величины орелъ, но только—удивительно!—съ двумя головами...

На этомъ кончается наше повѣствованіе.

Княжна Варвара Павловна долго оплакивала свою первую любовь, вспоминая то скамейку на берегу тихой Славянки, то свое счастливое пребываніе въ Кисловодскѣ. Но потомъ всесильное время наложило тѣни на прошлое счастье, мало по малу заживило острые раны молодого сердца,—и черезъ три года Варя вышла замужъ за Голицына, убѣдившись, какой онъ хорошій человекъ и какъ неизмѣнно ее любить. Катя продолжала мечтать, какъ она вырастетъ и станетъ совсѣмъ большою, и тогда выдетъ замужъ за «героя Мишу». А Сережа надѣялся самъ быть скоро героемъ и взять въ плѣнъ Арсланъ-бея.

К О Н Е Ц Ъ .

